

ББК 63.3(03)

И 88

Перевод с немецкого
С. Прилипского

Под ред. В.Л. Бернекера, Карлоса Кольядо
Сейделя и Пауля Хозера.

И 88 Испанские короли. Серия «Исторические си-
луэты». Ростов-на-Дону: «Феникс», 1998. — 512 с.

Широкая и далеко не поверхностная панорама испанской истории в лице ее знаменитых королей увлекает и заставляет задуматься над единством и непрерывностью исторического процесса — от средневековья до наших дней.

Жанр исторической биографии позволит любознательному читателю разобраться в хитросплетениях европейской политики, которая имела значительное влияние и на жизнь России.

ISBN 5-222-00028-1

ББК 63.3(03)

© С. Н. Beck'sche Verlagsbuchhandlung
(Oscar Beck), München 1997

© 1998, перевод: С. Прилипский

© 1998, оформление: Изд-во «Феникс»

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
«Католическая королевская чета»: Изабелла I Кастильская и Фердинанд II Арагонский (1479–1504/16) <i>Марита А. Панцер</i>	17
Карл I/V (1516–1556) <i>Альфред Колер</i>	49
Филипп II (1556–1598) <i>Фердинанд Крамер</i>	85
Филипп III (1598–1621) <i>Пеер Шмидт</i>	113
Филипп IV (1621–1665) <i>Карлос Кольядо Сейдель</i>	141
Карл II (1665–1700) <i>Альбрехт граф фон Калнейн</i>	169
Филипп V (1700–1724/1724–1746) <i>Эстебан Мауэрер</i>	197
Фердинанд VI (1746–1759) <i>Рената Пипер</i>	217
Карл III (1759–1788) <i>Хорст Питшманн</i>	235
Карл IV (1788–1808) <i>Ана Герреро Латорре</i>	271
Жозеф Бонапарт (1808–1813) <i>Пауль Хозер</i>	289
Фердинанд VII (1808, 1814–1833) <i>Анхель Мартинес де Веласко</i>	311

Изабелла II (1833–1868)	
<i>Мартин Баумейстер</i>	335
Амадей I (1870–1873)	
<i>Ганс Отто Клейнманн</i>	367
Альфонс XII (1874–1885)	
<i>Сусана Суэйро Соане</i>	387
Альфонс XIII (1902–1931)	
<i>Хосе Мария Марин Арсе</i>	405
Хуан Карлос I (с 1975 года)	
<i>Вальтер Л. Бернекер</i>	423
Список первоисточников	457
Библиография	460
Об авторах	502

ВВЕДЕНИЕ

Чем в индустриальный век, когда государством и обществом управляет явно «анонимная» власть, могут заинтересовать биографии королей? Целесообразно ли заниматься отдельными жизнеописаниями перед лицом таких мощных творящих историю сил, как государство, экономические структуры и общество? Разве от томика с портретами королей и королев не веет духом прошедших эпох, когда движущей силой истории считалась, скорее, воля выдающихся личностей, чем гигантские битвы «объективных» сил?

В связи с возрастающим интересом к политической мемуарной литературе, к автобиографиям, биографиям и научно-популярным жизнеописаниям известных людей подобные сомнения представляются сугубо академической проблемой. Действительно, именно специальная наука, мало тронутая «ренессансом биографии», заговорила о «кризисе биографического жанра» и задумалась о взаимоотношении личности и объективной реальности в истории. Что касается германской историографии, точка зрения, что история является историей «великих людей», порожденной традициями романтизма и идеализма, играла и до сих пор играет в ней огромную роль. Ее высшее выражение обнаруживается в крайне индивидуализированном понимании историзма и сводится к универсальной формуле, некогда изреченной Генрихом фон Трейтшке: «Историю делают люди».

А между тем перелом в сознании после второй мировой войны, развитие социальных наук и последовавшие за этим попытки превратить историю в

Марита А. Панцер

**«КАТОЛИЧЕСКАЯ
КОРОЛЕВСКАЯ ЧЕТА»:
ИЗАБЕЛЛА I КАСТИЛЬСКАЯ
И ФЕРДИНАНД II АРАГОНСКИЙ
(1479–1504/16)**

Изабелла I, род. 22.04.1451 г. (предположительно) в Мадригале-де-лас-Альтас Торрес (Авиле), инфанта Кастильская из дома Трастамара. С 1468 г. наследница престола с присвоением титула принцессы Астурийской и (через брак) королева Сицилийская. 14.12.1474 г. коронование королевой Кастилии и Леона, объединение корон кастильской и арагонской. В 1494 г. получает от папы (совместно с Фердинандом) почетный титул «католической королевы» (Reyes Católicos). Скончалась 26.11.1504 г. в Медина-дель-Кампо, погребена в Кафедральном соборе в Гранаде.

Отец: Иоанн II (1405–1454), король Кастилии (1407–1454). Мать: Изабелла Португальская (ум. 1496). Братья и сестры: от первого брака отца с Марией Арагонской брат Генрих IV (1425–1474), король Кастилии (1454–1474); от второго брака отца с Изабеллой Португальской: Альфонс (XII) Кастильский (1453–1468), временищик, король-соперник.

Бракосочетание с Фердинандом Арагонским 19 октября 1469 г. в Вальядолиде. Дети: дочь Изабель (1470–1498), первый брак с инфантом Альфонсо Португальским; второй брак с Мануэлем, королем Португалии. Сын Хуан (1479–1497), женился на Маргарите Австрийской, дочери императора Максимилиана I. Дочь Иоанна (1479–1555), впоследствии прозванная Безумной (*la Loca*), преемница материнского титула королевы Кастильской (1504–1555), в 1496 г. была выдана замуж за Филиппа Красивого Австрийского (1478–1506), сына императора Максимилиана I, после брака Филиппа I Кастильского (1504–1506). Дочь Мария (1482–1517), выдана замуж за короля Мануэля Португальского. Дочь Катерина (1485–1536), первый раз замужем за Артуром, принцем Уэльским, второй — за королем Генрихом VIII Английским, развод в 1533 г.

Фердинанд II, родился 10.03.1452 в Сосе, инфант Арагонский, король Сицилии (1468–1516); после заключения брака Фердинанд V, король Кастилии и Леона (1474–1504, после чего регент своей дочери Иоанны), король Арагона (1479–1516). В 1479 г. в результате объединения корон Арагонской и Кастильской — Фердинанд III, король Неаполитанский (1503–1516). С 1494 г. (совместно с Изабеллой) папский почетный титул «католического короля». Скончался 23 января 1516 г. в Мадригалехо (Эстремадура), погребен в кафедральном соборе в Гранаде.

Отец: Иоанн II (1398–1479), король Арагона, Сицилии и Сардинии (1458–1479), король Наварры (1425–1479). Мать: Хуана Энрикес (1425–1468), дочь кастильского адмирала Фадрика Энрикеса. Братья и сестры: от первого брака отца с Бланкой Наваррской (ум. 1441): Карл Вианский (ум. 1461), брат,

сочетался браком с Агнес Клеве, 1457 г. король Наварры. Сестра Бланка, вступила в брак с Генрихом IV Кастильским. Сестра Леонор, сочеталась браком с Гастоном IV Фуа, королем Наварры. От второго брака отца с Хуаной Энрикес — сестра Хуана, сочеталась браком с Ферранте I Неаполитанским.

Брак с Изабеллой Кастильской 19 октября 1469 г. в Вальядолиде. Второй брак с Жермен де Фуа в 1506 г. (ум. 1538).

Дети: от первого брака (см. Изабелла); во втором браке детей не было.

Юность и брак

19 октября 1469 года в Вальядолиде сочетались законным браком Изабелла Кастильская и Фердинанд Арагонский. Бракосочетание было тайным, так как совершилось без согласия правившего короля. Устроителями этого брака можно считать Иоанна Арагонского, отца жениха, и архиепископа Карильо. Официально объявив о нанесении визита матери, Изабелла тайком направилась в Вальядолид. Да и жениху пришлось добираться туда инкогнито, поскольку в Кастилии он был нежеланным гостем.

В чем же дело? Изабелла в то время была инфантой, т. е. дочерью умершего кастильского короля, не признаваемой своим сводным братом Генрихом наследницей престола. К тому же она носила официальный титул принцессы Астурийской. Генриха IV, короля Кастильского (1454–1474), в известность поставили только 8 сентября 1469 года, незадолго до решения его сводной сестры сочетаться браком с Фердинандом Арагонским. Это была грубая бесцеремонность, которая означала крушение всех брачных планов, лелеемых королем в отношении Изабеллы. Оппозиционная

партия в Кастилии, группировавшаяся вокруг архиепископа Карильо, явно усилилась за счет принцессы и наследницы престола. Немедленно оживились противники Изабеллы и ее партии. Некоторым желательно было видеть в качестве законной наследницы Хуану, оттесняемую в сторону как внебрачного ребенка и прозванную по ее якобы родному отцу Бельтранеха (la Beltraneja). Обрученные и их сторонники поэтому должны были действовать очень оперативно.

Свита жениха прибыла в Кастилию, переодевшись безобидными купцами. Эта удивительная поездка за невестой не обошлась без опасных приключений. Так, перед воротами Ортес Бурго-де-Осма путешественников засыпали градом камней, приняв их за бродяг. И наконец 14 октября 1469 года Фердинанд благополучно добрался до Вальядолида. Там, в доме Хуана де Виверо, жених и невеста впервые встретились в присутствии Карильо. Разумеется, это было не романтическое свидание, а деловая встреча. Еще через пять дней архиепископ Карильо совершил обряд венчания, без королевской пышности, в тесном кругу.

Поскольку Изабелла и Фердинанд доводились друг другу кузиной и кузенком, заключение брака требовало особого папского разрешения. Но папа Павел II (1464–1471) не рискнул его дать, так что посланник короля Иоанна вернулся ни с чем, так и не уладив дела. Однако инициаторы брака, на который возлагались такие большие надежды и в отношении которого строились великие планы, этим совершенно не смутились. Не долго думая, они сфабриковали необходимый документ в расчете получить папскую печать задним числом. Так оно, впрочем, и произошло 1 декабря 1471 года, в папство Сикста IV (1471–1484).

Почему же честолубивая, но набожная Изабелла согласилась на свадьбу при подобных обстоятельствах?

На еще не повзрослевшую принцессу строились совершенно иные брачные проекты: планировалось, между прочим, выдать тринадцатилетнюю Изабеллу за престарелого португальского короля Альфонса V. Однако брак этот так и не состоялся. Другой, нежелательный для самой Изабеллы брачный проект сорвался в 1466 году из-за скоростижной смерти жениха, дона Педро Хирон Пачеко, гроссмейстера ордена Калатравы. После этого английский король Эдуард IV предлагал в качестве возможного супруга Изабеллы своего брата.

Не остался в стороне и французский король, тут же предложивший в качестве кандидата своего брата, Шарля Гуйенского, герцога Берри. Им всем, однако, был предпочтен арагонский принц Фердинанд (бывший на год моложе невесты). Биограф Изабеллы, Лейхт, полагает, что решающей причиной этому было представление Изабеллы о своей будущей миссии. Принцесса хотела избежать политической опеки старого и опытного супруга, а в Фердинанде она видела мужа, не способного оспорить ее право на самостоятельное правление: Изабелла хотела стать самодержавной королевой Кастилии.

Еще до свадьбы, 7 января 1469 года, Фердинанд подписал договор, по которому давал обязательство во всем тесно сотрудничать с Изабеллой, совместно с ней принимать все решения, подписывать все указы вместе с королевой и признавать законной носительницей короны только Изабеллу. Таким образом, Фердинанду Арагонскому отводилась в Кастилии роль принца-консорта.

Еще в юном возрасте в характере Изабеллы отмечали упорство, основательность и богобоязненность, но и то же время самонадеянность. Во внешности ее особенно выделялись зеленовато-голубые глаза, характерные

для представителей рода Трастамара. Нежный цвет лица и золотистые волосы заставляли забыть о невысоком росте и не особенно изящном телосложении. Вероятно, в ее облике было врожденное благородство и достоинство, что и привлекало к ней.

Предположительно Изабелла родилась 22 апреля 1451 года в Мадригале-ле-лас-Атлас Торрес, близ Авилы, и была третьей дочерью короля Иоанна II и его второй супруги, Изабеллы Португальской. В четырехлетнем возрасте она потеряла отца. Поэтому детство Изабелла провела в почти монашеском уединении в Аревало, в горной Кастилии, вместе с матерью и младшим братом Альфонсом. Вдовствующая королева посвятила себя общественной деятельности, призрению бедных и больных. Однако время от времени мать Изабеллы погружалась в черную меланхолию, которая в конце концов полностью овладела ею.

Поскольку Изабеллу не рассматривали в качестве наследницы престола, воспитание не сопровождалось целенаправленным образованием. Жизнь протекала в спокойной, насыщенной религиозностью атмосфере. Инфанту обучали чтению, письму и хорошим манерам. Вышивка, которую она лучше всего освоила, стала для нее впоследствии любимым отдыхом от изнурительных государственных дел. В ее образовании была масса пробелов, так что многое ей пришлось впоследствии наверстывать самой.

В 1464 году Изабеллу вызывает к своему двору в Сеговию сводный брат, король Генрих. И это в корне меняет размеренную и скромную до этого жизнь девушки. Огненные она учится ориентироваться в придворной жизни и самоутверждаться. Кроме того, принцесса обнаруживает прекрасно укомплектованную библиотеку, которую оставил после себя ее отец-книголюб. Изабелла усердно штудировала произведения античной

классики. Но латыни, языку дипломатии того времени, она научилась лишь в 1482 году от своих учителей: монахов-доминиканцев Диего де Деза, Паскуаля де Ампудиа и Андреса де Миранда.

Видимо, при дворе Генриха IV, отличавшегося весьма фривольными нравами, Изабелле надо было запирались в келью, чтобы не быть втянутой в безудержные оргии и опасные интриги. Полученные в юности впечатления от безнадежно деградирующей монархии, должно быть, надолго оставили глубокий след в ее памяти.

Фердинанд, родившийся 10 марта 1452 года в арагонском местечке Сос в семье Иоанна II и его второй супруги Хуаны Энрикес, дочери адмирала Кастилии, был худощав, ростом ниже Изабеллы, к тому же на год ее моложе. У него было смуглое лицо, карие глаза и черные волосы. Его довольно экзотическая внешность, по-видимому, почти магнетически притягивала к себе, и в первую очередь женский пол. Уже в отрочестве Фердинанд прослыл ловеласом. Еще до брака он прижил два незаконнорожденных чада, а после женитьбы к ним прибавилось еще двое. Своего побочного сына, Альфонсо Арагонского, он сделал епископом Сарагосы, а дочь, Хуану Арагонскую, выдал замуж за дону Бернардино Фернандеса де Веласко, коннетабля Кастилии. Две его другие дочери, обе названные Мариями Арагонскими, были определены в монастырь Санта-Мария-де-Грация под Мадридом.

Объединение корон: Кастильской и Арагонской

12 декабря 1474 года посланник кардинала Мендосы сообщает двадцатитрехлетней Изабелле, пребывающей в Сеговии, о кончине ее сводного брата, короля

Генриха IV. В этой щекотливой ситуации Изабелле пришлось рассчитывать только на себя, поскольку Фердинанд находился под защитой своего отца в Каталонии. Это, однако, не помешало Изабелле завладеть кастильской короной. Она тут же распоряжается прочесть по усопшему мессу, в которой принимает участие вместе с жителями Сеговии. И спустя всего сутки, 13 декабря 1474 года, Изабелла получает из рук казначея Кабрера королевскую корону Кастилии, и сама себя коронует. Собранный городской совет Сеговии провозглашает ее новой королевой: толпа ликует, и Изабелла произносит первую в своей жизни тронную речь. Речь эта завершается формулой: «Изабелла, королева Кастилии, (и) Фердинанд, ее законный супруг». 16 декабря кортесам через курьера передается требование явиться в Сеговию, чтобы принести присягу на верность новой королеве.

Такая стремительность ошеломила не только часть кастильской аристократии, но и самого мужа Изабеллы, Фердинанда. Он тут же объявляет, что корона Кастилии по праву принадлежит именно ему. 2 января 1475 года Фердинанд въезжает в Сеговию, где Изабелла устраивает ему праздничный прием. В последующие дни между супругами и их сторонниками вспыхивает острый спор о правах королевы и ее супруга. Считая себя обделенным, Фердинанд угрожает отъездом.

Чтобы избежать надвигающегося разрыва, кардинал Мендоса и архиепископ Каррильо составляют так называемый «Сеговийский договор» от 15 января 1475 года. По нему Фердинанду гарантируется королевский титул, однако Изабелла объявляется королевой и «владелицей» государства, и за ней закрепляется исключительное право наследования. Кроме того, за Изабеллой признается верховная военная власть, регент-

ство и руководство гражданской администрацией. В отсутствие Фердинанда ей предстояло самолично определять правовую и внутреннюю политику. Впрочем, внешнюю политику Изабелла передала в ведение своего супруга и сделала это без сожалений, так как в те времена, по арагонской традиции, эта политика концентрировалась главным образом вокруг Южной Италии. И хотя благодаря таким компромиссным решениям Фердинанду удалось избежать унижительного положения принца-консорта, все же Изабелла осталась единоличной владычицей Кастилии. Тем не менее королевская чета изъявила желание во всех государственных делах выступать как одна персона. Отсюда в народе появилась следующая присказка: «*Tanto monta, monta tanto, Isabel como Fernando*», что приблизительно означает: Изабелла и Фердинанд равноценны и равнозначны. Подчеркивать мысль о единстве и неделимости должна была еще и гербовая символика: пучок стрел, цепь, ярмо и гордиев узел.

Не всем в стране понравился такой поворот событий. Начались волнения на северо-западе, вдоль португальской границы, в Эстремадуре и Андалусии. Опасность исходила прежде всего от Португалии. Воспользовавшись усилением в конце 1474 года дворянской оппозиции, король Альфонс V объявил о своем предстоящем браке с юной тринадцатилетней Хуаной Бельтранехой. Также он провозгласил ее законной королевой Кастилии.

Порядок наследования регулировался чисто теоретически: корона Кастилии наследовалась по праву первородства, причем потомки мужского пола пользовались преимуществом над потомками женского. Но Иоанн II был дважды женат. От первого брака с Марией Арагонской был сын, будущий Генрих IV, а от второго брака, с Изабель Португальской, дочь, будущая

Изабелла Католическая, а также еще один сын по имени Альфонс, временный соправитель Генриха. В своем завещании Иоанн II четко определил порядок наследования престола: наследниками первой линии были Генрих и его дети, второй — Альфонс и его дети и третьей — Изабелла. Но у Генриха IV была только одна дочь, Хуана, законность рождения которой, однако, оспаривалась. Под нажимом дворянской оппозиции 30 ноября 1464 года король Генрих IV лишает предполагаемую дочь фаворита королевы, Бельтрана (отсюда Бельтранеха), наследства и назначает наследником трона ее сводного брата Альфонса. Но уже в 1468 году Альфонс умирает. Оппозиция, успевшая провозгласить его соправителем, выступает теперь за Изабеллу. Но поскольку король Генрих IV настаивает на том, что его дочь Хуана Бельтранеха является законной, пускается в ход слух о его импотенции. Аргументы самой Изабеллы против соперницы строятся на том, что брак Генриха, ввиду отсутствия папского разрешения, — это был брак с кузиной — недействителен, а следовательно, и дети от этого брака должны быть исключены из числа престолонаследников. Ссылаясь на завещание Иоанна II, Изабелла считает свое вступление на трон совершенно законным.

Борьба за престолонаследие, начавшаяся, собственно говоря, уже с момента возведения брата Изабеллы Альфонса (XII) в звание короля-соперника в 1465 году, была, с одной стороны, соперничеством династий; с другой стороны, речь шла о положении дворянства. В последующие годы обе проблемы Изабелла решила в свою пользу. Совместно с супругом ей удалось добиться главенствующей роли монархии в государстве и закрепить это пышным великолепием двора. В 1479 году война за престол закончилась подписанием мирного Алькасовасского договора с Португалией, гарантировавшим неприкосновенность границы между Ка-

стилией и Португалией. Аннулировался также брак малолетней инфанты Хуаны (Бельтранехи) с королем Португалии Альфонсом V. Позднее Хуана ушла в монастырь, но, как и прежде, продолжала считать себя законной наследницей и королевой Кастилии.

В том же 1479 году скончался отец Фердинанда, и он стал королем, а Изабелла — королевой Арагона. С этого момента обе короны объединились в двойную монархию. Тем не менее оба королевства продолжали сохранять автономию: их институты власти, а также другие социальные и экономические структуры были полностью раздельными. В Кастилии и Арагоне даже говорили на разных языках.

Сам по себе брак между Изабеллой и Фердинандом в 1469 году не был рождением национального государства Испании. Только в 1474 году они стали королевой и королем Кастилии, а с 1479 — Арагона и Валенсии, а также соответственно графиней и графом Барселонскими. Тем самым большая часть Иберийского полуострова была объединена в двойную монархию с двумя правителями. Однако после смерти Изабеллы в 1504 году короны разделились и вновь соединились только при ее дяде Карле.

Несмотря на то, что католическим венценосцам не удалось добиться подлинного национального единения двух королевств, остальная Европа считала объединение Испании свершившимся фактом. В действительности внутри унии не существовало единства, единодушие было исключительно в вопросе сбора налогов. Во всех прочих отношениях монархии были, по существу, независимыми, а их население еще и враждебно относилось друг к другу.

В этой двойной монархии Кастилия взяла на себя роль лидера, впрочем, географически и демографически обоснованную. В 1500 году здесь проживало

примерно 6 млн. человек, тогда как Арагон не набирал и миллиона. Кастилия занимала 65 процентов территории государства католических монархов. К тому же здесь уже начинался экономический подъем. Арагон, напротив, еще в конце XV века не мог предложить базы для крупного предпринимательства, такого как, например, освоение Нового Света. Да и Гражданская война 1462–1472 годов оставила там свои разрушительные следы. Поэтому, если не считать кратковременного визита в Арагон, королевская чета жила почти исключительно в Кастилии. Для управления арагонскими делами назначался вице-король или регент, а с 1494 года также особый Совет при дворе. Католическая супружеская пара вовсе не пренебрегала Арагоном, но все же не случайно строившаяся новая Испания впредь отождествлялась именно с Кастилией.

Социальная стабилизация

Официальные придворные хроники католической королевской четы сделали из сводного брата Изабеллы импотента и политически несостоятельного короля. Тем не менее Генрих IV не бездействовал, хотя все его попытки сплотить различные фракции дворянства провалились, а старания поддержать мир политикой соответствующих союзов воспринимались как слабость. Однако сегодняшний уровень исследований пока не позволяет вынести окончательный приговор деятельности Генриха IV.

Его преемники, Изабелла и Фердинанд, стремились повысить авторитет государства и монархии и хотели положить конец властолюбивым амбициям высших сословий. Прежде всего в пользу короны был решен католическими венценосцами конфликт между монар-

хий и дворянством, впрочем, без унижения аристократии. Опору своему владычеству нашли они как в высших кругах знати, так и среди мелкопоместного дворянства, духовенства, в прослойке новой интеллигенции и среди городской верхушки.

Определенные надежды связывали с вступлением на престол Изабеллы и Фердинанда и подневольные крестьяне, страдавшие от пережитков феодализма, и городское третье сословие. Социальная политика монархов поначалу создавала впечатление, будто король и королева подстрекали эти общественные слои населения на борьбу с их хозяевами. Однако вскоре обнаружилось, что, хотя они и овладели городами, уступленными феодалам их предшественниками, они даже сами создали новые лены. В 1480 году была проведена феодальная реформа. При этом в одних случаях Изабелла и Фердинанд возмещали понесенные убытки, а в других — применяли грубую силу. Крупное дворянство не могло больше расширять свои владения до бесконечности — теперь ему приходилось больше заботиться о том, как их сохранить. Так была ограничена энергия аристократии.

Таким образом, реформа 1480 года закрепила существовавший социальный порядок и укрепила силу монархии. По подсчетам Висенса Вивеса на начало XVI столетия приблизительно 3 процента населения Кастилии владело 97 процентами земли. Наглядно проявилась эта концентрация собственности в руках благородных господ в законе о майорате 1505 года. В нем устанавливались передача наследства перворожденному наследнику мужского пола и неотчуждаемость недвижимого имущества. Эти меры убедили дворянство, что политика королевской четы не угрожает подрывом их экономического и социального главенства. И оно заключило союз с королевской властью.

Административно-правовая деятельность

Королевский совет, существовавший с 1385 года, под властью католических монархов превратился из органа, устанавливающего политические директивы, в государственно-административный орган. Уже потому, что членов Королевского совета назначали сами монархи, они не имели самостоятельности. Отныне все большому количеству представителей высшего дворянства, грандов, дозволялось занимать почетные должности при дворе. В ведении государственных дел, напротив, повышается значение королевских секретарей. Эти образованные ученые, правоведы набирались преимущественно из среды мелкого дворянства или среднего сословия. Так формировался новый образованный слой общества.

В начале своего правления Изабелла по пятницам устраивала аудиенции, на которых каждый мог подать жалобу. Она сама выносила решения. Отправление правосудия королевская чета рассматривала как личную привилегию. А посему Изабелла и Фердинанд всерьез интересовались правовыми вопросами. В их правление, в 1486 году, окончательно оформилось министерство юстиции. Также началось составление сборника правовых норм («*Ordenanzas reales de Castilla*»), который в 1484 году был полностью издан и до новой редакции 1567 года был в основе всего судопроизводства.

Были укреплены также органы управления страны, прежде всего городская община. Влияние аристократии на городские общины, нередко весьма сильные, было подорвано; был положен конец соперничеству между могущественными семейными кланами. В большинстве случаев в беспокойные районы Изабелла и Фердинанд посылали облеченных особыми полномо-

чиями представителей (*gobernadores, adelantados*) или вице-королей. К тому же в каждую часть страны назначались особые представители короны, коррехидоры. Это гарантировало независимость городов и в то же время суверенитет короны. Королевским чиновникам предоставлялись широчайшие полномочия; они стояли выше городской администрации и часто пользовались поддержкой *letrado* (юристов, законоведов). Доброй славой и высокой эффективностью административная реформа католических государей как раз обязана этим тщательно отобранным королевским чиновникам.

В XV столетии кортесы состояли только из представителей третьего сословия семнадцати привилегированных городов: Бургоса, Сории, Сеговии, Авилы, Вальядолида, Леона, Саламанки, Саморы, Торо, Толедо, Куэнки, Гвадалахара, Мадрида, Севильи, Кордовы, Хаэна и Мурсии. Высшее сословие (аристократия и духовенство) больше не принимало в них участия. Прежние кортесы представляли все слои, однако их значение неизменно уменьшалось. Теперь они выполняли лишь консультативные функции, да и то в большинстве случаев Католическая чета их просто игнорировала. В их правление кортесы собирались лишь в следующие годы: 1476, 1480, 1498, 1499, 1502, 1505, 1506, 1512 и 1515. Кортесы не обладали ни законодательной, ни исполнительной властью. Главным образом они созывались для утверждения специальных налогов, одобрения текстов законов или государственных реформ. Наконец, они все же признали официальное престолонаследие и принесли присягу.

Определенный контроль Католической чете удалось получить и над духовно-рыцарскими орденами. Хотя эти ордена оставались под юрисдикцией папы, Изабелла и Фердинанд оговорили себе право управления

ими. Со временем они обрели право непосредственного надзора над тремя важнейшими орденами и таким образом вывели их из-под влияния церкви. В 1487 и 1494 годах Фердинанд становится соответственно гроссмейстером орденов Калатравы и Алькантары; чуть позднее новообразованный «Королевский совет духовно-рыцарских орденов» наделяется функцией главного надзора над всеми тремя духовно-рыцарскими орденами и тем самым над 1 500 высшими чиновниками.

О внутренней безопасности государства заботился вновь возрожденный католическими монархами институт — «Святая Эрманда». Этот ранее городской союз самообороны в 1476 году обрел второе рождение в качестве национальной полиции и подчинялся Королевскому совету. Эрманда, первоначально замышлявшаяся для борьбы с преступниками и пресечения уличных грабежей, вскоре, однако, превратилась в инструмент королевской финансовой политики. В этом качестве она собирала деньги для военного похода против Гранадского эмирата. В 1498 году организация была распущена.

Экономическая политика

В экономической политике католические монархии покровительствовали процветающим отраслям хозяйства — скотоводству и экспорту шерсти. Поэтому Изабелла и Фердинанд оберегали Месту, могущественный союз скотоводов, объединявший крупные овцеводческие хозяйства знати и монастырей. Хотя политика привилегий Месты благоприятствовала торговле купцов и аристократии, крестьянскому сельскому хозяйству, ремеслу и перерабатывающим текстильным мануфактурам она причиняла большой вред. Так как поголовье овец в период с 1400 по 1500 годы возросло с миллиона до трех, требовались все большие

площади для пастбищ. В ход пошли уголья, ранее использовавшиеся исключительно для выращивания зерновых культур. Животноводство выдвинулось на первый план, а площади под зерновые значительно сократились, что в отдельные годы привело к голоду. Шерсть, напротив, была важнейшей статьей экспорта. Наряду с этим из баскских и кантабрийских гаваней в северные европейские страны вывозили железо, медь и вино. Ввозились при этом дорогие готовые изделия, такие как сукно.

Ладеро Кесада различает тринадцать хозяйственных зон, из которых семь богатейших находились в Кастилии, причем протянулись с севера на юг. В продолжение правления католической четы эта северо-южная ось претерпела изменения. Теперь хозяйственная деятельность плотнее концентрировалась вокруг южных портовых городов. Для облегчения торговли по указу 1496 года были систематизированы различные весовые и измерительные единицы, а денежная реформа 1497 года привела стоимость монет в соответствие с европейской маркой. Но, несмотря на все эти новшества, экономическая политика при Изабелле и Фердинанде оставалась, скорее, традиционной. Выгоднее было заниматься международной торговлей, местные же ремесла претерпевали застой. Хотя при короле Фердинанде и регентстве кардинала Сиснероса экспорт дешевого сырья и импорт дорогих готовых изделий получил новую ориентацию, предупреждавшую меркантилизм, в последующие десятилетия эта политика не была продолжена.

Церковь и государство

Католические монархи решились и на реформу церкви. В XV веке духовенство обладало высочайшим

авторитетом, огромным влиянием, многочисленными привилегиями, а также значительными земельными владениями. В Кастилии существовало четыре архиепископства и двадцать два викарных епископства, в Арагоне — три архиепископства. Согласно Аскону (Azcona) на конец XV века было приблизительно от десяти до пятнадцати тысяч церковных приходов: 150 бенедиктинских, 50 цистерцианских, 6 картезианских, 30 иеронимитских, а также несколько францисканских и доминиканских монастырей, к тому же еще 6 премонстратенсианских и 7 августинианских монастырей. Основным источником их доходов была взимаемая с прихожан десятина. Богатейшими среди всех приходов считались Толедо и Севилья.

Духовенство также обладало юрисдикцией в качестве владельцев ленов. Однако по повелению монархов при судопроизводстве в отношении мирян преимущество отдавалось королевским судебным инстанциям. Изабелла и Фердинанд также пожелали иметь влияние на назначение епископов. Этому, однако, долгое время противился Священный престол. Только при папе Александре VI Борджиа королевской чете удалось сдвинуть этот вопрос с места. При этом были заложены основы национальной церкви, так как отныне доступ к духовным чинам и званиям стал открыт для всех иностранцев.

Некоторые представители высшего духовенства стали выдающимися слугами монархии. Среди них особо выделяются Дон Педро Гонсалес де Мендоса (кардинал и архиепископ Севильи), Эрнандо де Талавера (с 1478 года духовник королевы Изабеллы, с 1492 года архиепископ Гранады) и Франсиско Хименес де Сиснерос (с 1492 года духовник королевы, с 1495 года архиепископ Толедо, Великий Инквизитор). В кризисные времена 1506–1507 и 1516–1517 годов Сисне-

рос даже принимал на себя управление государством. С помощью этих трех духовных особ и благодаря тесному сотрудничеству католической четы и церковной иерархии сформировалось новое государственное сознание, связавшее религиозные помыслы с государственной безопасностью, стабильностью и единством.

Католические правители также попытались унифицировать религиозные убеждения. В качестве подходящего для этого инструмента в 1478 году была введена Инквизиция, призванная преследовать ересь, то есть отклонения от христианского вероучения. Она не была направлена против исповедывавших другие религии. Особенно следили за новообращенными группами населения, и прежде всего за бывшими последователями иудаизма, в чьей искренности и надлежащем отпращивании культа сомневались. Предполагалось, что иудейская вера и далее тайно исповедуется в семейных кругах и что старых культурных традиций придерживаются преимущественно женщины. Достаточно поводов для принятия Инквизицией решительных мер давало широко распространившееся доносительство. В 1483 году по представительству королевской четы папа назначил Великим Инквизитором доминиканца Томаса Торквемаду. Между 1481 и 1490 годами в Кастилии, по некоторым оценкам, были приговорены к смерти 2 000 человек; еще 15 000 новообращенных должны были покаяться.

За дело Инквизиция взялась и в Арагоне. Здесь имелся большой опыт еще со времен волнений альбигойцев в XIII веке. Однако из-за местных прав и привилегий ее деятельность здесь была сильно ограничена, и поэтому она могла выступать как инструмент королевской власти только условно. Вначале предполагалось надзирать исключительно за спасающимися

в Арагоне андалусскими новообращенными. Но фактически дело коснулось также и местных общин новообращенных. В 1487 году Инквизиция всерьез приступила к расследованиям. До 1500 года были казнены 38 человек, на 386 человек было наложено покаяние и 590 человек были осуждены заочно. С 1488 по 1500 год в Мальорке Инквизиция приговорила 257 человек. В Валенсии до 1488 года было вынесено примерно 100 смертных приговоров.

Изначально Инквизиция занималась еретиками, разоблачала ренегатство, колдовство, суеверия, богохульство и ростовщичество. Новым было то, что речь теперь шла о чисто церковном суде. Корона имела право лишь предлагать свои кандидатуры на должность инквизиторов. Другое отличие состояло в том, что процессы доводились до конца в Испании, а не в Риме, что подсудимым не были известны обвинители, что имущество арестованных тут же конфисковывалось короной и что ухудшалось также материальное положение членов семей обвиняемых и страдала их репутация. Чаще всего им грозил полных крах. Поэтому некоторые историки характеризуют Инквизицию как «гигантскую оргию грабежа», «карнавал разбойников», «проституцию религии на службе алчности». Огромной выручкой — только в одной Андалусии в 1488–1497 годах было собрано приблизительно 50 миллионов *мараведи* (133 000 дукатов) — Изабелла и Фердинанд покрыли расходы на войну против Гранады и экспансию на Средиземном море. На эти деньги также строились и содержались приходские церкви, финансировались благотворительные учреждения, а также оказывалось вспомоществование бедным.

Инквизиция, разумеется, не имела власти над приверженцами иных религиозных общин. Изгнание ев-

реев в 1492 году из королевства Кастилия, о котором, вопреки мнению Бонеса, так много говорено, не следует рассматривать именно в этой связи. Поэтому оно не может означать наличия, как утверждает Бонес, антисемитизма расистского, религиозного или социально-экономического толка. Скорее, католические монархи стояли перед выбором: обратить евреев и тем самым подчинить их аппарату надзора Инквизиции или изгнать, добившись таким образом желанного религиозного единства государства.

В Кастилии проживало около 70 000 евреев, что составляло 1,6 процента всего населения. И хотя с изгнанием евреев осуществилось внутреннее единство монархии, она заплатила за это потерей огромной части зажиточного и квалифицированного населения. В 1502 году 20–25 тысяч *мудехаров* (мусульман) встали перед выбором: обращение или изгнание. Почти все окрестились, даже и без внутреннего убеждения, попав при этом под пытливый взгляд Инквизиции. Теперь эти так называемые *мориски* (обращенные мусульмане) стали объектом всевозрастающей социально-экономической дискриминации. Но как незаменимая рабочая сила они пользовались защитой своих хозяев и скоро были оставлены в покое. Население ненавидело их меньше, чем евреев, так как мавры жили общинами, состоявшими (в различной пропорции) из дешевых батраков и искусных ремесленников. Общественное напряжение разрядилось лишь в 1568 году восстанием *морисков*, которое подавил Дон Хуан Австрийский, побочный сын императора Карла V и дочери регенсбургского бюргера Барбары Бломберг. Так что в 1608–1611 годах всем обращенным *мудехарам* пришлось покинуть Испанию. Для желаемой ассимиляции одного крещения оказалось недостаточно.

Внешняя политика

Во внешней политике Католической королевской четы различают следующие периоды: первый — 1475–1483 годы — кастильская война за престол и годы консолидации монархии; второй — 1481–1492 годы — завоевание Гранады; третий — 1494–1504/16 годы — решение неаполитанского вопроса и присоединение Наварры.

Вначале на внешнюю политику Изабеллы и Фердинанда оказывали сильное влияние арагонские интересы. И на первых порах она концентрировалась вокруг Средиземного моря и Южной Италии. Арагону с 1302 года принадлежала Сицилия, а с 1324 — Сардиния. Брак Фердинанда и Изабеллы сделал их соответственно королем и королевой Сицилии. В 1442 году дядя Фердинанда Альфонс Арагонский стал королем Неаполя. Теперь речь идет о том, чтобы укрепить династию и защитить созданный в Италии (Лодский мир, 1454) противовес французской экспансии. В 1475 году Кастилия вступает в тройственный союз — Арагона, Англии и Бургундии — против Франции. В 1495 г. создается лига между папой, кайзером, Миланом, Венецией и Испанией против турок. В том же году кастильские солдаты грабят Неаполь. Но только в 1503 году Фердинанду удается заполучить неаполитанскую корону.

Конфликт между Францией и Арагоном возникает на почве спора о Наварре. В 1512 году Фердинанд аннексирует Южную Наварру для Кастилии. В 1475–79 годах были ограблены и подчинены короне Кастилии Канарские острова: Гран-Канария, Тенерифе и Ла-Пальма. Коренное население должно было либо принять католичество, либо идти в рабство.

Хорошие отношения с Португалией были традиционными для Кастилии, и по окончании в 1479 году вой-

ны за наследство наметился поворот к добрососедским связям, укрепленным брачно-родственными узами.

После возникновения Гранадского эмирата долина Гвадалкивира во времена Фердинанда III была завоевана христианами. Хотя Гранада, основанная арабами в VIII веке, в 1247 году и признала суверенитет Кастилии, влившись при этом в сферу ее политического влияния, Реконкиста затормозилась вследствие внутренних кризисов и пассивности кастильских правителей. Эмиры Гранады укрепляли город и завязывали дипломатические контакты в защиту своих интересов. Изабелла и Фердинанд задались целью полностью покорить Гранаду. Мобилизовав по тем временам огромное войско в 10 000 рыцарей и 16 000 пехотинцев, а также мощную артиллерию, они с 1481 года предприняли несколько военных походов на эмират. Необычайно высокие военные расходы покрывались главным образом за счет продажи индульгенций крестового похода и конфискованного Инквизицией имущества. Последний удар был нанесен в 1491 году. С весны город Гранада был плотно осажден. В нескольких километрах от него был сооружен опорный пункт под названием Санта-Фе. Воля населения к сопротивлению постепенно слабела. Тем временем эмир Боабдил тайно вел переговоры с Изабеллой и Фердинандом о сдаче города, которая наконец последовала 2 января 1492 года. 6 января 1492 года католическая королевская чета переехала в Гранаду. Это был крупнейший успех. После присоединения Гранады было устранено самое серьезное препятствие на пути государственной концентрации на Иберийском полуострове.

Возобновление Реконкисты, завоевание Гранады получает еще одно значение, считает Вонес, если принять в расчет, что война и связанное с ней строительство армии предоставили оптимальную возможность

путем знаков благоволения и раздачи земельных наделов привязать к короне новые растущие слои: идадьго и кабальеро.

Открытие Америки

Страсть к экспансии католической королевской четы проявилась в завоевании мусульманских областей Северной Африки и открытии Нового Света. После отказа Португалии Христофор Колумб (Кристобаль Колон) не видел возможности раздобыть деньги на свой проект поисков западного пути в Индию. Оставались, собственно, только три государства: Англия, Франция и Испания католических монархов. В начале мая 1486 года Колумб получает первую аудиенцию у Изабеллы и Фердинанда. Монархи создали ученую комиссию для проверки поданных Колумбом на рассмотрение планов. Комиссия, однако, пришла к негативным выводам. Но в 1491 году Колумб получает совершенно неожиданное приглашение предстать перед королевой в Санта-Фе. Несмотря на большие требования, выдвигаемые Колумбом, Изабелла оценила финансовые преимущества предприятия в случае удачи. Согласно имеющимся данным 17 апреля 1492 года королева предоставила Колумбу необходимую поддержку. Таким образом, она сыграла решающую роль в открытии Америки.

В качестве вице-короля и губернатора открытых земель Колумб доказал, что рука у него тяжелая: в оправдание своих жестоких методов завоеватели приводили необходимость обращения язычников в христианство. Однако миссионерство играло лишь роль отговорки, прикрывавшей жажду золота и власти. Находящиеся под покровительством колонистов индейцы должны были за якобы проявляемую к ним беспримерную христианскую заботу отбывать барщину

на полях и золотых приисках. Брат Бартоломео де лас Касас, «индейский апостол», начал борьбу против угнетения индейцев. Его представления о достоинстве и свободе коренных жителей повлияли на законы (1500 и 1512 годов) католических монархов, казавшиеся индейцев.

Открытие Христофором Колумбом Американского континента не отвечало планомерной политике Католической четы. Однако они позаботились о том, чтобы как можно скорее закрепить за собой свои приобретения. В 1493 году папа Александр VI поделил Новый Свет на португальскую и испанскую зоны влияния, а в 1494 году по Тордесиллясскому договору Испания и Португалия пришли к соглашению размежевать открытые миры по условной линии, проведенной с севера на юг на 370 миль к западу от островов Зеленого мыса.

Культура при Католических монархах

Ко времени правления Католической королевской четы самобытные тенденции стали проявляться и в культуре Испании. Здесь родились новые художественные формы, ярко расцветшие в последующем столетии. Темой литературных сочинений стала кастильская аристократия, стиль ее жизни, ее мировоззрение. Многие аристократы выступали в роли меценатов или даже поэтов. Интерес к литературе, трактатам и книгам, прежде всего благодаря распространению по Европе книгопечатания, рос, благо, чета правителей выступила с хорошим примером: Изабелла собрала в своей библиотеке бесценные книги и манускрипты, о чем свидетельствует дошедшая до нас инвентарная опись.

Из-за почти 80-процентной неграмотности населения и высокой стоимости книги были доступны лишь

ограниченному кругу лиц. Но в людных местах часто выступали сказители, декламаторы, песенники и актеры, предъявляя на суд необразованной публики главным образом поэтические сочинения. Эти сборники песен содержали короткие стишки, так называемые коплы, моты, виллансы, каньсоны и романсы. Особенно любимы из-за своей простоты были романсы. В 1479 году в последних сражениях войны Католической королевской четы за наследство в возрасте тридцати девяти лет погиб один из величайших поэтов испанской литературы Хорхе Манрике.

В конце правления Католических монархов с появлением рыцарского романа «Амадис Гальский» возник новый литературный жанр. В нем прославлялись героические приключения и образ жизни аристократии. Эта литература возрождала куртуазный дух и честь благородного средневекового рыцарства.

Развивался и испанский театр. Ставились утонченные развлекательные пьесы, разыгрывались духовные представления и мистерии, но также и грубые трагикомедии. С «Целестины», пьес в диалогах Фернандо де Рохаса, и диалогов Хуана дель Энсины конца XV века берет начало современная драма Испании.

Эти новые литературные события дали кастильскому языку преимущество перед другими языками государства Изабеллы и Фердинанда. Ученые и писатели равным образом демонстрировали пристрастие к кастильскому. И все же до языкового единства было еще далеко. Помимо кастильского, население продолжало говорить на каталонско-валенсийском. Напротив, арагонский почти исчез из обихода, сохраняясь лишь на крохотных языковых островках в Пиренеях. Уже с конца XV века он причисляется к мертвым языкам.

Во времена Католической королевской четы в Испанию проникает также и гуманизм. В 1487 году Иза-

белла поручает итальянскому гуманисту Петрусу Мартиру (Пьетро Мартире д'Ангиера) основать при королевском дворе школу древних языков и литературы. Был дан сильный импульс изучению, прежде всего в университетах, латыни, грамматики, литературы, но также и таких традиционных дисциплин, как теология, право, медицина и свободные искусства. Самый известный университет находился в Саламанке. К концу XV века в нем насчитывалось 7 000 студентов. В 1508 году по настоянию кардинала Сиснероса был открыт университет в Алькала-де-Энаресе. Здесь намечалось осуществить особо честолюбивый проект: издание Библии, в которой помимо текста на древнееврейском языке, содержался бы греческий и латинский переводы. Первый том вышел в 1514 году, а до 1517 года были выпущены все тома, за исключением критического приложения. Но только в 1522 году, после папского разрешения, эта «*Biblia Polyglotta Compluti*» стала доступна широкой общественности.

В конце XV века подъем переживают также изобразительное искусство и архитектура. Искусство Нидерландов оказывает влияние на живопись и архитектурный стиль Франции и Италии — на традиционные строительные формы. Отмечается слияние мавританского и позднегоготического стиля. К богато украшенным фасадам роскошно оформленных зданий добавляются эллиптические арки и колонны с каннелюрами. Возникает архитектурный стиль, который сегодня называется изабеллинским, или платереско.

Оценка «Католической королевской четы» в историографии

Еще при жизни Изабеллы и Фердинанда возник миф, в поддержке которого немалую роль сыграли

придворные летописцы. Он восхвалял Изабеллу и Фердинанда за то, что те почти из ничего создали упорядоченное, единое государство, в центре которого находилась монархия. Государственную структуру, в которой общественные группы, объединенные такими идеями, как продолжение Реконкисты и открытие Нового Света, взаимно сблизились и сплотились. Пожарованный папой в 1494 году в благодарность за завершение Реконкисты почетный титул «Католические короли» наглядно продемонстрировал внешнему миру их власть и авторитет. Благодаря свободе Изабеллы в принятии решений Колумб смог открыть Новый Свет. Благодаря своей большой политической энергии и дипломатическим способностям Изабелла и Фердинанд заложили фундамент для грядущей испанской великой державы, для «золотого века» Испании.

По мнению Лейхта, за прорыв на Иберийском полуострове из средних веков в новое время ответственна только Изабелла, тогда как Перес прежде всего отмечает гениальность Фердинанда. Еще современники различно оценивали Изабеллу и Фердинанда. В то время как гуманист Петрус Мартир отзывается об Изабелле, как о «несравненной женщине», которой не был равен ни один мужчина, а итальянец Кастильоне воспевал Изабеллу как воплощение всех политических и семейных добродетелей, Макиавелли видел в Фердинанде доблестного и лукавого «нового князя». В историографии XIX столетия Изабелла рассматривается как наиболее заслуженная половина королевской четы.

По мнению Миллера, Изабелла и Фердинанд значительно отличаются по уровню. Для него Фердинанд был человеком самым заурядным, но хитроумным политиком; в гениальности и умении управлять государством он намного уступал Изабелле. Оба, однако, и

Изабелла, и Фердинанд, во всем являлись истинными представителями эпохи Возрождения. Фердинанд и прежде отличался разносторонностью: неискренний, грубый, лукавый, жадный, подозрительный и мстительный, но энергичный, неутомимый и мужественный, в то время как в Изабелле великодушие, подлинная человечность и глубокая личная набожность сочетались с целеустремленностью, фантазией и волюнтаризмом.

Преемники Изабеллы: Иоанна Безумная, Филипп Красивый и Фердинанд Католический

Смерть Изабеллы знаменовала поворотный пункт в правлении католических монархов. Королева умерла 26 ноября 1504 года в возрасте 53 лет в Мединадель-Кампо; погребена она была в Королевской часовне в кафедральном соборе Гранады. Рядом с ней нашел последнее пристанище и Фердинанд Католический (1516 год).

Вскоре после кончины Изабеллы вновь обострились старые противоречия: создавались новые силовые группировки. На фоне ослабления монархии дворянство вновь увидело возможность добиться главенства в государстве. Андалусское дворянство, к которому примкнули аристократы других областей, встало на сторону супруга Иоанны, Филиппа Красивого, от которого ожидали крупных уступок. Но и Фердинанд нашел себе сторонников. В первую очередь за него выступали города, идадьго и духовенство. Еще он знал, что на его стороне дочь Иоанна, весьма привязанная к отцу.

К тому же его позиции укрепляло завещательное распоряжение Изабеллы. После неожиданной смерти

4 октября 1497 года инфант^a ~~и~~^а Хуан^a королева стала усматривать угрозу дальнейшему существованию монархической унии. Хотя после этого наследницей была избрана инфанта Изабелла, королева Португалии, ее смерть во время родов (1498 год) нанесла еще один удар монархии. Теперь все надежды возлагались на новорожденного Мигеля. В нем видели уже три объединенные короны: Португалии, Кастилии и Арагона. Но юный престолонаследник скоропостижно скончался в 1500 году. Теперь кандидатами на престолы Кастилии и Арагона стали инфанта Иоанна и ее супруг Филипп Красивый.

Вскоре после заключения брака в 1496 году у Иоанны проявились первые признаки психического расстройства. Она впадала в меланхолию, избегала общения с фландрским придворным обществом и страдала от сильных приступов ревности, полагая, что муж пренебрегает ею. В отличие от своей матери, Изабеллы, она не намеревалась невозмутимо сносить любовные интрижки своего супруга. Иоанна обижалась и оскорблялась, сердилась и приходила в ярость. Современники изображали Филиппа Красивого милым, кротким, дружелюбным и смышленным; это был привлекательный, спортивный, полный сил мужчина, с приятными манерами. Разумеется, не умалчивали и о его нерешительности и непостоянстве.

Когда чета наследников престола прибыла в 1502 году в Испанию, Изабелла распознала в своей дочери беспокойные признаки слабости и душевной раздражительности. Поэтому она составила завещание, в котором, хотя и назначала Иоанну своей единственной наследницей в Кастилии, все же прибавляла, что королевством от имени инфанта должен будет управлять и править король Фердинанд, в том случае, если та окажется не в состоянии делать это самостоятельно.

но. Зятя, Филиппа Красивого, в завещании королева даже не упомянула.

Поэтому в 1505 году кортесы Торо в силу завещания признали Иоанну королевой Кастилии. Однако ее супруг Филипп объявил, что регентство за свою душевнобольную жену примет на себя он, а не Фердинанд. Разумеется, ситуация в корне переменялась, когда после игры в пелот^{*} Филипп неожиданно заболел и скончался. В Кастилии после этого воцарилась анархия. Поэтому в дело вмешался кардинал Сиснерос: он попросил вернуться из Арагона Фердинанда, который за это время уже успел жениться на Жермен де Фуа, племяннице французского короля. До передачи власти ее отцу, Фердинанду, Иоанна была единственной правительницей Кастилии. Но до возвращения отца она пребывала в нерешительности, ездила с трупом своего супруга по стране и ожидала помощи от отца.

О помешательстве Иоанны до сих пор идут оживленные споры. На основании того, что Иоанна несколько раз распоряжалась вскрывать гроб своего супруга, ей даже поставили диагноз: некрофилия и некромания; а поскольку она сторонилась людского общества и часто запиралась у себя в комнате, то приписывали агорафобию. Некоторые считают, что психическое разрушение личности Иоанны было вызвано страстью к власти ее супруга и отца. Другие резко оспаривают ее душевное расстройство и пытаются подыскать ее поведению чисто рациональное объяснение. Биограф Иоанны Броуэр придерживается того мнения, что ее пылкая любовь к Филиппу, ее неуправляемость, страстный темперамент и душевная боль просто были неверно истолкованы. И все же ее отец, Фердинанд, опасаясь

^{*} Карточная игра. — Прим. ред.

за свою власть, распорядился в 1509 году отправить дочь в замок Тордесильяс под неусыпный надзор. Несмотря на это, Иоанна и дальше считалась законной королевой Кастилии, тем более что о ее низложении никогда официально не объявлялось.

Будущее королевского наследия все еще оставалось неопределенным. Хотя Жермен де Фуа, вторая супруга Фердинанда, и произвела 3 мая 1509 года на свет сына, тот умер почти сразу же после рождения. Со смертью этого ребенка короны Кастилии и Арагона переходят теперь к Карлу Гентскому, первенцу Иоанны Безумной и Филиппа Красивого, будущему императору Карлу V. Законная королева Иоанна только в 1555 году завершит в замке Тордесильяс, ставшему для нее тюрьмой, свою трагическую и горестную жизнь.

Альфред Колер

КАРЛ I/V (1516–1556)

Карл I/V, род. 24.02.1500 г. в Генте, с 1515 г. герцог Бургундский, с 23.01.1516 г. король Испании (Карл I). 28.06.1519 г. выбран королем Священной Римской империи. 23.10.1520 г. коронация в Ахене. 24.02.1530 г. папа Клементий VII коронует его императором (Карлом V). 16.01.1556 г. отречение от испанского престола, 5/7.09.1556 г. — от императорского звания. Скончался 21.09.1558 г. в Сан-Херонимо-де-Юсте, похоронен 26 сентября того же года. С 1574 г. могила находится в королевском пантеоне в Эскориале.

Отец: эрцгерцог Филипп Красивый (1478–1506), герцог Бургундский, король Испании (1504–1506). Мать: Иоанна Безумная (1479–1555). Братья и сестры: Изабель (1501–1526); Фернандо (1503–1564), преемник Карла в качестве императора (1556–1564); Леонора (1498–1558); Мария (1505–1558); Каталина (1507–1578).

Брак с Изабель Португальской (1503–1539) 10.03. 1526 г. Дети в браке: сын Филипп II (1527–1598), испанский король (1556–1598); дочь Мария (1528–1603), супруга императора Максимилиана II; Хуана (1537–1573). Внебрачные дети: от связи с Катериной ван дер Гейнст дочь Маргарет Пармская (1522–

1586); от связи с Барбарой Бломберг сын Дон Хуан Австрийский (1547–1578).

Введение

Среди испанских королей Карл I/V во многих отношениях представляется исключением: более чем при всех королях до и после него, на это правление накладывали отпечаток другие королевства. То, что Карла обычно называют Карлосом V, демонстрирует значение его распространявшегося за пределы Испании владычества. Это согласуется с исследованиями его политики в Испанском королевстве. По сути, уже современников Карла интересовали лишь некоторые этапы: вопрос его прихода к власти (1517 г.) и последовавшие восстания *комунерос*^{*}. Возможно, за этим кроется лишь выражение «национально-исторических» интересов. Прежние исследования при всем их полном интернационализме все же совершенно четко показали, что этого правителя невозможно загнать в тесные рамки национально-исторических критериев. Лишь в европейском масштабе можно оценить его личность и правление. Тем понятнее, что в Карле V привлекает необычность его жизни и деяний.

В его монаршей судьбе чрезвычайную роль сыграл случай, игра династических сил, благодаря которой Карл смог получить в свое распоряжение огромные и доньше никогда не объединявшиеся сферы господства в Западной, Южной и Центральной Европе. После него они больше никогда не входили в состав единой империи. Карл V владел Нидерландами и, помимо важнейших графств (Брабанта, Голландии, Зеландии и т.д.), ему принадлежали еще и фрейграфство Бургундия,

^{*} Члены городских общин. — Прим. ред.

Испанское королевство на Иберийском полуострове с Балеарскими островами, Сардинией, Сицилией и Неаполем в качестве вассалов арагонской короны. На время его правления приходится завоевание, колонизация и христианизация земель Центральной и Южной Америки, беспрецедентный, стоивший коренному населению этих земель огромных жертв процесс европеизации, последствия которого ощутимы и поныне.

Охотно используемое в связи с Карлом V выражение: «В моем государстве никогда не заходит солнце», выражает полноту власти императора, и его собственный девиз «*Plus ultra*», означающий «дальше, сверх этого», в сочетании с изображением Геркулесовых столпов символизирует хождение неизведанными путями, ведущими за пределы тогда еще почитаемой в качестве меры вещей античности. Создать из этих в государственно-правовом, социальном, экономическом и церковно-религиозном отношении в высшей степени различных подвластных территорий единое государство, решить организационные проблемы коммуникации и координации — едва ли было разрешимой проблемой. А о том, что у Карла были такие намерения, свидетельствуют его собственные размышления, которыми он поделился в конце правления, во время своего отречения в Брюсселе (1555). Карл утверждал следующее: «Любой из вас помнит, что 5 января 1555 года исполнилось сорок лет с того дня, когда здесь [в Брюсселе], в этом же помещении, в возрасте пятнадцати лет, я получил от своего дедушки по отцовской линии, императора Максимилиана, верховную власть над бельгийскими провинциями.

После последовавшей вскоре кончины моего дедушки по материнской линии, короля Фердинанда Католического, под мое попечительство было передано наследство, для распоряжения которым здоровье моей

матушки было слишком слабо. Семнадцати лет отроду я, таким образом, отправился за море, чтобы принять во владение Испанское королевство. В девятнадцать лет, после смерти императора, я отважился притязать на императорскую корону не для того, чтобы расширить свои владения, но чтобы иметь возможность действовать еще эффективнее на благо Германии и моих других королевств, а именно бельгийских провинций, и в надежде сохранить мир между христианскими народами и объединить их вооруженные силы для защиты католической веры против турок»¹.

Детство, династические перспективы

Родившийся 24 февраля 1500 года в Генте и окрещенный в честь Карла Великого, мальчик сразу после рождения считался будущим наследником обширного государства, разбросанного по всей Европе. В его пользу складывались непредсказуемые обстоятельства, связанные с высокой смертностью в доме Тростамара, с которым породнился путем брака отец Карла, Филипп Красивый, сын императора Максимилиана I. В рамках двойного брачного проекта Филипп в 1496 году взял в жены Иоанну, дочь Католических королей Изабеллы Кастильской и Фердинанда Арагонского. Хуан же, единственный наследник дома Тростамара, в 1497 году женился на Маргарите Австрийской, единственной сестре Филиппа. Хуан скончался еще во время медового месяца; ставшая наследницей его сестра Изабелла, выданная замуж в Португалию, умерла в 1498 году при родах сына Мигеля, который, в свою очередь, умер в 1500 году. Так что наследницей испанского престола стала Иоанна, следующая по старшинству дочь Католической королевской четы.

Перед ее сыном Карлом открылась неожиданная возможность унаследовать огромную державу. Поскольку отец Карла, Филипп, умер рано (в 1506 году), а его жившая в Испании мать, Иоанна, помешалась и была признана неспособной к управлению государством, Карл воспитывался в Нидерландах тетей Маргаритой, в духе замешанной на рыцарских представлениях о благородстве позднесредневековой бургундской культуры, в которой преобладали рыцарские турниры и охота. Духовному образованию уделялось мало внимания. По настоянию бургундских штатов, в 1515 году Карл принял на себя звание герцога Бургундского в Нидерландах. Тогда отношения с французской короной, чьими первыми вассалами традиционно являлись бургундские герцоги, были еще хорошими. Эти доставшиеся от отца, Филиппа, добрососедские отношения, похоже, поддерживались главным образом для того, чтобы без помех вступить в испанское наследство. Когда же это произошло, отношения Карла с Францией дали трещину. В отличие от своего отца, вскоре после вступления на испанский престол (1517) он занял антифранцузскую позицию.

Провозглашение королем Испании в Брюсселе (март 1516)

После смерти королевы Изабеллы (1504) в Кастильском королевстве сложилась сложная ситуация. До этого правила королева, которая на самом деле не правила, о чем всем было известно. От ее имени вначале правил Филипп Красивый, а затем Фердинанд. После смерти Фердинанда регент, кардинал Хименес де Сиснерос, предупреждал юного Карла: «Смерть Фердинанда, вашего дедушки, не дает вам никаких прав на Кастилию; любые перемены могут вызвать

восстание в стране и оскорбить чувства тех, кто, хотя поневоле признали королеву неспособной к управлению, однако не решались лишить ее права»². Поэтому при Брюссельском дворе стремились просигнализировать о вступлении в наследство католических государей путем провозглашения Карла королем Кастилии и Арагона (14 марта 1516 года). Эта попытка поставить всех перед свершившимся фактом вызвала бунт — Перес усматривает в нем «государственный переворот». Собрание кастильских кортесов в Вальядолиде еще в 1518 году напоминало, что у матери больше прав, чем у сына.

После избрания Карла императором (1519) прибавилась еще одна проблема, так как императорское звание было выше королевского и поэтому при перечислении титулов называлось первым. И все же в Кастилии должны были по-прежнему ставить имя королевы перед именем короля. Для официальных текстов был найден следующий компромисс: «Карл, божьей милостью король Римский, Иоанна, божьей милостью королева Кастилии»³. После подавления восстания *комунерос* в 1521 году (т. е. восстания ряда кастильских городов) имя Иоанны, которую ее сын пережил только на три года, исчезает полностью.

Прежде чем отправить Карла для вступления в испанское наследство, главный советник старший камергер Гильом де Круа, сеньор Шьевр, принял все мыслимые меры, необходимость которых объяснялась международным положением Бургундии и соответственно Нидерландов. Для бургундского политика крайне важны были гладкие отношения с Францией, тем более, что престиж Франсиска I после его победы в Италии, при Мариньяно, 13/14 сентября 1515 года чрезвычайно поднялся. После переговоров с Англией для обеспечения торговых интересов 13 августа

1516 года Шевре заключил с Францией Нуайонский мир. В основе его лежала договоренность о брачном союзе Карла с Луизой, годовалой дочерью короля Франциска I, которая Карлу в качестве приданого должна была принести Неаполь (которым он уже владел де-факто), и это взамен высокой годовой дани и уступки Наварры. В случае смерти Луизы ее место должна была занять другая, еще не рожденная дочь французского короля, в противном случае — Рене Французская.

Согласно К. Бранди этот договор был «иллюзорен»: «Ведь едва ли можно было ожидать, что семнадцатилетний король совершенно серьезно будет ждать еще годовалую принцессу, чтобы получить от Франции во владение в качестве приданого пусть даже и обремененный данью Неаполь, и к тому же отдать Наварру, которая и так уже была у него в руках. Но французов явно устраивал такой мнимый успех, о чем убедительно свидетельствуют письма Карла своему будущему тестю и тогдашнему сюзерену»⁴. Не вызывают поэтому удивления опасения кардинала Хименеса де Сиснероса, тем более что ему трудно было представить вассальную зависимость от Франции.

Вступление Карла на престол в Испанском королевстве (1517)

Первая встреча Карла со своим Испанским королевством произошла импровизированно — без праздничного приема, — после того как его флот причалил 17 сентября 1517 года к северному испанскому побережью в Тасонесе. На Карла и его бургундский двор — как в свое время и на его отца — поглядывали с недоверием, и его старший камергер Гильом де Шьевр и канцлер Жан де Соваж сполна ощутили на себе антипатию

испанской аристократии. Карла это, впрочем, не касалось. Но его часто попрекали незнанием кастильского языка и отсутствием наследника. Сначала он посетил в Тордесильясе свою отстраненную от управления мать, Иоанну, чтобы заручиться ее поддержкой. Затем встретился с братом, Фердинандом, который, вопреки желанию испанских кортесов, по планам Карла, должен был покинуть Испанию, что, должно быть, тогда и произошло.

В последующие месяцы шли переговоры с кортесами как в Кастилии, так и в Арагоне. Кастильские кортесы опасались занятия важнейших и самых доходных должностей бургундцами. Это относилось и к церковным приходам. Так, с большим неудовольствием было встречено предложение Шьевра выбрать его племянника архиепископом Толедо. Испанские хронисты весьма подробно сообщают о дурном настроении кортесов и духовенства из-за самонадеянного поведения бургундского двора во время пышного въезда Карла в Вальядолид и последовавших праздников и турниров. Руководствуясь мнением, что власть монархии должна быть ограничена кортесами, они хотели заблаговременно закрепить свои привилегии, во всяком случае, до того, как приносить присягу королю. Педро Руис де Виленна, член Верховного суда Вальядолида, предупреждал короля в докладной записке (зима 1516/17), что ему следует выступить за социальную справедливость, соразмерное распределение налогов и законодательные реформы.

Кортесы передали Карлу 88 статей, в которых не только повторили прежние требования, но также подчеркнули актуальность новых пожеланий. Речь шла, в частности, об эмбарго на экспорт золота, серебра и лошадей, отчуждении имущества короны, устранении несовершенств судопроизводства, ограничении пропо-

ведей отпущения грехов, возмущении против расценок духовного суда и против предоставления папой церковных приходов иностранцам. Им было важно, чтобы Карл поскорее женился и не покидал страну до рождения инфанта, обеспечив тем самым престолонаследие в Испанском королевстве. Другое важное требование заключалось в том, чтобы налоги собирали сами города, а не королевские откупщики.

Благоприятный ответ королевского правительства способствовал тем не менее одобрению кортесами ассигнований, прежде чем Карл отправился дальше, в Арагон, чтобы задержаться там на восемь месяцев для ведения переговоров с кортесами. Тем временем скончался Шьевр, и на его место в качестве главного советника был назначен Меркурино Гаттинара. На капитуле * Золотого руна в Барселоне Карл сделал важный политический жест, произведя в рыцари восемь кастильцев из знатнейших семей, одного арагонца, а также одного неаполитанца.

Выбор императора в 1519 году

Карл проследовал в Сантьяго-де-Компостела, не заезжая в Валенсию, где набирало силу движение *херманий* (ремесленных братств). По всему королевству наблюдались признаки серьезных волнений. Непопулярность короля становилась всеобщей. В Вальядолид доставили послание города Толедо. Города решились на сопротивление, когда Карл потребовал со всего королевства дань за свое коронование императором. И не случайно в Толедо поднялось восстание именно в тот момент, когда Карл V торопился из Вальядолида в Ла-Корунью, чтобы отплыть в Нидерланды и там

* Рыцарское собрание. — Прим. ред.

вступить на престол Священной Римской империи. Он бы охотнее остался в следующем году в Кастилии и Арагоне — в Вальядолиде, Бургосе, Толедо, Сарагосе и Барселоне, — если бы смерть Максимилиана в январе 1519 года полностью не изменила его планы на будущее. Предвыборную борьбу за императорство можно было начать и из Испании. При этом кандидат от Габсбургов имел бы даже преимущество: кто из жителей империи знал испанский, кому было известно положение короля и влияние кортесов? Так что габсбургской пропаганде удалось сделать из Карла серьезного соперника Франциску I.

Комунерос и хермани

Испанское королевство Карл покинул поспешно и в тот момент, когда недовольство его двором достигло высшей точки. Регентом был оставлен Адриан Утрехтский. На руку короне были социальные антагонизмы в лагере восставших *комунерос*. Симпатизировавшие им поначалу гранды вскоре отошли от руководимых мелким дворянством сообществ кастильских городов, из которых были изгнаны королевские чиновники. Целью возглавляемого городом Толедо движения (циркуляр от 8 июня 1520 года) были городской налоговый суверенитет и передача церковных приходов исключительно кастильцам; регентство также должно бы перейти к кастильцу — требование, получившее широкую поддержку.

«Дворянство не занимало в отношении этого восстания совершенно отрицательную позицию, но неоднократно возглавляло антиправительственные массовые выступления, пытаясь направить их в русло удовлетворения отдельных требований. Таким образом оно оказалось в двусмысленном положении, меж-

ду короной и городским населением. Высшая аристократия своей противоречивой политикой явно преследовала цель показать себя королевской власти единственным гарантом спокойствия и порядка в Кастилии»⁵. Корона также воспользовалась тем, что к восстанию не присоединились важнейшие города Кастилии, и особенно Арагона. Движение не приняло общеиспанского характера, да и отдельные группы не наладили связей с зарубежными державами, прежде всего с Португалией и Францией, так что восстание не пошло дальше первых шагов.

Авильская хунта 1 августа 1520 года объединяла первоначально только города Толедо, Сеговию, Саламанку, Торо и Самору (последний вскоре устранился) и представляла радикальную «революционную» линию, не признавая законной властью в Кастилии ни регента Адриана Утрехтского, ни Королевский совет. После взятия Медины-дель-Кампо и Тордесильяса (конец августа 1520 года) Кастилией стала править эта хунта, лишившая Королевский совет всех полномочий. В их руках оказалась королева Иоанна, хотя и высказавшая им симпатию, но в конце концов отказавшаяся от какого-либо сотрудничества. Этот опыт скорее послужил на пользу, чем во вред реставрации монархической власти. То же можно сказать и о переданном *комунерос* императору в Нидерланды и поддержанном также Адрианом Утрехтским Королевском контракте от 20 октября 1520 года, в котором, по существу, повторялись прежние требования к Карлу V: вступление в брак, запрещение неисконцам занимать должности при дворе, усовершенствование денежной системы, устранение злоупотреблений в «обеих Индиях» (в Америке) и т. д. Впрочем, существенные решения лежали в военной сфере, тем более что Карл не доверял своему регенту в Испании.

В вопросе о том, оставлять Карлу королевский титул или нет, силы разделились на радикальных и умеренных. К последним принадлежал Бургос, один из влиятельных городов Кастилии. Назначение коннетабля Кастилии Иньиго Веласко и адмирала Кастилии Фадрика Энрикеса (оба принадлежали к высшей аристократии) соответственно вице-королем и регентом Кастилии ускорило отмежевание дворянства от городских *комунерос*. В 1520 г. верные королю войска отвоевали Тордесильяс, а в апреле следующего года они одержали победу над Падильей в Вильяларе, близ Торо-на-Дуэро. Затем пали Вальядолид и Толедо. Из королевства Арагон была организована оборона королевства Наварра от французских войск. В королевстве Валенсия (включая Мальорку) *хермании* продержались до весны 1522 года. В этом регионе, в котором Карл не побывал во время своего первого посещения Иберийского полуострова, обе соперничавшие и противоборствующие группы — дворянство и цеховые *хермании* — искали поддержки короля.

В ходе борьбы против *херманий* получило широкое распространение насильственное крещение *морисков* (оставшегося в Испании мусульманского населения), работавших в дворянских поместьях. При этом с новой остротой встала старая проблема. В 1525 году Великий инквизитор Альфонсо де Манрике созвал собрание теологов, на котором было принято решение поставить *морисков* перед выбором: крещение или изгнание, и Карл оформил это соответствующим указом, который бойкотировало валенсийское дворянство. В результате в королевстве Валенсия вспыхнули восстания, так что в 1525 году Карлу не удалось добиться осуществления своего постановления. Наученный горьким опытом, Карл не стал применять подобные

меры по отношению к *морискам* Гранады во время своей поездки в 1526 году.

Еще в ноябре 1522 года в Вальядолиде император устроил явно показное судилище над *комунерос*, где было вынесено почти 300 приговоров. Отдельные члены Авилльской хунты были казнены; большинство же заплатило за политическое выступление против королевской власти своим имуществом, конфискованным в пользу жертв *комунерос*.

Годы Карла в Испании: двор, правительство и администрация

Исходя из средневековых представлений об императорстве, верховный канцлер и идейный вдохновитель, юрист из Верхней Италии Меркурино Гаттинара усматривал призвание своего господина в том, чтобы «один пастырь объединил весь мир». Несмотря на полноту власти и притязания на главенство, успехи и неудачи Карла переплетались все теснее. Мысли о всеобщем политическом единстве Европы были весьма популярны в широких кругах европейской общности, в частности в империи, так как негативные последствия затянувшегося на десятилетия франко-габсбургского конфликта сильно недооценивались. Естественно, имелись и враги «*Monarchia universalis*»^{*}, особенно в Испании, где эта идея вызывала воспоминания о временах Филиппа Красивого, который, впрочем, носился с подобными планами совсем недолго и интересовался в основном своими доходами.

При взгляде на развитие политики и власти Карла в Испанском королевстве становится заметным контраст между первоначально негативным отношением

^{*} Великая монархия (исп.).

к императорству, связанным с критическим отношением к имперской политике Карла и растущим признанием европейской значимости политики императора, и сопутствующим повышением роли Испании. За несколько последующих десятилетий Испании суждено было стать финансовой и военной сверхдержавой. Абсолютно убежденный в законности своего права на власть, Карл отклонял мнение, будто с выбором в императоры испанского короля осуществляется идея «*Translatio imperii*»⁶ в пользу Испании, как выразился епископ Руис де ла Мота. И напрасно писал конквистадор Эрнан Кортес в своем первом письме Карлу V о завоевании государства ацтеков: «Ваше Величество с тем же правом может носить титул императора этой необозримой провинции, как и императора Германии»⁶.

Карл V представлял собой законченный образец средневекового странствующего короля. Он путешествовал, можно сказать, до самой смерти. Желание быть одновременно везде было неразрешимой проблемой Карла. «Между тем личное присутствие правителя, персональное осуществление своих прав и обязанностей даже в прогрессивных режимах того времени было политической реальностью высшего ранга; институты представительства отсутствующего сюзерена слишком часто бывали ненадежными и неудовлетворительными. Чаще всего господство означало очень конкретное, личное осуществление прав на политическую власть и авторитет, и, напротив, отсутствие правителя означало поэтому скрытое ослабление, если не угрозу его господству»⁷.

Не учитывая момента вступления на престол (1517–1520 годы), Карл находился в Испанском королев-

⁶ Транслатинская империя (исп.).

стве в течение следующих лет: 1522–1529, 1533–1539 и 1556–1558 годы; отсутствовал в течение 1529–1533, 1539–1541 и 1543–1556 годов. На время отъезда императора назначались регенты и учреждались регентские советы. Карл учился на прежних ошибках и поэтому использовал свои династические возможности. Он последовательно оставлял регентами или представителями свою супругу Изабеллу, сына Филиппа и дочь Марию вместе с ее супругом Максимилианом. Связанные с этим более сотни полномочий, ограничений и инструкций объясняли формальный вид так называемых правил регентства Карла V.

Для следующих «испанских» годов (1522–1529, 1533–1539) императора верна характеристика Роаля Тайлера: «Карл действительно завоевал Испанию; но и Испания его покорила, причем настолько быстро, что он закончил свою жизнь испанцем»⁸. Можно говорить о «процессе испанизации», начавшемся в двадцатые годы и интенсивно продолжавшемся в тридцатые. Властно-правовую преемственность по отношению к Католической королевской чете Карл выразил средствами геральдики. Это было важно, поскольку его предшественники сами широко использовали это средство. Еще будучи претендентом на императорскую корону (в 1519 г.), Карл в качестве испанского короля использовал их эмблемы: стрелы и ярмо, а в «испанские годы» распоряжался вывешивать свой герб и девиз во многих местах, например, во дворце Альгамбра в Гранаде, в Алькасаре в Севилье и в университете Саламанки. Католические монархи — как и большинство европейских правителей — любили разъезжать по своей стране; так появилась эта густая сеть дворцов в Кастилии (Вальядолид, Толедо, Мадрид, Сеговия, Бургос, Тордесильяс, Медина-дель-Кампо), в Андалусии (Севилья, Кордова и Гранада) и в

Арагоне (Сарагоса, Барселона, Монсон, Тортоса, Перпиньян, Валенсия).

Карл V выучил кастильский язык и, как правило, делал своей резиденцией кастильские города и замки. Вальядолид, Толедо и Бургос, но еще и Сеговия, Авила и Мадрид попеременно пользовались императорской благосклонностью. Время от времени император разворачивал оживленное строительство. Так, в Толедо в 1537 году по проекту придворного архитектора Алонсо де Коварубиаса был перестроен городской замок Алькасар, а в Гранаде к Альгамбре Насридина пристроили целый дворец. В Мадриде Карл проживал в комплексе зданий, в котором его дочь Хуана позднее устроила королевский францисканский монастырь, известный как «Monasterio de Descalzas Reales»*. В Андалусии Карл V побывал лишь однажды, а именно во время своей свадьбы и медового месяца (1526). Женидьбе Карла на португальской принцессе Изабель (10 марта 1526 года в Севилье) предшествовали годовые переговоры его секретаря Барросо в Лиссабоне. Этот наконец осуществившийся брак свидетельствовал о преемственности его династической политики. Дружба с Португалией принесла не только кратковременное облегчение плачевного финансового положения Карла, но и дала политическое преимущество в споре с Францией.

По мнению Сандовалья, больше всего Карлу V нравилась Гранада. Это подтверждается тем обстоятельством, что здесь (в отличие от Валенсии) он пощадил мусульман. Разумеется, во дворце Альгамбра ни Карл, ни его португальская супруга не чувствовали себя комфортно. Так что для будущих посещений — которым так и не суждено было состояться — они распоряди-

* Монастырь босых королей (исп.).

лись пристроить новые покои. Впрочем, гораздо существеннее была политическая и династическая функция города и его кафедрального собора: во-первых, он стал символом ликвидации ислама на Иберийском полуострове. Во-вторых, Гранада в 1526 году играла для Карла ту же роль, «которая после этого, при Филиппе II, перешла к Эскориалу, — здесь был семейный склеп династий: в «Королевской часовне» в кафедральном соборе находятся могилы его испанских предков. В 1525 году Карл приказал перенести в нее из Тордесильяса бранные останки своего отца, Филиппа. В 1526 году он велел переоборудовать алтарный придел собора в императорский мавзолей для себя и своей семьи; при этом именно благодаря его содействию собор был перестроен в стиле ренессанса. В Гранаде была погребена в 1539 году умершая в Толедо императрица Изабель, сюда он перевез в 1546 году прах своих скоропостижно скончавшихся сыновей Хуана и Фернандо, а также невестки Марии, первой жены сына Филиппа. Позднее здесь упокоилась и его мать. Да и до распоряжения 1558 года все завещания императора содержали статью о захоронении в Гранаде. При этом высокое династическое значение этого города для императора подтверждается документально»⁹.

Хотя Гранада никогда не претендовала на роль «центра всей державы», в 1540 году здесь, около Альгамбры Насрида, было начато строительство императорского дворца в стиле ренессанса. Он должен был стать не только «одной из официальных королевских резиденций», «но и одновременно по своей концептуальности и выражению воззрений Карла V на власть своеобразным документом политической архитектуры»¹⁰.

Влияние бургундского двора на Испанию имело решающее значение. Так, был перенят и развит дворцовый церемониал: «Его веселая пестрота постепенно

сменила размеренную торжественность», символом которой было «черное платье испанца»¹¹. Изменился в те годы и состав советов: бургундцы, первоначально бывшие в большинстве, уступили под натиском испанцев. Также повысилось значение браков между бургундцами и испанцами; так, например, Генрих, граф Нассау, сменивший Шьева на посту старшего камергера Карла, взял в жены испанку из дома Мендосы.

В качестве секретарей появляются, с одной стороны, бургундец Лалеман, сеньор Буклан, а с другой — испанец Франсиско де лос Кобос. Когда в 1528 году Лалеман попал под подозрение в причинении вреда интересам императора, Кобос поднялся до первого секретаря и советника Карла в финансовых делах — лучший пример «испанизации» центральных органов власти в Испанском королевстве. Новый помощник императора «не извлекал ни малейшей выгоды из своего положения, как некогда Шьевр. Только технически ловчее подключался к финансовым источникам. Как секретарь совета по Индии он приобрел контроль над плавлением и постановкой пробы на благородные металлы и имел от этого 1 процент и приобрел столь же доходную соляную монополию, распространявшуюся также и на американские колонии, — что ему приносило гарантированные крупные доходы»¹². После смерти Гаттинара (5 июня 1530 года) духовник Карла, Лоайза, предложил назначить его секретарем по Испанскому королевству. Отныне Франсиско Кобос делил с Гранвеллем, который ведал всеми испанскими делами, обязанности умершего первого канцлера.

За этим стояло намерение больше не назначать никого на этот пост, чтобы в итоге его ликвидировать. К тому же прошло уже несколько лет после того, как великий канцлер Гаттинара в 1524 г. созданием Госу-

дарственного совета попытался «ввести институты верховных и центральных совещательных органов»¹³. Если взглянуть на структуру власти в Испанском королевстве в целом, то становится очевидным, что, за исключением института Инквизиции, не существовало ни одного органа власти, объединявшего королевства Кастилию и Арагон. Эту структурную особенность Карл перенял от своих предшественников, Католических монархов. И даже развернутая Гаттинарой в 1522–1525 годах реформаторская деятельность едва затронула центральные совещательные органы, лишь увеличила их количество. В Кастилии были Королевский совет Кастилии, Верховная палата, Финансовый совет и Высший королевский совет Индий. Королевский совет Кастилии был — как и его одноименный орган управления в Арагоне — высшим судебно-административным органом. Гаттинара попытался сузить его административную компетенцию, однако на его подсудность не посягал.

Верховная палата, которая выделилась при Гаттинаре из Королевского совета Кастилии, давала королю советы по всем внутренним делам, которые тому предстояло решать лично. Финансовый совет, в ведении которого были финансы, несмотря на все попытки сделать из него общегосударственный институт, так и остался чисто кастильским органом, хотя и способствовал унификации кастильской финансовой системы. Для организации эмиграции в Америку и торговли с этими странами еще при Католических монархах в Сенилье существовала Договорная Палата. Все же в Испании не хватало «подкрепленного органами власти руководства», что в 1524 году Гаттинара исправил созданием Высшего королевского совета Индий. Его личное председательство в этом учреждении демонстрирует значение, которое отводилось этому органу.

Прежде всего этот Совет заложил организационные основы управления испанскими заморскими территориями и тем самым попытался взять под контроль самоуправство конквистадоров. Развитие упомянутых институтов привело к «дифференцированию задач и компетенции отдельных совещательных органов»¹⁴ и повышению их эффективности.

Подъем в эпоху Карла V переживала и Инквизиция. «Уже с первого знакомства Испании с учением Лютера на основании непосредственно относящихся к этому мер правящих кругов можно установить, что реакция Инквизиции на проникновение идей Лютера была несоразмерно велика. В частности, это объясняется тем, что Инквизиция в своей деятельности зашла в тупик. Поэтому и был умело использован «призрак Лютера». В наступлении на лютеран она нашла новое поле деятельности, которым могла оправдать свое существование и в итоге даже расшириться»¹⁵. Это соприкосновение с Лютером восходит к Вормскому рейхстагу (1521): в то время как ориентированный на Эразма Императорский совет в лице Хуана де Вальдеса и Хуана де Вергара, выступавших с критикой церкви, отнеслись к Лютеру с пониманием, реакция испанских богословов была в высшей степени негативной, так как они ориентировались на мнение папы. Уже в 1521 году в Испании Адриан Утрехтский, следуя указаниям папы, распорядился запретить ввоз книг Лютера.

В последующие десятилетия Инквизиция главным образом пристально следила за северо-испанскими портами и Валенсией. И лютеран, которые, как правило, были иностранцами, до середины века почти не было. Тем не менее лютеранство стало синонимом тягчайшей формы ереси, тогда как аллюмбрадизм (религиозное течение, выступавшее за непосредственное обще-

ние верующих с Богом без посредников) и эразмизм (движение сторонников Эразма Роттердамского) преследовались меньше. Разумеется, позитивное отношение к эразмизму двадцатых годов в последующее десятилетие сменилось на негативное. После отмежевания Эразма от Лютера уважение к нему в Испании сначала возросло. Так что великий гуманист мог написать: «Я благодарен Испании больше, чем своей собственной или какой-либо другой стране». В 1527 году Альфонсо Манрике, архиепископ Севильи и Великий инквизитор, созвал тридцать два теолога в Вальядолид на консилиум, чтобы проверить список тезисов Эразма. Поскольку эта ученая комиссия так и разошлась, не придя ни к каким выводам, дальнейшие нападки на ученого были запрещены.

Впрочем, в 1538 году некоторые книги Эразма оказались в Испании в списке запрещенных Инквизицией. Такой поворот событий был тем тягостнее, что при дворе Карла приверженцев Эразма было не так уж и мало. К ним принадлежал Альфонсо де Вальдес из Куэнки, который с 1522 года состоял на службе у Гаттинары, а с 1526 года был латинским секретарем Карла и сопровождал императора в Болонью и Аугсбург. Вместе с братом Хуаном он написал диалог («*Lactancio y el Arcediano*»), содержащий едкую критику папы по поводу разграбления Рима войсками Карла V в 1527 году. Рукопись ходила по двору Карла и удостоилась гневно-го осуждения папского нунция Кастильоне как гнусный клевет.

Аутодафе (казнь еретиков) алуомбрадистов в Толедо (1529) и поход Карла в Италию в том же году отмечают перелом во взглядах богословов и Инквизиции. С Карлом V в Италию отправились последователи Эразма, и после возвращения императора в Испанию (1533) представители ортодоксального католицизма,

а также соответственно критики Эразма усилились. Отныне Инквизиция не делает различий между отдельными «еретическими» течениями, но осуждает любые из них. Выступила Инквизиция и против Хуана де Вальдеса (его работу «Dialogo de Doctrina Christiana» 1529 года Инквизиция приравнивала к ереси Лютера). До 1541 года Инквизицией было вынесено не менее 21 приговора эразмистам — поворот, который с тревогой отмечал в 1534 году Луис Вивес.

Италия и Северная Африка (1529–1541)

Со времен Католических королей как Южная Италия, так и Северная Африка представляли собой важные направления испанской средиземноморской политики. Защита арагонского наследства против французской короны определенно восходила к средневековым интересам королевства Арагон, стремившегося обеспечить себе морское превосходство в западном Средиземноморье. Усилия по овладению североафриканскими портами для контроля за действиями магрибских властителей, предпринимаемые после завершения Реконкисты (1492), диктовались интересами кастильской политики. Карл V по обоим направлениям стремился сохранить преемственность в политике своих предшественников. И все же лишь к концу двадцатых годов ему представилась возможность заняться итальянскими делами лично; с еще большей задержкой к нему пришла инициатива также и в агрессивной североафриканской политике.

После поворота в войне в Неаполитанском королевстве и в Ломбардии (1528) стала реальной поездка Карла в Италию. Свое нетерпение Карл выражал на Государственном совете и при дворе. Последнее из его

высказываний по этому поводу, в ноябре 1528 года в Толедо, передает в своей хронике Санта Крус. Однако приготовления отняли у Карла еще месяц: хотя полномочия по управлению для императрицы и указания отдельным членам Совета он оформил уже 28 апреля 1528 года, свое второе, впоследствии уничтоженное завещание император составил лишь 3 марта 1529 года при содействии Лоайса. В тот же день были готовы и должным образом оформлены последние подробные инструкции по правительственным делам. На следующий день Карл покинул Толедо, чтобы сесть на корабль в Барселоне.

Хотя Карл находился в Болонье с декабря 1529 года, папа Клементий VII ~~короновал~~ его императорской короной лишь 24 февраля 1530 года, в день его рождения. Давно уже было решено, что император должен ехать в Германию для решения вопроса о Лютере. Охотнее всего Карл нанес бы визит в Неаполитанское королевство. Так что еще 11 января 1530 года он попросил совета у своего брата Фердинанда: «Тогда пожелал я [у Фердинанда] узнать, как ему кажется, должен ли я посещать, если бы у меня было время, королевство Неаполь, если вы, вследствие недобрых настроений в Германии или отсутствия денег, столь неотложно необходимых как для вашего избрания, так и для моего дела, обнаружите, что это дело могло бы подождать, и свою поездку туда я могу перенести на позднюю осень. Коротким визитом, длившимся менее нескольких месяцев, я скорее натворил бы бед, чем сделал пользу. Но если германские дела позволили бы, это было бы в высшей степени замечательно. После этого я мог бы посетить Германию, а по окончании поехать во Фландрию, а оттуда в Испанию. Если германские дела не позволяют этого, то об этом не стоит и думать, и пусть все идет своим чередом, то есть,

вернусь ли я тогда в Испанию, так и не увидев того королевства, или снова сюда приеду, чтобы его увидеть и отсюда уж поехать в Испанию»¹⁶.

Фердинанд был в ужасе и взмолился, чтобы брат немедленно приехал в империю, что в конце концов Карл и сделал. Так что Южную Италию императору довелось посетить лишь в связи со своей антимусульманской политикой, а именно с операцией против Хайреддина Барбароссы в Тунисе (1535). Летом того же года он провел несколько дней на Сицилии (в Трапани, Монреале и Палермо). Хронист Санта Крус описывает его праздничный въезд с триумфальной аркой, торжественной символикой и лозунгами, славившими победителя Туниса: речь шла о «борце за превосходство Европы над Африкой и Азией» и «победоносном императоре Карле, отце отчизны, покорителе Африки, освободителе стран»¹⁷.

Антимусульманская политика Католической четы в Испании отразилась на мусульманских братьях по вере в Северной Африке. Те частенько промышляли пиратством, наводя страх на испанское побережье и грабя Кадис, Малагу, Мурсию и Валенсию, а также Сицилию и Неаполь в Италии. На это испанская политика со времен Католической четы отвечала оккупацией отдельных портовых городов и местностей на северном побережье Африки: на западном побережье Марокко — Санта-Крус-де-мар-Пекунья, на северном побережье — Велес де ла-Гомера; дальше — Тенес, Алжир со скалой Пеньон д'Анхель (гора Ангела), а также Делис и Бухья. Они находились под постоянной угрозой, и время от времени их приходилось сдавать. В мае 1529 года пришлось также уступить Хайреддину Барбароссе цитадель Алжира. Весной 1530 года Карл отправил генуэзский флот под командованием Андреа Дориа на операцию против пиратского гнезда

Херхель западнее Алжира. Она прошла удачно, но не затронула власти Хайреддина Барбароссы. Не смогли ничего изменить и переселившиеся окончательно на Мальту весной 1530 года иоанниты*. В 1531 году Альваро де Базан Онейне овладел на алжирской территории портом властителя Тлемсена.

Когда в августе 1534 года Хайреддин Барбаросса завоевал Тунис и изгнал Бей Мули Хасана, Карл активизировался, разумеется, сначала дипломатически: «Прежде чем предпринимать против корсаров свою первую экспедицию, тунисский поход, уполномочил он посла, посланного к королю Туниса, вступить в переговоры с Барбароссой. Тот смог бы, в случае его перехода на сторону императора, править в качестве вассала на всем или на некоторой части северного побережья Африки. Но Барбаросса приказал схватить и казнить послов»¹⁸. Последовал полный разрыв, и Карл снарядил в Испании и Италии флот, чтобы в июле 1535 года напасть на Тунис и сокрушить Барбароссу, тем более что тот сотрудничал с Францией и султаном, и мог стать серьезной угрозой испанско-арагонской политике в западном Средиземноморье.

Удачно проведенная экспедиция против Туниса была успехом флота, который был обеспечен умелым взаимодействием с сухопутной армией. Завоевание мусульманского города удалось в высшей степени хорошо использовать в пропагандистских целях по всей Европе, ведь можно было, например, указать на освобождение множества христиан. Таким образом, Карл значительно поднял свой авторитет в глазах европейской общественности. Лично для него было крайне важно отличиться в качестве полководца императорских

* Иоанниты, или госпитальеры — члены военно-монашеского ордена.

войск. «Исторически тунисская операция отмечает блестящую и в военном смысле уникальную вершину турецкой политики Карла V, одновременно также последнее наступление императора Священной Римской империи во главе европейских армий против неверных: ибо вновь на мгновение ожила идея позднего средневековья об императоре»¹⁹.

Совсем иными оказались властно-политические последствия, так как император все же не достиг важнейшей цели: захватить Барбароссу в плен и тем самым действительно лишить его могущества. Тому удалось сбежать, и он продолжал свою политику из Алжира. Когда Карл захотел повторить туниССкий триумф в Алжире, он потерпел провал из-за непогоды: часть его флота затонула при высадке десанта 25 октября 1541 года.

Значение финансовых ресурсов Испании

Большие военные расходы, еще более возросшие с тридцатых годов, с давних пор требовали заботливого внимания императора к испанским финансам. Испания и ее заморские территории все чаще служили финансовой базой европейской политики Карла. Без кастильских налогов Карл вряд ли смог бы финансировать свои войны. С двадцатых годов вырос также импорт серебра из Америки, обеспечивающий Карла платежными средствами в огромном объеме. Выкачивание ресурсов благородных металлов позволило увеличить расходы и использовать краткосрочное финансирование посредством займов. Но это вело к чрезмерно высоким государственным расходам: с середины сороковых годов государственная казна истощилась, а с осени 1555 года государству ежедневно грозило

банкротство, происшедшее наконец в 1557 году. Так что успехи и неудачи политики Карла отражались на состоянии финансовых возможностей Испанского королевства вместе с его заморскими территориями. Если свои первые войны Карл финансировал бургундскими деньгами, то с двадцатых годов впервые приобретают значение привозимые из Америки в Испанию благородные металлы; казалось, этот источник никогда не иссякнет. Поэтому всеповышающиеся расходы на содержание двора и войны никого не беспокоили. Но лишь весьма незначительная часть богатства Америки пошла на пользу промышленному развитию Испанского королевства.

Реорганизованный Карлом Финансовый совет оказался не в состоянии разработать надежные методы оценки доходов, чтобы начать экономить денежные средства. Постоянные поступления, складывающиеся главным образом из налога алькабала*, далеко не покрывали постоянных расходов, к которым часто добавлялись непредвиденные траты. Со временем последние намного превысили постоянные расходы, к которым, как правило, не причислялись затраты на выплаты по процентам. Вдобавок, со времени Католической четы, корона выпускала долговые обязательства. Они, как и выплаты по процентам и другие годовые платежи, списывались на определенные источники доходов постоянных поступлений; казначейство получало лишь остаток после покрытия обязательств.

Проведенные в 1523 году после создания Финансового совета реформы не ликвидировали этот стародавний обычай. Позднее это еще более обременило корону, так как для покрытия процентных и текущих

* 10-процентный налог с каждой торговой сделки.

платежей по долговым обязательствам перед банкирами она вынуждена была выпускать векселя на постоянные доходы. Так уплывали доходы, пока, наконец не перестали доходить до казначейства. Короне теперь приходилось занимать деньги под соответственно высокий процент в счет будущих поступлений.

Из отчета Финансового совета от февраля 1544 года становится очевидным рост задолженности — и это в то время, когда вследствие волнений в Перу импорт серебра из Америки существенно сокращается. Эта статья дохода, в период с 1534 до 1543 года приносившая в год приблизительно 252 000 дукатов, в последующие шесть лет резко сократилась до 118 000. Займы Карла в 1546 года составляли в общей сложности 2 270 000 дукатов.

В последующие пять лет доходы из Вест-Индии достигли лишь четверти той суммы, которая в целом поступала в период с 1503 по 1560 год. После Шмалькальденской войны (1546/1547) удалось ограничить займы суммой в 180 000 дукатов. «К концу правления Карл жил буквально за счет долгов, то есть ему удалось балансировать платежи только потому, что его кредиторы опасались потерять все, что отважились ему ссудить, в случае отказа от такой схемы расчетов. Но чем хуже становилось положение, тем больше делалось попыток скрыть всю правду от возможных заимодавцев. Действительная сумма задолженности и то, насколько источники дохода и основные фонды были уже заложены или проданы, утаивались от всех, за исключением небольшой группы высших чиновников. Фактически всего не знал даже ни один из членов Финансового совета, особенно о старых долгах, так как подобные знания могли стать опасным оружием в их руках»²⁰.

Смерть Изабеллы и регентство Филиппа и его братьев и сестер в Испании

После смерти супруги Карла, Изабеллы, 20 апреля 1539 года при родах седьмого ребенка, на ее место в качестве возможного регента выдвинулся Филипп. На несколько дней император уединился в иеронимитском монастыре Ла-Сисла, близ Толедо. В своих мемуарах Карл вспоминает о смерти своей жены, вызвавшей большую тревогу во всем мире, следующим образом: «Он [т. е. Карл] оказался один и ощутил сильное желание сделать все возможное, чтобы сохранить добрый мир, и хотя он должен был себе признаться, что принц, его сын, еще юн для того, чтобы в его отсутствие править и заменить императрицу, и хотя ему приписывали еще и другие сомнения, все же он прислушался к собственному доброму и чистому внутреннему голосу, призывавшему сделать то, что надлежало сделать для своих подданных, чтобы предотвратить еще большие беды для них. Так что он решился покинуть Испанию и впервые передать правление здесь в руки своего сына, принца, каким бы юным он ни был»²¹. Наделение властью двенадцатилетнего инфанта было связано с составлением того первого значительного политического завещания императора, которое, как и более поздний документ, появившийся в связи со вторым регентством Филиппа в 1543 году, дает ясное представление о надеждах, возлагаемых Карлом на сына и на будущее династии. Воодушевленный примирением с Франциском I в ходе семейных переговоров в Ницце, император уже представлял себе династический порядок в Европе под руководством обоих великих домов: Бургундского и Валуа. Императорство понималось Карлом как

естественная предпосылка преимущества дома Габсбургов. Мир в Италии должно было обеспечить постоянное господство в герцогстве Миланском одной из этих двух династий.

Открытым оставался еще вопрос присоединения Нидерландов. «Он (вопрос) приобретал значение тоже только в случае «германского решения» бургундской проблемы, когда инфанта Мария как наследница Нидерландов вышла бы замуж за старшего сына Фердинанда, тогда как ее брак с герцогом Орлеанским возобновил бы древнее право французской короны на Бургундию, как лен, передаваемый второму по рождению. Кроме того, за обоими решениями постоянно стояло еще и третье, испанское, в том числе и для Нидерландов»²². Вопрос этот, вместе с Испанским королевством и заморскими территориями, должен был унаследовать Филипп. Конечно, император колебался еще и в завещаниях от 1543 и 1544 годов относительно постоянного объединения Нидерландов с Испанией.

Инструкции в связи со вторым регентством Филиппа от 4 и 6 мая 1543 года хорошо вписываются в общий династический контекст. Одновременно в них содержались личные указания сыну в отношении доверия к Советам. Их следует оценивать как отражение политического опыта императора и можно рассматривать как «монаршее зеркало», вышедшее из-под пера монарха. Сюда же можно отнести и политическое завещание от 18 января 1548 года. Когда Филипп отправился в Нидерланды, чтобы отец смог представить его в Священной Римской империи как своего наследника, регентами в Испании были назначены 29 сентября 1548 года: Максимилиан, старший сын брата Карла, Фердинанда, и его супруга, старшая дочь Карла. В силу императорской инструкции от 23 июня 1551

года Филипп вновь принял регентство. Когда, добиваясь руки Марии Английской, Филипп отплыл в Англию для вступления в брак, то назначил (12 июня 1554 года) вместо себя младшую сестру Хуану, вдовствующую инфанту Португальскую, мать наследника Дона Себастьяна. Так что представлять отца в Испании довелось всем троим детям Карла V.

Америка

Первые годы правления Карла V совпали с решающей фазой заморской Конкисты, связанной с именем Эрнана Кортеса. Король Испании стал свидетелем невероятного увеличения государства. Столь же огромны, разумеется, были сопутствующие этому процессу властно-правовые и организационные проблемы, главным образом гуманитарные. С многоплановыми проблемами Конкисты Карл столкнулся еще на первых заседаниях Советов, и, хотя эти феномены во многом были продолжением Реконкисты, речь все же шла о порабощении и христианизации коренного населения Америки. В 1529 году Эрнан Кортес находился при дворе Карла и с ним также Франсиско Писарро, планировавший в то время завоевание империи инков в Перу. Все конквистадоры, ссылаясь на то, что действуют от имени «всемогущего императора Дона Карлоса», порабощали коренное население Америки, силой насаждали христианство и вводили кастильское право и законы, при этом сохраняя лишь часть правовой системы индейцев.

«Просто поразительно, насколько быстро, несмотря на своеволие конквистадоров, в Америке была создана функционирующая испанско-кастильская администрация. С 1500 года корона добивалась введения административной системы, подобной действующей на

ранее завоеванных Канарских островах»²³. Это предусматривало создание провинций, во главе которых стояли губернаторы, наделенные судебными-административными функциями. В военном отношении американские территории делились на военные округа. Еще до образования вице-королевств Новая Испания (1535) и Перу (1543) по образцу королевских Верховных судов Вальядолида и Гранады в Америке были созданы апелляционные суды, так называемые Audiencias: в 1511 году в Санто-Доминго; за этим последовало учреждение Audiencia в Мехико (1527), направленного против вопиющего самоуправства Эрнана Кортеса, и затем в Панаме (1535), Гватемале и Лиме (1542), Гвадалахаре и Боготе (1548). Именем Карла, естественно, основывались также новые города и перестраивались по испанскому образцу индейские.

Значение Испанской Америки для экономики Испании, и тем самым для мировой экономики состояло главным образом в поставляемых оттуда благородных металлах. Общее количество (в период с 1503 по 1660 годы) оценивается в 300 тонн золота и 25 000 тонн серебра²⁴. В основе правовых и социальных проблем лежало введение в 1503 году на американских территориях системы *repartimientos* (трудовой повинности индейцев), позднее известной как *энкоменда*. Практически *энкоменда* означала «безудержную эксплуатацию индейцев с насильственным привлечением рабочей силы, труда женщин и детей, разрывом семей, зверским террором в случае неповиновения или побега, причем часто им даже не обеспечивался прожиточный минимум питания»²⁵.

В 1512 году с принятием «Бургосских законов» была сделана попытка смягчить эту рабскую систему с помощью бюрократического контроля. Но осуществление королевских законов против произвола столкну-

лось с трудностями, связанными с большой удаленностью. Проблема приняла гигантские размеры, когда Кортес ввел эту систему в Мексике, чтобы покрыть расходы на *Конкисту*. Карл не выступил принципиально против, но попытался ограничить *энкоменду* в отношении размера дани с индейцев; с 1536 года обладатели *энкоменды* больше не имели права ее взимать.

Параллельно шла острая полемика относительно оправданности испанского владычества и жестокого обращения с индейцами главным образом между доминиканцем, епископом Чапаса Бартоломе де лас Касасом, знакомым с местными условиями, и богословами и правоведами Испании, такими как Паласио Рубиос, доминиканец Франсиско де Витория, гуманист и придворный историограф Хуан Хинес де Сепульведа. Если Паласио Рубиос и Сепульведа отстаивали законность вторжения и неполноценность индейцев в аристотелевском смысле, Витория ставил под сомнение наличие правооснований испанского господства в Америке. Лас Касас, решительнейший враг *энкоменды* и ярый критик *конкисты*, в 1540 году приехал в Испанию, где ему удалось оказать решающее влияние на издание Карлом V «Новых законов». Эти законы еще более ограничивали *энкоменду* и тем самым облегчали положение индейцев. И лас Касас, назначенный в 1543 году епископом Чапаса, стал проводить их в жизнь, несмотря на протесты обладателей *энкоменды*. Однако восстание Франсиско Писарро в Перу (1544) вынудило императора уступить. Хотя в 1549 году он запретил замену дани на трудовую повинность, практика эта продолжала существовать в отдельных латиноамериканских странах.

Таково было непреодолимое противоречие, которым отмечено развитие Америки, сколь бы необычными ни

казались публичная самокритичность и добрая воля испанской короны в XVI веке. Связанная с этим дискуссия об обращении с индейцами снова развернулась в 1550–1551 годы при дворе Карла в Вальядолиде, на этот раз между Сепульведой и лас Касасом. Поводом к ней послужил запрет на публикацию узаконивающих Конкисту тезисов Сепульведы, которого добился лас Касас от Филиппа II в 1547 году. Назначенная Карлом комиссия в своем заключении (1554) признала верной точку зрения Лас Касаса, подкрепив тем самым сомнения в законности *Конкисты* и крещения Америки.

Отречение и возвращение Карла в Испанию (1555–1556)

В пятом и последнем завещании от 6 июня 1554 года Карл закрепил для Испании престолонаследие по праву первородства по мужской линии, причем для Дона Карлоса, дяди короля, предусматривалось регентство. «Детям Филиппа и Марии предстояло править как в Англии, так и в Нидерландах, что, впрочем, не касалось дочерей. Завещание учитывало новую неслыханную возможность: объединение Англии и Нидерландов в одних руках с одновременной двойной династической связью с Империей и Испанией»²⁶.

Постоянная враждебность Франции, провал английского брачного проекта (Филипп II — Мария Кровавая) и необходимость религиозно-политического решения в Империи, обеспечивавшего длительный религиозный мир, укрепили Карла в намерении отречься от императорского и испанского престолов, а также сложить с себя звание герцога Бургундского. Церемониальные действия, собственно говоря, начались 22 октября 1555 года с низложения суверенитета орде-

на Золотого Руна. 25 октября последовала передача Нидерландов королю Филиппу в главном зале Брюссельского замка. Это знаменательное событие неоднократно описывалось. 16 января 1556 года последовала передача Кастилии, Арагона, Сицилии и земель Нового Света. 12 сентября 1556 года Карл уступил в пользу своего брата, Фердинанда, императорство. Принять отречение и утвердить императором Фердинанда курфюрсты смогли лишь в феврале 1558 года.

28 сентября 1556 года Карл высадился в Ларедо, на северном побережье Испании. Своей последней резиденцией бывший император избрал Сан-Иеронимо де Юсте, в Эстремадуре. Место это находилось на юго-западных отрогах Сьерра де Гредос с видом на долину Пласенсия. Карлу была знакома эта местность, так как он бывал здесь еще при жизни своей супруги. «Там он надеялся наслаждаться зимой солнечными деньками, а в жаркое время года свежим горным воздухом. Там была форель в реке, трюфеля, спаржа и изобилие фруктов в долине. Конечно, осень в тех краях дождлива и туманна, что довольно обычно для гор. Врачи не одобрили выбор Карла. Но на первой же встрече с ними он отказался обсуждать этот вопрос»²⁷. Лишь около 50 человек последовали за ним в Сан-Иеронимо де Юсте; хотя первоначально предполагалось значительно большее количество. Общее руководство этим миниатюрным придворным штатом осуществлял дон Луис Мендес Кихада, служивший Карлу уже более тридцати лет; еще в его состав входили секретари Карла, Ван Мале и Гастелу, а также фламандский врач Матис, механик и часовщик Джованни Торрьано (известный в Испании как Хуанелло), музыканты, повара, управляющий винным погребом, пивовар, парикмахеры и камердинер.

Переехал Карл 3 февраля 1557 года; свита не разделяла восхищения этим местом. Но климат оказал благотворное влияние на Карла; иногда он даже выезжал на охоту. Однако подагра, начавшая его мучить примерно с 1530 года, все более ухудшала его состояние; со временем и ванны и кровопускания стали приносить ему все меньше облегчения. А привычка пить холодное пиво и есть зажаренную дичь еще больше ухудшала самочувствие; и, простудившись в конце августа 1558 года, Карл V 21 сентября умер. Уже вскоре после его смерти возникла легенда, будто бы император стал монахом в Сан-Иеронимо де Юсте, жил по уставу монахов-иеронимов и присутствовал на собственных похоронах. Уже в XVII веке в эту историю поверил известный хронист Сандоваль, а в XIX веке эта легенда была вновь возрождена, причем упор в ней перенесли на типичное католическое поведение императора, который в эпоху Реформации защищал староцерковные структуры и институты.

Фердинанд Крамер

ФИЛИПП II (1556–1598)

Филипп II, род. 21.05.1527 г. в Вальядолиде. С 25.07.1554 г. король Неаполя, с 25.10.1555 г. сенъор Нидерландов и Франш-Конте, с 16.01.1556 г. король Кастилии, Леона, Гранады, Наварры, Арагона, Валенсии, Сардинии, Мальорки и Сицилии, с 1.02.1580 г. король Португалии. Скончался 13.09.1598 г., погребен в королевском пантеоне в Эль Эскориале.

Отец: Карл I (1500–1558), король Испании (1516–1556), император Священной Римской империи (1530–1556).

Мать: Изабелла Португальская (1503–1539). Братья и сестры (кроме умерших в младенчестве): Мария (1528–1603), с 1548 г. супруга императора Максимилиана II; Хуана (1537–1573), с 1552 г. супруга принца Иоанна Португальского. Сводные братья и сестры (внебрачные дети императора): Маргарита Пармская (1522–1586), с 1536 г. в первом браке замужем за Алессандро Медичи, великим герцогом Флоренции, с 1538 г. во втором браке замужем за Оттавио Фарнезе, герцогом Пармским, в 1559–1567 гг. наместница Нидерландов; Хуан Австрийский (1547–1578).

15.11.1543 г. женитьба на Марии Португальской (1527–1545); 25.07.1554 г. второй брак с Марией

Английской (Марией Тюдор), королевой Англии (1516–1558); 22.06.1559 г. третий брак с Изабеллой (Валлуа) Французской (1545–1568); 12.11.1570 г. четвертый брак с Анной Австрийской (1549–1580).

Дети (кроме умерших в младенчестве): от первого брака: сын Карлос (1545–1568); от третьего брака: дочь Изабель (1566–1633), в 1599 г. вступила в брак с эрцгерцогом Альбрехтом Австрийским; дочь Каталина (1567–1597), в 1585 г. вышла замуж за Карла Эммануила I, герцога Савойского; от четвертого брака: сын Филипп III (1578–1621), король Испании (1598–1621).

Об эпохе Филиппа II

Филипп II Испанский, как и его отец, император Карл V, принадлежит к крупнейшим правителям в истории. Родился он в 1527 году в Вальядолиде. С 1543 года как регент, а с 1556 года как король он 55 лет нес ответственность за судьбу Испании и одновременно огромной части Европы и всего мира, и поэтому личность и политику Филиппа можно понять лишь с учетом этой общей ответственности.

Без малого за три четверти века его жизни Европа и весь мир значительно изменились; произошли события, имеющие важные последствия для будущего. В большей части Германии и Северной Европы, несмотря на энергичное противодействие Карла V, победила Реформация. Однако католическая реформа и Контрреформация быстро обновили католическую церковь в странах старой веры. Экономика, финансы и международная товарная кооперация развивались. На антагонизме между Испанией, Италией, Священной Римской империей и Нидерландами Габсбургов, с одной стороны, и окруженной ими Францией, с другой,

сложилась европейская система власти Новой истории. Чрезвычайно опасной для Европы стала Османская империя, проводившая активную экспансионистскую политику в Юго-Восточной Европе и Малой Азии.

В 1529 году турки в первый раз подошли к Вене. Средиземноморье, и прежде всего его западная часть, куда в XV–XVI веках переместился центр европейской истории, осталось теперь незащищенным от османской угрозы. В Америке, Азии и Африке европейцы осваивали новые области. Создавались и расширялись торговые фактории и вводились новые системы управления и администрации. Посредством христианского миссионерства новые земли приобщались к великим державам и европейской цивилизации, главным образом к Испании и Португалии. Открытие новых географических пространств, а также дискуссия с Николаем Коперником по поводу открытой им гелиоцентрической системы Вселенной вместе с новым, гуманистическим отношением к индивидуальному образованию и науке изменили представление о человеке и мире.

Во всем этом Филипп II Испанский принимал участие и пытался активно воздействовать на развитие событий поддержкой или противоборством. А иначе и быть не могло. По наследству своего отца, кроме Нидерландов, он был правителем Иберийского полуострова и большей части Италии. Он был регентом обширнейших территорий в Америке, Азии и Африке; кроме того, в 1580 году принял корону Португалии с ее огромными заморскими владениями. В его честь была названа целая страна, Филиппины. Политическая воля Филиппа II простиралась до пределов всего известного на то время мира. И все же он правил из Кастилии, сердца Испании, которая стала при нем ведущей мировой державой.

Детство и воспитание

Родился и вырос Филипп в Кастилии. Отец, имевший корни в Нидерландах и Бургундии, был императором Священной Римской империи и наследником габсбургских земель, а с 1516 года также королем Испании и правил, всю жизнь неутомимо путешествуя по Европе и Северной Африке. Все же из политических соображений Филипп рос в Испании. Восстание *комунерос*, которое Карлу пришлось подавлять в начале своего правления, ясно показало королю, что в его государстве испанские интересы требовали особого внимания. Поэтому, с видами на добрососедские отношения и возможное наследство, в 1526 году он взял в супруги Изабеллу Португальскую и оставил родившегося в следующем году престолонаследника воспитываться в Испании. Так что Филипп, первый и единственный законный наследник испанского короля Карла I, германского императора Карла V, провел детство и юность, по существу, в двух городах, Толедо и Вальядолиде, в сердце Кастилии.

До семи лет Филипп рос в кругу семьи с матерью и сестрой Марией. Отец приезжал в Испанию лишь ненадолго: в 1527–1529, 1534, 1537–1539 и 1541–1543 годы, остальное время государственные дела требовали его присутствия в Италии, Германии и прежде всего в Нидерландах. Когда умерла мать, Филиппу не было и двенадцати. В безмятежной обстановке детских лет у него развилась глубокая любовь к природе, и впоследствии на протяжении всей жизни выезды на природу, рыбалка и охота сделались для него желанной и лучшей разрядкой после тяжелых рабочих нагрузок. Филипп с детства отличался глубокой религиозностью. Любил также музыку и придавал большое значение тому, чтобы приобщить к ней и своих

детей. Письма Филиппа, которому было уже за пятьдесят, из Лиссабона, где ему пришлось провести два года без своих маленьких детей, показывают его любящим отцом: он переживает за здоровье малышей, интересуется первым зубом сына и беспокоится о том, чтобы тот получил книжку с картинками для раскрашивания. Возможно, в этом сказалась теплота, которую он с избытком получил в свои детские годы.

В 1535 году для семилетнего Филиппа был создан собственный двор, состоявший примерно из 50 детей испанских дворянских фамилий. С этого двора началась для Филиппа широкая программа образования и воспитания. Император лично выбирал учителей и воспитателей, которые, между прочим, ориентировались на написанный Эразмом Роттердамским в 1516 году трактат «Воспитание христианских принцев». Главными учителями Филиппа стали Хуан Мартинес Силесео и Кристоаль Кальвет де Эстрелла, оба ученые с именем. Воспитателем к принцу был приставлен Хуан де Сунига, доверенный советник императора. Если последний руководил двором принца с суровостью, то Силесео, скорее, был мягким учителем. Под руководством наставников у Филиппа на всю жизнь разви-
лась любовь к чтению. К моменту смерти его личная библиотека насчитывала 14 000 томов. Среди книг, которые читал Филипп, рядом с многочисленными классическими авторами, были Эразм, Дюрер, Коперник, Пико делла Мирандола и многие другие, был даже Коран. Но в этом разностороннем и основательном образовании были упущены современные иностранные языки, что, учитывая размеры державы, впоследствии явилось ощутимым недостатком. Немецким Филипп вовсе не владел, по-итальянски и по-французски мог еще кое-как читать, но, главное, совершенно не говорил по-французски. Однажды это даже

привело к конфузу: в 1555 году Филипп принимал от отца Нидерланды и после первых слов вынужден был прервать свою франкоязычную речь, которую пришлось дочитать кардиналу Гранвеллю.

Приобщение к правлению и участие в нем

К практическим делам управления Филиппа подготавливало то, что с 1539 года он все чаще присутствует на заседаниях высших совещательных органов Испании, а затем, в 1543 году, отец назначает его регентом Испанского королевства, отправляясь в вооруженный поход с целью подавления восстания протестантских князей Империи. Тем не менее император пытался лично, посредством писем и специальных инструкций от 1539, 1543 и 1548 годов, наставить сына в вопросах образа жизни регента, а также управления. Карл указывал ему на большую политическую ответственность и необходимость надежд на Бога. Он призывал Филиппа к справедливости и соразмерности во всех решениях, побуждал его защищать старую веру, ни при каких обстоятельствах не допускать в свое королевство еретиков и, при необходимости, преследовать их с помощью Инквизиции. Карл разъяснял ему политическую конъюнктуру в своем государстве и в Европе, особенно настаивая при этом на том, чтобы Филипп в государственных делах не попадал в зависимость от отдельных советников и сохранял суверенитет в монарших решениях.

Годы первого регентства Филиппа (1543–1548) стали для него первой и важнейшей практикой в испанской политике. Поддерживаемый опытной верхушкой Советов, а также постоянно согласуя все вопросы с отцом, Филипп выполнял двойную функцию. С од-

ной стороны, он действовал как ответственный регент Испанского королевства. Поэтому, соблюдая испанские интересы, Филипп в 1543 году женился на дочери португальского короля, Марии, которая, впрочем, умерла спустя два года после рождения сына, Карлоса. С другой стороны, Филипп должен был внимательно следить за действиями отца в Германии, чтобы иметь возможность мобилизовать для дорогостоящей имперской политики ресурсы Испании, особенно денежные средства. Когда в 1547 году Карлу наконец удалось одолеть протестантов в Империи, он поднялся на вершину своего могущества. Это, а также то обстоятельство, что сын его брата Фердинанда, которого прочили в императоры, симпатизировал протестантству, побудили императора к тому, что он решил готовить Филиппа на императорский престол. Сыну было велено прибыть в Германию и Нидерланды. Только в 1559 году Филиппу суждено было окончательно вернуться в Испанию, так что 1548–1559 годы стали для него прекрасной школой европейской политики.

Итак, осенью 1548 года с более чем двухтысячной свитой Филипп покинул Испанию и отправился в Италию, где сделал остановки в Генуе, Милане, Мантуе и Триенте; затем, переправившись через Альпы, он посетил Мюнхен, Шпейер и Гейдельберг, затем через Люксембург достиг Брюсселя, где встретился с отцом. Путешествие сопровождалось бесконечными празднествами и пирами, в которых Филипп, достигший двадцати одного года, принимал живое участие. Тогда же, почти год, с июля 1550 по май 1551 года, присутствуя на Аугсбургском рейхстаге, он познакомился со своим дядей, королем Фердинандом I, с его сыном и наследником Максимилианом, а также с важнейшими князьями Империи. В предшествующем году Филипп объехал Нидерланды для ознакомления со

страной, которую научился ценить. Впечатления, вывезенные из Нидерландов, повлияли впоследствии на архитектуру возводимых им зданий и парков в Испании, в планировке которых он принимал самое деятельное участие. Полюбилась ему и нидерландская живопись; скоро в его коллекции было 40 картин одного только Иеронима Босха. В эти годы Филипп любил Нидерланды, которым, впрочем, суждено было стать самым «больным местом» его правления.

В 1551 году Филипп на три года вернулся в Испанию и попытался оттуда действовать предельно самостоятельно, чтобы поддержать отца против восстания германских князей, впрочем, тщетно. Карл V и соответственно Филипп утратили власть в Империи. Королю Фердинанду I и его сыну Максимилиану удалось отстоять там свои интересы против ставшей теперь испанской линии Габсбургов. Карл в конце концов уступил своему брату австрийскую вотчину и императорство в Германии, но обеспечил своему сыну Филиппу итальянские и нидерландские владения. Последние он надеялся стратегически защитить путем женитьбы Филиппа в 1554 году на значительно старшей по возрасту королеве Марии (Тюдор) Английской. С этой целью Филиппу было передано Неаполитанское королевство, и он переселился в Лондон.

Спустя год Карл, здоровье которого пошатнулось, передал ему Нидерланды и наконец в январе 1556 года — Испанское королевство. Еще два года отец наставлял сына в письмах, пока в сентябре 1558 года Карл V не умер в избранном им самим приюте в монастыре в Сан-Иеронимо де Юсте, близ Харайса де ла Вера в Эстремадуре. Спустя два месяца скончалась жена Филиппа, Мария Тюдор. Это позволило ему в 1559 году вернуться в Испанию. Тридцатидвухлетний Филипп, благодаря невзгодам в личной жизни и пятнадцати-

летнему политическому опыту в Испании и Европе, стал зрелым мужем и, как ни один другой из европейских правителей своего времени, был подготовлен для принятия на себя ответственности за судьбу мировой державы.

Самосознание, цели и работоспособность

Всю свою жизнь король Филипп оставался верен духовным ценностям и политическим целям отца. Подобно последнему, он высоко ценил этику, обладал чувством долга и большой религиозностью. Для понимания Филиппа как правителя важно, что он совершенно серьезно считал себя ответственным перед Богом за спасение душ своих подданных. Филипп видел себя королем Испанского государства, главой дома Габсбургов, а также властителем Нидерландов и императором Священной Римской империи. Высшая его цель состояла в сохранении и приумножении владений дома Габсбургов, защите их от турок, сдерживании Реформации и борьбе с реформистами путем реформы католической церкви в Европе.

Имея принципиально те же цели, что и его отец, Филипп изменил и модернизировал инструменты и методы осуществления своей политики. В противоположность Карлу V, он управлял всей своей державой, по сути, из одной постоянной резиденции; за время своего правления он только два года провел в Португалии, после того как в 1580 году ему удалось вступить на португальский трон. В отличие от отца, он также не участвовал в военных походах, предоставив это своим генералам. В 1561 году Филипп избрал своей резиденцией Мадрид, вблизи которого по его распоряжению в период с 1563 по 1586 год был

возведен Эскориал — символический центр его владычества, сочетавший в себе королевскую резиденцию, монастырь и династическую усыпальницу. С переносом двора и центральных органов власти в Мадрид Филипп осуществил для Испании то, что во Франции и Англии уже было завершено. С этого момента Мадрид стал превращаться в испанскую столицу.

Стиль правления Филиппа был авторитарным и бюрократическим. Следуя советам отца, он следил за тем, чтобы не попасть в зависимость к отдельным советникам. Только немногих представителей высшей испанской аристократии, например, герцога Альбу, привлекал Филипп в центральные органы управления для решения внешнеполитических и военных вопросов. На грандов же он возлагал обязанности вице-королей и послов при европейских дворах, удаляя их, впрочем, от центров власти. Главными помощниками Филиппа в Испании были в основном ученые правоведы, часто духовного звания, получившие образование в ведущих университетах и коллежах Кастилии, в первую очередь в Саламанке и Алькала де Энарес. При выборах в Советы, и в особенности при назначении ответственных чиновников, король принимал решение после тщательных консультаций и всегда лично.

Важнейшими центральными органами власти были Советы, которые развивались в Кастилии со времени Католических монархов из Королевского совета с конца XV века и усвершенствовались Карлом V. Часть Советов обладала весьма емкими функциями, как то: Государственный совет — важнейший орган решения внешнеполитических дел всей державы; Финансовый совет, ответственный за решение финансовых вопросов; окончательно оформившийся лишь при Филиппе Военный совет. Надрегиональную компетенцию имел прежде всего созданный еще в 1483 году Совет Инк-

визии, который тем самым стал важнейшим центральным органом монархии Филиппа.

Другие совещательные органы имели преимущественно региональную компетенцию, например Советы Кастилии, Арагона и заморских территорий. В 1555 году из Совета Арагона выделился в самостоятельный орган Совет Италии. Совет Португалии (1582) и Совет Нидерландов (1588) Филипп создавал при появлении нового круга задач и соответственно возникновении чрезвычайно актуальных проблем. Коллегиально организованные совещательные органы обладали административными, законодательными и судебными функциями. Это были органы власти, помогавшие королю находить решения и служившие для обмена мнениями.

Сам Филипп крайне редко принимал участие в заседаниях Советов. Как правило, совещательные органы представляли свои варианты решения письменно в форме рекомендаций. Посредником служил ответственный секретарь, также член Совета. С восьмидесятых годов таких секретарей объединили в хунту, которая превратилась в важнейший орган правления при Филиппе. Отдельные хунты, в состав которых входили представители различных ветвей власти, создавались уже в шестидесятые годы для организационного решения сложных вопросов.

Принцип работы Филиппа при общении с совещательными органами, секретарями и прочими ответственными чиновниками, работавшими на него, — «разделяй и властвуй». Советы собирались отдельно друг от друга, даже секретари и узкий круг сотрудников часто бывали не полностью информированы, хотя первый секретарь, одновременно являвшийся связующим звеном с Государственным советом, в силу своих функций мог находиться в более выгодном положении.

Король относился к своим чиновникам подозрительно и был заинтересован в поддержании напряженности между ними. Ежедневно Филипп просматривал кипы документов; его заметки на полях и поныне служат тому убедительным доказательством. Он требовал, чтобы его постоянно держали в курсе всех событий во всех частях державы. Из некоторых его писем явствует, что он засиживался за бумагами до глубокой ночи, покидая рабочий стол лишь тогда, когда чувствовал крайнюю усталость и изнурение.

Процесс принятия решений во время правления Филиппа, разумеется, был длительным и тяжким; при этом надо учитывать, что потоку новостей из широко разбросанных частей Империи приходилось проделывать огромный путь. В конце концов все информационные каналы замыкались на Филиппе. Все важные решения он желал выносить лично и только после тщательной обработки всей поступившей информации. Король был в высшей степени суверенным центром вынесения решений.

Если кто-либо из его окружения пренебрегал своими административными и служебными обязанностями, использовал свое положение для личного обогащения, препятствовал осуществлению высших политических, династических или религиозных целей короля, то Филипп без колебаний лишал его должности и удалял от двора, подчас показательно. Так, например, он уволил своих секретарей Франсиско де Эрасо и Антонио Переса и отдал их под стражу. Герцог Альба время от времени терял доверие короля и свое положение при дворе из-за своей политики в Нидерландах и самоуправства. Более того, своего тогда единственного наследника, дона Карлоса, который был психически тяжело болен и попал под подозрение в

сотрудничестве с нидерландскими повстанцами в 1568 году, Филипп в конце концов изгнал. Вскоре после этого дон Карлос скончался, что спасло Филиппа и Испанию от назревавшего глубокого внутри- и внешне-политического кризиса.

Заслуживает внимания общественный резонанс, который получили эти события. У современников в Испании не было никаких сомнений в том, что решительные действия Филиппа II были вызваны государственной необходимостью и защитой династических интересов. Одновременно они дали материал для запущенной их противниками политической пропаганды, которая в виде так называемой «*legenda negra*»^{*} прошла по всей Европе. Отзвуки ее послужили основой для таких известных произведений немецкой литературы, как «Дон Карлос» Фридриха Шиллера, «Юность и зрелость короля Генриха IV» Генриха Манна, «Тонио Крюгер» Томаса Манна.

Филипп и испанское общество

В процессе становления бюрократической и централизованной современной системы государственного управления в державе Филиппа сохранялись сословные собрания (штаты), кортесы, объединявшие, как правило, представителей дворянства, городов и духовенства, — по-прежнему важные, традиционные и регионально ориентированные управленческие структуры Испанского королевства. Они продолжали существовать уже потому только, что распоряжались финансовыми средствами, в которых нуждался король. За свое правление Филипп двенадцать раз созывал кастильские кортесы для выколачивания денег.

^{*} Мрачная легенда (исп.).

На территории королевства Арагон собственные кортесы, собиравшиеся в Монсоне, представляли Арагон, Каталонию и Валенсию. Считаясь в принципе с правовым статусом штатов, Филипп, однако, как в свое время его отец, пытался сдерживать их влияние. В 1538 году Карл V признал освобождение дворянства от прямых налогов, после чего их представителей больше не приглашали на кастильские кортесы. Подобное произошло и с представительством духовенства. Поэтому когда Филипп вступил на кастильский престол, местные кортесы выступили против него только лишь в составе 36 представителей от 18 городов, а именно: Бургоса, Сории, Сеговии, Авилы, Вальядолида, Леона, Саламанки, Саморы, Торо, Толедо, Куэнки, Гвадалахары, Мадрида, Севильи, Кордовы, Хаэна, Мурсии и Гранады. В 1567 году Филиппу удалось добиться того, что представителей городов больше не связывали, так сказать, обязательные мандаты, но на заседаниях они могли принимать решения независимо, по своему усмотрению. Даже если власть кортесов несколько не убавилась, влияние короля на них возросло. Путь к абсолютизму в Испании был подготовлен.

Филиппу II удалось значительно удалить высшее испанское дворянство от центров власти, высших органов управления и кортесов. Разумеется, король уважал широкую судебную и общественно-политическую компетенцию порой почти неограниченной власти дворянства, а также церкви и городов. Все же повседневная жизнь преобладающего большинства почти 8-миллионного (1590) населения Испании в значительной степени определялась местными и региональными факторами и часто пребывала в помещичьей и физической зависимости от местных господ, прежде всего грандов. Впрочем, к концу правления Филиппа II эта

группа высшей аристократии, сокращенная Карлом V до 25 семей, благодаря королевским привилегиям выросла. Так, например, Филипп возвысил друзей детства, князей Эболи, ставших позднее дельными советниками, до звания грандов, и тем самым расширил королевскую клиентелу в высшем кастильском дворянстве. Основная же масса благородного сословия — около 10 процентов всего населения (это на порядок больше, чем в других европейских странах) — состояла из среднего дворянства и мелкопоместных идалго. Последние по своему имущественному положению зачастую ничем не отличались от крестьян, что карикатурно изобразил Мигель Сервантес в «Дон Кихоте».

В течение XVI века население в Испанском государстве без Португалии возросло при значительных региональных колебаниях приблизительно на 40 процентов: с 5,2 миллиона до приблизительно 8,1 миллиона. В преобладающем большинстве это были крестьяне, ремесленники и рыбаки. К началу столетия в растущих городах, превращающихся в политические, экономические и культурные центры страны, проживало 5 процентов, а к концу столетия около 20 процентов населения. Мадрид и Севилья превратились в процветающие метрополии; первый — благодаря пребыванию в нем двора и центральных органов власти, и вторая — благодаря монополии торговли с Америкой. Несомненно, во время Филиппа II города представляли собой самые динамичные элементы общественного развития в Испанском королевстве.

Внимательно следил монарх и за развитием духовности и церкви в Испании, призывая или принуждая их к реформам. Король обладал правом выдвигать кандидатов на епископство и тем самым мог оказывать существенное влияние на церковь, нередко

конфликтуя на этой почве с папой. Филипп реформировал испанскую структуру епископств, разделив Кастилию на 5 архиепископств и 30 епископств, а Арагон соответственно — на 3 архиепископства и 15 епископств. В незатронутой Реформацией Испании, вызвавшей распространить христианство в Новом Свете, а также укрепить католическую реформу и Контрреформацию в Европе, духовенство, поддерживаемое королем Филиппом, излучало мощные импульсы к созданию мировой католической церкви.

Испанские богословы в большинстве своем положительно восприняли Триентский собор 1564 года, ставший предвестником церковного обновления. Как следствие, Филипп претворил в жизнь его решения в своем королевстве, опираясь на испанский клир, объединявший в своих рядах приблизительно 90 000 представителей белого и черного духовенства. Мотивируя свою имперскую политику служением Богу и церкви, королю к тому же удалось использовать финансовые ресурсы испанской церкви, требуя от нее все более крупных пожертвований. Принцип «государственной церковности» не оставлял никаких сомнений в главенстве светской власти и государства над церковью в Испании, которое Филипп отстаивал, даже противодействуя интересам папы.

Внешняя политика и политика в Нидерландах

Политику Филиппа в значительной мере определяли религиозные убеждения, которые находились в постоянном взаимодействии и пересекались с государственными и властно-политическими, а также династическими интересами. Эти три взаимно переплетающиеся комплекса мотивов, по сути, определяли как

внутреннюю, так и внешнюю политику короля. Империя Филиппа могла добиться впечатляющего превосходства, если надо было сконцентрировать ресурсы ее широких просторов против одного врага, но мощи Испании явно не хватало, если против Филиппа одновременно направляли свои силы несколько врагов, таких как Англия, Франция, восставшие Нидерланды, протестанты в Германии и турки. Поэтому для его внешней политики характерным было стремление как можно дальше развести потенциальных противников и зоны конфликтов. Отчасти это Филиппу II удавалось: в 1557 году он одержал важную военную победу над Францией, заключил в 1559 году Като-Камбресийский мир и на долгое время избавился от серьезного соперника, которого в последующие десятилетия к тому же лихорадили внутренние кризисы. Так Испания Филиппа смогла подняться до положения гегемона в Европе, которое утратила лишь в ходе Тридцатилетней войны. Мир 1559 года был скреплен третьим браком Филиппа — с Изабеллой Валуа Французской.

Важным направлением внешней политики Филиппа являлись отношения с австрийскими Габсбургами, в которых, несмотря на некоторые разногласия, прежде всего в итальянской и германской политике, все же преобладали элементы сотрудничества. Этой цели послужил и четвертый брак Филиппа в 1570 году с дочерью императора Максимилиана II, Анной Австрийской, который прежде всего должен был гарантировать, что при наследовании владения в Испании и Империи останутся в руках Габсбургов, так как у Филиппа все еще не было наследников. Поэтому с 1564 до 1571 год король воспитывал при своем дворе двух сыновей Максимилиана II — Эрнста и будущего императора Рудольфа II. Однако за десять лет брака Анна

родила пять детей; сначала одна за другой появились на свет четыре девочки, и только потом столь долгожданный для Филиппа наследник.

Взаимодействие с австрийскими родственниками облегчило в первую очередь борьбу с турками, создав, однако, опасность войны на два фронта: в Юго-Восточной Европе и на Средиземном море. Выдающимся историческим событием стала победа Филиппа в союзе с папой и Венецией над турками в морской битве у Лепанто в 1571 году, которая, впрочем, не ликвидировала османскую угрозу. При поддержке императора Рудольфа II Филиппу удалось добиться важного успеха в Империи, когда его войска вмешались в спор об архиепископстве Кельнском и тем самым в 1583 году окончательно обеспечили закрепление на этом важном фланге Нидерландов католиков Виттельсбахов.

Величайшим внешнеполитическим успехом Филиппа было вступление в 1580 году на португальский трон. Тесные, бесконфликтные отношения с Португалией лежали в основе имперской политики Карла V и Филиппа II. Этому служили оба брака с португальскими принцессами. После смерти в 1578 году короля Себастьяна Португальского семейные связи послужили законной основой для испанских притязаний на наследование престола в этой стране, в скором времени удовлетворенные Филиппом силой оружия. Теперь он стал королем всего Иберийского полуострова, но, что еще важнее, — обширных португальских владений, прежде всего в Африке, а также в Азии и Южной Америке. Пятидесятилетний Филипп таким образом поднялся на вершину своего могущества.

Внешнеполитические успехи Филиппа с середины шестидесятых годов стали блекнуть в результате бунта в Нидерландах, на родине его отца. Восстание было

самым тягостным личным переживанием, причем конфронтация стала величайшим политическим провалом, вызванным, впрочем, его собственными ошибками. Конфессионально неоднородные и богатые Нидерланды имели огромное значение для экономического единства всего государства Филиппа и были крайне важны для гегемонии в Северной и Центральной Европе. Однако в силу значительного удаления они в то же время были весьма уязвимы стратегически, особенно после того, как с восьмидесятых годов врагами Испании стали ее политическая и религиозная противница, Франция, протестантские германские князья и наконец Англия, выступившая в поддержку восставших Нидерландов.

Реформаторская политика Филиппа, проникнутая современными идеями централизации государства, равно как и тяжелым духом католицизма, и касавшаяся управленческой системы и института епископства, ограничивала местные свободы и в первую очередь дворянские привилегии, чем вызвала в шестидесятых годах волнения, провоцируемые поначалу дворянством. В начале семидесятых, когда испанский наместник герцог Альба попытался осуществить цели Филиппа с провокационно чрезмерной строгостью и ввел 10 процентный налог с торговых сделок, *алькабалу*, чтобы финансировать расходы на военные операции в Нидерландах за счет самой страны, страну вновь всколыхнула волна недовольства. В 1576 году, после того как побунтовавшие испанские войска, не получившие из-за острого финансового кризиса в Испании денег, выразили свое недовольство, в частности разгромившим Антверпена, восстание получило новый импульс и теперь уже и поддержку нидерландских князей. Несмотря на огромные финансовые и военные затраты, на драконовские меры герцога Альбы

и военные успехи присланного в восьмидесятые годы наместником Алессандро Фарнезе, Филипп не смог долго сдерживать восстание в Нидерландах. В конце концов в 1581 году с помощью Франции и Англии северные провинции обрели независимость. Казалось, военному конфликту не будет конца.

Неудача Филиппа в Нидерландах тесно переплетается с провалами его английской политики и не в последнюю очередь с войной против Франции 1590 года. После смерти английской супруги, Марии (Тюдор), Филипп тщетно пытался устроить свой брак с ее сводной сестрой, новой королевой Англии, Елизаветой. После 1559 года при Елизавете Англия окончательно стала протестантской. В 1570 году папа Пий V отлучил английскую королеву от церкви. Поэтому Филипп и испанские Советы чувствовали себя обязанными вернуть Англию к старой вере. После поражения в шестидесятые годы поддержанного им католического повстанческого движения в Англии и открытых столкновений между Испанией и Англией в последующие годы, за океаном и в Нидерландах, Филипп решился на вторжение на остров. Был отправлен испанский флот, Армада, которая, однако, в 1588 году была разбита у британского побережья.

Несмотря на поражение и связанные с подобными предприятиями огромные расходы, спустя два года Филипп предпринимает военную интервенцию против Франции. Прежде всего он опасался, что после вымирания королевского дома Валуа, там утвердятся гугенотское королевство Генриха IV Наваррского, и выдвинул притязания на французский трон от имени своей дочери от брака с Изабеллой Валуа. Почти до самого конца жизни вел Филипп войну во Франции, которая, разумеется, заключила мощные союзы с Англией и восставшими Нидерландами. Вервенский мир

1598 года лишь восстановил *status quo* 1559 года; об осуществлении притязаний на трон говорить не приходилось.

Внутренняя политика

Внешняя политика и войны Филиппа неоднократно истощали финансовые ресурсы его стран. При этом следует иметь в виду, что в наследованных от Карла V странах Филипп II создал чрезвычайно дорогостоящую военную инфраструктуру, призванную стратегически объединить на долгий срок отдельные части империи. Четырежды — в 1557, 1560, 1575 и 1596 годах — Филипп II был вынужден объявлять о неплатежеспособности государства. Истощение финансов представляется тем более драматичным при небывалом росте доходов во время правления Филиппа, которые, впрочем, так и не сравнялись с расходами. Экономика Испании, опиравшаяся главным образом на сельское хозяйство и производство, равно как и на торговлю шерстью и текстилем, хотя и переживала в результате роста населения в середине XVI века значительный подъем, все же попала в восьмидесятых годах в затяжной кризис. Испанская экономика была не в состоянии одна нести на своих плечах имперскую политику. Поэтому важность приобретали ресурсы итальянских и нидерландских владений и прежде всего ввозимые из Америки благородные металлы. Без этого архиважного финансового источника, поступления из которого Филипп сумел значительно увеличить, политические успехи короля до восьмидесятых годов просто немыслимы.

В общей сложности ввозимые благородные металлы дали ему примерно 65 миллионов дукатов, причем в конце правления он получал в год в двенадцать раз

больше, чем в начале. Источником дополнительных нерегулярных доходов являлась также продажа должностей, главным образом на местном уровне, равно как и торговля дворянскими титулами. Регулярный годовой доход возрос приблизительно с 3 миллионов дукатов в 1559 году до более чем 10 миллионов дукатов в 1598 году. Налоговое бремя на среднего кастильского налогоплательщика за это время увеличилось примерно на 430 процентов. Огромные денежные суммы, поглощаемые политикой Филиппа, неоднократно расходовались за пределами Испании или попадали в карманы иностранных торговцев и банкиров. Попытки добиться в конце концов средне- и долгосрочного как экономически, так и общественно выгодного для Испании увеличения государственных источников доходов неоднократно стояли в центре повседневных государственных забот короля и часто непосредственно воздействовали на актуальные внутри- и внешнеполитические решения Филиппа.

Как и во внешней политике, сфера внутривнутриполитических проблем тесно переплеталась с религиозно-церковными и культовыми интересами. С начала правления Филипп развил активную деятельность против всех, попавших под подозрение, будь то лютеране или реформисты. Еще отец наставлял его, как во всей Европе середины столетия ослабить старания по примирению сторонников старой веры с реформистами и навязать соответственно собственное вероисповедание подданным нового поколения правителей на их территориях. Испанская Инквизиция с 15 трибуналами была важнейшим средством сохранения католицизма, исключительность которого в Испании никогда серьезно не оспаривалась. Роль этого института в судьбе Испании Филиппа II зачастую переоценивается, и уж совершенно неоправданно здесь сравнение с аппаратами тоталь-

ных репрессий, возникшими в XX веке. Но, несомненно, деятельность Инквизиции оказала длительное воздействие на интеллектуальный климат в стране.

Когда в 1559 году Филипп вернулся в Испанию, непосредственно вслед за этим в Вальядолиде и Севилье были разоблачены небольшие группы лютеран, которые предстали перед трибуналом Инквизиции и были приговорены к смерти. Сам Филипп принимал участие в их казни в Вальядолиде. В дальнейшем Инквизицию не останавливали порой ни епископский сан обвиняемых, ни профессорское звание в знаменитом университете. Важнейшие литературные произведения Луиса де Лиона возникли как раз во время его пятилетнего заточения в шестидесятые годы; профессору, в отличие от многих, посчастливилось вернуться на кафедру в Саламанке. Вскоре Филипп запретит посещение иноземных университетов, равно как и выезд за границу вообще. На тех же, кто вслед за Карлом V или благодаря разнообразным международным экономическим контактам приезжал в Испанию, начнут поглядывать с растущим недоверием. Станет жестче цензура, в первую очередь в отношении ввозимых книг. И пока внешняя политика Филиппа развивала небывалую интернациональную деятельность из раздутаго опасения, что внешние контакты подорвут основы католицизма и внутреннюю стабильность, страна замыкалась в себе сильнее, чем при Карле V. И все же культурные веяния пробивались из Нидерландов и особенно из Италии. Вместе с интеллектуальными стимулами, появившимися благодаря освоению Нового Света и великодержавному статусу Испании, они оказывали длительное влияние на испанскую культурную и духовную жизнь при Филиппе II. Университет Саламанки получил мировое признание. Наступил «золотой век» («Siglo de Oro») испанской литературы и

живописи, и не в последнюю очередь благодаря заказам мадридского двора, грандов и церкви. В полотнах Эль Греко, выходца с острова Крит, через Венецию и Рим пришедшего в Испанию и с 1577 года обосновавшегося в Толедо, нашли отражение многие черты духовной среды Испании времен Филиппа II.

Энергичное выступление Филиппа против реформистов трудно понять вне контекста международной борьбы с протестантами в Империи, Англии и Франции. Филипп опасался налаживания связей между внешнеполитическими противниками и связанными с ними группами внутри страны. Это в особенности относится к обоим обширнейшим внутренним конфликтам, которые Филиппу пришлось преодолеть: восстанию *морисков* в Гранаде в 1568–1571 годах и бунту арагонцев в 1590–1592 годах. Корни этих конфликтов были совершенно различными, однако в реакции Филиппа сказывались опасения, что *мориски* могли так же сотрудничать с надвигающимися турками, а арагонцы — с протестантами во Франции и Нидерландами. *Морисками* называли арабов, которые в количестве примерно 300 000 человек осели в Испании после завершения Реконкисты и завоевания Гранады в 1492 году и которые с большим трудом поддавались обращению в христианство.

По мере того как в пятидесятых и шестидесятых годах турки все дальше продвигались в Средиземноморье и Северную Африку и учащались их набеги на андалузское побережье, у Филиппа усиливалось опасение, что при содействии *морисков* османская угроза может распространиться на Испанию. Следствием стали еще более жесткие репрессивные меры, которые в конце концов в 1568 году вызвали открытое восстание *морисков*. Два года длилась гражданская война, пока солдаты Филиппа под началом его сводного бра-

та дона Хуана Австрийского не положили ей конец. Теперь лишь 50 000 *морискам* Филипп позволил остаться; их распределили по Старой и Новой Кастилии, а также в Эстремадуре. Разумеется, напряженность в отношениях с этим национальным меньшинством (*морисками*) устранить не удалось, хотя политическая угроза была ликвидирована. Турки, которые воспользовались кризисом в Испании, чтобы захватить Тунис (1570), в последующем году были разбиты у Лепанто.

Как и в нидерландском кризисе, так и в арагонской политике Филиппа порой можно различить неадекватную оценку традиционных сословных региональных сил. Арагонский кризис пришелся на последнее десятилетие правления Филиппа, и его можно понять лишь в контексте особых прав и свобод арагонской короны, которые тщательно берегло арагонское дворянство и соблюдать которые Филипп, впрочем, поклялся в 1563 году. Но когда в 1588 году, вопреки традициям, он назначил вице-королем Арагона кастильца, арагонцы усмотрели в этом нарушение своих прав. Вскоре после этого Филипп II снова пошел против арагонских свобод, когда его бывший арестованный по обвинению в растрате секретарь Антонио Перес сбежал в Сарагосу, чтобы предстать перед Верховным судом Арагона, так как его отец был арагонцем.

Обнародовав секретные государственные документы в расчете на защиту арагонской юрисдикции, беглец тем самым спровоцировал кастильскую центральную власть. В Мадриде испугались, что Арагон может стать еще одним очагом беспорядков, как и Нидерланды. Филипп приказал Инквизиции предъявить Пересу обвинение и вывести его из-под арагонской юрисдикции. Это послужило сигналом к массовым беспорядкам, в ходе которых был смертельно

ранен вице-король Арагона. В итоге войска Филиппа вошли в Сарагосу. Зачинщики бунта, среди которых был член арагонского Верховного суда, были казнены. Но Антонио Пересу удалось скрыться во Франции, где он стал козырем направленной против Филиппа пропаганды. Теперь король пытался по возможности погасить конфликт; бывшие под властью арагонской короны валенсийцы и каталонцы и без того сохраняли спокойствие. Поэтому в 1592 г. Филипп объехал Арагон, хотя, как и вопрос с *морисками*, арагонская проблема, по сути, осталась нерешенной. Напряженность между бюрократическим, кастильским по духу центральным государством и традиционными региональными государственными правами, прежде всего в Арагоне, долго оставалась главной проблемой испанской истории.

Конец Филиппа

В последнее десятилетие жизни Филиппа политические проблемы, похоже, стали брать вверх. Его противники в Европе: Англия, Франция, Нидерланды и протестантские германские князья, вступили между собой в союзы. Имперская политика истощила свою важнейшую базу, Кастилию. С 1596 года волна эпидемий и голода унесла жизни большого количества людей. В следующем году испанское население сократилось на 10 процентов. В Кастилии уже с шестидесятых годов, но главным образом с начала девяностых, стала значительно сильнее оппозиция внешней политике Филиппа и дорогостоящему военному присутствию в Нидерландах. Однако Филипп продолжал защищать свои войны против французов, нидерландцев и англичан, ссылаясь на необходимость защиты веры. Все же в последний его год (1598) после мир-

ного договора с Францией (Вервенского) и передачи Нидерландов дочери Изабель, которая в 1599 году вышла замуж за эрцгерцога Альбрехта Австрийского, наступил перелом. Оставшиеся за Испанией части Нидерландов переориентировались на Австрию. Стало очевидно, что испанских сил для осуществления широкомасштабных операций уже было недостаточно.

Разумеется, дееспособность Филиппа в конечном счете снизилась не только из-за изменившейся политической конъюнктуры, экономических и финансовых кризисов, но также вследствие ухудшения здоровья, прогрессирующего с возрастом. Поездка в 1592 году в Арагон стоила ему последних сил. Все чаще Государственная хунта, комиссия из представителей важнейших Советов, становится руководящим органом правления. С 1595 года королевские функции во все увеличивающемся объеме начинает исполнять сын Филиппа, будущий Филипп III.

В июне 1598 года Филипп выезжает из Мадрида в Эскориал. Это был уже дряхлый, тяжелобольной старик, чувствовавший приближение смерти. В последний раз оговариваются детали похорон, и рядом с кроватью ставится гроб. С крестом в руке, который держали в свои последние часы его отец и мать, Филипп умирает в Эскориале 13 сентября 1598 года.

Жизнь Филиппа II Испанского нельзя подытожить в двух словах — слишком долго нес он бремя ответственности и слишком разнообразны были проблемы, требовавшие его вмешательства. Более сорока лет Филипп был правителем величайшего в истории государства. Беспрецедентно сложными были политические, религиозные и экономические реформы, слишком велик круг решаемых вопросов, а все усложнявшаяся бюрократическая машина государства наводняла рабочий стол монарха потоком документов. Филипп

сознательно бросил вызов целому ряду сложных династических, политических и религиозных проблем. Поэтому его политические успехи и неудачи, достижения и ошибки следует оценивать именно в этом контексте и дифференцированно. Несомненно одно: в течение более половины столетия Филипп II оказывал сильное воздействие на историю Испании, Европы и большей части света, и в этом ему не было равных среди государей.

Пеер Шмидт

ФИЛИПП III (1598–1621)

Филипп III, род. 14.04.1578 г. в Мадриде. 13.09.1598 г. провозглашен королем, скончался 31.03.1621 г. в Мадриде, погребен в пантеоне испанских королей в Эскориале.

Отец: Филипп II (1527–1598), король Испании и Португалии (1556–1598). Мать: Анна Габсбург (1549–1580), четвертая супруга Филиппа II. Сводные братья и сестры: Карлос (1545–1568), от первого брака отца с Марией Португальской; Изабель Клара Евгения (1566–1633) и Каталина Микаэла (1567–1597), от брака отца с Изабеллой Валуа. Родные братья и сестры Филиппа III умерли в раннем детстве.

18.04.1599 г. брак с Маргаритой Габсбург (1584–1611).⁶ *Богемия*

Дети (кроме рано умерших): дочь Ана Маурисия (1601–1666), королева Франции, супруга Людовика XIII; сын Филипп IV (1605–1665), король Испании (1621–1665); дочь Мария-Ана (1606–1646), императрица, супруга императора Фердинанда III; сын Карлос (1607–1632); сын Фернандо (1609–1641), кардинал-архиепископ Толедо.

«Боюсь, что управлять будут им. Бог подарил мне обширные страны, но не дал наследника»²⁸, — жалоба,

которую в конце жизни высказал в отношении своего сына Филипп II, до сегодняшнего дня определяет портрет Филиппа III. С этого монарха в испанской историографии начинается век троих «Austrias menores» (заурядных Габсбургов), эпоха заката и потери Испанией господствующего положения в Европе. Филипп III вступил в правление мировой сверхдержавой. Он был королем не только Испании и подвластных ей территорий, то есть американских и азиатских колоний, но и королем Сицилии и Неаполя, герцогом Милана и наследником бургундских имперских земель; он владел Португальским королевством с его раскинувшимися по Америке, Африке и Азии колониями и торговыми конторами.

Юный монарх в тени могущественного предка

Совсем немного времени понадобилось Филиппу III, чтобы расположить к себе общественность. В первые недели после смерти отца посланцы итальянских городов почти в один голос нахваливали энергичного, молодого мадридского монарха. На фоне паралича, поразившего государственные дела в последние годы мучительно угасающего Филиппа II, его сын, казалось, излучал новую энергию. Сначала юный король попытал военного счастья. В 1601 году была снаряжена Армада, которой предстояло плыть к берегам Ирландии для оказания помощи ирландским повстанцам в борьбе против англичан. Операция потерпела провал, поскольку войска высадились не в том месте и слишком поздно вступили в бой. Одновременно взор нового монарха обратился на североафриканское побережье. В этом чувствовалась традиция, ибо еще Карл V пытался разорить пиратское гнездо — Алжир.

Но и флоту Филиппа пришлось у самого входа в гавань повернуть назад (1603). Зато маркизу Амбросио ди Спинола, главнокомандующему испанскими войсками в Нидерландах, удалось в 1604 году отвоевать Остенде. И все же после 1606 года военная удача вновь отвернулась от испанцев.

Прошло совсем немного времени, и блеск нового монарха начал тускнеть. Стали все отчетливее проявляться те характерные черты, которыми наделяли Филиппа III еще до его вступления на трон. О постоянно болевшем в детстве и отрочестве наследнике престола шла молва, что он слабоволен и безразличен к государственным делам. Зато, дескать, падок на забавы и развлечения, главным образом предпочитая охоту и турниры. Он совершенно не отдает себе отчета о сложном финансовом положении монархии. Если его отец, как правило, проводил за разбором документов по четырнадцать часов в сутки, то сын подобным трудолюбием совсем не отличался. Его свадьба в Валенсии (1599), праздновавшаяся спустя несколько месяцев после вступления на трон с приехавшей из Вены Маргаритой Австрийской, была обставлена с чрезмерной роскошью, что, ввиду пустой казны, незамедлительно вызвало критику в адрес нового правителя.

В категорически негативной оценке своего правления виновен не только Филипп III. Безусловно, по силе воли ему было далеко до отца или деда. Вдобавок Карл V и Филипп II умели мастерски преподнести себя, благодаря чему они представляются нам чуть ли не первыми государями Контрреформации. И если дед и отец постоянно разъезжали и многие районы Европы видели собственными глазами, то Филипп III ни разу не покинул Иберийский полуостров. Только однажды (1599) он посетил Каталонию. Многократно откладываемую поездку в Португалию — для представления

и принятия присяги — он, к великому неудовольствию сословного собрания, совершил лишь в конце правления (1619). В общем, для Филиппа III, вступившего на престол в двадцатилетнем возрасте, сравнение с предками наверняка было совершенно невыгодным и тягостным.

Только в историографии последних двух десятилетий отмечаются попытки исправить этот унаследованный от прошлого портрет и отнестись к правлению Филиппа III более справедливо. Хотя несомненные слабости характера короля отягощали его правление, все же необходимо учесть тяжкое хозяйственное и военное наследие, доставшееся Филиппу III от отца. Ведь именно в последние годы режима его отца ярко проявилось перенапряжение военно-экономических ресурсов. За два года до вступления Филиппа III на трон его отец был вынужден уже в третий раз объявить о банкротстве государства. Как внутреннее, так и внешнеполитическое положение, совершенно независимо от начавшейся экономической депрессии, делало настоятельно необходимой передышку, которую наконец удалось получить при Филиппе III.

Лерма — доверенное лицо короля

Плохой репутацией правление Филиппа III в основном обязано стилю его осуществления. Если во время Филиппа II утвердилась система коллегиальных органов, советов и особых специальных комиссий, то новый правитель в первую очередь полагался только на одного советника, который в качестве особого канцлера или премьер-министра принимал на себя разнообразные служебные обязанности — тенденция, которая начала проявляться уже в конце правления Филиппа II. Занимал это новое положение первого

доверенного лица (*valido, privado*) Франсиско Гомес де Сандоваль-и-Рохас, пятый маркиз Денья, впоследствии герцог Лерма. Влияние Лермы, который в качестве главного конюшего сопровождал инфанта на прогулках верхом и на охоте, начало сказываться, к мелочной ревности его коллег по двору, еще во время Филиппа II. После этого он был назначен вице-королем Валенсии (1595) и тем самым отстранен от двора, однако уже через два года возвратился в Мадрид. На следующий день после вступления на престол Филипп III дает указание членам королевских советов о том, чтобы весь поток документов впредь проходил через руки его *privado*. В декабре 1598 года к должности конюшего Лерма получает не менее важную должность камергера, позволяющую в любое время входить в королевские покои. Отныне Лерма следует за монархом по пятам и таким образом контролирует всю деятельность и контакты Филиппа.

По мере сил Лерма старался очистить двор от нежелательных критиков. Прежним сторонникам Филиппа II, оказавшихся в то же время противниками фаворита, пришлось покинуть Мадрид. Гарса де Лойаса, архиепископа Толедо и бывшего учителя нового короля, однажды высказавшего сомнения в способностях монарха и Лермы, так же удалили от двора, как и Кристобаля де Моура, которому как опытному члену Государственного, Военного советов и Совета Португалии доверили должность вице-короля Португалии. В мае 1599 года столицу покинул опытный политик Родриго Васкес де Арсе, принадлежавший к близким доверенным лицам Филиппа II и исполнявший обязанности президента Совета Кастилии. Был смещен со своего поста Великий Инквизитор Педро Портокарреро, еще один недоброжелатель *valido*.

Среди бывших близких доверенных лиц Филиппа II немногим удалось сохранить видное положение при дворе; среди них Хуан де Идакес. И все же далеко не все назначения требовали личного одобрения Лермы. Назначенный непосредственно Филиппом III Военный совет и испанские представительства в Италии состояли сплошь из проверенных военных и чиновников. Поэтому ошибочно говорить о полном контроле Лермы над бюрократией, как делается это в классической историографии.

Само собой разумеется, *valido* пользовался своей властью, чтобы поставить на важные государственные посты своих доверенных лиц. Лерма целенаправленно создавал свою группировку, где определяющую роль играли семейные и родственные связи. Чтобы в первом же году оградить молодого короля от влияния двора, опытный, почти в два раза старше его, сорокапятилетний Лерма организовывал для монарха поездки. Однако едва ли *privado* мог в полную меру использовать таким образом полученную свободу действий. Ему самому не доставало тех качеств, которые необходимы человеку, занимающему столь ответственное место. Его склонность к самообольщению не осталась незамеченной современниками. Он был столь же восприимчив к лести и похвалам, как нерасположен к изучению документов. Решения часто откладывались в долгий ящик. Все же не только подобный способ правления, но и местническая кадровая политика возбуждала критику современников, ведь она неизбежно оборачивалась коррупцией. Поэтому господство Лермы сопровождалось бесконечными финансовыми скандалами.

В конце 1606 года по обвинению в расхищении налоговых поступлений были арестованы члены Совета Кастилии и Финансового совета маркиз Вильялонга и

Алонсо Рамирес де Прадо, а также Педро Альварес Перейра, член Совета Португалии. Все трое обвиняемых принадлежали к ближайшим ставленникам *privado*. Проведенное расследование вскрыло хищения в таких размерах, что вскоре в Мадриде заговорили о «втором индийском флоте», так как стоимость присвоенного имущества почти равнялась королевским доходам от поставок американского серебра. В 1611 году под прицел критики попал близкий доверенный Лермы, королевский секретарь Родриго Кальдерон, которому удалось получить титул «маркиз Сьете Иглесиас» и который также присвоил огромные суммы, — его отослали в Италию. В обоих случаях отмежевание короля от Лермы выразилось в его пассивности. То, что с 1612 года *privado* мог от имени короля и вместо него подписывать все административные распоряжения, немного изменило в том, что к этому времени могущество первого доверенного лица Филиппа III уже стало клониться к закату. И его ставленники, и сам фаворит провоцировали общественное мнение своей вошедшей в поговорку алчностью.

Хотя в критиках, бичевавших расточительство двора, никогда не ощущалось недостатка, все же особую неприязнь Лерма пробудил у тетки Филиппа III, императрицы Марии. Супруга императора Максимилиана II и мать императоров Рудольфа II и Матиаса I, она к старости удалилась в Мадридский францисканский монастырь *Descalzas Reales*. В ее понимании монашеское достоинство никак не вязалось с манипуляциями *privado*. Опасного противника встретил Лерма также в лице королевы Маргариты, супруги Филиппа III. Неоднократно именно она требовала фаворита к ответу за его махинации, давая понять, что своим поведением он вредит королевской репутации. Не в последнюю очередь из-за влияния императрицы, а также чтобы

противостоять оппозиционной дворцовой партии, Лерма добился переезда двора в Вальядолид. Это переселение в старокастильский город, несомненно, знаменовало высшую точку его служебной карьеры (1601–1606). И все же ему самому пришлось капитулировать перед значением старой столицы. В начале 1606 года (императрица скончалась в 1603 г.) двор вернулся в Мадрид. Лерма оказался достаточно хитер, чтобы незадолго до объявления решения о переезде в Мадрид продать за высокую цену своему королю дом в Вальядолиде.

Причину выдвижения Лермы сегодня усматривают не только в слабости короля, позволившего попустить собой своему первому доверенному лицу. Фигуру *valido* следует рассматривать как первый шаг в направлении развития должности главы правительства, своеобразного премьер-министра, призванного руководить растущей и отнимающей все больше времени бюрократией и исполнять повседневные государственные обязанности. Это позволяло бы государю сосредоточиться на существенных и важных делах. Подобные тенденции проявились также в Англии и во Франции. Кроме того, фигуру *valido* следует расценивать как попытку высшего дворянства вновь вернуть себе то влияние в королевстве, лишит аристократию которого грозили коллегиальные советы и государственная бюрократия. Так что нападкам подвергалась не роль *privado* как таковая, а конкретные методы использования этого положения Лермой.

Институты

Разумеется, характеристика королевского правления далеко не исчерпывается негативным освещением фигуры Лермы. От Филиппа III и его фаворита, не-

сомненно, исходили также и стабильные позитивные импульсы для государственных институтов. Уже его отец наряду с коллегиальными советами весьма часто полагался на специальные комиссии, что, однако, нередко приводило к пересечению функций и административным трениям. Этот административный дуализм продолжал существовать и при Филиппе III. Например, в 1600 году в помощь Совету Индии был создан Военный совет Америки с целью повышения заботы об обороне американского побережья и морских коммуникаций.

Заслуживает особого упоминания усиленное внимание, которое уделялось Совету Индии, что выразилось в учреждении специального отдела, ведающего кадровыми вопросами. Возросло также значение Военного совета, в состав которого по должности входили члены Государственного совета. Впрочем, Государственному совету, который при Филиппе III вырос до положения верховного совещательного органа, суждено будет остаться таковым в последующее время и на всем протяжении застойного режима. После интенсивной деятельности 1598 года его институциональное положение в 1600 году еще более упрочилось. С тех пор Государственный совет собирался не менее одного раза в неделю.

Состав Государственного и Военного советов отчетливо демонстрирует, что господство Лермы не было безраздельным. В зале заседаний Государственного совета собирались влиятельнейшие представители высшей аристократии, и далеко не всех из них можно причислить к приверженцам *privado*. К их числу принадлежали, например, герцоги: Альба, Инфантадо, Альбукерке, Нахера и Медина Сидонья; графы: Фуэнсалида, Фуэнтес, Чинчон и Аделантадо де Кастилья. Если при Филиппе II высшее дворянство чувствовало

себя обойденным в совещательных органах, то при Филиппе III оно воспользовалось возможностью вновь обрести влияние на двор и политику.

После вхождения между 1610 и 1620 годами в Государственный совет духовника короля Луиса де Альяга и посла Балтасара де Сунига на процесс принятия решений стали влиять личности, которых никак нельзя считать ставленниками Лермы. О том, насколько сильно заботился этот орган о примирении различных течений и социальных групп, свидетельствует то обстоятельство, что главенствующую роль в Государственном совете играла вовсе не высшая аристократия. Такие выдающиеся деятели, как Идиакес, посол Сунига и духовник Альяга имели весьма скромное происхождение: из мелкопоместного и служилого дворянства или среднего духовенства.

Кризисные симптомы и государственные финансы

Длительное господство Лермы основывалось не только на личном контроле над монархом. Оно объясняется также его политикой, нацеленной на сбережение ресурсов Кастилии и прекращение войны на несколько фронтов. Заметны были признаки кризиса и на самом Иберийском полуострове. Первыми его серьезными предвестниками (демографическими) были разразившиеся в 1596–1602 годах эпидемии чумы. По некоторым оценкам, умерли, преимущественно в Кастилии, 500 000 человек, т. е. приблизительно 8 процентов населения. По сравнению с этим людские потери в областях арагонской короны были значительно меньше. Эти области вообще находились в привилегированном положении ввиду налоговых льгот. По мере сокращения численности домашних хозяйств в

кастильских городах, столице приходилось принимать всевозрастающее количество приезжих. После возвращения двора из Вальядолида население Мадрида за короткий период выросло с 50 000 до более 100 000 жителей — со всеми сопутствующими социальными и санитарными проблемами.

На кризисные тенденции указывают также и экономические данные. Так, примерно с восьмидесятых годов XVI века в Кастилии снизилось производство зерновых, вследствие чего в первом десятилетии XVII века резко упал уровень валового сбора. Во второй и третьей декадах стагнационные производственные показатели стали характерны для всей экономики. Если при Филиппе II такие старокастильские города, как Бургос, Медина-де-Риосеко и Медина-дель-Кампо, еще оставались центрами торговли и производства текстиля, то при Филиппе III их значение неуклонно уменьшалось. Не в последнюю очередь ответственность за упадок текстильной промышленности лежит на дешевом импорте. К концу правления Филиппа III стали заметны также первые сбои в заморской торговле. Жители американских территорий все чаще обходились товарами собственного производства, такими, например, как вино, растительное масло и текстиль. Попытки американцев обеспечить себя местной пшеницей весьма стимулировала, в частности, высокая цена на кастильское зерно.

Проблема государственных финансов, должно быть, впервые встала со всей остротой в 1602 году. В том году необходимые расходы на следующий год корона могла покрыть лишь за счет налоговых поступлений. Консолидации финансов не в последнюю очередь препятствовала эпидемия, которая сократила число налогоплательщиков. Поэтому на время правления Филиппа III, когда ни разу не удалось хотя бы

приблизительно сравнивать доходы с постоянно растущими расходами, приходится большие объемы выпуска медных денег — *веллонов* (*vellones*). Веллоны все сильнее вытесняли из оборота серебряные монеты, что дало повод к протестам кастильского сословного собрания (кортесов) против последовавшей за этим девальвации денег.

Поставка американского серебра всегда была для Филиппа II важным фактором, в среднем покрывая 25 процентов государственных доходов, но к концу правления Филиппа III и здесь наметился поворот. При еще более высокой добыче — она резко снизилась лишь к 1640 году — большая часть серебра оседала в самой Америке.

В привлечении финансовых средств корона в первую очередь ориентировалась на Кастилию. Ни на какой иной территории — ни в землях арагонской короны, ни в Португалии, испанских Нидерландах или итальянских владениях — она не могла добиться успеха в повышении налоговых поступлений. Кастилия и — посредством заморских поставок серебра — американские владения несли на себе основное финансовое бремя имперской политики. Во время правления его отца налоги возросли в четыре раза. При Филиппе III, несмотря на передышку в военных действиях, для кастильцев не наступило никакого ощутимого улучшения.

Значение сословного собрания

Вопреки прежнему утверждению, что кортесы после поражения *комунерос* — восставших кастильских городов (1521) — якобы потеряли политическое значение, в правление Филиппа III кастильское сословное собрание вновь показало свою несокрушимую силу.

Последние исследования ясно указывают на важную роль кортесов в вотировании налогов. В 1594 году одобренные кортесами финансовые объемы едва составляли 40 процентов общих поступлений в казну. В правление Филиппа III санкционированные кастильскими кортесами налоги и пошлины поднялись с шести миллионов (1601) или соответственно с более чем пяти миллионов (1621) ровно до половины всех королевских доходов.

О том, насколько важным по-прежнему оставался этот институт, свидетельствует тот факт, что в период с 1573 по 1664 годы кортесы в среднем заседали по восемь месяцев в году. Без одобрения кастильского сословного собрания (оно состояло после выхода из него в 1539 году дворянства и духовенства из представителей 18 кастильских городов) короне было невозможно поднять налоги, и особенно всевозрастающие по значимости акцизы на вино, растительное масло и мясо. Города и их посланники требовали за эти финансовые уступки высокую цену: освобождения от налогов, другие привилегии городским коммуна, не забывая при этом и о личной выгоде. Поэтому, с социально-исторической точки зрения, достойно упоминания, что дворяне, т. е. сословие, которое формально с 1539 года больше не участвовало в кортесах, выступали депутатами городов. В течение XVII века среди них стало появляться все больше представителей высшей аристократии, в чем нашла отчетливое проявление борьба этого класса за право участия в управлении государством.

Разумеется, и корона пыталась контролировать кортесы, например, сам Лерма представлял города Мадрид (1607) и Бургос (1615). Но всякий раз достигнутые на заседаниях кортесов компромиссы ложились бременем на плечи простых кастильцев, поэтому в

широких кругах населения эти сословные собрания не пользовались доброй славой.

Хотя правление Филиппа III было избавлено от крупных восстаний и даже мелких проявлений регионального сепаратизма, опасные признаки социального кризиса все же давали о себе знать. Ярчайшим симптомом был высокий рост преступности. Тот, кто отправлялся по дорогам Каталонии и Валенсии, вынужден был считаться с риском нападения разбойников. Именно в этих областях стал регулярным бандитизм, которому каталонские дворяне даже отчасти попустительствовали. Но в последующее десятилетие количество грабителей еще более возросло. Путешествия по Кастилии также стали чрезвычайно опасны. Особое распространение ночные нападения получили в быстро-растущей столице.

Эти проявления социального и экономического кризиса запечатлелись в широком потоке трактатов, для авторов которых (*arbitristas*) в XVII веке наступил своеобразный «золотой век». К наиболее частым жалобам, которые высказывались, например, священнослужителями Мартином Гонсалесом де Селлориго и Санчо де Монкада, относится в первую очередь непосильный налоговый пресс, давивший на кастильцев, в то время как в остальных частях государства налоги были гораздо ниже. Несколько в другом ключе были призывы к кастильцам и соответственно испанцам: возродить ремесла и вернуть им надлежащий престиж. Расточительный образ жизни дворянства осуждался, равно как и непомерные владения церкви, которые, по мнению многих авторов, служили на пользу не всему населению, а лишь немногим. В частности, для многих среди кастильцев желанной целью был справедливый раздел сельскохозяйственных угодий; с этим связывали перспективы развития сельского хозяйства.

Упадок науки и экономики

Культурная жизнь Испании складывалась из весьма противоречивых явлений. Несмотря на «золотой век» литературы, связанный с такими именами, как Сервантес, Лопе де Вега и Кеведо, в духовной жизни наблюдались явные признаки кризиса. Хотя все еще издавались важные труды государственно-правового и социально-правового содержания, все же испанская академическая литература клонилась к закату. Доля научных названий в издательской продукции сократилась, как показывают центры кастильской книжной торговли, на треть. Духовный климат, не в последнюю очередь под влиянием Инквизиции, порождал чрезмерную осмотрительность, которая душила в зародыше все новое. Так что университетская наука постепенно коснела и вырождалась в рутинную схоластику.

Достойным упоминания исключением являлись руководимые иезуитами учебные заведения. Уже с 1559 года кастильские студенты могли обучаться только в Испании — исключение составляли лишь Неаполь, Коимбра, а также папские университеты Рима и Болоньи. За унификацию духовной жизни, обусловленную стремлением противостоять распространению еретических идей, Испания расплачивалась академической отсталостью. Можно считать, что распространение естественнонаучных знаний XVII века практически не затронуло Испанию.

Мирная передышка предоставила режиму возможность подойти к «проблеме», по его мнению, давно уже неотложно требовавшей решения: изгнание арабского населения (1609). Связь между перемирием с голландцами, развязавшими испанцам руки в Северной Атлантике, и высылкой *морисков*, которая указывает на

усиление внимания к средиземноморскому театру военных действий, совершенно очевидна. После завоевания Гранады (1492) часть арабо-мусульманского населения осталась проживать на Иберийском полуострове. После восстания в 1568–1570 годах *мориски* были расселены по Кастилии, однако, как оказалось, неохотно поддавались культурной и религиозной ассимиляции. Особенно многочисленной была доля арабского населения в районе Валенсии, где мавры вели интенсивное овощеводство и садоводство с широким использованием ирригационных систем по арабскому образцу. Поводом для беспокойства являлись их предполагаемые связи с Османской империей. Подобные слухи рождались все чаще.

С *морисками* также связывали многочисленные разбойничьи нападения североафриканских пиратов на испанскую береговую линию и захваты испанских судов. Поговаривали, что якобы и французский король подстрекал их к восстанию, чтобы открыть фронт в самой Испании. Последние исследования единодушно сходятся в том, что изгнание *морисков* легло тяжелым бременем на испанское хозяйство. Страну покинуло около 270 000 в основном трудолюбивых, квалифицированных мелких крестьян и ремесленников. Вместе с демографическими потерями от чумы 1598–1602 годов Испания всего за десятилетие лишилась добрых десяти процентов своего населения.

Напротив, Антонио Кановас дель Кастильо, испанский историк и государственный деятель XIX века, утверждал, что благодаря изгнанию мавров Испания ликвидировала взрывоопасный очаг внутривосточного кризиса. Присутствие *морисков* впоследствии, в кризисном 1640 году, якобы способствовало бы обострению сепаратизма и региональных конфликтов, которые в том году потрясли Иберийский полуостров.

Рак Hispanica* и военные конфликты

Во внешнеполитическом отношении правление Филиппа III и его *privado* считается временем Рак Hispanica. Все же в начале мирная политика вовсе не выступала на передний план. Еще при Филиппе II начались приготовления к завершению конфликта с Францией. Филипп II, упорно пытавшийся оказать влияние на религиозную войну во Франции, вынужден был, однако, понять, что с объединенной Генрихом IV Францией мирное взаимопонимание отныне было неизбежно.

Важной предпосылкой для Рак Hispanica в Западной Европе послужило заключение мира с Англией. На готовности к улаживанию конфликтов особенно благоприятно сказалась неудачная ирландская экспедиция. После смерти Елизаветы I (1603) и вступления на престол Якова I (1604) удалось примириться со вторым главным противником в Северной Атлантике.

Восставшие Нидерланды представляли собой весьма проблематичное наследство. Уже при Филиппе II пришлось распрощаться с идеей отвоевания этих территорий. Присутствие голландцев в Мировом океане давно уже стало единственной причиной войны. С 1598 года они взяли под контроль Пунта-де-Арайю — богатую месторождениями соли прибрежную полосу венецуэльского побережья. Именно на это время приходится начало освоения Голландской Гайаны между Ориноко и Амазонией. 1605 годом датируются успехи голландцев в Азии, а именно на Молуккских островах, а 1607 год ознаменовал начало их активности на гвинейском побережье.

* Морская Испания (лат.).

Нидерландский натиск на португальско-испанскую империю послужил главным стимулом к началу переговоров о перемирии. В конце 1606 года из-за задержки жалования взбунтовались войска Спинолы в испанских Нидерландах. Желание мира еще более укрепилось у испанцев в последующем году, тем более что финансовый крах монархии становился все очевиднее. При годовых доходах приблизительно в 5–6 миллионов дукатов расходы поднимались до 13 миллионов (1607). Следуя примеру отца, Филипп III объявил государство банкротом.

В конце 1609 года Мадрид недоумевал по поводу двенадцатилетнего перемирия с Соединенными Провинциями. Реакция двора была в высшей степени враждебной уже потому, что Испания видела, что ни одно из ее существенных требований не было выполнено. Хотя мирный процесс был инициирован Филиппом III и Лермой, тем не менее Спинола и архиепископ Альбрехт, действуя в Брюсселе в интересах государственных финансов и понимая, что дальнейшее продолжение военных действий не приведет к решению проблем, согласились на предложенные условия, не запросив при этом прямого подтверждения из Мадрида. Испания пошла на компромисс в двух существенных пунктах: голландцев не удалось склонить ни к уступке их американских владений, ни к отказу от проекта Вест-Индийской торговой компании и снижению активности Ост-Индийского торгового общества. В остальном обе стороны признали заморские владения друг друга.

Не менее болезненным для Мадрида было отсутствие гарантий терпимости по отношению к католикам в Объединенных Провинциях. Даже в этом пункте оплоту Контрреформации не удалось добиться у голландцев официальной уступки. Напротив, Испа-

ния признала независимость Нидерландов, шаг, который поспешили повторить союзники голландцев — Франция, Англия и Венеция. Дворцовые круги и общественность возлагали вину за столь невыгодный мир персонально на Лерму. После того как стало очевидно, что голландцы не только не прекратили враждебные действия на море, а, напротив, даже усилили их, мирные переговоры были окончательно дискредитированы.

Перемирие было встречено в штыки не только военно-политической оппозицией. С течением времени в кастильских городах стали все чаще слышаться голоса, призывающие к ужесточению протекционизма из-за возросшего наплыва в Кастилию дешевого импорта из Западной и Северной Европы. Мирная политика вновь облегчила для иностранцев торговлю в Кастилии. И голландские корабельные экспедиторы наводнили испанский рынок балтийским зерном. Кроме того, опасную конкуренцию начало составлять недорогое североевропейское сукно. Все настоятельнее выдвигали кортесы требование повышения таможенных пошлин для защиты местных производителей.

Последние исследования показывают, что мирная политика Лерма не стремилась к перемирию любой ценой. Скорее, valido рассматривал главной сферой деятельности Испании Средиземноморье. Поэтому забота о прежде всего следовало о защите собственного побережья. При этом он исходил из того, что Карл V и Филипп II гораздо удачнее действовали в Средиземноморье, чем в Северной Атлантике. Благодаря покойной передышке, казалось, появилась возможность укрепить положение Испании в Магрибе и Леванте. Испания конфликтовала с персидским шахом Аббасом I, и по расчетам valido могла бы противостоять экспансии только вполсилы.

С целью предотвращения нападений североафриканских пиратов Испания искала союза с правившим в Марракеше Мули эль-Шейхом. Завоевание марокканского порта Лараче (1610) и нападение на пиратскую цитадель Ла-Мамора стали дальнейшими шагами в борьбе против морского разбоя. Вице-королю Неаполя, герцогу Осуна, было поручено потеснить турецкий флот у Мальты и греческого побережья. И если атлантический флот был едва укомплектован личным составом и испытывал большие финансовые трудности, моряки Средиземного моря находились в более выгодном положении. Напротив, по финансовым причинам сорвался проект океанского «Флота наветренной стороны» (*Armada de Barlovento*), который должен был обеспечить защиту побережья американских колоний от европейских корсаров.

Мирная политика Лермы в значительной степени опиралась на спокойное поведение французского короля. Хотя в те годы Генрих IV не искал прямой конфронтации с Мадридом, но и сложа руки не сидел. В Верхней Италии, классической арене столкновения габсбургско-французских противоречий, игравшей роль противовеса испанской гегемонии, он обеспечил себе свободу действий, которой охотно пользовался. В 1613 году герцог Савойский, Карл Эммануил, после смерти Франца IV, герцога Мантуйского, заявил претензии на маркграфство Монферрат, принадлежавшее этому герцогству. Это всполошило испанцев, опасавшихся расширения савойской сферы власти и потери стратегического пути из Италии в Нидерланды («испанской дороги»). Благодаря своей профранцузской и соответственно антииспанской позиции Карл Эммануил стал одним из первых борцов за дело свободы Италии.

Несмотря на поражение Савойи, заключенный в 1615 году Астийский договор, предусматривавший сохранение Монферрата в составе Мантуи, праздновался в Италии как дипломатическая победа. С испанской же стороны из-за малых выгод он расценивался как позорный мир и снова навлек на Лерму суровую критику, тем более, что военные действия савойцев не прекратились.

Но до серьезной конфронтации Мадрида с Генрихом IV дело дошло лишь в связи с нижнерейнским наследством, когда французы вмешались в спор о порядке престолонаследия герцогств Юлих, Клеве и Берга на стороне протестантского союза (1610). Однако убийство Генриха IV членом одного из монашеских орденов, французом Равальяком, которого неоднократно связывали с испанскими агентами и иезуитами, предотвратило возможную опасность войны. Так как Бурбон собирался втянуть в этот конфликт Нидерланды, смерть христианнейшего короля означала двойное облегчение. Она отразилась не только на Империи, но и позитивно сказалась на мирном процессе между Нидерландами и Испанией. Без убийства французского короля перемирие наверняка не продлилось бы двенадцать лет. Кроме того, Испании удалось укрепить свои позиции на Нижнем Рейне. В 1614 году Синнода захватил стратегически важный Везель, который удерживал до 1629 года.

Ареной антииспанской политики Италия оставалась и после смерти Генриха IV и Астийского договора. Но савойцами усилили свое сопротивление испанскому владычеству венецианцы. После того как албанско-сербские пираты, действовавшие у хорватского побережья Адриатики и давно уже ощутимо мешавшие морскому сообщению в этих водах, перешли к открытым боевым действиям, Венецианская

Республика вновь почувствовала себя зажатой со всех сторон. Австрийская империя терпимо относилась к ускокам, даже их поддерживала. После безрезультатных попыток посредничества конфликт снова перерос в 1615 году в войну за Градиску и Фриоль.

Чтобы воспрепятствовать возникновению испанско-австрийского альянса, Венеция заключила оборонительный пакт с Савойей и Голландией. Высшей точки габсбургско-венецианское противостояние достигло в казни и выставлении напоказ трупов трех якобы испанских агентов, обвиненных в сколачивании заговора против Республики Св. Марка*. Бесспорно, официальная политика Мадрида и его представителей, энергичного губернатора Милана, графа Фуэнтоса и неаполитанского вице-короля Осуна, по собственной инициативе пославшего в Адриатическое море корабли, дабы те совместно с ускоками досаждали венецианцам, была открыто направлена против морской республики. Однако нет никаких доказательств тайно готовившегося заговора, в чем обвиняла противная сторона.

Главными столпами испанской внешней политики, как и прежде, являлись династические отношения с австрийской линией, несмотря на напряженные усилия Лермы по завязыванию прочных уз с Францией. Заключенные соответственно в 1612 и 1615 годах браки между дочерью Филиппа Анной и французским королем Людовиком XIII и престолонаследником Филиппом IV с Изабеллой Бурбон были подготовлены при непосредственном участии valido. Спор о престолонаследии в доме Габсбургов вновь повысил значимость испанской линии. Договор от 1611 года подтвердил, что разветвление австрийской линии может происходить только с согласия испанских Габсбургов.

* Т. е. Венецианской Республики. — Прим. ред.

Единство Австрийского дома стало также предметом договора Оньяте (1617), — названного так по имени мадридского посла в Вене, — по которому линии Фердинанда II в Империи отдавалось предпочтение перед испанскими кузенами. Однако будучи внуком императора Максимилиана II, Филипп III мог претендовать на Богемию и Венгрию, если бы Фердинанд не оставил мужских наследников. В отношении престолонаследия в Богемии договор сразу же после обнародования вызвал протесты в Праге.

В качестве ответной услуги испанский кузен потребовал часть Эльзаса и Северной Италии, которые должны были служить для обеспечения безопасности «испанской дороги». И хотя никаких уступок эльзасской территории не последовало, требования Мадрида в Верхней Италии были частично удовлетворены. И вновь, как в случае с Филиппом II поговаривали о возможности выдвижения его кандидатуры на императорство в Священной Римской империи, так подобные спекуляции повторились и отношении его сына. Однако это было так же нереально, как и стремления Филиппа II к «Испанскому наследию» в Империи.

Не только династическими договорами Мадрид был связан с политикой австрийской линии. Оба посла, Гальтсгар де Сунига, будущий член Государственного совета, и его преемник, граф Оньяте, как в Вене, так и в остальной Империи особо рьяно ратовали за единство католического лагеря. Именно Сунига сыграл решающую роль в образовании Католической лиги под руководством Баварского герцога. Его переговоры с венгерским двором внесли существенный вклад в формирование этого альянса. Со своей стороны, Оньяте в вопросе престолонаследия в доме Габсбургов выступил в поддержку контрреформиста Фердинанда Штирского, будущего Фердинанда II.

Конец Лермы

С возрастом у Филиппа III зрели сомнения в личных достоинствах и политике Лермы. Король стал гораздо меньше ездить по Кастилии и подолгу задерживался в Мадриде, особенно после смерти королевы. Его самостоятельность росла на глазах. Участвовавшие скандалы и перемены в международной обстановке подготовили почву для изменения курса испанской политики. На политическом небосклоне медленно сгущались тучи. Число международных конфликтов, в которые оказывалась втянута Испания, непрерывно росло. Осенью 1618 года Филипп III окончательно отмежевался от Лермы. Не раз уже подумывавший о том, чтобы принять духовный сан, Лерма получил наконец согласие папского престола на кардинальское звание и удалился в Вальядолид.

Лерма уступил место своему сыну, однако герцогу Уседа так никогда и не удалось занять того положения, которого в свое время достиг его отец. 15 ноября 1618 года Филипп отменил свое распоряжение, допускавшее подпись королевских законов и милостей доверенными лицами. Отныне все важные политические дела, рассмотренные в коллегиальных советах, и главные кадровые решения требовали личной подписи короля. Так под конец своего правления Филипп III вышел из тени *valido*.

К концу второго десятилетия XVII века при испанском дворе стали все отчетливее осознавать, что политика мира не приносит Мадриду никаких выгод. Главным образом это касалось перемирия с Нидерландами. После основания Парамарибо (1613) голландцы еще более расширили свое присутствие в районе между Ориноко и устьем Амазонки. Три года спустя был сооружен форт Хоогэ (КикOVERол), важнейший голланд-

ский опорный пункт до завоевания Пенамбука (1630). И португальцам не удалось пресечь деятельность Нидерландов в Амазонии. В завершение, в 1615 году голландские корабли появились у перуанского побережья, чтобы грабить серебряные флотилии. Флот под началом Ёри ван Шпильбергена поднялся до мексиканского Акапулько, где также во всей наготе предстала недостаточность испанской обороны в Америке. Особенно болезненно была встречена в Мадриде новость о дальнейшем расширении сети голландских торговых контор в Азии.

Испанская блокада с помощью Манильской Армады, в 1617 году нанесшей тяжелый урон Ост-Индийской компании, принесла лишь кратковременное облегчение. Торговцы и корабли из Соединенных Провинций с 1619 года, бесспорно, контролировали торговое сообщение между Островами Пряностей и Европой. Пострадали от такого поворота событий главным образом португальцы. Не было конца их упрекам Филиппу III в том, что он предпринимал слишком мало действий для защиты лузитанского флота, и недоверие Лиссабона к Мадриду относительно желания последнего защищать португальские интересы пустило глубокие корни. Так что в подобных обстоятельствах нечего было и помышлять о продлении и без того непрочного, истекающего в 1621 году перемирия. Надвигалась опасность новой войны.

После «Пражского выбрасывания из окна»^{*} 23 мая 1618 года, которое повлекло за собой резкое ухудшение положения дома Габсбургов в Империи, в Мадриде не на шутку встревожились образованием в Европе антииспанской коалиции, как это едва не произошло

^{*} Конфликт, получивший название «Пражская дефенестрация». — *Прим. ред.*

по поводу конфликта с Венецией. На чешскую корону претендовал не только Фридрих Пфальцский, «зимний король», но и герцог Савойский. В том, что голландцы не останутся в стороне, в Мадриде были абсолютно уверены.

Группировка Лермы, желавшая сильнее укрепиться на Средиземноморье, теряла почву под ногами. Летом 1618 года победу одержала фракция, выступавшая против всякой региональной локализации интересов политической безопасности. Старая гвардия политиков и чиновников, сформировавшаяся еще при Филиппе II, требовала отныне глобальной защиты интересов всей державы. Опытный Сунига, знавший положение государства не понаслышке, и его племянник Оливарес стояли теперь за политику безоговорочной поддержки австрийской линии. В какой степени эта, уже обогнавшаяся перемена внешнеполитического курса и, в частности, «Пражское выбрасывание из окна» способствовали падению Лермы, еще предстоит выяснить исследователям.

Бальтасар де Сунига даже настаивал на том, чтобы из-за богемских волнений в очередной раз отложить планировавшуюся Филиппом III поездку в Португалию, поскольку решения государственных дел делали необходимым присутствие короля в Мадриде. Однако на этот раз король отменять поездку не захотел. В его отсутствие теперь уже задающая тон фракция отстояла тесное сближение с Веной. Испанские войска сыграли решающую роль в поражении богемцев в битве при Белой Горе (3 ноября 1620 года). Впоследствии они также оккупировали Рейнпфальц от Брюсселя и далее. До конца своего правления Филипп III предоставил в распоряжение своего кузена в Вене приблизительно 40 000 солдат и 3,4 миллиона гульденов.

Поездка Филиппа в Португалию, из-за тревожных процессов в государстве значительно сокращенная и воспринятая португальским сословным собранием с досадой, помимо принесения присяги на верность сыну Филиппа III, будущему королю Испании и Португалии, не дала никаких ощутимых результатов. На обратном пути, в который в связи с событиями в Богемии король отправился раньше, чем планировалось, у Филиппа начались приступы лихорадки. По возвращении он слег и больше не оправился. Тем временем Государственный совет проводил новую внешнеполитическую линию. Так что в конце правления Филиппа III Испания вернулась к динамичной внешней политике, какую вел Филипп II и которую при Филиппе IV суждено было продолжить его valido, графу Оливаресу.

Карлос Колядо Сейдель

ФИЛИПП IV

(1621–1665)

Филипп IV, род. 8.04.1605 г. в Вальядолиде. С 13.01.1608 г. принц Астурийский, с 3.03.1621 г. король Испании. Скончался 17.09.1665 г. в Мадриде, погребен в королевском пантеоне в Эскориале.

Отец: Филипп III (1578–1621), король Испании (1598–1621). Мать: Маргарита Габсбург (1584–1611). Братья и сестры (не считая рано умерших): Ана (1601–1666), замужем за Людовиком XIII, королем Франции; Мария (1606–1646), замужем за Фердинандом Габсбургом, королем Венгрии, императором Священной Римской империи, Фердинандом III; Карлос (1607–1632), вице-король Португалии; Фернандо (1609–1641), «кардинал-инфант», архиепископ Толедо с 1619 г., примас церкви в Испании, генерал-губернатор Фландрии с 1634 г.

18.10.1615 г. брак с Изабеллой Бурбон (1602–1644), дочерью Генриха IV Французского. 8.11.1649 г. второй брак с Марией Анной Габсбург (1635–1696), дочерью императора Фердинанда III и Марии Габсбургской, регентши (1665–1675).

Дети от первого брака (не считая рано умерших): Баттиста Карлос (1629–1646), принц Астурийский; Марии Тереза (1638–1683), в 1660 г. вступила в брак с Людовиком XIV, королем Франции. Дети от второго

брака (не считая рано умерших): Маргарита Тереза (1651–1673), в 1666 г. вступила в брак с Леопольдом I, императором Священной Римской империи, королем Венгрии и Богемии; Карл II (1661–1700), король Испании (1665–1700).

Сын от связи с Марией Кальдерона: Хуан Хосе Австрийский (1629–1679).

Программа государственного обновления

Время правления Филиппа IV коренным образом отличалось от эпохи его отца. Если при последнем ведение государственных дел характеризовалось скорее отсутствием активной политической творческой воли, то у Филиппа IV имелись амбициозные планы как во внутренних, так и внешнеполитических вопросах. Его представление о миссии монарха было тесно связано с католической этикой и моральным учением того времени. При этом защита католицизма как единственно правильного вероучения и сохранение неотъемлемого авторитета короны стояли на первом месте среди божественных функций государя испанской мировой державы.

Со вступлением Филиппа IV в марте 1621 года на престол началась реализация программы, нацеленной на обновление и реформирование Испании. Правление Его Католического Величества должно было завоевать ему всеобщее признание в качестве вождя христиан. Программа реформ охватывала не только внешне- и внутривнутриполитические вопросы; предполагалось полное обновление морально-нравственных устоев. Предстояло вернуться к нравам прошлых веков.

Мирная политика, которую проводили при Филиппе III, была осуждена как слабость, так как нанесла

огромный ущерб авторитету короля и монархии в Европе. Отныне настоятельно необходимой стала новая политика, которая положила бы конец процессу распада. Претензия монархии на гегемонию побуждала вести интервенционную политику, не избегая военных конфликтов.

Во внутривполитической сфере острие реформ было направлено против коррупции и камарильи, отличавших правление Филиппа III и парализовавших его способность к действиям. Продажность и скандальное расточительство двора при Филиппе III часто давали повод для публичной критики, так что объявление о сокращении расходов было встречено всеобщим одобрением. Были отстранены от занимаемых должностей ставленники герцога Лермы, Осуны и Уседы; некоторых привлекли к суду. Административные вопросы стали решаться быстрее и эффективнее.

Но Филипп IV и его первый министр Оливарес прежде всего стремились увидеть Испанию единым политическим целым. Для создания централизованного государства, по их мнению, необходимо было ликвидировать особые права и привилегии различных провинций. При этом Испания достигла бы мощи, чтобы вернуть державе бесспорное лидерство в мире. В 1624 году Оливарес объявил об этом проекте в программе: «Ваше Величество должны сделать важнейшей целью своего правления задачу стать королем всей Испании. Посему я полагаю, что Вашему Величеству не следует довольствоваться тем, что он король Португалии, Арагона и Валенсии, а также граф Барселоны. Вашему Величеству следует стремиться к тому, чтобы все эти прутья, из которых состоит Испания, соединить в одно целое по кастильскому праву. Если Ваше Величество достигнет этой цели, тогда Ваше Величество станет могущественнейшим монархом всего Мира»²⁹.

Тогдашний проект — создать «Union de Armas» (Союз оружия), благодаря которому все части державы могли бы в обход особых прав участвовать в военных предприятиях, — разумеется, потерпел провал и в конце концов превратился в свою противоположность. В течение сороковых годов XVII века почти по всем областям государства прокатилась волна восстаний, иные из которых даже серьезно угрожали единству Испании.

Все же воля к реформам и принятые в первые годы правления Филиппа IV меры сначала вызвали позитивный резонанс. Эти планы пробудили большие надежды. От обновления, пусть даже обращенного в прошлое, ожидали возрождения былого блеска и силы.

Valimiento (правление) графа-герцога Оливареса

В противоположность результатам предыдущих исследований сегодня можно утверждать, что Филипп IV ни в коей мере не был марионеткой в руках своих советников и в первую очередь Оливареса. Филипп IV держался за своего *valido* (фаворита), как Людовик XIII держался за Ришелье. Он видел в нем самого подходящего человека для осуществления собственной политики. Это не говорило о его лениности или неспособности. Все же в своих решениях Филипп IV, несомненно, испытывал значительное влияние именно Оливареса.

Valimiento (фаворитизм) как институт Филипп IV унаследовал от своего отца. На сей раз он воплотился в фигуре дона Гаспара де Гусмана, графа-герцога Оливареса. Филипп отличал Оливареса уже в детстве, на что указывает огромное доверие, оказываемое тому молодым королем. Приняв руководство мировой дер-

жавой в возрасте шестнадцати лет, Филипп был вынужден опираться на опыт почти вдвое старшего и закаленного в дворцовых интригах Оливареса.

Последний добился ряда важных придворных должностей и в должности первого министра короля играл ведущую роль в политических вопросах. Оставаясь руководителем, для осуществления своей политики Филипп нуждался в опыте и умении своего *valido* быстро ориентироваться. Оливарес, который, по признанию современников, обладал неистощимой энергией, не давал остановиться всему аппарату управления и осуществлял на практике политические инициативы.

Традиционными совещательными и исполнительными органами были Государственные советы, которым поручались территориальные и административные задачи. Ко времени вступления Филиппа IV на престол таких Советов насчитывалось 13. В их состав в зависимости от значения и социального престижа входили представители высшей аристократии, мелкого дворянства и специалистов. Оливарес, положение которого с годами укреплялось, постепенно ослаблял влияние этих контрольно-исполнительных органов. Прежде всего он сам занимал все становившиеся вакантными ключевые посты в придворном штате или выдвигал на них своих доверенных лиц. Кроме того, это давало Оливаресу возможность в рамках программы внутриполитических реформ производить «чистки» аппарата. Увязывание этого намерения с первоначальной целью «расшлаковывания» государственного бюджета хотя и способствовало реструктуризации придворного штата, в конечном счете лишь едва ощутило разгрузило бюджет.

Осенью 1622 года Оливарес наконец стал Государственным советником и взял на себя роль первого

министра. В 1630 году у Оливареса, несомненно, были в руках все нити, и со второй половины тридцатых годов можно даже говорить о неограниченной диктатуре *valido*. К этому времени Оливарес еще более ограничил власть традиционных Советов. Он противопоставил им в рамках реформы механизма принятия решений (потребность в которой была вызвана постоянным состоянием войны) в качестве своего рода чрезвычайных органов новые институты (Верховный совет и Исполнительный совет). Находясь в подчинении Советов, они закладывали основу для авторитарного правления Оливареса.

Руководство Оливареса все более превращалось в тиранию. Если в первом десятилетии правления Филиппа IV в центре политических дискуссий стояло понятие «реформа», то в тридцатые годы оно было заменено на «повиновение». Отныне Оливарес правил железной рукой, следя за любым движением в государстве и контролируя его. Свою политику он претворял в жизнь, ни с кем не считаясь. Малейшее сопротивление его планам приравнивалось к государственной измене. Посредством обвинений в непослушании против оппозиционных групп предпринимались жесточайшие меры. Огромных жертв требовала и цензура. Так, например, на основании приписываемых ему критических строк и по обвинению в шпионаже в пользу Ришелье, был осужден на четыре года тюремного заключения поэт Кеведо-и-Вильегас.

Несмотря на диктаторский стиль правления, Оливарес чувствовал себя первым слугой короля. Он был, по его собственному метафоричному определению, осужден на галеры политики и прикован и штурвалу государственного корабля, но, как дополняет картину Стредлинг, он соединял в себе к тому же навигатора

и погонщика рабов, приводивших этот корабль в движение³⁰.

Отношения между Оливаресом и королем имеют фундаментальное значение для понимания эпохи правления Филиппа IV. Король во всем поддерживал проекты своего фаворита. При их осуществлении он мог рассчитывать лишь на энергичность своего *valido*. А чтобы выполнить задачи, поставленные перед монархией, несомненно, требовались титанические усилия.

Война и свержение Оливареса (1621–1643)

В начале правления Филиппа IV внешнеполитическая ситуация в Европе, со всеми ее кризисами, выглядела для Испании довольно благоприятной. Битва у Белой Горы в 1620 году решила первую стадию Тридцатилетней войны в пользу императорской и испанской армий. После изгнания из Богемии Фридриха Пфальцского, зятя английского короля Якова I, Англия стала искать сближения с Испанией. Во Франции будущий противник, Ришелье, еще не успел как следует укрепить свои позиции, а внутривполитические неурядицы парализовали способность к внешнеполитической деятельности. Стабильным оставалось и положение в Италии. Лишь три тамошних государства не контролировались Испанией и вели независимую политику: Республика Венеция, Папская область и герцогство Савойское. Единственный кризисный очаг находился в Нидерландах.

В 1621 году истек срок двенадцатилетнего перемирия с Соединенными Провинциями. Еще в конце правления Филиппа III стало расти недовольство пактом с этой страной, которую рассматривали как отошедшую провинцию. Следовало положить конец постоянной

угрозе испанским кораблям со стороны нидерландских пиратов. Мир не был продлен; возобновление враждебности явилось вступлением в нескончаемую серию войн, длившихся в течение всего периода правления Филиппа IV.

Казалось, первые успехи подтверждали правильность новой политики. Форсированное в последние годы правления Филиппа III оснащение Армады обеспечило победу в первом морском сражении против Соединенных Нидерландов в 1621 году. За этим последовали и другие успехи. Осенью 1627 года Филипп IV свел положительный баланс своего правления. В речи перед Советом Кастилии он с гордостью констатировал укрепившееся международное положение Испании. И действительно, к этому моменту, после успехов испанцев на море и побед Спинолы и герцога фон Фериа, Нидерланды были сильно ослаблены. К тому же хозяйственная блокада грозила задушить «отпавшие провинции». После побед императорской армии под командованием Тилля и Валленштейна уже строились планы порабощения протестантских держав Северной Европы; Балтика должна была стать *mare nostrum* Габсбургского дома. Филипп IV получил прозвище «*Rey Planeta*»^{**}. Казалось, наконец вновь можно будет вернуться в состояние, соответствующее богоугодному порядку.

Но затем, после вмешательства Испании в 1627 году в войну за Мантуанское наследство, поражения испанской армии последовали одно за другим. Чтобы сохранить контроль над этим критическим для Испании регионом, — в опасности мог оказаться «испан-

* Зд. «внутренним морем» (лат.).

** Король планеты (исп.).

ский путь», связывавший с испанскими Нидерландами через Бургундию на Северную Италию, — Оливарес считал необходимым ввести туда войска. Вопреки ожиданиям, занять укрепление Казале не удалось. К тому же, несмотря на внутренние проблемы, в конфликт неожиданно вступила французская армия. Результатом явилась трехлетняя война. Усугубленная голодом и эпидемией чумы, она принесла много бед испанским владениям в Италии. Одержимость Оливареса, любой ценой стремившегося к победе, привела лишь к тому, что огромные суммы денег были выброшены на ветер. В конце концов Испании пришлось распрощаться с надеждами на победу и согласиться в 1631 году на невыгодный Кераскский мир.

События в Италии привели к тому, что остались без внимания другие очаги кризиса. Испанской армии пришлось мириться с поражениями во Фландрии, а голландский флот одержал победу в Атлантике и взял укрепление Пенамбук, где находилась, пожалуй, богатейшая фактория Португалии в Бразилии.

Упрочение положения Франции при Людовике XIII и Ришелье подняло страну на такую степень могущества, что она посчитала себя в состоянии оспаривать у Испании роль первой мировой державы; конфликт между соседями становился неизбежным. После победы испано-императорских войск в Нердлингене в 1634 году Людовик XIII решил, что наступил момент прямо вмешаться в события, и в следующем году началась война с Францией. Первоначальные успехи испанских и императорских войск в течение 1637 года потеряли размах, и инициативу взял в свои руки Ришелье. Кардинал повел наступление на пиренейскую границу и овладел Фуэнтеррабией. Таким образом, впервые за столетие ареной военных действий стал Иберийский

полуостров. И хотя в 1638 году французские войска были отброшены назад, мир после этого долго не продержался.

Попытка Оливареса добиться согласованности усилий всех частей Испанского государства, — чтобы достичь необходимого напряжения сил, которого требовали бесконечные войны, — в 1640 году в конце концов превратилась в свою противоположность. В начале года против короны восстали каталонские штаты. Толчком к восстанию послужили протесты против расквартирования королевских войск в Каталонии после начала войны с Францией и бои в Руссильоне. К войне с Францией каталонские штаты относились скорее пассивно; теперь же их принуждали к войне. В результате недовольство, носившее первоначально лишь местный характер, стало стремительно распространяться и, после убийства весной 1640 года вице-короля, переросло во всеобщий бунт. Попытки Оливареса подавить волнения провалились в январе 1641 года. В 1642 году Каталония попросила защиты у Франции; были введены французские войска, взявшие под контроль эту новую провинцию Людовика XIII. В декабре 1640 года герцог Браганза, имевший династические притязания, также воспользовался ослабевшим положением короны и объявил независимость Португалии от Испании. Его короновали под именем Иоанна (Жуана) IV.

В тридцатые годы отношение Португалии к центральному правительству явно ухудшилось и не в последнюю очередь из-за введенных Мадридом против Нидерландов и Англии торговых санкций, которые сильно вредили португальской внешней торговле. Когда Оливарес попытался добиться еще более активного финансового и военного участия вице-королевств, каталонский мятеж перерос в восстание. Поскольку фаво-

рит бросил все силы на возврат Каталонии короне, у Браганзы оказалось достаточно времени, чтобы укрепить свое господство. И когда в 1657 году началось отвоевание Португалии, было уже слишком поздно. Междоусобица Габсбургов в луситанской земле пошло после шестидесяти лет к концу.

Историография усматривает причину внутривластных проблем, вставших перед короной во время правления Филиппа IV, в децентрализации власти и усилении привилегий отдельных регионов по отношению к центральному правительству (в фискальных, военных и даже юридических делах) с конца правления Филиппа II. В результате корона потеряла власть и авторитет. Теперь же, когда Оливарес попытался остановить и повернуть вспять этот процесс, его усилия натолкнулись на ожесточенное сопротивление итатов. Восстания в Португалии и Каталонии грозили расшатать устои государства и расколоть единство державы. Поэтому неудивительно, что на фоне никак не наступающего решительного поворота на полях битв и возникновения внутрииспанских очагов конфликтов положение Оливареса становилось все более опасным. К тому же своим авторитарным стилем правления фаворит нажил себе бесчисленных врагов. Тем не менее открытая оппозиция грандов (*grandeza*) оставалась редкостью. В общем, она ограничилась «забастовкой грандов»³¹, которая состояла в том, что *grandeza* в знак протеста против политики Оливареса бойкотировала заседания Советов. Спланированные выступления, как, например, заговор герцога Медины Сидонии, влиятельнейшего гранда Западной Андалусии, в 1641 году были исключением. Суровые репрессии против (настоящей или мнимой) внутривластной оппозиции, жертвами которых становились и представители

grandeza, — например, род Толедо, — еще более сплачивали ряды противников Оливареса. Их объединяла цель — свержение тирана.

В 1643 году наконец пробил час. Ядро оппозиционной группировки, осуществившей долгожданное свержение Оливареса, составили королева Изабелла, начинавшая оказывать все большее влияние на политику, и принцесса Маргарита Савойская, кузина Филиппа IV. Судьба valido была решена после того, как против него выступила часть его собственной партии. Пока Оливарес находился с Филиппом IV на сарагосском фронте, антиоливаресское движение в Мадриде смыкало свои ряды. Поражение королевской армии при попытке отвоевать Лериду оказалось той последней каплей, которая переполнила чашу терпения. Когда в конце 1642 года король вернулся в столицу, оппозиция против королевского фаворита была настолько велика, что ее больше невозможно было сдерживать. В начале 1643 года Оливарес был уволен с государственной службы и сослан в свое имение в Кастилии. Там, с горечью в сердце, он и скончался спустя несколько лет.

При всем критическом отношении Оливареса все же нельзя попрекнуть в одном: в том, что благодаря своему положению (как его предшественник Лерма или Ришелье во Франции) он несправедливо обогатился (даже если для достижения политических целей не задумываясь использовал коррупцию как средство). И в противоположность тому, что произошло при приходе к власти Оливареса, после его свержения не было никакой «охоты на ведьм». Большинство государственных служащих, назначенных графом-герцогом, продолжали занимать свои посты. Филипп IV, принявший теперь бразды правления, сделал ставку на преемственность.

Финансовый кризис и «тотальная война»

Великие планы финансовых реформ в Кастилии, ввиду постоянного давления, вынуждавшего искать все новые денежные источники для финансирования войны (также требовалось поддерживать крупными денежными суммами военные усилия венских кузенов), пришлось из года в год откладывать. Все более сказывался приоритет внешней политики по отношению к финансовой и внутренней. Между тем, все ухудшающаяся для Испании внешнеполитическая конъюнктура делала внутреннюю политику все более бескомпромиссной, что, однако, не вело к достижению поставленных целей. Требования великодержавной политики сводили на нет все планы по подведению прочного основания под финансы государства. Волюнтаризм пагубно отразился, в частности, на Кастилии, которая благодаря монополии на торговлю с Америкой была самой преуспевающей землей короны.

Уже за победы двадцатых годов цена была очень высокой. Объем первого проекта бюджета на 1622 год увеличился более чем на 8 миллионов дукатов, удвоившись по сравнению с последним бюджетом правления Филиппа III. В середине двадцатых годов вдвое также поднялись налоги, а кредитная задолженность возросла в пять раз. Ничем не сдерживаемый рост денежной массы путем чеканки не обеспеченных серебром *веллонов* (ходовой медной монеты) повлек за собой значительную инфляцию.

Дальнейшие финансово-политические меры, которые, по существу, преследовали лишь цель наполнения государственной казны, оказали разрушительное действие на хозяйство в целом. В 1628 году веллон девальвируется наполовину. Спустя несколько лет его

стоимость удваивается специальным королевским указом. Процедура эта повторяется ровно через два года, когда веллон девальвируют еще ровно на 300 процентов. Испанские финансисты нашли свою «курицу, несущую золотые яйца». Последствия не замедлили сказаться: медные деньги быстро дискредитировали себя как в стране, так и за рубежом, а инфляция взбиралась все выше и выше. На торговлю это действовало уничтожающе.

Военная экономика затрагивала все стороны жизни. Огромные и постоянно растущие расходы на военные операции требовали все больших жертв от всех. С 1630 года налоги на свои должности вынуждены были платить государственные служащие, при этом вследствие пустой казны часто месяцами, а иногда и годами не получая жалованья. В тридцатые годы Оливарес вновь и вновь обращается с призывом к дворянству «в рамках своих возможностей» предоставить финансовые средства. Эти «добровольные» пожертвования вскоре были заменены конкретными требованиями. Grandeza должна была из собственного кармана оплачивать мобилизацию войска и его содержание или строить укрепления. Попытка оказать силовое воздействие еще и на церковь с целью выколачивания средств даже привела к серьезному конфликту с папой.

И сам король не избежал общего финансового кровопускания. Филипп IV продал свои королевские регалии и пожертвовал большое количество серебра, королева Изабелла и инфанта Маргарита также пожертвовали своими украшениями. Согласно оценкам, в течение своего правления король продал 200 000 вассалов, т. е. примерно 4 процента всего населения Кастилии. Ввиду общего тяжелого финансового положения с сороковых годов, конечно, стало трудно прода-

вать землю, вассалов или титулы. Распродажа собственности короны шла полным ходом и вне пределов Иберийского полуострова. В 1635 году на Сицилии у Филиппа IV больше не было собственной земли. «*Rey Planeta*» превращался в «безземельного короля»³². Безденежье было таково, что, например, пришлось отложить на целый год запланированную вторую свадьбу короля, так как Филипп IV не пожелал отказаться от пышной церемонии бракосочетания.

Основная тяжесть в финансировании войны, а также экипировке армии лежала на Кастилии. *Фуэрос* (традиционные региональные законы) охраняли отдельные части государства от опасных перегрузок. Разумеется, невозможно было полностью игнорировать требования Мадрида, и провинции порой вносили весомый вклад в обеспечение военной силы. Так, испанские Нидерланды санкционировали в 1628 году существенные специальные годовые выплаты, а также предоставление солдат для фламандских вооруженных сил; Неаполь и Сицилия в период между 1630 и 1650 годами выставляли ежегодно четыре миллиона дукатов, а также 6 000 солдат и значительное количество военного снаряжения. Эти и другие части государства, такие как Наварра, Валенсия, Арагон, по мере сил шли навстречу требованиям короны. Здесь дело не дошло до сепаратистских мятежей, как в Португалии и Каталонии.

Разумеется, тяжелее всего было неимущим слоям. Придумывались все новые и новые налоги. Вновь и вновь обсуждался проект всеобщего налога на помол, имевшего то преимущество, что поголовно охватывал все население. Впрочем, он столь же часто отвергался. Но налоговая нагрузка была невыносима и для более широких слоев населения, или, как сформулировал это в 1639 году Кеведо: «Оливарес под предлогом

их защиты вынул у кастильцев из карманов столько денег, что скоро нечего было бы защищать».

Но безмерный рост налогового бремени не приводил к ожидаемому результату — покрытию расходной части государственного бюджета. Расходы (в первую очередь для вербовки и оснащения войск и ведения войны) продолжали существенно превышать доходы. Финансировались они главным образом генуэзскими и португальскими банкирами, которые в качестве гарантии получали залоговое право на будущие государственные доходы и в первую очередь на поставки серебра из Америки. Разумеется, таким образом очень быстро были заложены доходы на много лет вперед. При перебоях в поставках серебра или незапланированном снижении объема ситуация становилась драматической.

В начале 1627 года, впервые в правление Филиппа IV, государство стало неплатежеспособным, и пришлось объявить его банкротом. На практике это означало, что корона одним махом освобождалась от своих долгов за счет кредиторов. Конечно, после подобных действий с годами становилось все труднее находить банкиров, готовых предоставлять кредиты такому государству.

Военные действия в Каталонии, снижение численности населения вследствие эпидемий и скудеющие налоговые поступления, падение поставок серебра из Америки и кабальная процентная ставка на растущие снежным комом долги в 1647 году вновь привели к кризисной ситуации. Во второй раз было объявлено о банкротстве государства. Опять пострадали главным образом португальские и генуэзские банкиры, которым сильно задолжала корона. Чистый доход для бюджета от прекращения выплат и отказа от долговых обязательств оценивался в десять миллионов дукатов.

Через несколько лет, конечно, все снова повторилось; планируемые доходы государства были заложены до 1655 года; в 1652 году пришлось снова объявлять государство банкротом.

По мнению Доминго Ортиса, начатая в 1635 году война с Францией вызвала необходимость взвинтить налоги до небывалой высоты. Политическая катастрофа привела к тому, что изо дня в день приходилось отыскивать новые возможности привлечения финансовых средств. Именно тогда были «найденны» авантюристские и разрушительные для Кастилии поборы (как, например, очажный сбор, бумажный акциз и т. д.). Дальнейшие меры, принятые в сороковых и пятидесятых годах (новые манипуляции со стоимостью веллона: в 1642 году он был девальвирован на четверть своей стоимости, а в 1651 году ревальвирован до прежнего уровня), продолжали финансово-политический грабёж населения. Порожденные этим разрушительные силы в конце концов полностью обескровили страну. Воцарились нищета и хаос.

Нужда и социальные беспорядки

Хотя при поиске финансовых средств руководствовались принципом привлечения всех слоев населения, и от имущих ожидали внесения непропорционально высокого вклада, ресурсы населения по-прежнему лояльных частей государства и в первую очередь Кастилии, конечно же, в конце концов достигли предела.

Положение становилось драматическим. Только в герцогстве Милан в начале тридцатых годов от голода, эпидемий и войн за четыре года население сократилось примерно на треть: с 1 200 000 до 800 000 жителей. Подобное угрожало и Кастилии. В течение сороковых годов ситуация еще более обострилась. Занесенная в

1647 году в Валенсию чума косила население портового города и начала распространяться в направлении Андалусии и Каталонии. В течение трех месяцев 1649 года Севилья лишилась почти половины жителей (около 60 000 чел.). В середине пятидесятих годов болезнь достигла Неаполя и унесла 100 000 жизней. В общей сложности в результате этой эпидемии чумы в испанских европейских владениях умерли приблизительно миллион человек. Неурожай еще более ухудшил положение. Дополнительное негативное воздействие оказывали беспрестанные наборы в армию, затрагивавшие самую работоспособную часть населения.

Дело дошло до голодных бунтов и местных восстаний. Например, в 1630–1631 годах поводом послужило запланированное введение налога на соль. Эпицентром возмущения тогда стали прибрежные районы (в первую очередь Страна Басков), где рыба была основным продуктом питания и без соли невозможно было обеспечить ее сохранность. В период между 1647 и 1652 гг. бунты распространялись с молниеносной быстротой, потрясая устои испанского государства. Напряженная социальная ситуация привела в 1647 году к восстанию, возглавляемому рыбаком и торговцем Мазанелло, в Неаполе (полумиллионное население делало его одним из крупнейших городов мира). На сей раз поводом был нововведенный налог на фрукты. Повстанцы приняли решение о выходе из испанского государства и предложили корону Неаполя французскому королю Людовику XIV. Бунт грозил принять тот же оборот, что и в Барселоне. Впрочем, весной 1648 года испанским войскам под предводительством Хуана Хосе Австрийского восстание удалось подавить.

Но после волнений в Неаполе поднялось столь же крупное восстание в Андалусии, в то время наиболее

густо населенной и богатой части Испании. К потрясениям, вызванным эпидемией, сокращением населения и плохим урожаем, прибавилось еще и то, что из-за войны сильно пострадала торговля с Америкой. Прежде всего почти иссяк источник андалусского благосостояния — поставки американского серебра. Возникшие в связи с этим проблемы пагубно сказались в первую очередь на Севилье, но вскоре ввергли в бедствие весь регион.

Вспыхнувшие в 1647 году беспорядки были направлены в первую очередь против роста налогов и огромного вздорожания основных продуктов питания, но вследствие охватившей область эпидемии чумы и страшного неурожая приняли драматический характер. В 1648 и 1649 годах центром голодных бунтов стала Гранада. Эти местные кризисные очаги неизменно удавалось гасить, но только в 1652 году движение достигло высшей точки, когда широкие массы андалусийцев, прежде всего из городов Кордова и Севилья, подняли народное восстание социального характера. Подавить его удалось лишь массированным применением военной силы.

Огромное перенапряжение финансовых и людских ресурсов, обескровившее и изнурившее страну, ускорило возглавляемый Францией процесс оттеснения Испании в борьбе за гегемонию в мире.

«Сумерки богов»

При Луисе де Аро, первом министре короля после смещения Оливареса (который более не подходил под определение *valido*), положение относительно нормализовалось. Ведение государственных дел снова вернулось в традиционную колею. Ослабло напряжение, возникшее при Оливаресе в чиновничьих кругах. При

вынесении решений Луис де Аро стремился к консенсусу. Так, например, были распущены созданные Оливаресом хунты, и исполнительские функции вновь вернулись к традиционным Советам. Теперь и сам Филипп IV (по образцу своего предка Филиппа II) стал играть активную роль в формировании и руководстве политикой.

После свержения Оливареса к монархии вернулась популярность, которой в тридцатых годах она лишилась из-за фаворита. Известие о том, что король взял дела управления государством в свои руки, породило всеобщую надежду на то, что в дальнейшем все пойдет на поправку. Конечно, свержение Оливареса не повлекло за собой перемены внешнеполитического курса. Филипп непоколебимо продолжал всеми средствами вести великодержавную политику. Так что об ослаблении внутривполитической напряженности не могло быть и речи.

Вначале казалось, что в продолжение сороковых годов внешнеполитическое положение фактически упорочилось. Пусть даже в Каталонии пока еще не удалось добиться решающей победы, из Фландрии начали поступать сообщения об успехах. К тому же, после смерти в конце 1642 года Ришелье, а вскоре и Людовика XIII, оставившего после себя лишь четырехлетнего наследника, Франция, казалось, ослабла во внутривполитическом отношении. В действительности, попытки Франции выиграть войну в Каталонии потерпели неудачу. В 1644 году даже Лерида досталась Испании.

Однако надеждам на заключение выгодного для Испании мира с северным соперником не суждено было сбыться. Регентша Франции, сестра Филиппа IV, после передачи государственных дел Мазарини не

Фердинанд II Арагонский (1479–1516)

Xyau Kapıroc I (c 1975 c.)

оказывала желаемого влияния на политику страны; испанской армии в Нидерландах скоро пришлось перейти в оборону. Франция поднажала и добилась успеха. Людовику XIV достались Дюнкерк и два испанских укрепления в Тоскане. Падение в 1643 году Рокруа оказало особенное психологическое воздействие. Был развенчан миф о непобедимости испанской инфантерии.

Впрочем, восставшая парламентская фронда доставляла Мазарини немало хлопот, и в 1647 и 1648 годах испанцы вновь перехватили инициативу. Был дан отпор французскому вмешательству в Неаполе. Однако слабая позиция не позволила Филиппу IV добиться решительного прогресса. Перманентная война на несколько фронтов часто требовала политических жертв. В 1648 году Филипп был вынужден преодолеть себя, и по Мюнстерскому договору он окончательно признал независимость Нидерландов.

После окончания Тридцатилетней войны Испания сконцентрировала все свои силы на военном конфликте с Францией. Эта война должна была решить вопрос о гегемонии в Европе. В начале пятидесятих годов, казалось, удача вновь вернулась к Испании. В течение пяти лет после важных успехов в войне против Франции Испания вновь перехватила инициативу. В 1652 году была окончательно отвоевана Каталония; в том же году также вновь отошел к Испании Дюнкерк; испанские войска снова вторглись во Францию и в 1654 году вновь взяли Рокруа. Победа над Францией в 1655 году в борьбе за герцогство Модену, казалось, принесла ожидаемый перелом. Тем самым был положен конец французским амбициям в Италии, и испанцы, наконец, главным образом после впечатляющей победы в Валенсии вновь добились превосходства, к которому так долго стремились.

В 1656 году в Мадриде начались мирные переговоры. Несмотря на напряженные усилия и принципиальную договоренность по территориальным и внешнеполитическим вопросам, они сорвались из-за спора по двум небольшим пунктам: восстановление доброго имени впавшего в немилость во Франции и победоносно сражавшегося за Испанию полководца Конде, а также отказа Филиппа (вследствие неясности вопроса о престолонаследии) выдать замуж за французского короля свою дочь. Упрямство обеих сторон помешало заключению договора.

Испания не обрела столь необходимого мира. Напротив, на сцену выступило новое действующее лицо: Англия. Добившись внутриполитической консолидации, Кромвель дал знать о своих намерениях — вновь обрести право голоса во внешнеполитических делах. Как Франция, так и Испания предложили Англии партнерство. В качестве ответной услуги за союз Франция предлагала после победы испанское укрепление Дюнкерк. Со своей стороны, испанцы предлагали французский укрепленный пункт Кале. Гонку выиграла Франция, поскольку Испания не могла гарантировать того, что Франция была готова уступить немедленно: право поселения и торговые возможности в испанской Америке.

Момент для официального объявления войны наступил для лорда-протектора тогда, когда, воспользовавшись слабостью Франции, Филипп IV решил покончить с португальской проблемой и зимой 1656 года начал против своей соседки широкомасштабные военные действия. Кромвель встал на сторону Португалии и заключил союз с Людовиком XIV. Очень быстро Испания перешла к обороне. В 1658 году Франция снова захватила Дюнкерк (на этот раз навсегда). Последовал ряд военных неудач в Португалии. Волю

к сопротивлению португальцев, которые к тому же получали активную помощь от Англии и Франции, никак не удавалось сломить. А из Америки уже два года не приходило никакого серебра. Происки английских пиратов почти парализовали испанскую внешнюю торговлю. Ямайка между тем попала в руки Англии.

Опасаясь совершенно утратить Нидерланды, Испания теперь настаивала на мире с Францией. Наконец, в 1659 году был заключен так называемый Пиренейский мир. К Франции отходили каталонский Руссильон, провинция Артуа, а также другие небольшие территории. Со своей стороны, Людовик XIV обязался не оказывать в дальнейшем никакой поддержки Португалии. Поскольку тем временем на свет появились двое потомков Филиппа IV, Марию Терезу вполне можно было выдавать замуж за французского короля. Также в согласии был решен спор о Конде.

После заключения мира с Францией Филипп IV сконцентрировал все наличные резервы на отвоевании Португалии. Были собраны и наспех доукомплектованы потрепанные остатки армии из Фландрии, Италии и Каталонии. Мобилизация новых солдат между тем настолько осложнилась, что пришлось призывать даже осужденных на галеры и приговоренных к смерти преступников. В 1663 году испанская армия под командованием Хуана Хосе Австрийского потерпела поражение у Эстремоса от португальских вооруженных сил, воодушевленных высоким боевым духом и усиленных английскими подразделениями. Между тем Филипп не стал расслабляться. Отколовшееся Португальское королевство следовало вновь подчинить авторитету испанской короны, чего бы это ни стоило. Нельзя было терять столь важную часть наследства Филиппа II.

Презрев рекомендации подавляющего большинства своих советников, высказывавшихся за мир с соседкой, Филипп IV приложил все усилия, чтобы снарядить еще один поход против Португалии. В июле 1665 года, за несколько месяцев до смерти монарха, испанские войска были окончательно и сокрушительно разбиты. 10 000 испанцев были убиты, ранены или взяты в плен. По поводу этого поражения монарх с горечью заметил: «Похоже, Бог действительно этого не желал!». Филипп IV умер 17 сентября 1665 года в Мадриде. Его вдова, регентша Мариана, 13 февраля 1668 года официально признала независимость Португалии.

Испанская эра миновала. На место Испании заступила Франция. Смена руководства стала заметна всем, когда после инцидента в Лондоне Людовик XIV добился изменения дворцового протокола. Испанский монарх должен был предоставить Франции привилегию, которой в течение столетия пользовались при европейских дворах испанские послы: на первоочередное обслуживание. С возвышением Франции и Англии изменялась расстановка сил в Европе. Политически ослабевшая Испания, которой еще долго не будет суждено оправиться от последствий перенапряжения, связанного с поддержанием своих претензий на мировое господство, была оттеснена на периферию.

Религия и мировоззрение

Монархия, династия и религия сливались в самосознании дома Габсбургов в неразрывное единство. В этом Филипп IV ничем не отличался от всех своих предшественников. В соответствии с подобной точкой зрения судьба государства единственно и исключительно зависела от Божьей воли. Для Филиппа IV, начавшего свое правление с притязаний во славу Господа

утвердить мировое владычество Испании, и в сознании его современников утвердилось мнение, что защита веры в итоге непременно вознаграждается Богом. Филипп постоянно чувствовал угрызения совести и был буквально одержим идеей, будто в корне всех зол и бед страны лежат его собственные грехи. Вследствие этого Бог, по-видимому, отвернулся от Испании и наказывал ее своим пренебрежением. Это чувство личной вины шло рука об руку с убеждением в невозможности предотвращения зла. Политическим ошибкам при этом не придавалось решающего значения. Поскольку Бог явно был недоволен, соответственно кто-то наверняка (и в первую очередь сам монарх) был грешен.

Филипп имел довольно многочисленные любовные связи и, несмотря на катастрофическую финансовую ситуацию в стране, не имел сил отказаться от очередного разорительного праздника. Такие удары судьбы, как тяжелая болезнь в 1627 году, смерть сына или отсутствие наследников во втором браке с Марианой, воспринимались Филиппом как Божья кара за личные прегрешения. Поражения на поле битвы согласно этому миропониманию являлись наказанием за грехи монарха и пренебрежение моральными нормами в его государстве. Филипп IV постоянно искал морально-религиозного оправдания своим политическим действиям. Для этого часто созывались богословские консилиумы, где проверяли соответствие запланированного решения божественному закону. И непременно находилась возможность привести в соответствие с теологическими соображениями реальные или волюнтаристские политические решения — как в случае войны за Мантую. И несмотря на облегчение, предоставляемое решениями этих собраний, Филипп IV чувствовал себя грешником, когда во внешнеполитических вопросах

против своей совести предавался (аморальной и макиавеллианской) реальной политике и заключал союзы с «безбожными» Нидерландами или вел войну против католической Франции.

Филипп IV неоднократно призывал к благочестию и аскетизму. Целые монастыри занимались самобичеванием и самоистязанием, в церквах беспрестанно молились. Благоволение Всемогущего должны были вернуть покаянные меры, возложенные им на себя и свой народ. Путем внутреннего обновления Испания должна была вновь стать достойной Божьей милости. Продолжавшаяся сорок лет переписка между монархом и монахиней, сестрой Марией де Агреда, предоставляет достаточно свидетельств подобной практики и характеризует направление религиозного сознания короля.

Несмотря на все покаяния, которые он прописывал себе и своему народу (порой запрещались театральные представления, роскошная одежда и вводились высокие штрафы за сексуальные вольности), ему никак не удавалось избавиться от своих мнимых грехов. Его восхищали прекрасные произведения искусства, он развил у себя подлинное пристрастие к театру (в своих замках он приказывал сооружать сцены), общался с великими литераторами своего времени, в том числе и с Франсиско де Кеведо (пока последний не впал в немилость), покупал по всей Европе полотна выдающихся мастеров (это было поручено Рубенсу, который иногда приезжал в Мадрид, и придворному живописцу Веласкесу) и собрал таким образом одну из величайших коллекций своего времени. «Золотой век» испанского искусства и литературы нашел в лице Филиппа IV страстного покровителя. Часто Филипп инкогнито посещал публичные театральные представления. Единственный признанный им побочный сын, Хуан Хосе Австрийский, родился от связи с актри-

сой. От этих противоречий ему столь же мало удалось избавиться, как и приблизиться к подлинному пониманию причин своих провалов.

Филипп IV поставил себе задачу вернуть Испании ее исконную неоспоримую гегемонию. Для этого были мобилизованы все резервы государства. И конечную неудачу, несмотря на чувство личной вины и упреки, которые делал себе монарх, нельзя списывать на счет его неспособности. Политический закат Испании начался уже в конце XVI века; Франция, Англия и Соединенные Нидерланды рвались к власти, и этот процесс невозможно было остановить.

Альбрехт граф фон Калнейн

КАРЛ II **(1665—1700)***

Карл II, род. 6.11.1661 г. в Мадриде. С 17.09.1665 г. номинальный король (регентство до 1677 г.). Скончался 1.11.1700 г. в Мадриде, погребен в королевском пантеоне в Эскориале.

Отец: Филипп IV (1605—1665), король Испании (1621—1665). Мать: Мария Анна (Мариана) Габсбург (1635—1696), сестра будущего императора Леопольда I и племянница своего мужа. Братья и сестры (пережившие детский возраст): сестра Маргарита Тереза (1651—1673), супруга Леопольда I. Сводные братья и сестры — от первого брака отца, Филиппа IV: брат Бальтасар Карлос (1629—1646), принц Астурский; сестра Мария Тереза (1638—1683), с 1660 г. замужем за Людовиком XIV, королем Франции; незаконный брат: Хуан Хосе Австрийский (1629—1679), сын Филиппа IV и актрисы Марии Кальдероны (Дон Хуан).

19.11.1679 г. вступил в брак с Марией Луизой Орлеанской (1662—1689). 4.05.1690 г. второй брак с Марией Анной Пфальц-Нойбургской (1667—1740); бездетен.

* Посвящена Дону Хорхе Семпрун и Маура.

Облик короля

«Король скорее невысок, сухопар, неплохо сложен. У него длинная шея, вытянутое лицо, острый и как бы загнутый кверху подбородок, австрийская нижняя губа, непропорционально крупная голова, бирюзовые глаза и нежный румянец на лице. Вид меланхолический и немного недоуменный. Волосы длинные и светлые...»³³. На испанский манер простой портрет того времени кисти Клаудियो Коэльо еще раз запечатлел достоинства испанской монархии; одеяние и орден Золотого Руна подкрепляют суверенитет и силу короны. В красивых чертах лица проглядывают одновременно та меланхолия, о которой сокрушались современники, и нерешительность короля.

Юношеские годы и становление индивидуальности

Даже после второго брака Филиппа IV, несмотря на рождение множества детей, в 1661 г. в Мадриде все еще остро стоял вопрос о наследнике трона. 1 ноября умер маленький Фелипе Просперо*, последний законный потомок Филиппа IV. С тем большими надеждами королевская семья и население Мадрида приветствовали нового кронпринца. Насколько этот монарх сможет надежды оправдать, оставалось лишь гадать.

С каждым испанским кронпринцем связывались великие ожидания, поскольку монархическая система правления и государственно-философская мысль того времени в значительной степени опирались на принцип королевской власти, с акцентом на роль монарха.

* «Преуспевающий» (исп.).

Впрочем, последнего сына Филиппа IV уже вскоре после его рождения окружали скорее сомнения, разделяемые как дипломатами, так и уличной молвой. По просачивавшимся из дворца сведениям, у маленького Карла долго не ладилось с самыми элементарными вещами: у него не резались зубы и он никак не мог научиться ходить. Определенные подозрения будили многосторонние, довольно близкие родственные отношения его родителей между собой. Их укрепляло то обстоятельство, что первый, тайный договор о разделе испанского наследства, предусматривавший преждевременный уход из жизни или отсутствие детей, был заключен между Людовиком XIV и Леопольдом I уже в январе 1668 года.

Первым государственным актом юного короля была церемония принятия присяги после смерти Филиппа IV 17 сентября 1665 года. По сообщениям современников, Карл продемонстрировал на ней совершенную бодрость духа и осознание своего положения³⁴. Об уходе и воспитании во дворце заботились основательно. Сообщалось, по меньшей мере, о четырнадцати кормилицах, и это без учета четырех лет полного безмолвия. Королевским воспитателем 5 июня 1667 года был назначен Франсиско Рамос дель Мансано, один из самых уважаемых людей своего времени.

Долгое время Рамос был профессором права в университете Саламанки, членом Советов Кастилии и Индии, которые он время от времени возглавлял. Он принимал участие как в мирных переговорах с Францией в 1659 году, так и в споре о мнимых притязаниях Людовика XIV на испанский престол, которые обоснованно отклонил в своем трактате (1667). Позднее Рамос обнародовал сочинение «*Los Reynados de menor edad, y de grandes reyes*» (Мадрид, 1672), подытожившее его научные труды на педагогическом поприще.

Даже если этим опусом он и обогатил светскую хронику того времени, все же ему не удалось сотворить чудо со своим питомцем. Кронпринц довольно поздно научился писать и не смог осилить ни один специальный предмет (от религии до языков и истории) — в отличие, к примеру, от Филиппа IV, который считался знатоком живописи, или хотя бы Дона Хуана, который поддерживал тесные контакты с современными учеными. Сам же Карл не забыл своего придворного наставника: в ноябре 1678 года он пожаловал Рамосу титул графа Франко. Возвышение Рамоса де Мансано от студента права в Саламанке, через многолетнюю государственную службу в качестве советника и дипломата до получения дворянства является, впрочем, типичным примером возвышения испанского «*noblesse de robe*»^{*}.

Отличаясь неизменно слабым здоровьем, Карл не развивал в себе никаких выдающихся способностей. Согласно маркизу Вийяру, французскому посланнику 1679/80 годов, он не был в состоянии «чем-нибудь заняться», не имея при этом никаких знаний из области науки или литературы. По словам герцога Монтальто, «он вовсе ничем не занимался, и меньше всего его привлекал письменный стол. Это не соответствовало его характеру, он никогда ни на что сам не решался»³⁵. Вместе с тем Карла отличали исполненная достоинства приверженность к традициям и несокрушимая набожность, что нашло отражение в большом парадном портрете Коэльо «Святое причастие» в Эскориале. Неоднократно он пытался брать правление в свои руки, в частности, после отставки премьер-министров Мединачели (1685) и Опоресы (1691). Однако

^{*} «Дворянство мантии», приобретенное гражданской службой (фр.).

постоянно оказывалось, что ему не хватало выдержки и решимости. «Натуру эту не могли улучшить ни премьер-министры, ни институты. Когда у корабля отсутствует руль, остается лишь дожидаться, когда он опрокинется», — такой приговор вынес в июле 1685 года герцог Монтальто.

Между королем и короной, личностью и государством в то время стала расти пропасть. Монарх был не в состоянии соответствовать почти сверхчеловеческим требованиям, предъявляемым ему его положением. К тому же в запуганном военной угрозой, озабоченном экономическими проблемами и опутанном сетью дворцовых интриг Мадриде невозможно было в достаточной степени опереться на выбранных им политиков (как это делал его отец). Добиться же признания как личность — в век решительных, властных монархов и крепнущих государств — на это у него не было и надежды. Поэтому далее речь пойдет не столько о слабом короле, сколько об Испании последнего Габсбурга. На основании биографических рамок мы в грубом приближении устанавливаем год 1700 как границу эпох, признавая, что в другой историографической перспективе возможны и другие координаты.

Испания периода регентства

Со смертью Филиппа IV Испанию — удерживаемую королем от распада монархию — ожидало продолжительное регентство, предположительно до ноября 1675 года, т. е. до момента исполнения кронпринцу четырнадцати лет. Какую опасность это могло означать, показали недавние события во Франции: выступления Фронды против Мазарини в 1650 году. Филипп даже получил выгоду от смуты во Франции, поэтому в своем завещании попытался создать широкую

опору регентству. Естественно, опекуном должна была стать королева Мариана; в помощь ей он выделял тщательно подобранную из представителей политической, церковной и общественной власти Правительственную хунту. Эта комиссия служила доказательством, что в Испании XVII века, в противовес закосневшей иерархической системе Советов и официальных органов власти, на политику оказывали возрастающее влияние побочно-институциональные факторы; иногда более быстрые и эффективные, но всегда более зависимые и подверженные влиянию.

Несмотря на эту хунту, Мариана, которой стало не под силу справляться с бременем обязанностей, вернулась к институту фаворитов, чтобы обеспечить поддержку регентству в мировой державе. Сначала выбор пал на австрийского духовника, отца-иезуита Иоанна Эберхарда Нитгарда. Несмотря на предостережения, королева закрепила его вначале лишь номинальную власть должностью Великого Инквизитора Испании (сентябрь 1666 года), благодаря чему он автоматически становился членом Правительственной хунты. Иностранное происхождение и политическая неловкость вскоре вызвали неприязнь к нему правительства и широких слоев населения, усиленную еще и тем, что Мариана и Нитгард третировали опытного и авторитетного сводного брата Карла II, Дона Хуана.

А Дон Хуан принадлежал к интереснейшим личностям Испании того времени. Некоторые историки, в противовес вердиктам, например, Маура и Пфандла, выступают в защиту его репутации. Как сведущий покровитель таких ученых, как де ла Фалле, Камуэль Лобковитц или Хуанини, и владелец огромной библиотеки он выступал крестным отцом зарождавшейся испанской реформистской науки, которой после 1700 года суждено было приобщиться к духовным

достижениям современной Европы. К тому же как бравый генерал и испытанный губернатор он принимал решающее участие в подавлении восстаний в Неаполе и Барселоне. Напротив, во Фландрии и Португалии между 1656 и 1663 годами его командование было гораздо менее успешным. Насколько охотно этот побочный сын Филиппа IV любил показываться на публике и какие надежды с ним связывались, еще сегодня показывает посвящение второго тома «*Criticón*» Бальтасара Грациана (1651).

Между Нитгардом и Доном Хуаном вскоре разгорелся спор за влияние и посты, который своей напряженностью оттеснил на задний план почти все подлинные государственные дела в Мадриде. При этом иезуит сражался традиционными средствами и делал упор в первую очередь на близость к королеве. Дон Хуан воспользовался современным оружием и без колебаний подключил общественное мнение. Циркулярами, написанными отточенным языком, он целенаправленно будоражил правительственные круги, население Мадрида и земли арагонской короны, которые, впрочем, охотно подключились к дебатам. Использовал принцип также зарождающуюся прессу и свою *Gazetas*, прибегнув при этом к помощи фламандского личного секретаря и хрониста Франсиско Фабро Бремунданса.

Эта полемика и прежде всего давление взбудораженного общественного мнения привели к организации весной 1669 года Комиссии реформ, которая также должна была рассматривать поданные населением предложения. Комитет этот предложил несколько честолюбивых реформ, которые возвращали к программе экономических реформаторов и публицистов. Все же в 1669/70 годы регентство оказалось слишком слабым (или неискренним), чтобы претворить в жизнь предложения хунты. Однако этой комиссии суждено

будет обрести непреходящее значение как предвестника учрежденной в 1679 году Торговой хунты.

Важность этого органа заключалась еще в том, что он впервые создал платформу для общественных дебатов о положении Испании. Мариана же, против политического обычая, в начале регентства отложила созыв кастильских кортесов (собрания сословий или городов) на неопределенный срок, видимо, чтобы застраховаться от неожиданностей. Несмотря на призрачное дальнейшее существование кортесов в листовках того времени, они при этом стали неэффективны в качестве рупора важнейших политических дискуссий и дебатов, которые обострила полемика вокруг правления Нитгарда зимой 1668/69 года.

Нитгард не смог устоять перед лицом нараставшего давления; 25 февраля 1669 года, после бурных событий, заставивших вспомнить об участии Мазарини в Париже, Мариане пришлось отправить его «чрезвычайным посланником в Рим». На это оказали воздействие два фактора: скорее стабильное, чем безнадежное внешнеполитическое положение и предостережение императора Леопольда I и папского нунция о том, что вокруг Дона Хуана сплотилась группа сторонников, вооруженных подобно настоящей армии. По признанию современников, в ней насчитывалось свыше 1 000 человек. Не менее сильным оказался и нажим аристократии; в январе 1669 года несколько грандов настоятельно рекомендовали сместить Нитгарда, пока они сами этого не сделали.

Путчеподобное сочетание военной силы и политического давления власть имущих позволило историку Томасу-и-Валенте говорить о первом в испанской истории государственном перевороте. Между тем это верно лишь отчасти, так как Дон Хуан не смог добиться окончательной победы. После назначения его

генеральным наместником арагонской короны в Сарагосе в конце июня 1669 года он покинул Мадрид и тем самым центр власти. Но в любом случае отчетливо проявилось могущество испанского высшего дворянства. Как в 1676 году, так и в 1691/92 годах грандам удалось вынудить корону сместить неугодных премьер-министров. Неограниченно хозяйничая на широких просторах Испании, во второй половине XVII века они сумели *de facto* прибрать к своим рукам политику в Мадриде. Так что в правление Карла II из-за отсутствия собственной базы власти и решительной поддержки короны не мог долго продержаться ни один фаворит или премьер-министр. В этом заключается главная причина «политической одышки» тех лет.

Но после вынужденной отставки Нитгарда потерявшему авторитет регентству больше не удалось взять бразды правления в свои руки. Годы до совершеннолетия Карла II, 6 ноября 1675 года, прошли для Мадрида без судьбоносных решений и инициатив. Застывшая система Советов или вице-королевств в коронных землях (вице-королевствах), подточенная все чаще создаваемыми для различных конкретных задач хунтами, была еще менее способна на подобные решения, чем королева-мать.

Напротив, за пределами Кастилии, без содействия короля или регентши, намечалась возможность изменения федеральной структуры монархии, которая в другой политической ситуации наверняка получила бы дальнейшее развитие. В Арагоне Дон Хуан использовал свою должность в период между 1669 и 1675 годами для ведения осторожной политики с явным реформаторским уклоном, опираясь на готовность местной элиты к сотрудничеству и интеграции. Эти годы можно считать примером того неофедерализма (уважения центральными органами привилегий некастильских

коронных земель), о котором говорили исследователи периода истории после отставки Оливареса. Для Арагона они нашли свою высшую точку в кортесах Карла II 1678 года и Собрании штатов страны без короля 1684 года, которые должны были указать этой экономически истощенной и измученной войной земле путь выхода из кризиса.

Разумеется, в Мадриде не нашлось соответствующих принципиально новых взглядов на структуру монархии, как это произошло в 1674–1678 годах в Мессине, где центральное правительство вновь лишь реагировало, судорожно цепляясь за унаследованный порядок. Под бременем экономических бедствий Мессина восстала против правления испанского вице-короля, чтобы вернуть себе прежние привилегии и добиться равноправия с Палермо. Спешно предложенная Францией помощь была охотно принята. Вице-король оказался не в состоянии на адекватный политический ответ, Мадрид же применил грубую силу. После продолжительной борьбы испанцам, при поддержке нидерландских (!) моряков, удалось покорить город; привилегии Мессины были ощутимо урезаны. Еще и сегодня о событиях тех дней напоминают воздвигнутый необычный памятник Карлу II, торжествующему победу над извивающейся гидрой, и укрепленная после 1678 года цитадель.

Также и во внешней политике регентша и Правительственная хунта не смогли оправдать выраженных в завещании Филиппа IV надежд. Испания не сумела воспрепятствовать вспыхнувшей в мае 1667 года по формальному поводу деволуционной * войне Людовика XIV во Фландрии и затем в Бургундии. Лишь под давлением «тройственного союза» (Англии, Нидерлан-

* Война между Францией и Испанией за владение Нидерландами.

дов и Швеции) удалось закончить ее в мае 1668 года Аахенским миром. Так же не получилось помешать окончательному обретению Португалией независимости (18 февраля 1668 года), в военном смысле завоеванной еще при жизни Филиппа IV. К тому же в июле 1670 года правительство было вынуждено уступить Англии — за обещание больше не поддерживать каперство* — захваченные при Кромвеле территории в Южной Америке и в первую очередь стратегически важную Ямайку. В Америке, где все отчетливее проявлялась креолизация общества и служебной иерархии, равно как и разделение сфер господства, все дальше отходили от испанской короны, и этому устойчивому процессу суждено было продлиться до XVIII столетия.

Сверх того, в 1672 году Испания позволила втянуть себя в Голландскую войну против Франции, которую поддерживали Великобритания и Швеция, чтобы и там играть только пассивную роль и зависеть от европейской помощи. Невзирая на альянс со Священной Римской империей и Брандербургским курфюрстом, Мадриду, в конце концов, пришлось смириться с потерей фрейграфства Бургундии — коренной земли наследства Габсбургов, — а также Южной Фландрии, что было закреплено Нимвегенским миром, заключенным в августе 1678 года.

Путь к совершеннолетию Карла II

В этом контексте совершенно ясно, с какими надеждами Испания ждала предстоящего в ноябре 1675 года вступления Карла II на престол. Об этих надеждах

* Обращение вражеских и нейтральных судов, санкционированное правительством.

можно было прочесть в многочисленных современных листовках и реформаторских сочинениях уже упоминавшихся *arbitristas*, но также в «княжеских зеркалах», с помощью которых подкреплялось воспитание монарха. Помимо сочинения Рамоса дель Манзано, можно назвать «Морально-политическое зеркало юности» (1674) Маркоса Браво де ла Серна и «Отроческие годы царя Соломона, сына Давида» (1674) Хуана Баньоса де Веласко.

6 ноября 1675 года Карл попытался проявить самостоятельность. Он вознамерился править как совершеннолетний и вызвал из Сарагосы в Мадрид своего сводного брата: «Для этого мне нужно, чтобы особа ваша при мне находилась»³⁶. И снова с армией вооруженных сторонников, числом в 10 000 (!) человек, как указывали современники, Дон Хуан приближался к столице. И на этот раз почву подготовили публичные письма. В день рождения короля он на несколько часов достиг власти; захватить же ее не смог. Переговоры с матерью, в которых Карл хотел сообщить ей о своем вступлении на престол и назначении Дона Хуана премьер-министром, привели к противоположному результату. В своей весьма трогательной речи Мариана, поддержанная королевским духовником, переубедила своего сына: регентство под ее руководством продолжалось еще на два года, а Дона Хуана с военным поручением снова отсылали в Мессину.

Решив не доводить дело до конфликта, на следующий день сводный брат Карла повернул в сторону Сарагосы. Снова дворец, т. е. непосредственное окружение, оказались сильнее юного короля. В течение всей своей жизни Карлу так и не удалось обрести настоящую самостоятельность.

Как в свое время на Нитгарда, так и в эти годы Мариана сделала ставку на преданное доверенное лицо

для обеспечения правления и доступа к королю. Однако с Доном Фернандо де Валенсуэла в конечном счете вышло не лучше. Сын андалусского поместного дворянина, ставший после службы вице-королем Сицилии и удачной женитьбы на камеристке королевы сначала, в 1671 году, рыцарем ордена Сантьяго, затем, в 1673 году, старшим шталмейстером королевы и, наконец, в ноябре 1676 года, маркизом Вилласьерра и грандом, был назначен официальным премьер-министром. Свое высокое положение он попытался закрепить тем, что занимал столицу строительством и праздниками, стремился завязать отношения со знатью, предоставляя ей придворные должности при дворе Карла II. В связи с последующими событиями следует здесь упомянуть герцога Мединачели и графа Оропеса, которые были обер-камергерами или камергерами.

Этот пример демонстрирует степень популярности политических институтов и процедур, которой правительству удалось достичь в конце XVII века. Важные должности стали доходными местами. Тщательно выверенная, высоко чувствительная система поиска решений была основательно нарушена. Ведь даже некогда строгие и принципиально открытые университеты подпали под чары могущественной придворной камарильи. Вряд ли нужно говорить, что о политических руководящих решениях этого премьер-министра ничего не слышно; он был скорее символом, чем реальным властителем.

В данном случае за крутым подъемом последовало стремительное падение. На провокационное назначение премьер-министра гранды отреагировали неслыханным способом. 15 декабря 1676 года они обнародовали манифест с требованиями: «полностью и навсегда удалить королеву от него [короля], Фернандо

де Валенсуэлу взять под стражу, а Дона Хуана приблизить к Его Величеству, с тем чтобы он там пребывал»³⁷. Подписанный более двадцатью представителями знати, этот документ был подобен консервативному перевороту и сравним с «альянсом знатнейших, предшествовавшим волнениям в Нидерландах». Как бы ни спорен был такой способ, понятно стремление этой публичной акцией понизить чрезмерное влияние двора на центр монархии в лице короля.

Короне, снова понуждаемой к действиям, не оставалось ничего другого, как сместить Валенсуэлу, который ретировался в монастырскую часть Эскориала. Дон Хуан смог 23 января 1677 года мирно и окончательно въехать в Мадрид новым премьером. Однако еще до вступления в должность он распорядился демонстративно взять Валенсуэлу под стражу, так что не осталась забыта и судебная палата монастыря. В конце концов Валенсуэлу сослали на Филиппины, откуда тому уже не суждено было возвратиться. Во искупление посягательства на монастырь Карл II взялся за сооружение пышной ризницы, которую Клаудио Коэльо, в январе 1686 года ставший придворным художником, украсил своей знаменитой «Sagrada Forma» («Святое причастие»), которая после 1700 года надолго определила масштаб и направление испанской живописи.

Правительства Карла II

Служить Дону Хуану оставалось совсем недолго: 17 сентября 1679 года, в день смерти своего отца, он скончался согласно медицинскому бюллетеню от вздутия желчного пузыря. Для надлежащей оценки политики при Карле II следует обобщить все три правительства пост-регентского периода. Этого требует еди-

ная принципиальная направленность их политики, а также определенные личные черты премьеров — Дона Хуана, герцога Мединачели и графа Оропеса. «В общем, политика герцога [Мединачели] является не более, чем продолжением начатой доном Хуаном»³⁸. Их объединяет также самоотверженная преданность своему делу и незаурядность. Дон Хуан после успешной службы в Сарагосе рьяно приступил к исполнению новых обязанностей и, по свидетельству современников, работал свыше 13 часов ежедневно. Подобное сообщают также о Мединачели и в особенности Оропесе. Для английского посланника Стэнхоупа это был способнейший из людей, с которыми ему довелось встречаться в Испании. Современные историки даже называют его «способнейшим политиком Испании XVII века»³⁹.

Абстрагированный от дворцовых событий взгляд отмечает с 1677 года упорное движение вперед, перспективные инициативы, которые скорее предвещали начало всеобщих реформ, чем несли на себе печать уходящего столетия и вырождающейся династии. Однако прежде окинем беглым взглядом поочередно все эти правительства: после смерти Дона Хуана главой правительства в феврале 1680 года был назначен герцог Мединачели. Женатый на представительнице рода Лерма, испанский гранд, член Государственного совета и с февраля 1679 года руководитель Совета Индий, он слыл также умелым тактиком. Выдерживая разумную дистанцию с Валенсуэлой, равно как и с союзом против него, он сумел сохранить близость к королю, которая была определяющей для доступа к власти. Между тем экономические неурядицы, внешнеполитические неудачи и шаткие альянсы в Мадриде вскоре погубили и это правительство. Весной 1685 года

Мединачели подал в отставку и вскоре после этого даже покинул Мадрид.

Снова Карл II на короткое время встал у кормила власти. Несомненно, ему было знакомо идеализированное мнение доброжелателей о том, что истинный король обязан сам править. Однако, в конце концов, этому препятствовали как личные качества короля, так и сложность государственного аппарата. Поэтому вскоре обязанности премьер-министра выполнял уже граф Оропеса, который оставался в правительстве до своей отставки в июне 1691 года, после чего было еще короткое возвращение на службу в 1698/99 годах. Образованный выходец из могущественного рода (Альварес де Толедо-и-Португаль, представитель побочной линии дома Браганза), время от времени исполнявший обязанности председателя Совета Кастилии и пользовавшийся поэтому поддержкой этих институтов, он также пал жертвой превратностей внешнеполитической жизни, социальной напряженности в Кастилии и Мадриде и в особенности дворцовых интриг вокруг королевы Марии Анны.

В оставшиеся годы больше никому не удавалось надолго задержаться у власти. Карл II, оказавшийся, в конце концов, неспособным править самостоятельно, не был в состоянии назначать и поддерживать политиков по своему выбору. Столица Испанской мировой державы утрачивала свою роль политического коммутатора; она все больше запутывалась в дворцовых интригах и спорах о регулировании престолонаследия.

Королевы и двор сохраняли, даже после официального совершеннолетия Карла, громадное влияние в Мадриде. В последнем панорамном труде об Испании 1700 года говорится о девяностых годах просто как о «десятилетии Марии Анны Нойбургской»⁴⁰. Ста-

рая, главным образом монархистски ориентированная историография часто позволяет втянуть себя в дворцовую кутерьму, тогда как молодые историки принимают в расчет собственно государственные дела. Взгляд же на хозяйственную политику правительства с 1677 года рисует новую картину эпохи Карла II.

В плоскости между дворцовыми интригами и правительственной работой лежит кадровая политика. Будь то Валенсуэла, Дон Хуан, Мединачели или Оропеса — каждый старался заполнить решающие должности в администрации и при дворе своими верными последователями, ибо только так можно было надеяться на сколько-нибудь успешную реализацию политических целей. Именно этим были обусловлены частые смены в высших эшелонах власти. Например, руководство Советом Кастилии, центральным институтом управления коренной частью Испании, при Карле II менялось двенадцать раз; два *gobernadores* (руководители Совета) находились на службе едва по два года. Подобным образом обстояло дело и с другими институтами: Совет Арагона в 1677 году, председателя которого, дона Мельхиор де Наварра-и-Рокафулл, Дон Хуан немедленно заменил кардиналом Паскуалем Арагонским; Государственный совет, в который вскоре после свержения Оропесы в июне 1691 года были приглашены семь новых членов⁴¹.

Тем не менее в целом можно выделить направления политики, составляющие характерное своеобразие этой эпохи. Это преимущественно денежная система, финансовая политика, поощрение хозяйственной деятельности и земли короны.

а) В вопросе кастильской валюты при Карле II удалось добиться стабильных успехов. Во времена Филиппа IV ввиду огромной нагрузки из-за европейских войн и проблем в сельском хозяйстве, торговле

и ремеслах, из-за девальвации, чеканки новых и перечеканки старых монет приближался обвальный крах валютной системы. Кастильскую медную монету, *веллон*, больше не принимали за границей; для внешней торговли необходимо было возвращаться к дорогим деньгам из благородных металлов.

При Доне Хуане, который еще в бытность вице-королем Каталонии начал решать денежно-хозяйственные проблемы, в марте 1679 года была образована Монетная комиссия. Опираясь на многочисленные предварительные заготовки и прежние попытки реформ, она смогла быстро взяться за работу. Уже 10 февраля 1680 года был издан декрет, по своему воздействию равнявшийся денежной реформе. Стоимость находящихся в обороте денег снижалась на четверть, в огромной массе ходившие фальшивые деньги легализовались на восьмую часть своего номинала, долги прощались. Ближайшие последствия были катастрофичными: разорилось множество торговых домов, для многих наступили нищета и голод. Все же правительство придерживалось взятого курса и в 1684 и 1686 годах последовали другие декреты. Таким образом, после суровых годов аккомодации, наконец, была создана стабильная денежная система как предпосылка экономического подъема Испании в следующем столетии.

б) В хозяйственной политике было использовано аналогичное средство в виде созданной в январе 1679 года Торговой комиссии. В ней были представлены: прежде всего Имуущественный совет, затем Совет Индий, Совет Кастилии, но также и специалисты со стороны, такие как дон Франсиско Сентани. Неоднократно перестраиваемая (1682–1683, 1691, 1707 основательно), она, в конце концов, оформилась в 1730 году в Торгово-денежную палату. Поддерживаемая со-

зданными в 1691–1692 годах в других частях Испании (Севилье, Валенсии, Барселоне) различными специальными комиссиями, она могла вырабатывать важные стимулы коммерции. Главными направлениями реформистской деятельности стали колонизация и развитие шелковой промышленности, поощрение виноделия, усовершенствование цеховой системы организации труда и т. д. Процесс реформирования ускорился с помощью других объединений, создаваемых премьер-министрами короля: *Encabezamiento* (для обложения налогами, 1682) или *para negocios de Hacienda y alivio de los pueblos* (для государственной финансовой политики и налоговых льгот, 1692).

Наряду с этим правительство — пожалуй, при этом украдкой косясь на французскую и, возможно, португальскую модели того времени⁴² — прибегло к системе интенданств. С 1687 по 1691 годы в Кастилии было учреждено генеральное суперинтендантство, а также 21 суперинтендантство, которые должны были заботиться о налоговых поступлениях и хозяйственном положении. Сюда же относятся указы против бесчеловечных и неэффективных методов взимания налогов, многочисленных пенсионных платежей в пользу короны, вызывающе роскошной одежды и т. д. При Карле II налоговое бремя на кастильцев заметно ослабло по сравнению со временем Филиппа IV, конечно, не в последнюю очередь вследствие отсутствия политического нажима.

Этими мерами закладывались основы экономического усиления Испании, которые, однако, не сразу дали результаты в виде стабилизации валюты, упрощения системы управления финансами, стимулирования торговли и ремесел. При этом правительство опиралось на Имущественный совет и подчиненные ему органы, тогда как центрами власти по-прежнему оставались

Совет Кастилии и Государственный совет. Ведь если бы премьеры Карла II решили в своей реформаторской политике действовать также через еще не окрепший Финансовый совет, то без явной королевской поддержки едва ли смогли бы преодолеть ожесточенное сопротивление, в первую очередь Совета Кастилии и представленных в нем силовых группировок. Этот антагонизм, в сущности, невозможно было решить до 1700 года, и это явно сдерживало успех верно намеченной политики экономической реформы.

в) Одна из немногих поездок, которые король совершил по Центральной Кастилии, привела его в Сарагосу. Этот визит означал видимое улучшение «федеральных отношений» в монархии Карла II по сравнению с временем Филиппа IV. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что и в этом больше заслуга последовательных действий правительства, чем монаршей воли.

В мае 1677 года в сопровождении своего сводного брата король торжественно открыл заседание арагонских кортесов и после подтверждения *фуэрос* (гарантированных прав и привилегий) принял присягу штатов. Хотя вслед за этим Карл II и Дон Хуан спешно вернулись в Мадрид, все же кортесы 1677–1678 годов вместе со созванной в 1684 году Верховной хунтой явились высшим достижением арагонской истории XVII века как в экономико-политическом плане, так и во взаимоотношениях между Сарагосой и испанской монархией. Существенно улучшились также отношения и с другими частями арагонской короны. Символично в этом смысле возвращение 30 декабря 1689 года Барселоне привилегии звания гранда относительно короны, которой город был лишен после восстания 1640–1652 годов. Решающим фактором в этом примирении была верность королю служивого и ро-

дового дворянства во время крестьянских волнений 1687–1689 годов.

Еще одной части державы, в которой не бывал ни Карл II, ни его предки, принесло пользу это правительство. После издания 1 ноября 1681 года Свода законов для Южной Америки Латинская Америка получила наконец правовые гарантии и универсальный действующий кодекс законов. В этом нашли завершение длительные усилия, начатые еще в двадцатые годы. Впрочем, этим уже невозможно было сдержать процесс медленного перерезывания пуповины, связывавшей Америку с метрополией.

Свадьбы и внешняя политика

Вторую большую поездку Карл II совершил осенью 1679 года в Бургос на встречу со своей первой супругой, Марией Луизой Французской. Этот заключенный в июле брак с очень импозантной, но политически неопытной дочерью герцога Орлеанского для Карла II был, пожалуй, браком по любви. Но в первую очередь это все же был устроенный Доном Хуаном союз, знаменовавший внешнеполитический выбор в пользу Франции. При этом сводный брат короля бесцеремонно обошелся с австрийской партией при дворе, группировавшейся вокруг королевы-матери, отдававшей предпочтение племяннице Карла II, Марии Антонии. Это ускорило продолжающееся с 1648 года отчуждение между Мадридом и Веной, которое нашло отражение как в негодовании Мадрида по поводу с испанской точки зрения чересчур поспешного мира Вены с Парижем в 1648 году, так и в выдаче перворожденной дочери Филиппа IV замуж за Людовика XIV (1659), или в почти постоянном неучастии испанских войск в боевых действиях Вены против турок (1682–1683).

Этот выбор означал конец времени Габсбургов в Испании, хотя брак не дал потомства. Именно поэтому Марии Луизе примерно с 1686 года и до ее кончины в феврале 1689 года пришлось выслушать немало обидных слов в Мадриде. Между тем, несмотря на родство, Людовик XIV, похоже, вовсе не торопился прекращать военные походы против Испании. Со своей стороны, Вена, занятая операциями на Балканах, была не в состоянии поддержать Испанию чем-то большим, нежели дипломатическо-династическими связями.

Невзирая на подписанный в 1678 году мир, в 1683–1684 годах Людовик XIV напал на Люксембург, Фландрию и Каталонию, стратегически блестяще выбрав для этого время. Заключенный (при посредничестве) в августе 1684 года в Регенсбурге мир закрепил за Францией владение Люксембургом, еще одним оплотом владычества Испании в Центральной Европе. Но и этот компромисс долго не продлился. Весной 1690 года в рамках Девятилетней войны против Нидерландов между Мадридом и Парижем вспыхнул новый конфликт. И вновь он имел ощутимые последствия для Фландрии и испанского средиземноморского побережья, которое французские войска атаковали с суши и с моря. Взятие Барселоны (1691 и 1697) и Героны (1694), потеря Росаса (1693) и бомбардировка Брюсселя (1695) отчетливо демонстрируют слабость испанских войск.

Третью дальнюю поездку король предпринял весной 1690 года — в Вальядолид, для встречи своей второй супруги, Марии Анны Пфальц-Нойбургской. Этот брак, заключенный до неприличия быстро после смерти Марии Луизы, вновь сблизил Мадрид и Вену, а также Мюнхен, так как старшая сестра невесты, Элеонора, с 1676 года была замужем за императором Леопольдом (еще одна принцесса из дома Пфальц-Ной-

бург, Мари-Софи, состояла в браке с королем Португалии). В отличие от своей предшественницы, Мария Анна отличалась высокой образованностью, знанием языков и политическими амбициями. Поэтому на фоне преобладающей безынициативности и нерешительности Карла II в политически нестабильном Мадриде девятых годов она превратилась в слишком уж заметную политическую фигуру. Но история почти безрезультатных интриг Мадридского дворца и таких сторонников королевы, как графиня Берлеш или Генрих Виссер, выходит за рамки нашего рассказа. Знающий немецкий язык читатель может найти богатейший материал на эту тему у Пфандла.

Под натиском Людовика XIV Мадрид и Испания оставались внешнеполитической игрушкой. Ни на одном из опасных фронтов не могло быть оказано серьезного сопротивления. Слабость монархии отчетливо проявилась и в том, что теперь Мадрид был вынужден мириться и с занятием решающих постов иноземными князьями. В 1691–1692 годах по настоянию Вены и королевы-матери губернатором и генерал-наместником Брюсселя стал Макс Эмануил Баварский. Его роду доведется сыграть особую роль в вопросе престолонаследия. В свою очередь, Георг Гессен-Дармштадтский, близкий родственник матери Марии Анны Пфальц-Нойбургской, в 1694–1695 годах командовал германскими войсками в Каталонии и напоследок стал вице-королем этой страны, рыцарем Золотого Руна и испанским грандом.

После впечатляющей победы Людовика XIV в сентябре 1697 года был заключен Рисвикский мир, уже с оглядкой на престолонаследие. Париж сохранял за собой Люксембург, Бургундию, фламандские укрепления и даже свои опорные пункты в Центральной Америке, однако возвращал последние завоеванные

территории, в частности, в Каталонии. То, что уже через год, в ноябре 1698 года, был заключен еще один договор о разделе, показывает, о какой цели, собственно, шла речь.

Вопрос престолонаследия и королевское завещание

Слабое здоровье короля, «которому причинял вред малейший сквозняк»⁴³, и вероятность того, что он останется без потомства, к середине девяностых годов становились все очевиднее. Великие европейские державы еще раньше поставили на эту карту; их тайные договоры о разделе испанской монархии сопутствовали Карлу II всю его жизнь. Еще в январе 1668 года Австрия и Франция заключили одно подобное соглашение. В 1698 году Франция и морские державы договорились о том, как поделить Испанию между Баварией, Францией и Австрией. До марта 1700 года подобные договоры великих европейских держав угрожали внести разлад в решение вопроса о престолонаследии в Мадриде.

Карл II и его министры из всех сил стремились взять события под свой контроль. Все же Мадрид долго медлил в этом вопросе из-за угрожающей поляризации между австрийским и французским решением. Возможность компромисса появилась с рождением в октябре 1692 года Иосифа Фердинанда Баварского, сына Макса Эммануила и внучатого племянника испанского короля; его бабушкой по материнской линии была Маргарита Испанская, сестра Карла II. Казалось, в качестве компромиссного кандидата он устраивал все заинтересованные стороны. По договору, заключенному в октябре 1698 года, в последующем

месяце в Мадриде объявили последнюю волю Карла II, согласно которой Иосиф Фердинанд становился универсальным наследником (по одному оставшемуся конфиденциальным завещанию, составленному в сентябре 1696 года).

Однако вследствие смерти Иосифа Фердинанда в феврале 1699 года вопрос престолонаследия внезапно вновь возник. Политическая слабость Мадрида, где, казалось, больше правила баварская королева со своим двором, чем испанское правительство, но также возобладавший с 1648 года внешнеполитический идеал равновесия сил в Европе привели к самому живому участию великих европейских дворов в урегулировании этого вопроса. Собственное, испанское решение с династической точки зрения было уже невозможно, тогда как решение в пользу Франции или Австрии могло иметь пагубные последствия для соотношения сил в Европе.

Работы Маура и Пфандла детально обрисовывают «борьбу за Мадрид», которую вели посланники Вены и Парижа, отец и сын, графы Арраш и соответственно Аркур. На исходной позиции преимущество было на стороне Вены, так как, помимо традиционных связей между обеими частями дома Габсбургов, была еще королева-мать (до ее смерти в мае 1696 года) и королева Мария Анна. Как заметил в 1688 году посланник Генуи, короны Испании и Франции в силу противоположности интересов были обречены вечно ненавидеть друг друга и вести войну с переменным успехом. Но все же благодаря блестящей дипломатии Аркота, воссоединенному нажиму Франции, растущему влиянию партии франкофилов при дворе и гневу мадридских горожан против двора королевы чаша весов заметно склонялась в пользу Парижа.

Правительство запросило мнение Государственного совета и папского престола, которое выяснилось только летом 1700 года. В своем же завещании от 3 ноября 1700 года Карл II объявлял герцога Анжуйского, дядю Людовика XIV и второго сына дофина, наследником «всех своих королевств и подвластных земель, без каких-либо исключений» с тем условием, что короны Испании и Франции останутся разделенными навечно. Если все составляемые с 1668 года великими европейскими державами договоры исходили из раздела Испании, то здесь проявилось испанское решение вопроса престолонаследия. Король и правительство стремились прежде всего к тому, чтобы сохранить единство монархии. Как покажет течение войны за испанское наследство, в Кастилии и вообще в Испании многие желали дальнейшего существования испанской монархии.

Между тем решающей в те месяцы оказалась позиция высшего духовенства в лице кардинала Луиса де Портокарреро, члена Государственного совета, архиепископа Толедо с 1677 года. Весной 1699 года Портокарреро удалось принять на себя руководство государственными делами. Он был ответственным за окончательное завещание Карла II. 29 октября 1700 года, уже почти на смертном одре, король назначил его регентом Испании. Если вспомнить о роли Нитгарда в начале регентства, то может показаться, что правление Карла II словно окрашено пурпуром.

Вообще последняя треть XVII века также была и зенитом политической власти церкви в Испании, что нашло выражение, в частности, в назначении Филиппом IV сразу двух прелатов в Правительственное собрание. Еще нагляднее сила церкви проявилось в аутодафе летом 1680 года, которое Инквизиция смогла ус-

троить в присутствии короля и всего двора на Главной площади. Тогда лишились жизни около 100 мнимых вероотступников.

Чрезмерная религиозно-мистическая экзальтированность дворцовой элиты нашла причудливое выражение в экзорцизме, который по совету королевского духовника в июле 1699 года стали применять к Карлу II. Улучшения состояния болезненного короля после этого не последовало, так что решить вопрос о престолонаследии таким путем не удалось. Все же благодаря этому сенсационному способу в Мадриде увековечился пренебрежительный титул «*el hechizado*» (Зачарованный), который присвоили тогда Карлу II и под которым он до сих пор известен в Испании.

«Зачарованному» королю и Австрийскому дому примерно к 1700 году в ходе нескончаемых битв против французских войск не хватало уже трогательного проявления преданности и общеиспанской лояльности. В Брюсселе после тяжелых разрушений, сделанных французской артиллерией в 1695 году при восстановлении зданий Гранд-пласа в доме корпорации пекарей были извлечены на свет бюст и регалии Карла II с надписью: «Цех пекарей хранил здесь победные трофеи, с которыми Карл II с великой славой торжествовал победу». Со своей стороны, опубликованные в 1709 году каталонские анналы Наркиса Фелу де ла Пенья поют дифирамбы этому королю, «его усердию, несмотря на тяжелые препятствия, его целостности, его желанию отличить [своим посещением] эту провинцию [Каталонию], как бы не удерживала его от этого болезнь. Короче говоря, это был лучший король, какой был у Испании, хотя его министры действовали, как указано выше»⁴⁴.

Насколько подобные проявления верности Карлу II различных земель короны могли обеспечить дальнейшее

пребывание оных в структуре испанской монархии, в конечном счете предстояло решить великим европейским державам и затяжной войне за испанское наследство. Память о Карле II и времени габсбургской династии в Испании хранят здесь и поныне*.

* Министр культуры Испании великодушно поддержал работу над этой статьей в Мадриде. Дом Веласкеса (Casa de Velazquez) в Мадриде еще раз стал рабочей базой. Искренняя благодарность приносится обоим учреждениям, а также проф. Гилу Новалису и проф. Фернандесу Албадехо за оказанную помощь. Большую благодарность автор выражает городскому институту изобразительных искусств во Франкфурте-на-Майне за любезно предоставленное разрешение перепечатать портрет Карла II работы Козью. Приведенная репродукция напоминает о потере этой картины в неразберихе по окончании войны.

Эстебан Мауэрер

ФИЛИПП V (1700–1724/1724–1746)

Филипп V, герцог Анжуйский, род. 19.12.1683 г. в Версале. На испанский трон призван 24.11.1700 г. в Мадриде. Принесение присяги 8.05.1701 г., отречение 10.01.1724 г. в пользу сына, Людовика. После смерти последнего второе вступление на престол 7.09.1724 г. Скончался 9.07.1746 г. в Мадриде, погребен в монашеской церкви Святой Троицы (Santisima Trinidad) в Ла Гранха де Сан-Ильдефонсо.

Отец: Луи, дофин Франции (1661–1711). Мать: Мария Анна Баварская (1660–1690). Братья и сестры: Людовик, герцог Бургундский (1682–1712); Шарль, герцог Беррийский (1686–1714).

Женитьба на Марии Луизе Савойской (1688–1714) 11.09.1701 г. в Турине (бракосочетание по доверенности) и 2.11.1701 г. (личное бракосочетание) в Фигерас. Вторая женитьба на Елизавете Фарнезе Пармской (1692–1766) 16.09.1714 г. в Парме (бракосочетание по доверенности) и 24.12.1714 г. в Гвадалахаре (личное бракосочетание).

Дети от первого брака (пережившие детский возраст): сын Людовик, принц Астурийский, род. 25.08.1707 г., после отказа 9.02.1724 г. Филиппа от трона король Испании, скончался 31.08.1724 г.; Фердинанд VI (1713–1759), король Испании (1746–1759). Дети от

второго брака (пережившие детский возраст): Карл III (1716–1788), герцог Пармский (1731–1734), король Неаполя и Сицилии (1734–1759), король Испании (1759–1788); Мария Анна Виктория (1718–1781), с 1750 г. королева Португалии; Фелипе (1720–1765), с 1748 г. герцог Пармский; Мария Тереза (1726–1746), в 1745 г. замужество с Луи, дофином Франции; Луи Антонио (1727–1785), кардинал и архиепископ Толедо (1735–1746); Мария Антония Фердинанда (1729–1785), с 1773 г. королева Савойи и Сардинии.

Утром 16 ноября 1700 года король Франции, Людовик XIV, сделал в присутствии своего внука, Филиппа Анжуйского, перед двором следующее заявление:

«Господа, здесь стоит король Испании, ему была предназначена эта корона с рождения. Скончавшийся король передал ее ему по завещанию, вся нация высказалась за него и настойчиво у меня его испрашивала; это веление небес; я с радостью дал согласие». И, повернувшись к внуку, добавил: «Будьте хорошим испанцем, это в данный момент ваша благороднейшая обязанность, но не забывайте, чтобы сохранить согласие между двумя нациями, что вы родились французом. Это средство сделать ее счастливой и сохранить мир в Европе»⁴⁵.

Политическая борьба вокруг испанского наследства

То, что в описании герцога Сен-Симона выглядит как втройне (по праву рождения, завещательному распоряжению последнего испанского Габсбурга, а также по согласию испанцев) законная и поэтому внешне бесконфликтная передача всего испанского наслед-

ства 16-летнему французскому Бурбону, в действительности поставила европейскую государственную систему и составные части испанской монархии перед серьезной проблемой. Как очень скоро выяснилось, Европа, с ее шаткой системой мира, не одобряла утверждения в Испании короля французского происхождения. Вспыхнула охватившая Европу и заморские территории «мировая война» (Ганс Шмидт) великих европейских держав, переросшая в Испании в гражданскую войну. Конфликт, представлявший собой величайшую угрозу господству Филиппа, международно-правовым путем удалось урегулировать лишь в 1713–1714 годах на Утрехтской и Раштаттской мирных конференциях.

Вооруженное противостояние, обострившееся в 1701 году, назревало уже давно. С тех пор, как стало очевидно, что немощный Карл II не оставит наследников, в европейских кабинетах занялись поиском урегулирования вопроса престолонаследия — неизменно возникающая в подобных случаях проблема конкурирующих притязаний. По остроумному замечанию Андриса Крауза, Европой во времена «Старого режима» управляла одна единственная семья, делившаяся на множество боковых ветвей — великих семейств европейских династий». Она обострялась еще тем обстоятельством, что в качестве самых серьезных кандидатов на испанскую корону выступали глава австрийской линии дома Габсбургов император Леопольд I и французский король Людовик XIV. Оба были племянниками и в то же время зятьями Филиппа IV Испанского.

Ожидать четкого прояснения сложного правового вопроса не приходилось, так что в случае открытия наследства непременно должна была возникнуть острая политическая ситуация. Хотя на рубеже 1700 года

политическая и экономическая мощь Испании была подорвана, она все же еще представляла собой политическую силу с весьма протяженными владениями, а именно метрополией, испанскими Нидерландами, Верхней Италией с герцогством Миланским, Неаполем, Сардинией и Сицилией, а также заморскими владениями — государство, которое при умном управлении вновь могло стать важным фактором в европейской политике.

Для морских держав, Англии и Нидерландов, при данной политической конъюнктуре для сохранения равновесия сил в Европе необходимо было не допустить вступления в общее наследство ни одного из главных претендентов, но разделить наследство на несколько частей, а также поставить испанским королем какого-нибудь представителя, так сказать, нейтральной третьей стороны, имевшего право на наследство, и удовлетворить остальных претендентов. Подобные рассуждения легли в основу первого договора о разделе между Англией, Францией и Нидерландами от 11 октября 1698 года, который назначал главным бенефициарием баварского кур-принца Иосифа Фердинанда, правнука Филиппа IV, но обходил испанские интересы, направленные на сохранение единства государства. Поэтому в ноябре 1698 года король Карл утвердил Иосифа Фердинанда в качестве универсального наследника, однако после смерти в феврале 1699 года баварского принца этот план утратил значение.

Во втором договоре о разделе (11 июня 1699 г.) Англия и Франция договорились о том, что Людовик XIV даст согласие на передачу Испании с колониями и Нидерландами эрцгерцогу Карлу, второму сыну императора, но при этом сможет взять себе испанские владения в Италии, однако с той поправкой, что обменяет с герцогом Лотарингским Леопольдом Лота-

рингию на Милан. С этим договором раздела, к которому 3 марта 1700 года присоединились также голландцы, однако, не согласился император, так как не мог смириться с потерей Милана. Также он надеялся на то, что возмущение, вызванное в Мадриде разделом стран испанской короны, приведет к завещательному отказу в пользу эрцгерцога Карла.

Этому желанию не суждено было сбыться — из дипломатической борьбы, которой были отмечены последние месяцы жизни короля Карла, победителем вышла французская партия. 3 октября 1700 года смертельно больной Карл подписал завещание в пользу Филиппа Анжуйского, в котором тот объявлялся единственным наследником и где с целью минимального нарушения равновесия в Европе прямо предусматривалось, что Испания никогда не должна объединяться с французской монархией. В случае отказа от завещания австрийские Габсбурги должны были унаследовать неразделенное имущество. Несмотря на эти гарантии, вскоре открывшееся наследство (король умер 1 ноября того же года) показало, что последняя воля Карла в любом случае должна была привести к европейскому кризису, который едва ли возможно было решить мирным путем.

Дилемма, вставшая перед Людовиком XIV, четко охарактеризована Клаусом Малеттке: приняв завещание, он тем самым нарушал второй договор о разделе и поступал несправедливо по отношению к морским державам. Напротив, отказ от завещания сделал бы наследником императора — а это совершенно не согласовывалось с государственными интересами Франции. Соблюдение договора о разделе в конце концов привело бы к конфликту с Испанией и императором. «Вопрос о праве на наследство», если говорить словами Иоганна Куниша, стал «главным и государственным

актом общеевропейской политики», типичным кризисом системы династически ориентированной государственной политики в эпоху абсолютизма. Имея перед глазами вышеописанную дилемму, Людовик XIV, взвесив все шансы и опасности на своем Государственном совете, решился принять завещание для своего внука, который тем самым становился первым Бурбоном на испанском троне.

Юность Филиппа

О юности и воспитании Филиппа, который родился в 1683 году в Версале и сразу после рождения был поручен заботам кормилец и гофмейстеров, известно мало. В династических расчетах как сыну престолонаследника ему отводилась лишь подчиненная роль. Положение изменилось лишь после того, как по испанскому завещанию он стал фигурой на шахматной доске европейской дипломатии и приобрел значение для своего дедушки. Его мать, проведшая последние годы своей жизни совершенно уединенно, практически не принимала участия в его воспитании и умерла, когда Филиппу было семь лет. Также его отец, который, по язвительному замечанию Сен-Симона, «постепенно оплывал жиром и апатией», мог внести мало полезного в развитие сына. Больше любви и симпатии чувствовал Филипп со стороны своей двоюродной бабушки, Лизелотты фон дер Пфальц, герцогини Орлеанской, но даже та не могла исправить проявившийся уже в раннем возрасте мрачный нрав мальчика, нашедший выражение в скуке, пресыщенности и меланхолии.

Главным воспитателем был до 1697 года Франсуа Фенелон, передавший Филиппу и его братьям, помимо расхожих монарших добродетелей, убеждение в

том, что образ жизни, безусловно, должен ориентироваться на религиозные ценности. Филипп остался верен этим указаниям: на протяжении всей жизни он оставался очень набожным, а под конец стал ежедневно исповедоваться. Напротив, обычаи версальского двора отталкивали его; он держался в стороне от легкомысленных развлечений. Это можно связать также с его застенчивостью, неуверенностью в себе и с его замедленной сообразительностью и нерасторопностью. Впрочем, люди из его окружения характеризовали его скорее как доброго и щедрого правдолюбца.

Советы, которые Людовик давал своему внуку перед отъездом 4 декабря 1700 года в Испанию и по дороге, проливают свет на черты его характера, ибо дедушка ему советовал не запускать государственных дел, не позволять опекать себя советникам и не терпеть вокруг себя камарилью. Жизни Филиппа как монарха суждено было продемонстрировать, что Людовик очень точно знал слабости своего внука.

Вступление на престол

В феврале 1701 года Филипп со своими французскими советниками въехал в Мадрид, где его с воодушевлением приветствовал народ. Портрет Гиасента Риго, показывающий Филиппа в испанском платье, совпадает с описанием Сен-Симона (а также хронологически): «Он был высокого роста, в первом расцвете молодости, имел такие же светлые волосы, как у умершего короля и королевы, своей бабушки, был серьезен, важен, молчалив, размерен, сдержан, короче, словно создан для жизни среди испанцев; и при всем том внимателен по отношению к каждому в отдельности...»⁴⁶. Политика Филиппа в первые месяцы была нацелена на то, чтобы преодолеть антагонизм между

сторонниками французской партии и сторонниками Габсбургов, чтобы представить себя как независимого от Версаля короля и завоевать доверие дворянства.

Поначалу политика эта имела успех. 8 мая 1701 года его признали и принесли присягу штаты Кастилии, в январе 1702 года король добился согласия штатов Барселоны, в ответ на что подтвердил привилегии Каталонии. В апреле королева приняла в Сарагосе присягу на верность Арагонских штатов, в том же месяце Филипп приехал в Неаполь и принял присягу итальянских подданных. Филипп был признан повсеместно, и, казалось, что единство монархического союза будет сохранено. Укреплению новой династии послужил брак с тринадцатилетней Марией Луизой Савойской, которая намного превосходила супруга энергией и умом и вместе со своим доверенным лицом, принцессой Орсини, также получившей указания Людовика XIV, оказалась в центре политических событий.

Война за Испанское наследство

В то время как переход власти совершился без всяких потрясений, положение в Европе обострилось. В это внес свою лепту и Людовик XIV, который в феврале 1701 года повелел Парижскому парламенту подтвердить законность притязаний Филиппа на французский престол и послал войска в испанские Нидерланды. Находившиеся там голландские гарнизоны были взяты в плен — явное нарушение Рисвикского мира 1697 года. Благодаря усилившемуся сотрудничеству между Францией и Испанией была разрешена французская торговля в испанских колониях. Гвинейская компания получила в 1701 году так называемое *асьенто* — монополию на поставку чернокожих африканских рабов в колонии. Морские державы долж-

ны были чувствовать себя обойденными. Они опасались, что Франция и Испания дойдут до торгового и постепенно политического союза. Так что поздней осенью 1701 года объединились уязвленный в своем наследственном праве император и морские державы, усматривавшие угрозу своим экономическим интересам и европейским «свободам». Присоединились и другие небольшие государства, чтобы — согласно формулировке английского объявления войны — силой оружия защитить «balance de l'Europe»^{*}.

В первые годы борьба велась главным образом в Италии, на Рейне и во Фландрии, тогда как Иберийский полуостров оставался в стороне. Поскольку в войне за испанское наследство образовались многосторонние конфликтные очаги, возникли раздельные театры военных действий: война в Центральной Европе практически никак не была связана с войной в Испании, которая, став гражданской, приобрела дополнительную остроту. Когда в марте 1704 года эрцгерцог Карл, который за полгода до этого в Вене провозгласил себя уже третьим претендентом на испанский престол, высадился в союзнической Португалии, военные действия перекинулись на полуостров. Французские войска были посланы в Испанию, где назначенные Людовиком XIV специалисты в области управления попытались путем реформирования военной и финансовой систем мобилизовать ресурсы страны. Эти меры не имели значительного успеха, да и в военном отношении дела Бурбонов вскоре стали совсем плохи.

После того как в августе 1704 года Испания потеряла крепость Гибралтар, морские державы начали владычествовать в западном Средиземноморье. В октябре капитулировала Барселона, перейдя на сторону

^{*} Европейское равновесие (фр.).

Карла, за ней последовала остальная Каталония и Мальорка. В этих частях страны существовало большое предубеждение против властителя, который, как Филипп, происходил из сильно централизованной страны. В 1706 году войска Филиппа были оттеснены за Арагон к Португалии. Одновременно французы были изгнаны из Италии и испанских Нидерландов. В июне Филиппу пришлось отступить перед натиском союзнических войск из Кастилии и отдать Мадрид Карлу III, который 2 июля был провозглашен королем. Казалось, Бурбоны побеждены.

В этой тяжелой ситуации новую династию спасло население Кастилии, которое ожидало от Филиппа сохранения своего привилегированного положения. Карл же, которого арагонцы рассматривали в качестве гаранта традиционных свобод, не встретил поддержки в центральной части страны и отступил в сторону Валенсии. Филипп вернулся в Мадрид и перешел в наступление, которое принесло значительную победу в битве под Альмансой 25 апреля 1707 года. Были отвоеваны Валенсия и Арагон, и все же положение Бурбонов существенно не улучшилось.

В 1709 году, после плохого урожая и суровой зимы, наступил сильный продовольственный кризис с повсеместным подорожанием, голодом и высокой смертностью. Военные неудачи и дипломатические поражения — папа Клементий XI признал Карла королем Испании — заставили Людовика пустить первый пробный шар мира. Между тем крепла воля Филиппа к сопротивлению. Он отверг не совсем безосновательные слухи, согласно которым Бурбоны хотели отдать Испанию, созвав в апреле 1709 года в Мадриде штаты, чтобы объявить своего сына, Людовика, принцем Астурийским и вместе с тем наследником престола — тем самым подтвердив, что не намерен отказываться от своих прав на трон.

Летом следующего года части французских войск отступили, и армия Филиппа потерпела тяжелые поражения при Альменаре и Сарагосе. Мадрид больше нельзя было удержать, и Карл смог во второй раз вступить во враждебно настроенный город, из которого, однако, ему снова пришлось отступить. Армия Филиппа перешла в контрнаступление и победила при Бриуэге и Вильявисьосе, что открывало путь в Арагон и Каталонию и снимало угрозу Мадриду. В распоряжении Карла оставалась лишь небольшая часть Каталонии. Уставшие от войны англичане и голландцы прекратили помогать полуострову.

Если это был — при ретроспективном взгляде на события — перелом в войне, то после внезапной смерти в апреле 1711 года императора Иосифа возникло в корне новое общестратегическое положение. Перспектива, что его брат-наследник Карл объединит Испанское государство с германскими землями Габсбургов и императорским достоинством, совершенно не мирилась с идеей европейского равновесия — и великий альянс распался. После того как в сентябре 1711 года Карл покинул Барселону, чтобы вступить во владение Империей, чаша весов окончательно склонилась в пользу Бурбона, тогда как положение его каталонских подданных ухудшилось. В 1713 года император отозвал свои войска и сам оставил страну; каталонцы же ожесточенно сопротивлялись до падения 13 сентября 1714 года Барселоны. Филипп, наконец, стал хозяином на полуострове.

Мирные переговоры

Первые мирные переговоры начались уже в кризисный 1709 год. Однако они провалились, поскольку союзники предъявили Людовику, который был готов

на мир любой ценой, оскорбительные требования: он должен был силой оружия выгнать из Испании своего внука. Затем в доме Габсбургов произошла династическая перемена, которая проложила путь к миру. По Утрехтскому миру от 11 апреля и 13 июля 1713 года, который одиннадцатью договорами регулировал испанские и европейские дела, Филипп был признан королем Испании с тем условием, что короны Испании и Франции никогда не окажутся на одной голове. Цена, которую Филипп должен был заплатить, складывалась из территориальных компенсаций. Император, который сначала не желал отказываться от притязаний на испанскую корону, получал испанские Нидерланды и итальянские владения. Герцог Савойский, Виктор Амадей II — королевство Сицилию. Англия могла оставить себе Гибралтар, Мальорку и получала на 30 лет *асьенто* и другие торговые привилегии.

Цель, ради которой Бурбоны вступили в войну, а именно обладание неразделенным испанским наследством — не была достигнута. Многие же современники восприняли отход итальянских и нидерландских владений как освобождение от тяжкого бремени, что открывало путь к внутренним реформам.

Внутренняя политика

Прежняя бурбонская политика реформ восходила к мотивам и планам времен Габсбургов, которые при Карле II не смогли, однако, пробить себе дорогу. Только переворот в общественно-политической жизни в результате войны за наследство предоставил возможность и средства добиться перелома в реализации идеи монархистского абсолютизма. Образцом служила централизованная государственная структура во Фран-

ции Людовика XIV, перенос которой в Испанию, однако, столкнулся с препятствиями в виде территориальных преимущественных прав. При вступлении на престол Филиппу пришлось поклясться в их соблюдении, однако мятежи на периферии давали теперь возможность ликвидировать многие из этих привилегий. Традиционному различию региональных основных законов в период между 1707 годом (Валенсия) и 1716 годом (Каталония) был положен конец; исключение было сделано лишь для Наварры и баскских земель.

Конечно, нельзя подходить к этому объединению отдельных стран в централизованное государство с сегодняшней меркой, поскольку в подчиненных государствах сохранялись устоявшиеся частноправовые нормы — уподобление коснулось, по сути, лишь административного права и организационной структуры власти. Лишенные своего особенного положения провинции перешли в административное подчинение интендантов, которые служили связующим звеном между Советом Кастилии (высшим органом власти) и местными носителями власти. Следуя французскому образцу, интенданты, введение которых считается важнейшим новшеством Бурбонов, подчинялись непосредственно государственным секретарям и через них королю.

Знать постепенно стала терять господствующее положение в пользу выдвигающейся по критерию эффективности бюрократии. Высшие эшелоны государственной власти претерпели существенные изменения, нацеленные на усиление положения государственных секретарей или министров, которые, в свою очередь, стали исполнителями королевской воли. Авторитет монархии по отношению к церкви удалось значительно поднять тем, что корона настояла на правах (в том

числе и экономических), ограничивавших духовенство. Это привело к длительной напряженности в отношениях, преодолеть которую удалось лишь в конкордате * 1753 года.

В области хозяйственной политики после войны за наследство удалось стабилизировать стоимость денег и достичь прогресса в создании единого экономического пространства. Поощрялись торговля и ремесла, создавались торговые компании. И все же, несмотря на влияние прагматически-утилитаристских просветительских идей, коренного реформирования экономики достичь не удалось. Напротив, огромную важность и большие последствия для будущего имели академии, основанные под покровительством Филиппа, — Королевская академия (1714), Медицинская академия (1734), Историческая академия (1736) и Академия изобразительных искусств (1744).

Внешняя политика

Надежды испанцев на мир после окончания войны за наследство не сбылись — правление Филиппа было почти непрерывной последовательностью войн. Вызваны они были попытками монархов — в разрез мирным договорам Утрехта — вновь утвердиться в Италии и вернуть себе прежнее положение, на что не могли равнодушно взирать великие европейские державы. Еще одной константой испанской внешней политики в дальнейшем стало государственно-силовое и торгово-политическое противостояние Англии, рождавшее конфликты в заокеанских колониях и в западном Средиземноморье и подталкивавшее к новому сближению с Францией.

* Соглашение. — *Прим. ред.*

Итальянские интересы приобрели конкретное направление благодаря второй жене Филиппа, Елизавете Фарнезе, заявлявшей наследственные права на Парму, Пьяченцу и Тоскану. Новая королева, полностью подчинившая себе все более физически дряхлеющего супруга, вскоре после свадьбы в конце 1714 года вместе с аббатом Альберони взяла на себя руководство испанской политикой, чтобы обеспечить своему сыну, который не имел никаких прав на испанский трон, княжеское положение в Италии. Хотя и удалось, без вступления в союзы, отвоевать в 1717 году Сардинию и в 1718 году Сицилию, однако Англия, Франция, Соединенные Нидерланды и император вошли в так называемый Четверной союз, который не стал терпеть нарушения равновесия сил и с помощью военной силы принудил Филиппа и Елизавету сместить Альберони и присоединиться к союзу. В качестве компенсации сын Карл получил кандидатское право на Парму, Пьяченцу и Тоскану.

Поскольку на Камбрейском конгрессе не удалось прояснить некоторые все еще спорные вопросы, испанская политика совершила неожиданный поворот: начались переговоры напрямую с императором. По Венскому договору (1 мая 1725 года) Филипп добился от Карла VI де-факто уже давно существовавшего признания в качестве испанского короля, а также обещания, что его сын при открытии наследства получит на ленных правах Тоскану и Парму. В качестве ответной услуги Ост-Индийской компании предоставлялись торговые привилегии. Этот союз означал аннулирование альянса между Испанией, Англией и Францией и побудил Англию к принятию силовых мер по защите своих торговых интересов.

По Севильскому договору (9 ноября 1729 года), обозначившему новый поворот в испанской политике,

разрывался союз с императором и подтверждались старые торговые привилегии англичан и французов взамен на поддержку итальянских амбиций — в 1731 году английский флот доставил инфанта Карла в его герцогство Пармское и Тосканское. Однако и эта договоренность долго не продлилась, поскольку интересы Англии и бурбонских держав не совпадали. В лице Хосе Патиньо руководство внешней политикой с 1726 до 1736 года принял на себя человек, в чьих убеждениях преобладающую роль играли антипатии к Англии. Будучи противником альянса с Австрией, он искал союза с Францией и строил сильный флот, чтобы иметь возможность противостоять Англии на море.

Сближение с Францией, зафиксированное в первом семейном пакте от 7 ноября 1733 года, должно было обеспечить итальянские приобретения (в том числе будущие) и пресечь английские амбиции на море. Поводом к заключению этого пакта послужил международный кризис, возникший из-за неясной ситуации с польским престолонаследием. Филипп воспользовался ситуацией, чтобы в 1734 году завоевать Неаполь и Сицилию для своего сына, который был провозглашен королем Обеих Сицилий. Эти приобретения император признал в Венском прелиминарном мире от 3 октября 1735 года с тем условием (Испания на него пошла весьма неохотно), что Парма и Тоскана отойдут к Габсбургам.

Новое усиление Испании, сопровождавшееся растущим экономическим соперничеством, Англия восприняла как угрозу. Споры вокруг торговли с колониями привели осенью 1739 года к войне в Вест-Индии, из которой Испания смогла выйти победительницей. Вскоре после этого центр тяжести вновь переместился на европейскую сцену, где после смерти императора Карла VI в 1740 году разразилась война за Авст-

рийское наследство, в которой Испания участвовала на стороне Франции против Австрии и Англии.

Для Елизаветы Фарнезе это был желанный повод для возобновления прерванной Венским прелиминарным миром борьбы за Италию. Антибурбоновская коалиция между Англией, Австрией и Сардинией привела к тесному сближению Франции с Испанией. Это нашло отражение во втором семейном пакте от 25 октября 1743 года, по которому Людовик XV обязался вступить в войну против Англии и Сардинии, а также оказать поддержку в завоевании Милана, а в дальнейшем — Пармы и Пьяченцы для испанского инфанта Фелипе. Хотя и не удалось сломить английское господство в Средиземном море, все же после ряда побед над сардинско-австрийской армией инфанту Фелипе удалось в 1745 году войти в Милан. Правда, незадолго до смерти Филиппа V в июле 1746 года испанцы вынуждены были вновь очистить Ломбардию и воевали после этого с меньшим успехом до Ахенского мира 18 октября 1748 года, положившего конец войне за Австрийское наследство.

Инфант Фелипе получил по праву рожденного вторым Парму и Пьяченцу. Гибралтар и Менорку отвоевать так и не удалось. Также не получилось освободиться и от кабальных торговых договоров. И хотя на момент смерти Филиппа V Испания не вернула себе ранг великой державы, все же теперь она могла принимать участие в глобальной европейской политике в качестве самостоятельного фактора и готова была вот-вот оправиться от тяжелых потрясений, связанных с участием в европейских войнах.

Почти сорокатиетнее правление Филиппа V является одним из продолжительных в испанской истории, и все же ему не удалось — как, например, его дедушке Людовику XIV — стать одним из определяющих

факторов своей эпохи. Уже в 1701 году, вскоре после приезда в Испанию, камергер Лувилье выразил убеждение, что Филипп — король, который не правит и никогда не будет править. Во время войны за Испанское наследство он продемонстрировал солдатскую храбрость, энергичность и решительность, чем заслужил прозвище «el Aminosos» (Отважный), однако вскоре в его характере усилилась проявившаяся еще в юности склонность к апатии и меланхолии, и Филипп постепенно впадал в патологическое безволие, которое порой ставило его в полную зависимость от окружения. Пресытившись государственными делами, он проводил дни со своей супругой в кровати и со своим духовным отцом в исповедалине, а также, при случае, на охоте.

К концу 1723 года все были озабочены тем, что король может стать совершенно непригоден для исполнения государственных обязанностей или даже умрет. Этого не случилось, однако через несколько месяцев Филипп осуществил давно уже принятое решение и отрекся в пользу своего сына Людовика, чтобы полностью посвятить себя служению Господу и удовлетворению своей набожности. Правление сына, впрочем, длилось всего полгода, так что Филиппу снова пришлось сесть на трон. Поскольку королева верила, что таким образом удастся рассеять мрачность духа супруга, в 1729 году двор перебрался в Андалусию, где оставался четыре года. Однако улучшения не последовало. За это время Филипп изменил свой распорядок, превратив ночь в день. Он трапезничал после полуночи, после чего отправлялся со своей свитой на рыбалку, которая заканчивалась на рассвете, после чего шел спать.

После возвращения двора в Мадрид, на охоту он больше не выезжал, но вызывал к себе на два часа

утра министров и завтракал в пять. Первую половину дня король спал, вторую проводил в постели, где решал государственные дела, и в столовой. Для упорядоченной деятельности правительства эти привычки были пагубны, зато как нельзя больше подходили монарху, который не хотел быть королем. Только знаменитому певцу Фаринелли, который с 1737 года жил в Мадриде, удавалось своими поначалу почти еженощно исполняемыми ариями выводить Филиппа из депрессии. Но до радикального выздоровления дело не дошло. В этой ситуации ничего не изменилось до самой смерти Филиппа. Он не был значительным монархом, но в течение его правления, приведшего на испанский трон новую династию, были заложены основы, на которых покоилась Испания в XVIII веке и в последующие времена.

Рената Пипер

ФЕРДИНАНД VI (1746–1759)

Фердинанд VI, род. 23.09.1713 г. в Мадриде. После смерти своего старшего брата, Людовика I, с 1724 г. принц Астурийский. Испанским королем провозглашен 10.07.1746 г. Скончался 10.08.1759 г. в Виллавикиоса-де-Одон, погребен рядом со своей женой в Монастыре салесианерянец в Мадриде.

Отец: Филипп V (1683–1746); мать: Мария Луиза Савойская (1688–1714). Братья и сестры (пережившие детский возраст): Людовик I (1707–1724), король Испании (1724). Сводные братья и сестры (от второго брака его отца, Филиппа V с Изабель (Елизаветой) Фарнезе (1692–1766): Карл III (1716–1788), король Испании (1759–1788); Мария Анна Виктория (1718–1781), с 1729 г. замужем за португальским престолонаследником Иосифом, принцем Бразильским, впоследствии Иосифом I Португальским; Фелипе (1720–1765), с 1739 г. женат на Луизе Изабелле Французской, с 1748 г. герцог Пармский, Пьяченцкий и Гасталльский; Мария Тереза (1726–1746), замужем за Людовиком, дофином Франции, сыном Людовика XV; Луис Антонио (1727–1785), архиепископ Толедо, с 1735 г. кардинал, в 1754 г. отрекся от кардинальского сана, с 1776 г. женат на Марии Терезе де Валлабрига-и-Розас, граф Чинчонский; Мария Антония Фернанда (1729–1785),

с 1750 г. замужем за Витторио Амедео, принцем Пьемонтским, сыном короля Сардинии, под именем Виктора Амадея III королем Сардинии (1773–1796) и герцогом Савойским, королева Сардинии (1773–1785).

Женитьба на Барбаре Браганза (1711–1758), дочери португальского короля, 19.01.1729; брак остался бездетным.

Характер Фердинанда VI

Фердинанд VI Испанский родился 23 сентября 1713 года в Мадриде. По описаниям современников он был сравнительно небольшого роста, с приятным светлым выразительным лицом, хотя и изрытым оспою. Голубые глаза и черты лица, равно как и живые и грациозные движения, отличавшие его от чопорных окружающих его испанцев, выдавали в нем бурбоно-французское происхождение.

Английским посланником король характеризовался как добродушный и спокойный, хотя и склонный к неожиданным, бурным реакциям. Набожность и безупречный образ жизни сочетались со стремлением творить добро; неуверенность вела к отсутствию решимости, но порой он бывал упрям и даже агрессивен. Противоречивые оценки и реакции приписывались меланхолии, которой Фердинанд был подвержен, подобно своему отцу. Короля наделяли лишь посредственными умственными способностями, указывая на заметное отсутствие в нем качеств руководителя. Его пристрастиями считались охота и музыка, но никак не государственные дела.

Детство и юность

Фердинанд VI был четвертым сыном короля Филиппа V Испанского и его первой супруги Марии Лу-

изы Савойской. Его мать, до того уже долго болевшая, умерла через несколько месяцев после его рождения, 14 февраля 1714 года. Поскольку Филипп V уже 16 сентября 1714 года повторно женился, еще не достигший годовалого возраста Фердинанд рос под присмотром своей мачехи Изабеллы Фарнезе. Из троих братьев от первого брака его отца только старший, Людовик I, пережил детский возраст. И Фердинанд до самого вступления на трон и женитьбы оставался связан со своими шестью сводными братьями и сестрами.

Как младший сын, Фердинанд вначале носил титул инфанта Кастильского. В 1724 году его отец, Филипп V, отрекся от престола, и 9 февраля 1724 года семнадцатилетний брат Фердинанда, Людовик I, был провозглашен королем, но 31 августа 1724 года пал жертвой оспы. После долгих колебаний Филипп V вновь вернулся к государственным делам, между тем как 25 ноября 1724 года одиннадцатилетний Фердинанд был объявлен кортесами, сословным собранием, принцем Астурийским, т. е. престолонаследником.

Отныне начались оживленные поиски подходящей для будущего испанского короля супруги. После продолжительных переговоров короли Испании и Португалии договорились о двойной свадьбе. 11 января 1728 года испанский престолонаследник обручился со старшей дочерью португальского короля Марией Барбарой Браганза. Португальский престолонаследник Иосиф, принц Бразильский, — со старшей дочерью испанского короля Марией Анной Викторией. Свадьбы состоялись 19 января 1729 года, в скверную погоду, на мосту через протекавшую по границе между Португалией и Испанией реку Кая, близ города Элваш. Там покинули со слезами одиннадцатилетняя Ана Виктория и семнадцатилетняя Барбара своих родителей, сестер и братьев, чтобы под руку со своими

пятнадцатилетними супругами отправиться к новым дворам и в новые страны.

При первом свидании, на свадьбе, Фердинанд настолько возненавидел свою рослую, осанистую жену, с обезображенным оспой лицом, что поначалу под предлогом, что обманулся в ее внешности, хотел отказаться от брачного контракта. Хотя рожденная 4 декабря 1711 года в Лиссабоне Барбара, по мнению зарубежных посланников, была так же добродушна, воспитанна и музыкальна, как Фердинанд, но в противоположность своему мужу отличалась умом, силой воли, образованием и политическим благоразумием. Как и у Фердинанда, у нее было слабое здоровье. Бездетный брак привел к тому, что Барбара Браганза стала опасаться остаться вдовой без средств к существованию. Обусловленное этими страхами поведение казалось придворным корыстолюбием. Несмотря на первоначальную антипатию Фердинанда, решительной и чуткой Барбаре довольно скоро удалось завоевать доверие своего слабовольного и душевно неуравновешенного мужа и стать ему надежной опорой.

Хотя Фердинанд и был провозглашен принцем Астурийским, королева Изабелла Фарнезе прикладывала все усилия к тому, чтобы до смерти Филиппа V чету престолонаследника не допускали к государственным делам. Решающее значение здесь могли иметь наклонности Фердинанда. Но они никак не объясняют, почему Изабелла Фарнезе лишила принца и его супругу любых контактов с иноземными посланниками и в 1733 году запретила им покидать свои покои в королевском дворце Буэн-Ретиро в Мадриде. Когда 9 июля 1746 года Филипп V скоропостижно скончался от сердечного приступа, у Фердинанда и Барбары не было ни политической подготовки, ни опыта.

Руководящие деятели при дворе Фердинанда и их политические цели

10 июля 1746 года во дворце Буэн-Ретиро Фердинанд VI был торжественно провозглашен испанским королем. Он унаследовал державу, финансы и экономика которой были истощены длительной войной и войска которой были до сих пор вовлечены в войну за Австрийское наследство в Италии и Карибском море. Поэтому самой неотложной целью его правления было удалиться с итальянского театра военных действий и завершить реформы, которые обсуждались или были начаты его отцом ради модернизации Испании в духе просвещенного абсолютизма.

Установка на гармонические политические перемены в начале правления Фердинанда VI совпала с кадровыми решениями. Сначала были назначены министры: маркиз Виллариас в качестве первого министра по делам королевской семьи и внешней политики, а также министра юстиции и маркиз Энсенада в качестве военного министра, министра финансов и по делам Индии. Последний был обязан своим пребыванием на посту, в частности, Хосе де Карвахалю-и-Ланкастеру (им же самым выдвинутому и еще до коронации бывшим тайным советником монарху). В личном окружении монарха вначале не произошло существенных изменений. Фердинанд VI оставил своего духовника, французского иезуита Жака-Антуана Февре, являвшегося одновременно духовником Изабеллы Фарнезе. Итальянский оперный певец Карло Броши, известный как Фаринелли, который развлекал еще его душевнобольного отца и пользовался особым благоволением и доверием Барбары Браганза, продолжал петь для испанской королевской четы. Даже супруга умершего Филиппа V и мачеха Фердинанда VI, Изабелла

Фарнезе, которая так долго определяла судьбу испанской политики, смогла остаться в Мадриде. Правда, ей пришлось покинуть королевский дворец Буэн-Ретиро и устроить себе резиденцию в Паласио де лос-Афлихидос.

Но, несмотря на примирительную позицию королевской пары, уже через короткое время возникла напряженность между представителями двора, олицетворявшими старую, ориентированную на внешнеполитические успехи и на Францию силовую политику, и силами, выступавшими за решительные внутренние реформы и мирную политику, а также за сближение с Англией и Португалией и группировавшимися вокруг Барбары Браганза. Так, доверенное лицо Изабеллы Фарнезе, маркиз Виллариас, попытался отстранить королеву Барбару, с первого дня принявшую участие в совещаниях короля с министрами. Она предложила воссоздать центральные королевские консультативные органы власти, которые должны были подготавливать королевские решения. Однако при поддержке португальского посланника сформировалась реформистская группировка, и уже в декабре 1746 года маркиз Виллариас частично лишился власти; его компетенция была ограничена министерством юстиции. Его преемником на должность декана Государственного совета и премьер-министра Фердинанд VI назначил англофила Хосе де Карвахалья-и-Ланкастера. Оба министра, маркиз Энсенада и Хосе де Карвахаль-и-Ланкастер, оказали существеннейшее влияние на внутреннюю и внешнюю политику Испании в правление Фердинанда VI.

В литературе неоднократно указывалось на противоречивые характеры и политические концепции этих министров. Карвахаль происходил из древнего дворянского рода, имевшего вотчину в Эстремадуре и родственников среди португальской знати, а также отда-

ленные семейные связи с Англией. Энсенада был выходцем из Арагона и родился в простой семье. В силу своего происхождения Карвахаль стремился к тесным связям с Португалией и Англией, чтобы избавиться от французской опеки. Энсенада, напротив, больше ориентировался на реформаторскую политику французских Бурбонов.

Эти внешнеполитические предпочтения отразились также на различных подходах к внутренней политике. Если Энсенада стремился увеличить испанский флот, чтобы еще сильнее привязать латиноамериканские колонии к метрополии и иметь возможность противостоять натиску Англии в испанских водах как по ту, так и по другую сторону Атлантики, то Карвахаль ратовал за усиление сухопутной армии, чтобы в случае необходимости дать отпор французским войскам. Коренным образом отличались они и в своих манерах. Карвахаль ценил скромный внешний вид и был склонен к бесцеремонным, резким и прямолинейным реакциям. В противоположность ему Энсенада, державший себя с величайшей помпезностью и любивший роскошь, был крайне предупредителен и гибок. Так что, казалось, министры блокируют один другого в осуществление политики, не сотрудничая между собой, и представляют монарху противоположные планы. Но, подводя итог их почти семилетней работы и учитывая долговременные последствия их деятельности, напрашивается вывод, что Карвахаль и Энсенада скорее дополняли друг друга. Королевская же чета поощряла их независимость.

В течение 1747 года интриги придворных из группировки Изабеллы Фарнезе обострились. Поэтому в июле 1747 года старая королева была выслана из Мадрида и была вынуждена обосноваться в королевской резиденции Ла-Гранха в Сан-Ильдефонсо. Уже в марте

Фердинанд поменял духовника: французского иезуита Февре, который продолжал оставаться духовником Изабеллы Фарнезе, сменил испанский иезуит Франсиско Раваго, который, хотя и был далеко не так блистателен и умен, как француз, но — по признанию английского посланника — отличался лояльностью и лучше подходил к столь же неблистательному королю. К тому же Раваго поддерживал убеждения Барбары Браганза. Тем самым королевская чета приобрела большую свободу действий.

Политика реформ при Фердинанде VI

Фердинанд VI и Барбара правили населением приблизительно в 19 миллионов человек, половина которого жила на Иберийском полуострове, половина — в латиноамериканских колониях. В Испании население концентрировалось в Галисии, Леоне, Новой Кастилии и Андалусии. В Америке основная масса колонистов проживала в сегодняшней Мексике и в области Анд. Районы с огромным экономическим потенциалом только приблизительно совпадали с густонаселенными центрами. В Испании самые высокие темпы роста и самые современные экономические реформы отмечались в прибрежных районах, в особенности Каталонии и в Кантабрии; в Америке особенно динамично развивалась Мексика, но уже обозначился также подъем Венесуэлы, региона Ла-Платы, а также тихоокеанского побережья Чили и Перу. Между тем в прибрежных районах Иберийского полуострова и процветающих областях Америки обнаруживались явные признаки социального раскола в обществе, ориентированном больше на экономические, чем на сословные критерии.

Поэтому целью монархов, а также маркиза Энсенеды была поддержка экономической и общественной

модернизации в рамках просвещенного абсолютизма, причем в Европе прежде всего поощрялось ремесленное и зарождающееся промышленное производство, в Америке же — горнодобывающая отрасль и сельское хозяйство. Помимо этой глобальной стратегии, нацеленной на усиление интеграции хозяйства колоний в экономику метрополий, в Испании старались также решать регионально-политические вопросы. Так, например, ремесла, в частности полотняные и шелковые производства Кастилии, попавшие в XVII веке в кризис, были поддержаны королевскими мануфактурами, которые начали закладывать еще во времена Филиппа V. При Фердинанде заметно возросли государственные дотации на эти мануфактуры и их производительность. Это было началом политики поощрения экономики, которую продолжил Карл III.

Энсенада поддерживал не только экономическую модернизацию Испании и ее колоний, но реформировал также государственные финансы. К 1753 году налоговые откупщики, от которых прежде поступало более 70 процентов всех налоговых сборов, были заменены в Испании и Америке государственными служащими. Несмотря на высокие административные расходы, устранение системы налоговых откупщиков к концу правления Фердинанда VI привело к повышению государственных доходов на 50 процентов.

Чтобы привести налогообложение в соответствие с экономической производительностью, Энсенада намерялся заменить взимаемые в Кастилии многочисленные отдельные налоги, которые преимущественно обременяли торговлю и потребление, единым сбором, которым должны были облагаться доходы и имущество (*unica contribucion**). Для этого он распорядился

* Единый сбор (исп.).

собрать обширные статистические данные о ситуации с доходами и имуществом в Кастилии — так называемый «кадастр Энсенады», результаты которого были представлены короне в 1757 году. Но поскольку к тому времени Энсенада был свергнут, противникам *uníca contribucion*, и прежде всего знати и духовенству, интересы которых задевались больше всего, удалось помешать введению этого налога на доходы и имущество.

Не ограничиваясь подъемом доходов путем повышения эффективности взимания налогов, Энсенада стремился также к повышению рациональности использования скудных финансовых средств короны. Для этого в 1749 году по всей Испании были введены должности интендантов провинций и армии. Чиновники эти были призваны координировать на уровне провинций деятельность гражданской, судебной, финансовой и военной администраций. Данными мерами Энсенаде удалось профинансировать восстановление испанского флота, который за несколько дней до вступления в силу Аахенского мира в октябре 1746 года понес огромный урон от англичан.

Энсенада распорядился расстроить испанские верфи, в частности в Галисии, и к концу правления Фердинанда VI удалось довести количество испанских военных кораблей до 76, чего при Бурбонах еще не бывало. Вместе с тем Энсенада улучшил обороноспособность Испании путем обновления старых и строительства новых крепостных сооружений, например, форта Фигерас в Каталонии, которому вскоре суждено будет устоять перед атакой французских войск. Кроме того, по его распоряжению было модернизировано производство оружия и боеприпасов, реорганизована армия и создана система провинциальной милиции. По его мнению, увеличение численности регулярной армии наверняка столкнулось бы с сопротивлением со

стороны населения и сильно нагрузило бы и без того нуждавшуюся в передышке после затяжных итальянских войн испанскую экономику.

В общем, можно утверждать, что правление Фердинанда VI характеризовалось центробежной экономической политикой, поскольку расходы по бюджету государства направлялись также в слабые регионы. Финансовая политика Энсенады была настолько успешной, что, невзирая на массивную программу вооружения, государственный долг упал и доходы короны впервые превысили ее расходы. Избыточные деньги складывались на хранение в депозитарий, чтобы предотвратить их негативное воздействие на экономическую деятельность.

В церковной политике глубоко религиозного короля Энсенаде удалось, после длительных тайных переговоров в 1753 году с курией, заключить соглашение, нормализовавшее отношения между Римом и Мадридом и усилившее положение короны по отношению к церкви. Но испанской короне не удалось добиться полного патронажного права над церковью на Иберийском полуострове. В ходе подготовки переговоров в Риме Энсенада поручил ученым поиск документов в кафедральном соборе Толедо, доказывавших фактический церковный патронаж кастильской короны в прежние столетия. Снятые при этом копии и изучение архивных документов послужили утверждению метода критической работы с источниками и заложили начало испанской исторической науки.

Отпечаток времени правления Фердинанда VI и его деятельности по модернизации государства в духе просвещенного абсолютизма заметен и в культурной политике. Разумеется, монархи больше не ориентировались на Версальский двор. Они поддерживали, следуя личным интересам, исполнение итальянских опер.

Оперный певец Карло Броши — Фаринелли, композитор и капельмейстер Доменико Скарлатти, учитель Барбары Браганза, устраивали при дворе концерты и оперы; в королевской резиденции Аранхуэс они устраивали дорогостоящие музыкальные фестивали. Фаринелли также стал ближайшим доверенным лицом королевской четы в политических делах. Меценатство не ограничивалось музыкой. В 1752 году при поддержке Фердинанда VI в Мадриде была основана Академия искусств Сан-Фернандо, где преподавали изобразительное искусство и архитектуру.

Внешняя политика Фердинанда VI

Внутренние реформы в международной сфере сопровождались политикой мира и нейтралитета, ибо только так можно было заложить прочные основы стабильного оздоровления испанской экономики и общества. При вступлении Фердинанда VI на трон самыми неотложными задачами представлялись выход Испании из войны за Австрийское наследство (1743–1748) и разрешение длившегося со времен войны за Испанское наследство (1701–1713) конфликта с Австрией в Италии и Португалией и Англией в Америке.

Примирение с Австрией и стабилизация положения в Италии происходили в три этапа. Сначала министр Карвахаль, ответственный за династические взаимоотношения и внешнюю политику, при заключении Ахенского мира, завершившего в 1748 году войну за Австрийское наследство, добился для второго сводного брата Фердинанда VI, Фелипе, утверждения его в праве рожденного вторым наследником в итальянском герцогстве Парма. Затем, 12 апреля 1750 года, младшая сводная сестра Фердинанда, Мария Антония, вышла замуж за принца Пьемонтского, Витторио Аме-

део Савойского, старшего сына короля Сардинии, союзника Австрии. По поводу свадебных торжеств в Мадриде как Карвахаль, так и Энсенада были награждены орденами Золотого Руна; оба участвовали в переговорах по подготовке этого важного союза. В конце концов императрица Мария Терезия установила прямые контакты со своей родственницей по нескольким линиям, Барбарой Браганза, чтобы заключить в отношении Италии оборонительный союз.

После того как Барбара уведомила своего мужа об этой инициативе Австрии и Фердинанд VI дал свое согласие, 14 июня 1752 года в Аранхуэсе между Испанией, Австрией и Сардинией был подписан соответствующий договор, который подтверждал установленный по Ахенскому миру для Италии порядок, подводил черту итальянским войнам первой половины XVIII века и оставался в силе до Коалиционной войны. К соглашению присоединился младший сводный брат Фердинанда VI, Фелипе, герцог Пармы. Напротив, старший сводный брат Фердинанда, король Карл III Неаполитанский, присоединяться не стал, так как договор не гарантировал его права на престол Неаполя.

Примирение между Испанией и Португалией последовало в январе 1750 года в Мадриде. Под руководством Карвахалья был заключен договор, урегулировавший пограничные споры между колониями обеих держав. Испания признала продвинувшуюся далеко на запад португальскую колонизацию в Мато-Гроссо и Амазонской области. Со своей стороны, Португалия передавала Испании контроль над устьем Ла-Платы, отдавала Колонию-до-Сакраменто (на территории современного Уругвая) и отказывалась от всех своих претензий на Филиппины. Этот договор о разделе границ натолкнулся на сильное сопротивление в Латинской Америке, особенно в парагвайских иезуитских

резервациях, поскольку иезуиты потеряли часть своих миссионерских территорий. Однако до принципиального пересмотра вновь установленных границ дело не дошло.

В октябре 1750 года в Мадриде Карвахаль достиг с Англией согласия о прекращении договора *асиенто*, гарантировавшего британцам с конца войны за Испанское наследство (1713) монополию на торговлю рабами с Латинской Америкой. Тогда вместе с договором *асиенто* британцы получили право посылать в Латинскую Америку ежегодно нагруженный товаром корабль, не принимая во внимание испанско-американскую торговую монополию (т. н. *annual ship*). Это право также стало недействительным по Мадридскому договору, испанская корона предоставила за него компенсацию. Но к соглашению о ликвидации английских лесозаготовительных поселений в Белизе и Гондурасе, незаконных, по мнению испанцев, равно как и о суверенном праве, заявляемом Испанией на Карибское море, прийти не удалось, как, впрочем, не получилось вернуть испанской короне Менорку и Гибралтар.

В течение правления Фердинанда VI и службы его министра Карвахалья удалось решить еще одну внешнеполитическую проблему: отношение Испании к ганзейскому городу Гамбургу. 22 февраля 1751 года ганзеаты заключили с Алжиром договор на поставку оружия. Тем самым гамбуржцы косвенно поддерживали пиратство в Средиземном море, вредившее испанскому мореплаванию и угрожавшее испанскому побережью. Когда о договоре между Гамбургом и Алжиром стало известно в Испании, в Мадриде объявили эмбарго на ганзейскую торговлю, чувствительно ударившее по торговому обороту Гамбурга с Кадисом и Латинской Америкой. Ганзеаты уступили испанскому нажиму и аннулировали договор с Алжиром. После

этого торговое эмбарго было снято. С Данией, которая также договорилась о поставках оружия в североафриканские королевства, торговые отношения были прекращены до 1757 года.

С Францией, на стороне которой Испания воевала в первой половине XVIII века, новых союзов в правление Фердинанда VI не заключалось, ввиду стремления избавиться от французской опеки. Чтобы избежать официального разрыва с Францией, испанская корона время от времени ссылалась на тесные родственные отношения между двумя государствами и неизменно подчеркивала взаимную дружбу.

В апреле 1754 года после непродолжительной болезни внезапно скончался Карвахаль. Английский посланник воспользовался ситуацией и затеял интригу против критично настроенного относительно тесных связей с Англией Энсенады, который через семь лет и был смещен. После свержения Энсенады поддерживавшие его чиновники были замещены менее деятельными особами, паразитировавшими исключительно на его наследстве. Руководящее положение занял бывший испанский посланник в Англии, Рикардо Уолл, назначенный первым министром. Если Карвахаль и Энсенада вели активную нейтральную политику, которую закрепили двусторонними соглашениями и внутренними реформами, то назначение Рикардо Уолла привело к тому, что испанскую политику почти парализовало, так как происходивший из среды ирландских эмигрантов Уолл не желал возбудить подозрения в проведении проанглийской политики. К сближению с Францией он относился столь же отрицательно.

Когда после Аахенского мира загнанное внутри напряжение между Францией и Англией вылилось в 1757 году в Семилетнюю войну, Уоллу удалось проинформировать попытки и угрозы Франции и Англии,

с помощью которых оба контрагента хотели побудить Испанию вступить в войну на их стороне. Так что при Рикардо Уолле была продолжена нейтральная политика, которой отдавали предпочтение Фердинанд VI и Барбара.

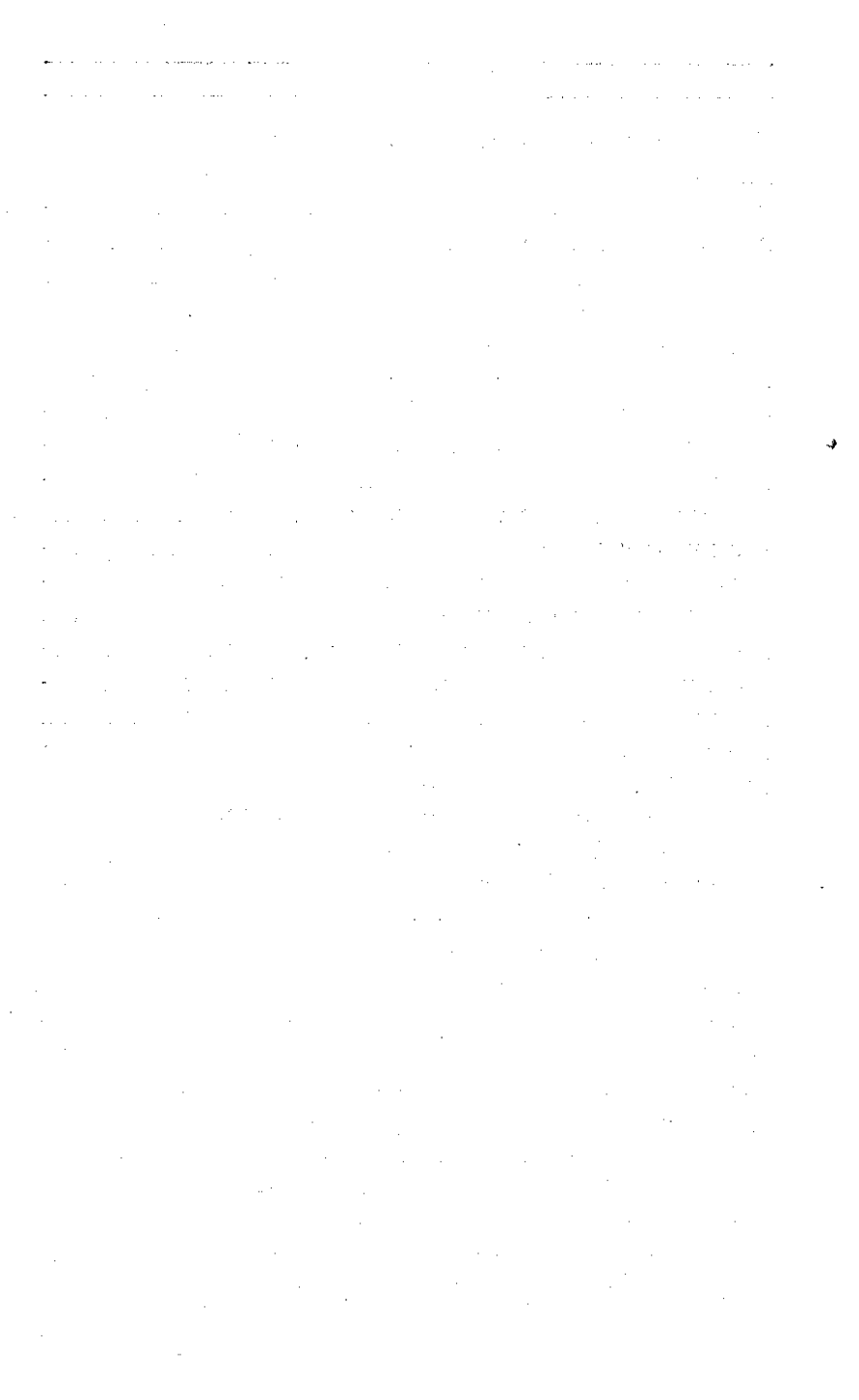
27 августа 1758 г. после продолжительной болезни, в Аранхуэсе, скончалась королева Барбара Браганза; погребена она была в основанном ею же монастыре Salesas Reales. Потеря жены тяжело сказалась на душевно и эмоционально неустойчивом короле. В припадке черной меланхолии Фердинанд VI удалился в Вильявисьос-де-Одон и о государственных делах больше не помышлял. Только его младший сводный брат, инфант Луис Антонио Бурбонский, который в 1754 году сложил с себя кардинальский сан, имел еще доступ к нему. Состояние Фердинанда настолько ухудшилось, что в конце концов он отказался от пищи. Он умер от унаследованной душевной болезни ровно через год после смерти своей супруги 10 августа 1759 года и был похоронен рядом с ней.

Фердинанд VI, которому дали прозвище «el prudente» (Благоразумный, Осмотрительный), безусловно, не был блистательным монархом, и любили его не намного больше Барбары Браганза. Последующие поколения также скорее негативно высказывались о его правлении, которому, по их мнению, недоставало военного блеска. Но в противоположность своему отцу он действительно претворил в жизнь начатые внутренние административные реформы и оградил свою обескровленную страну от войн.

Характерным признаком правления Фердинанда VI и Барбары Браганза был выбор двух министров, которым всего за семь лет удалось осуществить коренную переориентацию испанской внутренней и внешней политики и подготовить почву для реформ Карла III.

В течение правления Фердинанда продолжалась реформа государственной администрации, строились военно-морской флот и фортификации, поощрялись ремесла и искусства. Соглашение 1753 года укрепило положение короны по отношению к церкви. Во внешней политике соблюдался строгий нейтралитет.

В 1748 году Испания присоединилась к Аахенскому миру, спорные вопросы с Англией и Португалией были урегулированы в 1750 году Мадридскими договорами, с Австрией и Сардинией — в 1752 году Аранхуэсским договором. В правление Фердинанда VI Испания не принимала участия в Семилетней войне. Так что монарх оставил после себя внутренне и наружно окрепшее общество с оздоровленными государственными финансами. Его короткое, но содержательное правление следует классифицировать как эпоху перехода к преобразованиям, отличавшуюся от беспокойного властвования Филиппа V и от выходящей порой за рамки целесообразности реформаторской политики Карла III.

Хорст Питшманн

КАРЛ III (1759–1788)

Карл III, род. 20.01.1716 г. в Мадриде. 1731–1734 гг. — великий герцог Тосканский, Пармский и Пьяченцкий. 1734–1759 гг. — король Обеих Сицилий, 1759–1788 гг. — король Испании. Скончался 14.12.1788 г. в Мадриде, погребен в королевском пантеоне в Эскориале.

Отец: король Филипп V Испанский (1683–1746). Мать: Изабель Фарнезе (1692–1766). Сводные братья и сестры: Людовик I (1707–1724), в 1724 г. король Испании; Фердинанд VI (1713–1759), с 1746 г. испанский король. Сестры и братья: Мария Ана Виктория (1718–1781), замужем за Жозефом I, королем Португалии; Фелипе (1720–1765), герцог Пармы и Пьяченцы; Мария Тереза (1726–1746), замужем за французским престолонаследником, сыном Людовика XV; Луис Антонио (1727–1785), кардинал и архиепископ Толедо, в 1754 г. сложил с себя все церковные саны, чтобы жениться; Мария Антония (1729–1785), замужем за Виктором Амедеем, королем Сардинии и герцогом Савойским.

Брак с Марией Амалией Валльбург Саксонской (1724–1760), дочерью курфюрста Августа III, короля Польши, 19.06.1738 г.

Дети: Фелипе Антонио (1747–1777), душевнобольной; Карл IV (1748–1819), 1788–1808 король Испании;

Фернандо Антонио Паскуаль (1751–1825), 1759–1825 король Неаполя и Сицилии; Габриель Антонио (1752–1788), в 1785 г. женился на Марии Ане Виктории, дочери короля Питера III Португальского; Антонио Паскуаль Хенаро (1755–1817), в 1795 г. женился на Марии Амалии, дочери короля Карла IV Испанского; Франсиско Хавьер Антонио (1757–1771); Мария Хо-сефа Кармела (1744–1801); Мария Луиза (1745–1792), в 1765 г. вышла замуж за Леопольда Габсбурга, великого герцога Тосканского, под именем Леопольда II императора Священной Римской империи.

Детство и юность

Карл III родился 20 января 1716 г. в Мадриде. Он был старшим из семи детей от второго брака Филиппа V с Изабеллой Фарнезе, происходившей из правившей в Парме и Пьяченце линии рода Фарнезе. Поскольку у Филиппа V было четыре сына от первого брака, у Карла при рождении, по всем теориям вероятности, были самые далекие перспективы на испанский престол, так что его мать очень скоро направила все свои усилия на то, чтобы утвердить сына правителем в Италии, по возможности в Парме. После того как по заключении в 1714 году мира в Утрехте Филипп V чувствовал себя брошенным на произвол судьбы Францией, Изабелле Фарнезе очень скоро удалось добиться решительного влияния на своего супруга и склонить его к проведению династически ориентированной итальянской политики.

Карл получил основательное воспитание, знал латынь, итальянский и французский, был обучен математике, географии и истории, особенно испанской и французской, а также церковной. В придворном искусстве танца и музыки, а также в искусстве верховой

езды он был способнейшим учеником. Еще отроком Карл отличался приятным поведением, любезными манерами, искренней набожностью, но также упорством в преследовании своих интересов. В своем «Theatro Critico» Фейхоо сообщает, что на вопрос, какое прозвище он хотел бы получить, инфант якобы ответил, что был бы счастлив, если бы ему когда-нибудь удалось заслужить прозвище Мудрый. Видимо, многое значили для юноши и книги; в его покоях был даже установлен для развлечения печатный пресс, что, впрочем, можно связать со склонностью Карла к ручному труду. Еще в юности у него развилось пристрастие к охоте, которое с возрастом переросло в настоящую страсть.

Уже в 1720 году перед четырехлетним мальчиком открылась перспектива со временем действительно стать правителем в Италии. После поначалу удачной, но в итоге пресеченной английскими военными силами попытки Испании отвоевать Сардинию и Сицилию, Филипп V получил от великих держав заверения в том, что оба его старших сына от брака с Изабеллой Фарнезе, Карл и Фелипе, смогут получить регентство в великом герцогстве Тоскана и герцогствах Парма и Пьяченца.

В 1731 году международная ситуация позволила пятнадцатилетнему Карлу в самом деле получить верховную власть в обоих герцогствах. При переезде Карл заболел оспой, но вскоре выздоровел. В Италии его ожидал радушный прием, ибо уже по историческим и земляческим причинам испанский инфант был предпочтительнее габсбургских претендентов.

Во Флоренции Карл познакомился со своим будущим близким советником и доверенным лицом, с которым продолжал оживленную переписку уже как испанский король. Им был Бернардо Тануччи, уроженец

Тосканы, профессор публичного права в университете Пизы, юрисконсульт нескольких общественных экономических предприятий и учреждений социального обеспечения, которому суждено было стать главным проводником просвещенной политики Карла в его итальянские годы.

Король Сицилии

Опираясь на первый семейный пакт Бурбонов и воспользовавшись войной за польское наследство, испано-итальянские войска под командованием Карла в 1734 году смогли завоевать Неаполь и Сицилию. Карл, который к началу похода был объявлен совершеннолетним, принял с согласия папы в качестве верховного вассала корону королевства Обеих Сицилий под именем Карл VIII. Предпосылкой для вступления Карла на престол было обещание великим державам, что дело никогда не дойдет до личной унии с испанской короной. Верно оценив положение испанского двора, современная европейская дипломатия признала, что достаточно было бы удовлетворить стремление Изабеллы Фарнезе обеспечить своему сыну положение, чтобы вовлечь Испанию в политическую игру великих европейских держав. Одновременно, путем лишения связи итальянских властителей с испанской короной, можно было предотвратить новое усиление Испании, следуя политической конъюнктуре времен испанских Габсбургов. Этим решением Англия и Франция обеспечивали свои военно-морские интересы в Средиземном море, а император не только получал свободный южный фланг, но мог надеяться на дальнейшую экспансию в Италии.

Уже в 1744 году австрийская армия под командованием князя Лобковитца попыталась завоевать Не-

аполь для Габсбургов, но была отброшена армией Карла, пользовавшегося широкой поддержкой населения. Еще за два года до этого перед Неаполем появился английский флот и вынудил Карла на соблюдение нейтралитета в войне за Австрийское наследство. Таким образом, юный король быстро узнал, что ни королевство Обеих Сицилий, ни сама Испания не могут играть самостоятельную роль в великой европейской политике, а защитить свои интересы можно лишь умелой политикой союзов — взгляд, которому суждено будет существенно повлиять на внешнюю политику Карла, ставшего уже королем Испании.

Накопленный опыт, вероятно, руководил Карлом при согласованном с испанским двором выборе супруги. В 1738 году он женился в Дрездене (по доверенности) на Марии Амалии Вальбург Саксонской, дочери саксонского курфюрста, польского короля Августа III. От этого брака на свет появились шесть сыновей и семь дочерей, и все они родились в Италии. Первенец Фелипе был болен эпилепсией, и его признали неспособным к правлению, что доставило родителям не только личное горе, но могло создавать определенные династические проблемы при урегулировании вопроса престолонаследия в Неаполе и Испании. Из дочерей только две пережили детский возраст, причем младшая впоследствии вышла замуж за Леопольда Габсбурга, великого герцога Тосканского. Вторым по рождению сын, Карлос, родившийся в 1748 году в Неаполе, в свое время сменит Карла III на испанском престоле, тогда как третий сын, Фернандо Антонио Паскуаль, родившийся в 1751 году, унаследует от своего отца королевство Обеих Сицилий, когда тот в 1759 году займет после смерти своего бездетного сводного брата Фердинанда VI испанский трон. Трое родившихся между 1752 и 1757 годами младших

сыновей Карла жили при испанском дворе и остались холостыми или женились на представительницах рода испанских Бурбонов.

Как король Неаполя, Карл также поддерживал тесную связь с испанским двором, так как уже с 1724 года в ряду испанских престолонаследников стоял на втором месте, после того как умер старший сын Филиппа V от первого брака, который после отречения его отца успел несколько месяцев побыть испанским королем под именем Людовика I. Таким образом, из сыновей Филиппа V от первого брака в живых оставался только младший, Фердинанд, родившийся в 1713 году, и который был лишь немного старше самого Карла.

После того как на испанский трон вступил в 1746 году старший брат Карла и его брак с Барбарой Браганза оставался бездетным, а сам Фердинанд, по меньшей мере с пятидесятих годов, стал все глубже впадать в меланхолию, довольно скоро стала проглядывать возможность того, что Карл станет испанским королем. Похоже, подобная перспектива не особенно радовала последнего, во всяком случае нет никаких указаний на то, чтобы он и его супруга домогались наследства испанского сводного брата. Скорее Карл, следуя своей природе, последовал чувству династического долга; впрочем, он отдавал себе полный отчет во внутри- и внешнеполитических трудностях своего нового положения. Поскольку до открытия наследства в Испании большую часть жизни Карл провел в Италии, его связи с Италией были теснее, чем с Испанией, он пользовался у своих южноитальянских подданных большой популярностью.

Основные линии своей будущей политики испанского периода, вслед за этим перенесенной на Латин-

скую Америку, Карл разработал еще как правитель королевства Обеих Сицилий. Политика эта, показавшая позитивные результаты в Неаполе, привела Испанию, по меньшей мере, к «кризису старого режима», а Латинскую Америку — на путь к войнам за независимость. Под влиянием Тануччи, служившего министром юстиции, Карл развивал суверенную политику, нацеленную на то, чтобы уменьшить невероятно разросшиеся привилегии клира, его вмешательство в политику и даже его численность, особенно членов монашеских орденов. основополагающим принципом было сокращение функций духовенства, которые оно исполняло на основании своих духовных должностей, и ограничение неумеренной клерикализации общественной жизни и неограниченного освобождения церкви от налогов.

Аналогичные цели определяли политику Карла и по отношению к могущественному поместному дворянству, обременявшему подвластных ему людей высокими податями и позволявшему себе такие вольности, которые противоречили принципам просвещенной государственности. Политика Карла стремилась к тому, чтобы освободить простой люд от прямых податей и через не прямое налогообложение достичь высокой налоговой справедливости. Свою долю налогов должны были вносить дворянство и духовенство, по меньшей мере те из них, кто занимался хозяйственной деятельностью. Поскольку в Неаполе и Сицилии благодаря смене династий с конца XVII века дворянству и духовенству удалось необычайно широко распространить свое влияние, даже в кругу элиты Карл нашел достаточную поддержку, чтобы суметь быстро взять под контроль отдельные беспорядки. Среди широких слоев городского населения его политика пользовалась популярностью.

К этому надо добавить судебные реформы и усилия по усовершенствованию институциональных организаций. Вопреки всем опасениям, при вступлении на трон Карл также отказался вводить в Неаполе Инквизицию. Более того, он оставил существовавшую до него «Депутацию против Инквизиции» и воспользовался ею, когда архиепископ Неаполя выступил против проповедника, который был обвинен в вероотступничестве. Карл даже довел дело до того, что вынудил архиепископа подать в отставку. Параллельно кампанией против масонов и других тайных обществ Карлу удалось сбалансировать эти направленные против церкви и клира меры. Он позволил евреям вернуться в свое королевство. Этой политикой ему удалось поднять королевский авторитет и престиж судебной власти, улучшить экономическое положение и оздоровить государственные финансы, облегчив при этом положение простого люда.

Король также создал долговременные благоприятные условия для развития экономики, в особенности текстильной отрасли и торговли, заключив торговые договоры не только со всеми европейскими державами, но также со средиземноморскими соседями, в частности с Османской империей, и аннулировал многочисленные предписания и нормы, препятствовавшие ее развитию. Для осуществления этой политики были учреждены центральные органы власти, а в Неаполитанском университете открыта кафедра коммерции. Параллельно с этим Карл распорядился реконструировать Неаполитанскую гавань и провести большое количество общественных строительных работ, в частности по прокладке дорог и сооружению мостов.

Многие архитектурные памятники той эпохи напоминают о строительной деятельности Карла. Однако особую славу покровителя искусств он завоевал тем,

что по его настоянию был раскопан античный город Геркуланум, во времена Римской империи засыпанный пеплом Везувия и вновь обнаруженный во время правления Карла. Король не только приказал выставить раскопанные древности в музей для обозрения, но также позаботился о распространении «отчета об археологических раскопках» в Геркулануме в форме книги, экземпляры которой были разосланы по всем публичным библиотекам Европы, так что отныне его стали величать «реставратор искусства».

Эта политика и то обстоятельство, что Карл в своем королевстве впервые сделал итальянский язык официальным, доказывает, что он рассматривал королевство Обеих Сицилий не просто как ступень на своем пути к испанскому трону, но что он, попав в Италию совершенно юным и незрелым человеком, нес на себе сильный отпечаток культурной атмосферы итальянского Просвещения и настроил себя в унисон с современными принципами правления в духе европейского просвещенного абсолютизма.

Неаполь и Сицилия, на протяжении столетий бывшие придатком и инструментом испанской имперской политики и ставшие после войны за испанское наследство объектом европейской кабинетной политики, нашли в Карле суверена, который впервые — да, пожалуй, и в последний раз перед вхождением этих королевств в состав современной Италии — проводил отвечающую собственным государственным интересам этой державы политику, претворяя ее в жизнь. Во время правления Карла Неаполь вновь завоевал вес в структуре итальянских государств и подвластных территорий, и не в последнюю очередь потому, что папство и церковное государство потеряло политическое влияние, и Северная Италия все больше попадала в кильватерную струю габсбургско-французских противоречий.

Проблемы при вступлении Карла на испанский трон

Поэтому, когда в 1759 году в Испании открылось наследство, южноитальянские подданные неохотно расставались с Карлом, тогда как его новые подданные, после опыта с двумя его предшественниками, закончившими долгой политической агонией, смотрели на него с ожиданием и надеждой. Остальная же Европа, задыхавшаяся в Семилетней войне, напряженно ждала, будет ли новый король укрепившейся европейской средней державы продолжать политику нейтралитета своих предшественников. 6 октября 1759 года, в день отплытия со всей семьей на испанском конвойном судне, Карл торжественным государственным актом объявил о своем отречении, указав на то, что вся дипломатическая политика столетия доказывает, что объединение королевства Обеих Сицилий с Испанией не встретит поддержки. Поэтому преемником он назначил своего третьего, еще несовершеннолетнего сына Фердинанда и постановил, что право наследования в будущем должно переходить по прямой мужской линии и во вторую очередь по прямой женской линии. Кроме того, Карл учредил регентство, председательствовать в котором должен был назначенный премьер-министром Бернардо Тануччи, и удостоил заслуженных чиновников высокими наградами.

17 октября Карл наконец сошел на берег в Барселоне под ликование каталонцев. Дальнейшее путешествие было временно отложено из-за болезни членов семьи, так что в Мадрид Карл попал лишь 9 декабря 1759 г. Там, прежде всего при дворе и в административных кругах, царил атмосфера великих ожиданий в отношении кадровых решений нового монарха и будущей политической линии: получит ли снова его мать, Иза-

белла Фарнезе, политическое влияние? Снимет министров своего предшественника или позволит им остаться? На кого будут возложены важнейшие придворные должности? Как он поведет себе по отношению к духовенству? Будет ли Карл придерживаться той же политической ориентации, что и его предшественник?

Ситуация складывалась совершенно необычная как для Испании, так и для нового короля. Впервые на престол вступал опытный в управлении, зрелый муж, окончательно сложившийся как личность за границей. С другой стороны, для Карла испанское престолонаследие во многих смыслах означало возвращение во времена детства; он не только встретил многочисленных знакомых того времени и свою властную, но при Фердинанде VI отстраненную от политики мать, но и столкнулся со множеством личных проблем: измененный Филиппом V на основании Утрехтского договора порядок престолонаследия препятствовал или осложнял наследование престола рожденными за границей детьми, так что Карл был вынужден утвердить право престолонаследия в Испании за своим вторым по старшинству сыном. 90-летний Мельхор де Маканас, формулировавший монаршую политику его отца, сидел в тюрьме, маркиз Энсенада, высший чиновник Филиппа V и одно время министр Фердинанда VI, был в ссылке; влиятельный иезуитский орден в напряжении ожидал, продолжит ли Карл свою антииезуитскую политику, и т. д.

Короче говоря, в то время, как радость населения, которую Карл почувствовал по пути из Барселоны в Мадрид, была преимущественно подлинной, при испанском дворе и во влиятельных политических кругах Мадрида за фасадом показного, доведенного до парочитости радостного приветствия, скрывались напряженные ожидания и даже недоверие.

Более того, контраст между Неаполем и Испанией Карл и его свита смогли остро ощутить и в другом отношении, даже если сам король о том не высказывался. По сравнению с Неаполем Испания была более значимой и более крупной монархией, даже не принимая в расчет широко раскинувшиеся заморские колонии. С другой стороны, условия жизни в городах и селах были намного беднее, чем в Италии. Мадрид был одним из грязнейших городов Европы, без канализации, уличного освещения и достойных упоминания городских коммунальных служб. Уже когда королевская семья по пути в Мадрид прибыла под вечер в Алькала-де-Энарес, старый, расположенный почти у ворот Мадрида город, ей пришлось остановиться на ночлег в архиепископском дворце, где напроць отсутствовали какие-нибудь удобства. Комнаты были почти не меблированы. Пока искали стол, подсвечник пришлось поставить на пол. Не хватило кроватей, так что Карл распорядился постелить свой матрац на пол для обеих своих дочерей; один придворный где-то раздобыл большую подушку для двоих младших принцев, тогда как обоим старшим пришлось расположиться на ночь на стульях.

Королева Мария Амалия, всегда бывшая в Неаполе верной помощницей Карла, неизменно жаловалась в письмах Тануччи на ситуацию в Испании и при мадридском дворе. Королева-мать Изабелла Фарнезе казалась ей в высшей степени необразованной, в лучшем случае умевшей считать только на пальцах. Столица была для нее «западной Палестиной или Вавилоном»⁴⁷, а первые дамы Испании, по ее мнению, дурно одевались. Не исключено, что эти едкие, саркастические замечания были вызваны неважным состоянием здоровья Марии Амалии. Однако энергичные меры Карла по улучшению общественного порядка и городс-

кой инфраструктуры Мадрида в самом начале правления указывают на то, что критика королевы могла быть не такой уж необоснованной. К тому же в сообщениях многих иностранных путешественников второй половины XVIII века единодушно отмечалось, что испанские города и в особенности столица заметно уступали сравнимым с ними по величине европейским.

С более широкой, учитывающей экономические и социальные структуры испанской монархии точки зрения, необходимо признать, что ситуация в столице во многих отношениях отражала проблемы и недостатки, присущие монархии в целом. Несмотря на реформаторскую политику предшественников Карла III в XVIII веке, страну, пожалуй, удалось пока модернизировать лишь в отдельных сферах. Коренные проблемы монархии, лишь постепенно оправляющейся от упадка XVII века, оставались по-прежнему нерешенными. Таким образом, перед Карлом III стояла задача, которая была гораздо сложнее, чем та, которую ему пришлось решать в королевстве Обеих Сицилий.

Несмотря на труды бенедиктинца отца Фейхоо, который оживленной публицистической деятельностью стремился распространить в Испании идеи Просвещения, несмотря на увеличение с двадцатых годов столетия потока публикаций, памфлетов и меморандумов, разбирающих проблемы модернизации страны и возвращения ее былого процветания и политического величия, духовно-научная атмосфера в Испании невыгодно отличала ее от других стран Западной, Центральной и Южной Европы. Но чем сильнее все сходились на том, что испанская политика должна быть направлена на то, чтобы по возможности скорее вернуть прежнее величие страны, тем сильнее расходились

мнения относительно того, как лучше этого достичь. Хотя и существовало единство в том, что испанская Америка должна играть важную роль как символ величия и источник богатства, все же преобладали разногласия относительно того, как структурировать колониальную державу. Карл в самом начале своего правления дал понять, что намерен уделять Америке особенное внимание, но предусмотрительно поостерегся объявить ясную программу. Возможные альтернативы, обсуждавшиеся еще до его вступления на престол, остались открытыми.

Карл, еще с Неаполя отлично осведомленный о политической и кадровой конъюнктуре испанского двора, все же, вернувшись из-за границы после долгого отсутствия, сначала даже не считал уместным проводить какие-либо решительные изменения. Он оказал своей матери все надлежащие почести и принес ожидаемые от перворожденных личные жертвы, но с самого начала держал ее подальше от всех политических дел.

Новый король сохранил кабинет министров своего предшественника под руководством премьер-министра Рикардо Уолла и сменил лишь министра финансов. На эту должность был назначен человек, успешно исполнявший ее уже в Неаполе — маркиз Скилачче, сицилиец весьма скромного происхождения по имени Леопольдо ди Грегорио, который при Карле сделал успешную служебную карьеру в финансовой администрации и был пожалован дворянским званием и назначен министром. Это был динамичный, весьма словоохотливый человек с невероятной работоспособностью, огромным опытом в служебных делах, но недостаточно дипломатичный и со склонностями, мало отвечающими испанскому образу жизни — как характеризовал его Феррер дель Рио⁴⁸. Более того, Карл вызвал из ссылки маркиза Энсенату, не прибегая, впрочем, боль-

ше к его услугам, и освободил Мельхора де Маканаса из-под стражи — меры, которые были истолкованы как расстановка знаков препинания, но которые Карл в своей частной переписке объяснял соображениями справедливости. В придворном штате новый король также не предпринял существенных перестановок. Графа Аранду, вдохновителя влиятельной дворянской фракции, он отправил послом в Польшу; ввиду семейных связей с саксонско-польским правящим домом, это был важный пост, пусть даже политически не слишком значимый. В качестве нового духовника Карл выбрал монаха из той же францисканской конгрегации, откуда происходил его духовник в Неаполе; до этого тот вел чрезвычайно простую, уединенную жизнь.

В свое время было много споров о том, объяснялось это поведение Карла его совершенно подчиненной придворному порядку натурой, опасением больших перемен или это было выражение политического благоразумия и тактической ловкости. Несомненно, верно и то, и другое. В таком огромном и громоздком механизме, как испанский двор с его сложной системой центральных органов власти и находящейся в фазе становления системой кабинетного правления с государственными секретарями, служащими связующим звеном между королем и центральными совещательными органами, невозможно было осуществить радикальные кадровые и организационные перемены, ощутимо не нарушив преемственность функционирования государственной машины.

Государственные секретари еще не занимали положения всемогущих министров при неограниченно самодержавном короле. Вскоре это показало свержение министра финансов Скилачче. Лишь назначение Скилачче обнаруживает, что Карл исходил из своего неаполитанского опыта, рассматривая государственные

финансы «*pervus tegum*»^{*} всей политики. Это ярко подчеркивает то обстоятельство, что сразу же после приезда в Испанию он освободил своих новых подданных от задолженностей по налоговым платежам, сохранившимся со времен правления его предшественников.

Примерно через шесть месяцев ситуация настолько упорядочилась, что в июле 1760 года Карл смог официально отпраздновать свое вступление на трон, после чего штаты санкционировали право на трон его сына Карлоса. 13 июля состоялся торжественный въезд в Мадрид, сопровождавшийся многодневными народными гуляниями, театральными представлениями и боями быков. Еще при подготовке этих празднеств Карл дал понять, что в будущем одной из его главных забот будет придание столице более респектабельного урбанистского вида. Вместе с тем серьезно заболела после падения с лошади королева Мария Амалия. В начале сентября ее состояние резко ухудшилось, так что двору пришлось преждевременно вернуться из летней резиденции в Мадрид. 27 сентября 1760 года супруга Карла умерла. Преданный семье монарх поклялся больше не связывать себя брачными узами и распорядился, чтобы впредь ему всегда накрывали на стол вместе с его семьей, что, впрочем, не касалось его матери.

Смерть королевы означала не только тяжелую личную утрату для Карла. Супруга умело ограждала его от всех дворцовых интриг и боролась с рутинной политикой. В частности, Мария Амалия, как следует из ее писем Тануччи, была убеждена в том, что лишь последовательная политика нейтралитета Фердинанда VI в Семилетней войне была выгодна Испании. Это убедительно свидетельствует, что политически здравомыслящая, но намеренно остающаяся в тени своего

^{*} Важнейшим нервом (лат.).

супруга королева играла существенную роль в доныне столь удачливой государственной деятельности Карла.

Испания в Семилетней войне

Возможно, Карл не совершил бы впоследствии ошибки и не вступил бы в войну на стороне Франции, если бы его супруга была жива. Сразу же по приезде в Испанию Карл принял меры, чтобы привести в боевую готовность армию и флот. Поскольку Англия удерживала Гибралтар и Менорку, основывала незаконные поселения в различных местах центрально-американского побережья для заготовки красильного дерева, а английские контрабандисты ощутимо вредили испанской торговле в Карибском море, к Англии у него были политические претензии. Через своего посланника в Лондоне Карл потребовал официальных извинений, по меньшей мере, за все действия англичан в нарушение существующих договоров. Британский премьер-министр стал затягивать переговоры, и 15 августа 1761 года Карл в конце концов заключил с Францией третий бурбонский семейный пакт и в 1762 году вступил в войну против Англии. Подготовленный премьер-министром ирландцем Уоллом и итальянцем на испанской службе маркизом Гримальди пакт был заключен не только вопреки совету Тануччи, но и против желания испанского купечества, которое скорее тяготело к Англии, самому крупному покупателю испанских товаров. После этого в Испании усилились настроения против иностранцев, занимавших руководящие государственные посты.

Для политики великих западноевропейских континентальных держав Англия стала главным противником. Людовик XV Французский и Карл III даже

выдвинули идею своеобразного «континентального барьера» для английской торговли, предусматривавшую вовлечение Голландии и итальянских государств в общий пакт. Испания предприняла безуспешную попытку интервенции в Португалию, главную союзницу Англии в Западной Европе, и должна была смириться с потерей Гаваны, Манилы и Тринидада, что сделало чрезвычайно уязвимыми ее основные коммуникации с заморскими территориями. Франции же суждено было утратить все свои североамериканские колонии. По Парижскому договору, Испания в основном получила назад все утраченное, в частности стратегически важную Кубу, но левый берег Рио-де-ла-Плата отошел к Португалии, а Флорида к Англии. Напротив, передаваемая ей при этом бывшая французская Луизиана была весьма сомнительным приобретением, так как в результате Испания становилась непосредственным соседом Англии в Америке.

Таким образом, колониальные территории становились в политике великих западноевропейских держав решающим фактором в вопросе войны и мира, не зависящими от континентально-европейских конфликтных линий. Они в значительной степени определяли взаимоотношения атлантических соседей. Это было новым элементом европейской политики, еще недостаточно исследованным в отношении будущих последствий.

Внешнеполитическим результатом неудачной тактики Карла, приведшей в силу семейного пакта к вступлению в войну с Англией, было то, что, хотя Испания в очередной раз «легко отделалась», теперь, в Америке, она обрела великого и превосходящего силой соперника с его португальским союзником. Последний угрожал положению Испании на Рио-де-ла-Плата и дальше, выше по течению, где испанские иезуиты держали свои миссии в Парагвае. Попали под угрозу тра-

диционные военно-морские коммуникации и торговые пути, а бойкая контрабандная торговля, которая велась из опорных пунктов соперничавших колониальных держав, пробила множество брешей в монопольной торговле Испании с американскими колониями. Но не в последнюю очередь благодаря этой нелегальной торговле ранее периферийные колониальные территории получили мощный стимул, зависимость же от старых колониальных центров, Лимы и Мехико, ослабла, и их значение снизилось.

Кроме того, политическому примирению с Португалией все более препятствовал иезуитский орден, контролировавший парагвайские миссии. Из-за экономического могущества в Америке, влияния в сфере воспитания как в метрополии, так и в колониях, ярко выраженных антимонархических тенденций и неприятия абсолютизма в глазах просвещенных и заинтересованных в модернизации страны чиновников и министров короля Карла орден наверняка выглядел внутривластной проблемой, более того, «государством в государстве». Однако генерал ордена, имевший резиденцию в Риме, еще со времени Филиппа V и Мельхора де Меканаса оказывал большое влияние на папу, а у Испании с римской курией существовал целый ряд открытых спорных пунктов в церковно-правовых вопросах. Так что накопилось большое количество внешне- и внутривластных проблем в этой сфере, сложных и трудноразрешимых.

Политика реформ Карла и сопротивление ей

Война и меры по модернизации в области городского благоустройства, инвестиции в армию и военно-морской флот, начатые Карлом, вновь перегрузили

государственный бюджет, несмотря на то, что благодаря переходящему остатку со времени правления Фердинанда VI и улучшению финансовой администрации Скилачче удалось сбалансировать доходы и расходы. Хотя в самой Испании повышения налогов не происходило, такие меры Скилачче, как ревизии финансовой администрации, сокращение раздутых штатов, повышение оклада служащих во избежание коррупции, вызвали скорее возмущение, чем способствовали экономии, тем более что этот министр-иностранец не только сам принимал от короля крупные поощрения, но также стремился системой покровительства создать преданное окружение.

Мероприятия по улучшению облика Мадрида: мощение улиц, введение зимнего уличного освещения и другие меры благоустройства, в той или иной степени касавшиеся горожан, короче говоря, многостороннее изменение повседневной жизни, проигранная война, первые признаки антииезуитской политики, в частности выразившиеся в упорном стремлении Карла III канонизировать величайшего в XVII веке врага ордена епископа Дона Хуана де Палафокс-и-Мендоса, ущемление интересов внешней торговли Англией и, наконец, первые меры по демократизации косной системы торговли с колониями давали многочисленным влиятельным общественным группам немало поводов для возмущения.

Крупными празднествами по случаю свадьбы наследника престола (1764), будущего Карла IV, с Марией Луизой Пармской, дочерью младшего брата Карла III Фелипе, и свадьбы дочери Карла Марии Луизы с Леопольдом, вторым сыном императрицы Марии Терезии и великого герцога Тосканского, недовольство удалось заглушить, но оно вновь обострилось в 1765 году, когда Карл начал обсуждение мер по ограниче-

нию владений «мертвая рука» (недвижимость без права отчуждения). В том же году королевский прокурор Педро Родригес де Кампоманес опубликовал свой известный трактат на эту тему («Tratado de la Regalia de Amortizacion»). И то и другое до крайности обеспокоило традиционные церковные круги и связанные с ними социальные группы.

Одновременно Карл произвел несколько важных кадровых перестановок, изменивших существовавшую до того политическую расстановку сил в пользу сторонников политики реформ. Так, премьер-министра Уолла сменил маркиз Гримальди, бывший до этого послом во Франции и архитектором нового француско-испанского соглашения. На место скончавшегося министра юстиции заступил Мануэль де Рода, до этого успешно представлявший испанские интересы в качестве посла у Святейшего престола. Вследствие этого и после кадровых перестановок в центральном совете Инквизиции иезуитский орден потерял влияние при дворе, а Карл начал постепенно заполнять ключевые посты в правительстве и администрации людьми, поддерживающими его реформаторскую политику. Но одновременно стало очевидно, что король решил шаг за шагом претворять на практике политику, которую проводил уже в Неаполе.

С 1764 года по распоряжению Карла также начали регулярно собираться премьер-министр Гримальди, министр Индий Арриага и министр финансов Скилачче для обсуждения мер по повышению обороноспособности американских колоний и увеличению оборота испанских товаров. Это непременно должно было коснуться также налоговой системы в Америке и всей фискальной администрации. Помимо посылки линейных войск, введения регулярного ежемесячного почтового сообщения с Америкой и дальнейших шагов

по либерализации косной торговой и флотской системы, министры постановили посылать в отдельные американские вице-королевства генерал-инспекторов с широкими полномочиями. Снова были произведены кадровые перестановки, вызвавшие недоверие и увеличившие число тех, которым «не подходило все направление».

Каковы же были те различные политические направления или группировки, которые критически или, наоборот, одобрительно относились к политике короля Карла? Безусловно, четко разграничить партии того времени невозможно, тем более, что проблема эта фактически не подвергалась систематическому исследованию. В общих чертах история политических идеологий различает исключительно передовое просветительское и традиционное консервативное направления и идентифицирует их главным образом по идеям отдельных личностей. Попытки разграничения прогрессивно настроенных групп на умеренных рационально-критических янсенистов, приверженцев реформаторской политики абсолютизма, разделяющих светские просветительские взгляды, и представителей раннего либерализма масонского толка, ввиду сложности возникающего круга проблем, — пока что не имели большого успеха.

Невозможно также однозначно охарактеризовать по социально-экономическому принципу более консервативно и традиционно направленные течения. Политически пристрастная историография склонна усматривать в традиционалистах сторонников иезуитских орденов, впрочем, в натурфилософском, а также в некотором социально-политическом смысле представляющих ясно выраженную просветительскую позицию. Среди реформистов это направление историографии различает просветительскую, тяготеющую к раннему либерализму фракцию родовой знати под руководством

графа Аранды и «партию брыжей». Последние названы по детали служебного костюма. Речь идет о молодых юристах и чиновниках, принадлежавших к школе прибывших в страну вместе с Филиппом V французских реформаторов и связанных главным образом совместным опытом в образовании и служебной карьере и/или являвшихся земляками. Они выступали за реформу государства «сверху», по принципу просвещенного абсолютизма. Многие сторонники консервативной фракции смотрели на непорядки так же, как их противники, но верили, что реформы можно было проводить только с церковью, а не против нее, поскольку иначе под угрозу ставилась вся система. В частности, это могло грозить потерей заморских владений. Другие же по оппортунистским причинам и из соображений личной выгоды держались за существующий порядок.

Подобные различия и несовпадения интересов отмечались и среди реформаторов, многие из которых принадлежали к новому поднимающемуся слою, который нередко называют буржуазией. Но чаще их высшая цель состояла скорее в том, чтобы слиться с дворянством, а не в разрушении унаследованного сословного порядка. В то же время среди реформистов встречались и представители высшей аристократии, такие как, например, граф Аранда, защищавший действительно революционные, созидательные идеи либерального толка. Например, Аранда в докладной записке в совершенно современном смысле потребовал создать общую американо-испанскую нацию, прекратить социальную дискриминацию индейцев, негров и метисов и предоставить им возможность участия в управлении и администрации соответственно их способностям.

Другие полагали, что необходимо устранить все унаследованные притеснения, монополии и олигархии,

чтобы таким образом отдельная личность, преследуя собственные интересы, могла достичь богатства и преуспевания, ибо лишь сумма благосостояния по возможности большего числа членов нации могла бы вернуть Испании прежнее величие и могущество.

Поскольку представители подобных идей для достижения этих целей требовали секуляризации владений типа «мертвая рука», главным образом сконцентрированных у церковных институтов и религиозных общин, среди которых, в свою очередь, преобладало мелкое духовенство, для которого они были основой существования, то эти идеи не могли не встретить массового сопротивления. К подобному ходу мыслей не очень одобрительно относились и родовая городская олигархия, и многие представители городских низов, которые часто наживались на обширных общинных владениях.

Среди реформаторов также бытовали радикально противоположные мнения по ключевым политическим вопросам. Если одни хотели видеть заморские владения Испании равноправными членами некоей будущей «национальной конфедерации», другие упорно стояли на сохранении колониального статуса и «надлежащего подчинения» колоний интересам метрополии. Хотя это были лишь дискуссии, проводимые в дипломатичной форме, главным образом только в кругах элиты, все же подобные представления, проникавшие скорее из предреволюционной Франции, чем возникающие в Испании, дают понять, что для Карла III, взявшего умеренный, однако не подрывавший основы курс реформ, каждое мало-мальски важное кадровое решение имело острый политический характер и давало повод для разнообразных слухов, спекуляций и домыслов. Через письма придворных и земляческие связи они быстро распространялись по всей стране и доходили до

Америки. У многочисленной прислуги в таком городе, как Мадрид, также имелось достаточно выходов в городские нижние слои, чтобы передать простому населению непопулярные решения при дворе в искаженном и политически близоруком толковании.

В 1766 году эти настроения настолько усугубились, что сначала в Мадриде, а затем в важнейших городах провинций дело дошло до «восстания против Скилачче». Поводом стал оглашенный 10 марта 1766 года по инициативе Скилачче декрет, запрещающий ради улучшения общественного порядка и безопасности ношение двух типично испанских предметов одежды, а именно «сара», широкой черной накидки, и сопутствующей ей широкополой черной мягкой шляпы. Оба предмета одежды весьма способствовали маскировке и мешали недавно сформированным из непригодных к строевой службе солдат полицейским подразделениям преследовать преступников, которых в столице, изобиловавшей темными личностями, было столько, что власти считали необходимым повышение общественной безопасности. Первая вспышка беспорядков случилась 23 марта, в Вербное воскресенье, когда начались традиционные процессии и празднества Страстной недели. Некто, одетый запрещенным способом, спровоцировал блюстителей порядка, и в ответ на их реакцию стали образовываться взволнованные толпы, требовавшие отставки министра Скилачче. Дело дошло до стычек с полицией и валлонской королевской гвардией, с убитыми и ранеными с обеих сторон, а также до грабежей магазинов и особенно резиденций обоих министров-иностранцев, Скилачче и Гримальди.

На следующий день повстанцы предъявили свои требования Карлу: изгнание Скилачче и всех чиновников-иностранцев, значительное понижение цен на основные продукты питания, роспуск созданных для

городского снабжения органов власти, вывод валлонских гвардейцев из города и свобода одеваться по своему желанию. Карл отверг предложение о вооруженном подавлении восстания и с балкона королевского дворца пообещал исполнить требования, но в ту же ночь выехал из Мадрида в направлении Аранхуэса, после чего волнения вспыхнули с новой силой.

По просьбе толпы епископ Мадрида письменно зафиксировал требования и в провокационной форме потребовал от Карла письменного подтверждения своих обещаний. Только после возвращения монарха из Аранхуэса восстание пошло на убыль, религиозные празднества возобновились и толпа сложила оружие. Подобным образом разворачивались события и в провинции.

О причинах этих беспорядков велось множество споров. Многие историки взяли на вооружение официальную правительственную версию, обнародованную несколько позднее следственной комиссией: по ней восстание было якобы инспирировано иезуитами. Структурно-исторические исследования ставят данное восстание в один ряд с голодными бунтами конца эпохи «старого режима». Для обеих интерпретаций достаточно оснований. В пользу политического истолкования говорит то, что этим восстанием явно руководили могущественные подстрекатели, а возможно, и инспирировали его.

Еще во время поста священники бичевали с кафедр грехи правительства, а в начале восстания можно было наблюдать целенаправленные провокации по отношению к государственной власти, едва ли объяснимые спонтанным выражением недовольства по поводу указа об одежде. Также то обстоятельство, что многим простым торговцам, чьи лавки были разграблены, сразу же после нападения некими неопознанными личностями были компенсированы понесенные убытки, при-

чем наличными деньгами, свидетельствует о том, что за этими беспорядками стояли влиятельные и богатые зачинщики.

С другой стороны, восстанию предшествовали два года с очень плохим урожаем и холодными зимами, из-за чего возник дефицит продовольствия, а некоторые сборы в рамках мер по улучшению городской инфраструктуры привели к определенному подорожанию. Однако говорить на основании этого о голодном кризисе представляется преувеличением. Массовая нищета в большой столице в те времена была эндемичным явлением, блеск же двора отовсюду влек к себе бедных и отверженных, надеявшихся найти если не заработок, то хотя бы вспомоществование от многочисленных благотворительных церковных организаций. К тому же Карл через своего министра Скилачче провел множество мер, направленных на решение этих проблем. Так, например, были учреждены пенсии для вдов и сирот дворцовой прислуги, чиновников и солдат; сразу же после вступления Карла на трон значительно расширилось государственное попечительство о бедных. Кроме того, создание полиции из непригодных к строевой службе военных, а также многочисленные строительные проекты и мероприятия по усовершенствованию столичной инфраструктуры были направлены на то, чтобы обеспечить занятость бедняков, а тем самым дать им хлеб и кров.

Несмотря на плохие урожаи предшествующих лет, которые Скилачче пытался компенсировать импортом зерна из Сицилии с помощью вновь созданных городских продовольственных властей, положение мадридских нижних слоев со времени вступления Карла на престол должно было скорее улучшиться, чем ухудшиться. Значит, гораздо правдоподобнее версия о том, что восстание все же имело политическую подоплеку

и преследовало цель побудить Карла либо к неадекватной военной реакции, либо к изменению его политики путем назначения на руководящие должности испанцев, ставленников закулисных вождей.

Во всяком случае, ни того, ни другого не удалось достичь. Хотя Карл снял Скилачче, итальянского премьер-министра оставил. Более того, теперь король решил привлечь на правительственную работу обе фракции сторонников модернизации. Граф Аранда, как глава фракции родовой знати, был назначен президентом Совета Кастилии, центрального внутривластного политического органа правительства, и стал председателем комиссии, сформированной для расследования недавних событий. Руководство министерством финансов было поручено высочайшему чиновнику министерства, испанцу Мигелю де Мускису, а центральную роль в испанской политике от «партии брыжей» начали играть два ее руководителя, назначенные королевскими прокурорами, — будущие графы Флоридабланка и Кампоманес.

На основании результатов расследования 27 февраля 1767 года Карл подписал декрет, предусматривавший изгнание из Испании и Латинской Америки всех членов иезуитского ордена, что предполагалось осуществить путем организованной генеральным штабом акции с соблюдением строжайшей тайны. Так вырывался из общества и внутренней политики самый укоренившийся в испанском наследии орден. Его богатые владения переходили в собственность короны, поручившей центральным органам государственной администрации национализировать их спустя некоторое время.

Еще в правление Карла началась эта секуляризация, однако государственные чиновники управляли национализированным имуществом главным образом неграмотно и почти без выгоды. Все же отчуждение

это впоследствии отчасти способствовало погашению государственных долгов. С изгнанием иезуитов, встреченным одобрительно также церковными кругами, прежде всего традиционными нищенствующими орденами, закончилась организованная оппозиция политике короля Карла. Хотя его реформаторская деятельность и далее критиковалось в многочисленных анонимных прокламациях, листовках и насмешливых стишках, все же до организованного сопротивления дело больше не доходило.

Последующее десятилетие, до конца 1770-х, стало годами наивысшего расцвета реформаторской политики Карла. События Страстной недели подвели короля и его советников к пониманию того, что эта политика нуждалась в широкой поддержке населения. Поэтому корона отныне решительно поощряла робко заявившее о себе «движение горожан», основание патриотических обществ, так называемых «экономических обществ друзей мира».

С одобрения и при поддержке короля подобные организации, которые должны были способствовать повышению общественного благосостояния, изучению и испытанию новой техники и новых форм сельскохозяйственного производства, распространению новых экономических идей — путем лекций перед соответствующей общественной аудиторией или путем обучения молодежи (профессионального обучения неимущих и поиска выгодной работы), стали создаваться по всей стране. И в самом деле, подобным способом удалось мобилизовать значительную часть мыслящей элиты и впервые запустить нечто вроде общественной политической дискуссии. Она обеспечила реформаторской политике попутный ветер, хотя в отдельных случаях формулировались также цели, выходявшие за рамки интересов короны.

Однако при жизни Карла политические конфликты больше не возникали. Через несколько лет такого рода общества стали усиленно переноситься на латиноамериканскую почву, а в Северной Америке вспыхнула война за независимость, так что и корона, и политики-реформаторы обеспокоились сохранением колониальной империи. В результате подобные общества за океаном стали рассматриваться как политически опасные, и им было отказано в поддержке. Но главной причиной оборонительной политики в Латинской Америке следует считать то, что после восстания 1766 года Карл не определил свою позицию по принципиальным политическим вопросам Америки: приступать ли к осуществлению разработанного Арандой проекта создания единой американо-испанской нации и произвести необходимую переоценку заморских территорий либо и впредь обращаться с ними как с зависимыми провинциями, эксплуатируемыми к выгоде метрополии?

Эти и другие коренные вопросы вызвали настолько яростный спор между двумя реформаторскими фракциями, что Карл в 1772 году поспешил отослать главных представителей обоих лагерей на посольские должности за границу. Аранда стал испанским послом во Франции, тогда как Флоридабланка представлял Испанию у Священного престола.

В Испании Карл продолжал намеченную еще в шестидесятые годы линию, нацеленную на упрощение и модернизацию администрации, расширение инфраструктуры, общественные строительные мероприятия в городах, социальное обеспечение низших слоев и их интеграцию в экономическую жизнь, а также на модернизацию церкви путем назначения епископов, разделявших широкие прогрессивные взгляды: от просветительских до яansenитских. Более того, Карл перестраивал армию и флот, чтобы в случае необходимости во

всеоружий встретить возрастающую внешнеполитическую угрозу и избежать повторения 1762 года.

Все чаще в поле зрения Карла попадала Атлантика, и прежде всего Америка. После того как в 1766 году британцы оккупировали Фолклендские (Мальвинские) острова в Южной Атлантике, в 1770 году губернатору Буэнос-Айреса удалось их оттуда изгнать. Угроза войны вновь возникла после оккупации Англией Марокко и нападения на испанские опорные пункты в Северной Африке, но испанским войскам удалось взять верх.

В 1776 году подразделения испанской армии сумели отвоевать левый берег Рио-де-ла-Плата, после чего дело дошло до мирного договора с Португалией (1777) и мирного урегулирования обоюдных территориальных претензий в Америке. В 1776 году Карл также сделал свой выбор во внутриполитических вопросах в пользу «партии брыжей». Он поставил Флоридабланку премьер-министром и назначил Хосе де Гальвеса, который также принадлежал к этой группировке и в качестве генерального инспектора вице-королевства Новая Испания (Мексика) хорошо знал Америку, министром Индий, тогда как Аранда остался послом в Париже.

Не теряя времени, Гальвес приступил к реорганизации всей Латинской Америки. Последовало образование вице-королевства Рио-де-ла-Плата, к которому было присоединено богатое благородными металлами Верхнее Перу. В 1778 году Гальвес ввел свободную торговлю между почти всеми испанскими и латиноамериканскими портами и тем самым завершил ранее начатую частичную либерализацию. Одновременно стали создавать систему интендантов провинций, учрежденную в Испании еще предшественниками Карла. Основной принцип гласил: Испания и Америка

должны управляться по одним правилам. Политика, которую проводил Карл в Испании, теперь переносилась в Америку.

Означало ли это принятие предложенной Арандой политики? Большинство исследователей истории Латинской Америки так не считают. Так же, как и в Испании, в Латинской Америке возникла оппозиция этой политике, разумеется, делавшая упор на своеобразие Америки и отстаивавшая свое право на решающий голос в политике. В Перу и Новой Гранаде (современной Колумбии) дело дошло до восстаний, причем в Перу преимущественно индейских, тогда как в Новой Гранаде — американо-испанских. Хотя выступления были подавлены, после них короне не удалось провести такую же «гражданскую мобилизацию», как в Испании, так что широкой поддержки политика реформ не добились. Свое воздействие здесь оказала война за независимость в США. В 1779 году Испания вступила в войну с Англией, сражавшейся против повстанцев, и сумела отвоевать Флориду.

Для финансирования разросшихся вооруженных сил корона предпринимала огромные усилия по повышению эффективности налогообложения, преимущественно путем совершенствования системы и почти не прибегая к увеличению налогов. Жителями Латинской Америки эти старания воспринимались главным образом как увеличение налогового бремени и колониальной эксплуатации. Впрочем, так же они интерпретируются и большинством современных исследователей, принимающих в расчет лишь Америку. Но в действительности большая часть сильно возросших налоговых поступлений использовалась короной для того, чтобы финансировать своего рода «панамериканское финансовое соглашение», по которому остатки средств из богатых провинций главным образом ис-

пользовались для помощи и защиты более бедных или в военном смысле менее защищенных провинций. Количество же транспортов в метрополию в это время существенно не возросло.

Самосознание и собственные интересы отдельных частей государства все более напластовывались таким образом на общегосударственную сплоченность. Очевидной становилась ошибка, допущенная при отказе от пропаганды национальной концепции, выдвинутой Арандой. Но эта концепция — более нацеленная на сплоченность населения под испанской короной, чем акцентирующая роль королевства как объединяющего фактора, — для такого «старорежимного» короля, как Карл III, была слишком смелой. «Все для народа, но ничего через народ», таков был девиз, приписываемый Карлу, хотя король никогда не высказывался подобным образом. Все же Карл выводил из Божьей милости свое неограниченное могущество как короля, которое, на его взгляд, было связано с обязательством всецело посвятить себя благополучию подданных.

Для монарха, которому пришлось править на двух континентах, и чьи подданные все более стремились разбежаться, заявившая о себе новая ситуация, должно быть, предъявила чрезмерные требования. Под конец жизни ему и так пришлось выбросить за борт большую часть идей и мировоззренческих представлений, на которых он воспитывался.

После окончания войны за независимость США известный, приписываемый графу Аранде меморандум очень точно прогнозировал будущее развитие событий: молодые США превратятся в политического колосса и будут воздействовать на жителей Европы как огромный «пылесос»; они начнут угрожать испанским позициям в Северной Америке и служить примером жителям Латинской Америки в завоевании независимости.

Единственный способ предотвратить это заключался в том, чтобы Карл предоставил независимость испанским заморским колониям, сделав испанских принцев в них королями, сам же принял титул императора, сохранив, по крайней мере, суверенитет над Латинской Америкой.

Но даже если стареющий и одинокий король имел бы силы претворить в жизнь подобные решительные меры, в высшей степени сомнительно, чтобы его испанские подданные, пребывавшие в плену унаследованных представлений о Латинской Америке как о колонии, поддержали бы такой шаг. Достаточно вспомнить реакцию в Испании, когда через добрые два десятилетия после смерти Карла в Латинской Америке действительно вспыхнули войны за независимость.

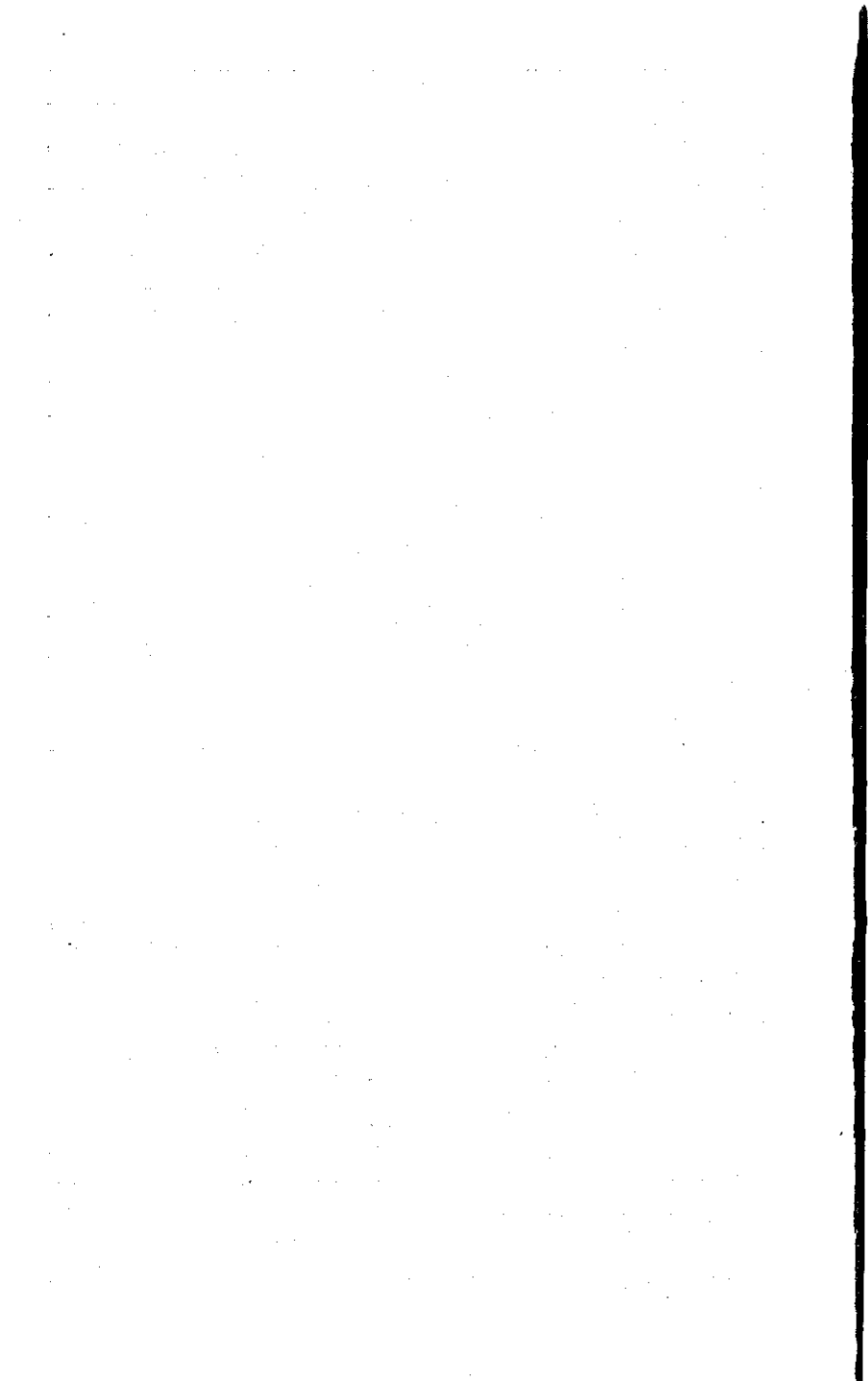
Как же на этом фоне оценить историческое значение Карла III? Не возникает ни малейших сомнений в том, что Карл был во всех отношениях самым выдающимся правителем Испании XVIII столетия. Более того, он стоит в одном ряду с важнейшими политическим фигурами Европы конца этого века.

Испытав на себе влияние итальянского Просвещения, он предпринял масштабные и успешные усилия по модернизации Испании. Под его руководством и благодаря его умелой политике Испания смогла заметно сократить отставание по отношению к остальной Европе и воспринять передовые тенденции того времени. Удалось, хотя и с запозданием, прежде всего в Каталонии и Стране Басков, сломать традиционный аграрный уклад и побудить или подготовить ремесленно-промышленное развитие, открывавшее стремительно растущему населению новые экономические и социальные перспективы. Успехи и затраты на эту политику едва ли уравнивались, о чем свидетельствовало новое увеличение государственного долга. Хотя

и удалось преодолеть духовно-культурную стагнацию и оживить науку и искусство, но, как и в отношении экономики, эти стимулы остались ограничены сравнительно небольшим кругом интеллектуальной элиты. Напротив, заметнее, даже если эта цель специально и не преследовалась, был рост политического самосознания широких слоев населения.

Народная война против Наполеона и созыв Учредительного собрания в отсутствие законного центрального политического руководства через два десятилетия после смерти Карла без его реформ почти наверняка не были бы возможны. С другой стороны, соперничество с могущественной Англией в Атлантике и за океаном поглощало силы правительства и монархии, так что гармонизация внутри- и внешнеполитических потребностей становилась крайне опасным «трюком на канате».

В военном отношении ценой финансовых жертв Карлу удалось укрепить испанские позиции за океаном и отвоевать Менорку, хотя огромные усилия по завоеванию Гибралтара потерпели провал. Все же то обстоятельство, что Франция и Англия гораздо ранее потеряли свои американские колонии, показывает, что усилия Карла III по осуществлению как внутренней, так и внешней политики в Испании и Америке все же были достаточно успешными, даже если в итоге ни здесь, ни там не удалось достичь долговременных коренных успехов. К тому же слишком неблагоприятными для него были знамения времени, к которым он не был готов. Все-таки смерть в 1788 году избавила его от участи стать свидетелем Французской революции и начала новой эпохи, в подготовке которой он невольно участвовал.

Ана Герреро Латорре

КАРЛ IV (1788–1808)

Карл IV, род. 11.11.1748 г. в Портичи (близ Неаполя). С 1759 г. принц Астурийский, с 13.12.1788 г. король Испании. 19.03.1808 г. первое отречение в пользу сына Фердинанда VII. 5.05.1808 г. второе отречение и передача короны Наполеону. Скончался 19.01.1819 г. в Неаполе, погребен в королевском пантеоне в Эскориале.

Отец: Карл III (1716–1788). Мать: Мария Амалия Саксонская (1724–1760), дочь Фридриха Августа II, курфюрста Саксонского и короля Польши. Братья и сестры (пережившие детский возраст): Мария Хосефа Кармела (1744–1801); Мария Луиза (1745–1792), супруга Леопольда II, императрица Австрии (1790–1798); Фелипе (1747–1777), герцог Калабрийский (исключен из престолонаследников); Фернандо Антонио Паскуаль (1751–1825), под именем Фердинанда IV король Неаполя и Сицилии (1759–1799), до 1767 г. регентство, после кратковременного перерыва вследствие провозглашения республики снова король (1799–1806), с конца французского господства Фердинанд I, король Обеих Сицилий (1816–1825); Габриэль, владелец майората — владений инфанта (1752–1788); Антонио Паскуаль (1755–1817), главнокомандующий флотом; Франсиско Хавьер (1757–1771).

Свадьба с Марией Луизой Бурбон-Пармской (1751–1819) 4.09.1765 г. во дворце Ла-Гранха (Сан-Ильдефонсо). *Брат Карла III*

Дети (пережившие детский возраст): Карлота Хоакина (1775–1830), супруга Иоанна VI (1792–1816 регент, 1816–1826 король), королева Португалии; Мария Амалия (1779–1798); Мария Луиза Хосефина (1782–1824), супруга Людвига I, короля Этрурии (1801–1803), регентша Этрурии (1803–1807), герцогиня Лукка (1815–1824); Фердинанд VII, король Испании (1784–1833, 1808 и 1814–1833); Карлос (V), граф Молина (1788–1855), 1834 — претендент на трон; Мария Изабель (1789–1848), как супруга Франца I королева Обеих Сицилий; Франсиско де Паула (1794–1865), герцог Кадисский, генерал-капитан. *ам 330*

Карл IV жил в эпоху коренного перелома в европейской истории, не будучи в состоянии удержать бразды правления в собственной стране. А ясное и решительное политическое руководство было настоятельно необходимо в обстановке всеобщей международной европейской напряженности и революционных потрясений, повлиявших на внутренние дела всех стран. Но Карл IV либо довольствовался второстепенной ролью, либо вмешивался в самое неподходящее время.

Принц Астурийский

Задолго до вступления на престол, которое произошло, когда Карлу было уже сорок лет, полностью проявились все сильные и слабые стороны, которым суждено будет раскрыться за его весьма краткосрочное правление. Воспитывали будущего короля с такой же тщательностью, как и его брата, хотя особых интеллектуальных пристрастий он никогда не обнаруживал.

Его отец отнюдь не скрывал своей любви к брату Карла, инфанту Габриэлю, самому блестящему из его сыновей. Карл наслаждался хорошей музыкой и живописью и под влиянием своей супруги, Марии Луизы, собрал коллекцию произведений изобразительного искусства, которая по сей день украшает залы резиденции испанских королей. Вместе со своим отцом Карлом III он разделял любовь к природе, охоте и верховой езде, равно как и склонность к простой жизни. Однако ему не хватало проницательности родителя в выборе кандидата на важный правительственный пост. Был он кроток и не тщеславен и никогда не проявлял силы характера и решимости, столь необходимых для просвещенного монарха качеств.

Долгие годы при правившем отце едва ли пошли ему на пользу. Последний не раз выражал сомнение в способности сына правильно решать задачи управления и никогда не поручал ему ответственные дела.

Годами при дворе Карла III среди просветителей и реформаторов существовало две партии: арагонская, или военная партия, и «партия брыжей». Первая группировалась вокруг первого министра короля, графа Аранды, считавшегося представителем военных, поборником арагонских привилегий. Последняя — вокруг графов Флоридабланка и Кампоманеса, защищавших направленный против любых привилегий централизм и представлявших гражданскую власть. Карлу III удавалось умело лавировать между двумя партиями. В отличие от него, и не в последнюю очередь под влияние жены, принц Астурийский сделал ставку на партию Аранды. Последний в 1773 году лишился поста первого министра и был отправлен послом в Париж. Оттуда при поддержке принца начал интриговать против своего преемника, Гримальди. И хотя тот в 1776 году был смещен, на его место пришел Флоридабланка, представитель «партии брыжей».

Отношения между отцом и сыном после этого стали заметно натянутыми. В известном письме Карл III прочел сыну политическую лекцию, предостерегая от вредных последствий, которые могла бы иметь огласка в народе политической партийной борьбы при дворе, особенно, когда в нее втянуты монарх и его наследник. Так, чего доброго, во время его будущего правления, могло дойти и до более серьезных конфликтов.

Через несколько лет после этого инцидента, в связи с назревавшим конфликтом между Арандой и Флоридабланкой, принц Астурийский вновь оказался в центре урагана. На сей раз он играл более важную роль и при этом продемонстрировал свои слабые политические способности. Он разочаровал обе партии. Возможно, по настоянию одного из членов арагонской партии, находившегося в его обществе, 19 марта 1781 года наследник велел передать сердечное письмо послу в Париже. В нем принц жаловался на кризис монархии и просил от своего и от имени своей супруги, Марии Луизы, совета, какую линию избрать в случае смерти своего отца. Аранда дал на это неумное письмо пространный и подробный ответ. Без излишней оригинальности в нем, по сути, обобщались представления арагонской партии по вопросам правления. Согласно этим взглядам важнейшая роль отводилась королю, Государственному совету и первому министру. После передачи этих тезисов, известных как «план правления для принца», Аранда напрасно пытался форсировать мнимый заговор, якобы инспирированный принцем и в котором ему самому предстояло сыграть главную роль. Он вскоре убедился, что за всем этим стояли лишь интриги провокаторов, за которые без церемоний ухватился Флоридабланка.

Пассивная позиция принца Карла весьма разочаровала Аранду, которому пришлось ожидать новой воз-

возможности еще несколько лет. В конце правления Карла III Флоридабланка сидел в седле прочнее прежнего, а принц с принцессой были практически отстранены от общественной жизни. Кроме того, по стране ходили анонимные пасквилы, высмеивавшие обоих. Их авторов следует искать среди представителей арагонской партии, чувствовавших себя оскорбленными, так как, по их мнению, Карл якобы бросил их в беде.

Начало правления Карла. Флоридабланка, Аранда и Французская революция

14 декабря 1788 года умер Карл III, и новым монархом стал принц Астурийский. Казалось, первые месяцы указывали на явную преемственность, в первую очередь потому, что Флоридабланка (задававшая в последние годы тон фигура) сохранил свой пост и его власть не была урезана. Все же события, уже с 1788 года разворачивающиеся в соседней стране, вызвали среди умеренно просвещенных испанцев определенную реакцию, означавшую конец политики реформ. Таким образом кризис, поразивший с самого начала правление Карла IV, пришел извне и не был прямым следствием его вступления на престол. Позднейшие ошибки короля или его окружения привели лишь к осложнению ситуации.

В то время, как во Франции Генеральные штаты превратились в Национальное собрание, собравшиеся в сентябре 1789 года в кортесы испанские депутаты казались такими же беззаботными, как праздновавший в то время коронацию народ. Они готовились взять на себя роль, отводимую им просвещенным абсолютизмом. Первые кортесы новой эры избрали себе повестку дня, в пунктах которой угадывались сильные

отголоски реформ, касавшихся аграрной, социальной сферы и даже порядка престолонаследия. В частности, вновь вводилось наследование по женской линии, однако не в смысле «прагматической санкции», благодаря чему, вероятно, стремились избежать будущих проблем.

Конечно, Флоридабланка, подобно другим руководителям своего поколения, был озабочен некоторыми ставшими в Испании уже классическими хлебными бунтами, равно как и очередным появлением сатир — вследствие робкого возобновления деятельности арагонской партии и, наконец, из-за неудачного покушения, совершенного на него каким-то сумасшедшим типом. Все же это были лишь одиночные симптомы социальных волнений, в то время как в других странах дело дошло до сильных потрясений. В донесениях аккредитованных в Мадриде послов сообщалось разве что о «царящем здесь глубоком спокойствии».

Несомненно, многие испанские политики-реформаторы придерживались мнения, что происходящее во Франции не могло повториться в Испании. С этой точки зрения становятся понятны меры Флоридабланки: поспешный роспуск кортесов из-за боязни возможного влияния на них французских коллег, суровый надзор за почтой и прессой с привлечением Инквизиции, концентрация войск на пиренейской границе и отстранение таких политиков, как Ховельянос, Кабаррус или Кампоманес, считавшихся чересчур радикальными реформаторами. Динамика революционных событий даже превратила умеренных реформаторов в консервативных.

Нелегко охарактеризовать позицию короля перед лицом такого развития событий. Некоторые историки видят в Флоридабланке лишь рупор короля. Но апатичный характер Карла и авторитарный, деспотичный

нрав его министра указывают скорее на совпадение интересов обоих. Подлинная озабоченность Карла французской революцией все же не замедлила проявиться, приняв черты одержимости. Как глава второй ветви дома Бурбонов он считал своей первоочередной задачей спасти монархию кузена Людовика XVI и поэтому, а не из далеко идущих соображений о возможном ее влиянии на Испанию отвергал революцию.

В 1790 году в бухте Ноотка в Северной Америке произошел инцидент: испанский корабль потопил английский, команда которого основала там поселение. Чтобы избежать войны, Флоридабланка предпочел невыгодное соглашение с Англией возрождению договора между двумя ветвями дома Бурбонов, который мог бы принести военную поддержку с французской стороны. Это разгневало Национальное собрание, как, впрочем, и резкие ноты, направляемые Флоридабланкой в защиту Людовика XVI.

В октябре 1789 года французский король написал своему испанскому кузену письмо, в котором заверял, что действовал по принуждению и против своей воли. Поэтому Испания не признала действительность клятвы Людовика XVI на верность конституции. Но когда по реакции официальных представителей Франции и информации специальных послов Людовика XVI, Карлу IV стало ясно, что политика жесткой линии, проводимая Флоридабланкой, переходит все границы и даже создает дополнительный риск для французского монарха, он, не мешкая, избавился от него. 28 февраля 1792 года Флоридабланка был смещен и заменен многолетним противником и соперником — Арандой. Этим шагом Карл IV надеялся спасти французскую королевскую семью.

На первый взгляд, назначение Аранды могло показаться радикальным поворотом в испанской внутренней

и внешней политике. Такие главные пункты программы арагонской партии, как восстановление Государственного совета или роспуск Верховного Государственного собрания, были осуществлены, и был расчищен путь к более активному участию дворянства в управлении. Контрреволюционные меры были смягчены, ослаблены цензура и слежка. Однако Аранда продержался в правительстве всего несколько месяцев и не имел времени проконтролировать претворение в жизнь своих новшеств.

События во Франции и судьба Людовика XVI вновь отбросили тень на внутреннее положение в Испании. После того как королевскую семью отправили в тюрьму и революционные армии торжествовали победу над Австрией и Пруссией, Аранде стало труднее проводить свою политическую линию. В Мадриде колебались между решением в пользу военного вмешательства и нейтралитета. По этому вопросу возникло расхождение в мнениях между королем, интересовавшимся лишь судьбой французской королевской семьи, и его министром, принимавшим в расчет прежде всего ту опасность, которая таилась в данной политике для безопасности американских колоний и внутреннего мира. Поэтому-то и произошло падение Аранды, на смену которому 15 ноября 1792 года пришел уже пользовавшийся определенной славой в придворных кругах молодой человек — Годой.

Годой

В последние годы перед вступлением на трон, будучи сильно ущемленными в своих политических возможностях, Карл и Мария Луиза пытались собрать вокруг себя третью, полностью зависящую от них партию. Этот «третий путь» и олицетворял собой Го-

дой. За него и ухватился Карл IV в поисках верного сподвижника в «крестовом походе» во спасение французских Бурбонов. Выходец из очень обедневшей дворянской семьи, Годой был всего лишь членом гвардейского корпуса. С сентября 1788 года он примкнул к тесному кругу приближенных четы принца, став незаменимым другом и любовником будущей королевы.

Значение, которое часть историков долгое время придавала благоволению Марии Луизы к юному Годой в решении назначить его первым министром государства, отвлекало внимание от действительных причин, на которые, в частности, указывает в своей работе об этом фаворите Секо Серрано: после того как два других кандидата, Флоридабланка и Аранда, потерпели неудачу, Карл и Мария решили в пользу новой политики, которая бы больше не определялась старыми влиятельными кругами, но имела бы опору в них самих. В 1792 году Годой уже получил титул герцога Алькудия; кроме того, монархи наделили своего фаворита имуществом и доходами.

После назначения государственным министром Годой рьяно взялся за спасение жизни французской королевской семьи. Придерживаясь политики нейтралитета, он хватался за любую возможность, чтобы предотвратить вынесение Людовику XVI смертного приговора, не останавливаясь даже перед покупкой голосов. Но эта политика полностью провалилась.

Через несколько недель после казни Людовика XVI Конвент объявил Испании войну. Эта реакция Франции на постоянное вмешательство в ее внутренние дела и использование явной слабости бурбонской монархии в Испании окончательно разрушили иллюзии на возможный нейтралитет и толкнули Годоя в британские объятия. Война против Конвента изображалась

как патриотический крестовый поход и могла рассчитывать на симпатию большей части населения и духовенства. Кроме того, известия о казни Людовика XVI, о терроре и объявлении войны совсем охладили пыл тех, кто поначалу симпатизировал французской революции. Однако поддержание военной эйфории оказалось делом затруднительным ввиду отсутствия успехов и — из-за необходимого напряжения и жертв — возросло недовольство, направленное против фаворита.

Приверженцы партии Аранды, и среди них выдающиеся военные, попытались воспользоваться этими настроениями и стали собирать вокруг себя разношерстных противников Годоя. Однако это привело Аранду к полному провалу. Он был вынужден оставить свой пост в Государственном совете и отправиться в ссылку, где вскоре скончался. Все же будущая оппозиция Годою уже обозначилась. Политические проблемы, экономические трудности и победы французов на других фронтах привели к тому, что начало мирных переговоров в октябре 1794 года стало выглядеть единственно разумной альтернативой. Подписанный в июле 1795 года Базельский мир вернул Испании потерянные пограничные районы. Правда, Мадрид уступил Франции колонию Санто-Доминго.

Все могло бы кончиться гораздо хуже, и двор воспользовался случаем, чтобы отпраздновать мир как большой триумф, причем Годой удостоился необычного титула «Князь мира». Впрочем, мир длился недолго: уже год спустя Испания заключила первый Сан-Ильдефонский договор с Францией и через несколько недель после этого вступила в катастрофическую войну с Англией, в результате которой было нарушено сообщение с колониями в Америке, что нанесло огромный урон испанской экономике.

Эпигоны Просвещения

Если результаты внешней политики Князя мира оставляли желать лучшего, достижения во внутриполитической сфере были намного убедительнее. Наследство реформистских традиций времен Карла III было усвоено администрацией, и даже Годой испытал на себе его влияние. Некоторые темы, обсуждавшиеся на первых кортесах правления Карла IV, — такие как, например, аграрные реформы — возникли вновь, равно как и другие, рожденные идеями Просвещения. Во время коротких периодов, когда внимание Годоя не было полностью занято внешними событиями, он проводил реформу высшего образования, поощрял ученых и поддерживал законодательные инициативы, которые могли модернизировать мануфактуры и сельское хозяйство. Известный «Доклад об аграрном законе» Ховельяноса был опубликован в 1795 году при поддержке всемогущего тогда фаворита.

Но его стиль жизни, пристрастие к роскоши и непотизм мало отвечали духу предшествующей эпохи и находили крайне мало симпатий у последних представителей Просвещения, хотя некоторых из них он вернул из ссылки и даже предоставил им важные должности в государственной администрации. Война против Англии и непопулярные, но необходимые меры в связи с ней значительно расширили круг его противников. В мае 1798 года он потерял пост государственного министра. Впрочем, дружбы королевской четы он не лишился. Карл IV снял его лишь под нажимом обстоятельств. Правда, некоторые историки придерживаются мнения, что между ним и королевской парой все же имело место определенное отчуждение. Однако оно не могло быть очень большим, так как Годой

сохранил свой титул и владения и вскоре вновь появился на политической сцене.

Совсем не просто определить действительное участие Карла IV в тех событиях. О том, что разыгрывалось в покоях королевской четы, нам известно прежде всего из переписки между Марией Луизой и Годоем. Король вновь играл лишь вторую скрипку, хотя королева всегда говорит от имени обоих. Пост государственного министра получил Сааведра, который вместе с Ховельяносом и Уркихо принадлежал к главным реформистам, вновь привлеченных Годоем к управлению. Он сформировал «правительство просветителей», как называют его некоторые авторы.

Так же как при трех предшествующих правительствах, отношения с Францией составляли главную проблему, решение которой Карл IV передал своим министрам. Теперь вокруг нее вновь вспыхнула внутренняя борьба за влияние между различными направлениями, приведшая к свержению нового министра. И снова, как уже часто случалось в век Просвещения, дал о себе знать конфликт между традиционалистами и реформаторами. В результате событий в соседней стране и вследствие наличия третьей партии, партии сочувствующих революции, их позиция окрепла. Причины спора были унаследованы от предшествующей эпохи: регализм (т. е. королевские prerogatives в отношении церкви), янсенизм и экономические реформы. Но ныне правил не просвещенный властитель, а слабый монарх и чрезвычайно активная королева. К тому же имелся наполовину впавший в немилость фаворит, наносивший удары из-за угла, и весьма активная камарилья, в которой долгое время решающим влиянием пользовался Хосе Антонио Кабальеро, представлявший особо консервативные круги. Через короткое время Ховельянос и Сааведра исчезли со сцены. При-

чиной в обоих случаях были болезни, но также и растущее утомление ожесточенной внутренней борьбой. Уркихо был тверже и стойче, но через короткое время международное политическое положение вновь выдвинулось на первый план, отодвинув в сторону внутривластные дела, и это завершило господство эпигонов Просвещения.

Наполеон

Став первым консулом, Наполеон начал политику давления на Испанию, чтобы добиться сотрудничества этой страны в достижении своих честолюбивых планов. Во втором Сан-Ильдефонском договоре (октябрь 1800 года) Испания вновь встала на сторону Франции, что означало возрождение ее так никогда окончательно не урегулированного конфликта с Великобританией. Некоторые решения по испанскому флоту, в которых Наполеон увидел руку слишком независимо действующего Уркихо, привели к смещению последнего с должности и тюремному заключению. Карлу IV стало неудобно держать его на службе, так как он не только не мог рассчитывать на симпатии французов, но и стал мишенью церковной и консервативной критики.

Под гнетом обстоятельств взоры Карла и Марии Луизы вновь обратились на человека, который пользовался их огромным доверием — Годоя. Но теперь его возвращение в политику прошло под другим знаком. Из того, что произошло с Ховельяносом и другими реформаторами-просветителями, фаворит вынес для себя урок. Он понял, что не стоит полагаться на полное доверие монархов. Теперь Годой снова стал всемогущ и в сложных делах занимал умеренную позицию с таким расчетом, чтобы не озлоблять крайних

консерваторов, к которым все более тяготела королевская пара. На этом втором этапе своей карьеры Князь мира не занимал министерского поста. Он был, по словам Секо Серрано, «современным диктатором», имевшим гораздо больше власти, чем прежде. Над ним стояли лишь слабый и пассивный монарх и королева, его боготворившая.

Наполеон отводил Испании особую роль в своей конфронтации с Англией. Португалия осталась верна своим традиционным союзническим отношениям с Великобританией и отвергла французское вмешательство. В мае 1801 года Годой возглавил армию в 60 000 человек в трехнедельной успешной кампании против Португалии, так называемой «апельсиновой войне». Многие придерживались мнения, что эта война была проведена больше в пользу Франции или к личной выгоде Годоя, чем в интересах испанского народа. Вдобавок, в Испании еще более ухудшилось экономическое положение. Впрочем, согласно Секо Серрано, Годой лишь выполнял волю королевской четы. А монархи желали, — из-за усиливавшегося давления Наполеона война считалась неизбежна, — чтобы та была по возможности короче и не обременительна для португальской короны, так как одна из их дочерей стала королевой Португалии.

Амьенский мир между Францией и Англией от 1802 года включал также и Испанию, которой любой ценой надо было выиграть время, чтобы снова поднять свою хромавшую экономику. Но Испания не извлекла из договора никакой выгоды. После того как вскоре между Великобританией и Францией возобновились враждебные действия, Годой пытался всеми средствами удержать Испанию в стороне от военного конфликта. Но за желанный «нейтралитет» пришлось выплачивать французскому союзнику чрезвычайно

высокую цену месячными ассигнованиями. Тем временем Англия наращивала дипломатическое давление и угрожала отрезать Испанию от ее колоний.

Критическое экономическое положение, в которое Испания попала вследствие международного кризиса, умножило трудности Годоя. А партия его противников набирала силу; среди ее членов были особы с большим социальным и политическим весом. Как под конец правления Карла III недовольные сплывались вокруг принца Астурийского, так на этот раз — вокруг сына Карла IV, Фердинанда. Годой решился действовать на свой страх и риск; он хотел обеспечить свое будущее путем получения португальского княжеского достоинства и могущественного Наполеона в союзники.

В декабре 1804 года Испания, или, вернее, Годой, объявил войну Англии. Через несколько недель произошел разгром французского флота у мыса Трафальгар с огромными потерями в живой силе и кораблях. Критики Годоя подняли голос, и его положение оказалось под большой угрозой. В последние годы власти его поведение стало отчасти определять чувство неуверенности.

Довольно неопределенные обещания Наполеона относительно личного будущего Годоя побудили фаворита к сближению с врагом и в октябре 1806 года к призыву к войне против французов. Но вскоре после этого одержанные императором победы убедили Годоя в том, что его собственная судьба неизбежно находилась в руках Наполеона. Он снова перешел на его сторону и попытался сблизиться с партией кронпринца Фердинанда. Карл IV вновь играл подчиненную роль; он прочно держался за незыблемую дружбу с Годоем и слепую веру в него. Королевская чета,

таким образом, поставила на кон свою корону, так как закрывала глаза на все, что происходило вокруг кронпринца.

На гребне растущей популярности кронпринца приверженцы Фердинанда стали распространять ничем не подтвержденные слухи о том, что Годой хотел завладеть регентством. Они составили недатированный подписанный Фердинандом декрет, в котором тот назначал противников фаворита на решающие посты. Со своей стороны, Фердинанд написал письмо Наполеону, в котором просил его посредничества в заключении брака с представительницей императорской фамилии. Наполеон, таким образом, становился авторитетнейшим арбитром в борьбе дворовых партий.

Заключение Фонтенблоского договора в октябре 1807 года скрепило новый альянс между Испанией и Францией за счет Португалии. Прибытие французских войск, пересекавших Испанию по пути в Португалию, еще более усилило позицию Наполеона как по отношению к Фердинанду, так и по отношению к Годою. Путем оккупации Португалии Наполеон хотел обеспечить действенность континентального барьера.

Годой, узнавший о заговоре кронпринца, сообщил о нем монарху. Карл IV был вынужден вмешаться. В покоях его сына были конфискованы документы, и в Эскориале провели следствие и процесс. Вскоре после этого были опубликованы показания Фердинанда, его признание вины и раскаяние. Он выдал всех, кто был вовлечен в заговор. Принцу было даровано помилование, его соучастников удалили от двора. Но Годой пострадал от этих событий сильнее, чем кронпринц. В ненависти против него Фердинанд видел единственную надежду на преодоление кризиса.

Последняя фаза правления Карла IV была отмечена критически опасным положением сельского хозяйства, которое еще ухудшилось после плохих урожаев. К этому добавились отсутствие единого национального рынка, явная неспособность контролировать инфляцию, вследствие войны и плохого состояния государственных финансов, и сопутствующая социальная напряженность, разряжавшаяся в бунтах.

У исследователей нет единодушия о точном времени, когда Наполеон решил низвергнуть Бурбонов. Во всяком случае, в начале 1808 года стали известны планы Наполеона о распределении войск по полуострову. Годой решил принять меры предосторожности и перевез королевскую семью в Аранхуэс. Это место остановки рассматривалось как первый этап поездки в Америку, куда сбежала также португальская королевская чета. Князь мира попал в еще большую изоляцию. Большинство министров и даже Совет Кастилии выступили против него, но он продолжал делать ставку на пассивность Карла IV.

Приверженцы Фердинанда ошибочно полагали, что действия Наполеона были направлены только против Годоя. Они вновь составили заговор, высшей точкой которого стал Аранхуэсский мятеж. В ночь на 17 марта 1808 года толпа крестьян, солдат и дворцовых слуг взяла штурмом особняк Годоя. Хозяина не обнаружили, так как, завернувшись в ковер, тот спрятался в мансарде. Тогда толпа бросилась во дворец, где перепуганный Карл IV был уже готов подписать декрет, лишивший Годоя должности. 19 марта 1808 года Годой покинул свое укрытие; его арестовали и отправили в тюрьму. Вскоре после этого Карлу IV пришлось отречься в пользу своего сына Фердинанда. Встреча в Байонне закрепила падение династии Бурбонов.

Карлу IV навсегда запрещалось возвращаться в Испанию. Королевскую чету и освобожденного Годоя держали в разных французских городах, пока они, наконец, не оказались в Италии. В 1819 году Карл IV и Мария Луиза умерли в ссылке. Годой жил до 1851 года. Скончался он в 84-летнем возрасте в Париже.

стремился вытеснить Бурбонов⁴⁹. Только когда те стали казаться ему ненадежными кандидатурами, ему пришла в голову мысль утвердить там собственную семью.

Под предлогом поддержки французских войск в Португалии в декабре 1807 года он впервые ввел армию в Испанию. После отказа Карла IV и его сына Фердинанда от испанской короны Наполеон писал 11 мая 1808 года своему брату Жозефу, которого за два года до этого сделал королем Неаполя: «Вы тот, кому я предназначил эту корону. Испания это не то, что королевство Неаполь: там 11 миллионов жителей, больше 150 миллионов дохода, не считая неизмеримых доходов и владений по всей Америке»⁵⁰.

6 июня 1808 года Наполеон при участии Совета Кастилии специальным декретом провозгласил своего брата королем Испании. При этом он пренебрег настроениями простого народа, посчитав незначительным местным бунтом беспощадно подавленное его наместником в Испании, Мюратом, восстание 2 мая 1808 года. Но к удивлению французов, это было всего лишь начало. Через несколько недель в стране образовалась враждебная испанская армия, состоявшая главным образом из крестьян и ремесленников под началом кадровых солдат. Более политически благоразумный Жозеф был, вероятно, недостаточно информирован о происходящем, когда клюнул на приманку своего брата. В Неаполе он привлек на свою сторону влиятельную, заинтересованную в реформах земельную буржуазию; даже дворянство не стояло там за Бурбонов. В Испании дело обстояло совершенно иначе.

Байоннская конституция

Испанская реформаторская партия, которая ради достижения своих целей была готова на сотрудничество

с французами, хотела создать широкую базу для своей программы путем созыва Учредительного собрания. Заседание этого собрания открылось 15 июня 1808 года в Байонне. Жозеф не мог оказать никакого влияния на выработку конституции. Состоявшее из 150 представителей собрание имело сословный характер. Оно прошло довольно поспешно и довольно сумбурно. Чтобы не дать повода для всеобщего восстания, решено было не реформировать церковную сферу, не ликвидировать дворянские привилегии и не вводить Гражданский кодекс. Католическая религия была признана единственно допустимой в Испании. Правда, должны были исчезнуть духовные, равно как и феодальные суды. Новый монарх не обладал полным суверенитетом, так как был связан постоянным союзом с Францией. Налогами должны были одинаково облагаться все классы. Были упразднены налоговые привилегии провинций; все чиновники и судьи должны были назначаться королем. Судебная и исполнительная власти были разделены на всех уровнях. Об общей безопасности, личной свободе и соблюдении Конституции должен был заботиться Сенат, который так никогда и не появился на свет, как, впрочем, и предусмотренные конституцией кортесы. Байоннская конституция была не чистым диктатом Наполеона, но синтезом его желания авторитарной формы правления с представлениями испанской реформаторской партии⁵¹.

Центральная хунта и Кадисские кортесы

Привлекательность предложенных французами реформ с самого начала пострадала от наличия парал-

лельного испанского правительства, которое предложило свои. После того как в различных провинциях началось открытое сопротивление чужеземному французскому владычеству, 25 сентября 1808 года, в Аранхуэсе была создана Центральная хунта. Фердинанд VII был провозглашен законным королем, а Байоннская конституция и все декреты «интервента» Жозефа объявлялись недействительными. 20 июля 1808 года от имени короля Фердинанда Франции была объявлена война.

24 сентября 1810 года в неприступном для французских войск Кадисе впервые собрались повстанческие кортесы, в которых было либеральное большинство и которые выработали знаменитую Кадисскую конституцию. Хотя эти кортесы были избраны прямыми выборами, они не имели сословного характера Байоннского собрания. Впрочем, и в Кадисе перевес имела традиционная элита крупных землевладельцев, высшей бюрократии и духовенства. Тем не менее принятой там Конституции суждено было стать «Великой хартией испанского либерализма, символом свободы и постоянной либеральной точкой отсчета для XIX века»⁵². Она провозглашала принцип народного суверенитета; конституционный монарх имел приостанавливающее право вето. На привилегии церкви посягала она еще менее, чем Байоннская. И хотя по своему содержанию она не особо отличалась от программы реформ Жозефа, будучи рожденной духом борьбы против французов, она заслужила большее доверие испанцев.

«Офранцуженные» (afrancesados)

По мнению Артолы, большинство населения в момент французского вторжения поддерживало абсолютную

монархию⁵³. Либералы, представлявшие идеи французской революции, были в меньшинстве. Сопротивление чужеземному владычеству привело к нежелательному и опасному союзу со сторонниками монархистского абсолютизма. Между двумя партиями стояла третья: партия реформаторов, которая была готова к сотрудничеству с французами. «Офранцузенные» ненавидели революцию и видели в ней угрозу государству. По их убеждению, единство Испании можно было спасти лишь сотрудничая с французами, так как иначе возникала опасность раздела страны захватчиками. Вместе с тем они полагали, что с помощью Жозефа удастся вновь взяться за осуществление запоздавших социальных и политических реформ и довести их до конца. Своим сотрудничеством с французами они также надеялись избежать гражданской войны и защитить испанские власти от посягательств оккупационного режима. Ядром их программы реформ была отмена феодальных привилегий, сужение церковной юрисдикции до внутрицерковных дел, защита испанской экспортной индустрии против конкуренции, снижение государственного долга и разумная налоговая политика вместо царившего фискализма.

Самыми выдающимися представителями «офранцузенных» в правительстве Жозефа были государственный секретарь Мариано де Уркихо, военный министр О'Фаррилл и министр по колониям Азанса. Все трое и раньше занимали высокие государственные посты. В сущности, Байоннская конституция была их детищем. Министром финансов был испанец французского происхождения, граф Кабарру, банкир, дипломат и отличный специалист по финансам. Но правительство было столь же бессильно, как и сам король. Министр колоний не имел никакого доступа к колониям,

военный министр был без армии, а министр финансов без денег.

Подготовка административной реформы

В роли кортесов для осуществления законодательных функций должен был выступить по французскому образцу переделанный Государственный совет. По настоянию Наполеона в конце 1809 года Жозеф распустил Совет Кастилии, который пытался задержать вступление в силу Байоннской конституции. Его компетенция перешла на новое министерство юстиции и внутренних дел. Декретом от 14 апреля 1810 года Жозеф разделил страну на французский манер на 38 префектур и 111 субпрефектур. Хотя речь шла о революционной прелюдии к реформе административной системы, это начинание, как почти все, что вызвал к жизни в Испании король Бонапарт, не прижилось. Указ от 4 сентября 1809 года предусматривал формирование, по возможности из сторонников политики Жозефа, новых органов городской администрации. Но для подбора лояльных кадров местных властей у Жозефа не хватило времени.

Финансовая система

Финансовая проблема была для Жозефа практически неразрешима. До предела истощенная Бурбонами экономика страны теперь несла на себе еще тяжесть содержания огромной армии. Скудных дотаций, получаемых Жозефом из Франции и, по сути, состоящих из контрибуций, выплачиваемых Пруссией, не хватало. Испанские Бурбоны в среднем имели в месяц почти в четыре раза больше, чем Жозеф, который

в действительности контролировал лишь небольшую часть Испании — провинции Мадрид и Толедо. Так что ему ничего не оставалось, как требовать у произвольно выбранных граждан принудительные займы, а также конфисковать церковную собственность. Естественно, все, кто только мог, старались всеми правдами и неправдами уклониться от этих поборов. Вносилось всегда меньше, чем ожидалось. Наполеон придерживался принципа, что войну должна кормить война, и призывал Жозефа к безжалостной эксплуатации страны. Несмотря на все попытки Кабарруса собрать деньги, новый король еле сводил концы с концами. Ему так и не удалось составить упорядоченный государственный бюджет.

Бурбоны оставили после себя государственный долг от шести до семи миллиардов реалов, который Жозеф, как это предусматривалось Байоннской конституцией, признал, чтобы не считаться с самого начала некредитоспособным. Для консолидации этого долга под долговые обязательства были выпущены векселя под конфискованную церковную собственность и отобранное в казну имущество повстанцев. Но они были пущены в оборот в качестве средства платежа для привлечения капитала, что способствовало резкому витку инфляции. Правда, благодаря ей Жозефу удалось — в убыток владельцам долговых обязательств — свести государственный долг Бурбонов до одного миллиарда. Но вместо старых долгов за короткий срок правления Жозефа появились в большом количестве новые. Дополнительный внутренний государственный долг возрос с 36 миллионов реалов в 1808 году до 327 миллионов до июня 1813 года. Сюда необходимо прибавить долги Франции, которые к июню 1813 года возросли до 957 миллионов.

Продажа государственной собственности и казенных мануфактур, которая также должна была принести деньги в казну, давала намного меньше ожидаемого. С ноября 1810 года парижские банкиры отказали в предоставлении кредитов. Жозефу пришлось вновь прибегнуть к экстренным сборам, которые он мог проводить только на небольшой подвластной территории. В конце декабря 1812 года он ввел еще один специальный налог на богачей, который удавалось собирать со скрипом. По некоторым оценкам, война в период с 1808 до 1810 года стоила Франции от 220 до 300 миллионов франков (т. е. 8,25–11,25 миллиарда реалов).

Остались безуспешными также попытки Жозефа повысить государственные доходы путем экономических реформ. Он ликвидировал систему обязательной принадлежности к цеху, равно как и привилегии Месты (влиятельного объединения владельцев стад и животноводов), и объявил об отмене внутренних пошлин. Также было упразднено большинство королевских монополий. Но в условиях войны эти меры не могли оказать моментального воздействия. Британская блокада делала невозможной свободную торговлю. Аннулирование монополий и внутренних пошлин поначалу привело только к потере доходов короны. В середине 1810 года Жозеф даже считал необходимым вновь ввести некоторые из внутренних пошлин.

Жозеф постоянно балансировал на краю государственного банкротства. Очень часто ему нечем было заплатить своим чиновникам. А о коренных реформах финансовой системы перед лицом злободневных будничных проблем нечего было и думать. Неэффективная старая податная и налоговая система, по существу, была сохранена, только прибавились новые чрезвычайные налоги.

Жозеф и социальный уклад Испании

Социальная база для правления Жозефа была чрезвычайно ограниченной. В сущности, он мог рассчитывать лишь на часть крупных землевладельцев-аристократов, бюрократию и высшее духовенство. Все они опасались социальных волнений низов и поэтому спасались в его объятиях. Сюда можно еще причислить часть торговой буржуазии, надеявшейся на крупные барыши, и мелкой, опасавшейся потерять должность или имущество. Легко мобилизуемой высокоманевренной массой были жители бедных кварталов Мадрида, которых Жозеф приваживал хлебом и зрелищами (например, вновь ввел бои быков).

Основную массу духовенства Жозефу не удалось завоевать, как бы демонстративно он ни посещал мессы. Ведь 8 декабря 1808 года Наполеон лично отдал приказ, по которому две трети испанских монастырей закрывались. А 18 августа 1809 года Жозеф распорядился о роспуске всех орденов. Монахи должны были покинуть свои монастыри, вернуться на родину и там ожидать вакансии в рядах белого духовенства. Однако, как показали последующие события, большая часть из них пополнила ряды повстанцев. Они прятались по деревням и распространяли пропаганду против Наполеона и французов. По настоянию Наполеона была также упразднена Инквизиция, а ее имущество конфисковано. Возможного помощника Жозеф видел скорее в белом клире, в отношении которого сохранил за собой патронажное право, которым традиционно пользовались испанские монархи.

В области экономической политики он пытался идти путем провозглашения свободы торговли при восстановлении, впрочем, внутренних пошлин, путем поддержки частных мануфактур и ликвидации всех обя-

зательств по земельной недвижимости в пользу свободного распоряжения, путем поощрения городской буржуазии, которая могла быстрее всех получить выгоду от его программы реформ. Он также постановил открыть в Мадриде Биржу и учредить коммерческий арбитраж. Но все эти меры в условиях войны не возымели должного действия.

В декабре 1808 года с согласия Наполеона Жозеф издал указ, отменявший юрисдикцию помещиков. Путем так называемой дезамортизации, т. е. устранения правовых препятствий, мешавших отчуждению общинного и церковного имущества, он надеялся добиться такого увеличения продуктивности сельского хозяйства, какого не удавалось получить до этого путем расширения полезных сельскохозяйственных площадей и интенсивного возделывания кормовых злаков. Дезамортизация должна была не только повысить государственные доходы, но и увеличить прослойку крестьян-собственников, а также создать условия для более эффективного хозяйствования и улучшить обеспечение продовольствием растущего населения. Теперь, когда можно было свободно распоряжаться недвижимостью, пастбищные угодья и коммунальные целинные земли стали превращаться в пашни. На продажу были выставлены также земли короны и общинные земли. Конечно, большинство крестьян и арендаторов были слишком бедны и не в состоянии приобрести землю. Обременение военными поборами снова сводило на нет ожидаемый положительный эффект от ликвидации феодальных пут. Поэтому крестьянское население, к которому принадлежало большинство жителей страны, Жозефу не удалось переманить на свою сторону. Оно твердо стояло за традиции: за короля и церковь. Война за независимость совпала с демографическим взрывом, который, в свою очередь, привел

к безработице и уходу с земли, обеспечивая пополнение партизанских отрядов и испанской армии.

Реквизиции различными армиями и партизанами, так же как и обусловленное войной всеобщее падение зернового производства и связанные с особо неблагоприятными погодными условиями неурожай, — явления, характерные для всей Европы, — привели в 1811 году к острому дефициту в снабжении зерном. Жозеф раздал половину своего личного имущества мадридской бедноте. Но это было лишь каплей в море. В конце концов весной 1812 года в Мадриде дело дошло до голодного бунта и грабежа хлебных складов, так что пришлось вызывать войска. Ликвидация всех налогов и сборов на зерно, рис и стручковые плоды, освобождение цен и хороший урожай 1812 года неожиданно привели к улучшению положения, правда, показатель смертности в столице в первом полугодии 1812 года резко возрос. Количество же нищих выросло безмерно. Принципиальной социально-политической концепции улучшения положения бедноты у Жозефа не было.

Культурная политика

Особенно по душе Жозефу была реформа системы образования. Он приказал ввести бесплатные публичные народные школы, призванные заменить церковно-приходские. Кроме того, в каждом городе были основаны государственные средние учебные заведения, многие из которых, впрочем, остались только на бумаге. 13 июня 1810 года Жозеф постановил основать Высшую школу искусства и техники. Испанские университеты уже при Бурбонах пришли в упадок, а вследствие войны были почти полностью парализованы. Каких-либо инициатив по их возрождению от Жозефа не поступило.

Кроме реформы системы образования, заслуживает внимания особая любовь и поддержка Жозефом культуры и искусства. Внешний облик Мадрида надолго сохранил печать его деятельности. Он приказал снести старые здания, чтобы выделить королевский дворец, и распланировал огромную площадь Пласа-де-Ориенте, принесшую ему прозвище «el Rey Plazuelas»^{*}. В 1810 году он распорядился переоборудовать здание будущего музея Прадо и организовать там выставку картин из распущенных монастырей. Война помешала осуществлению также и этого проекта. Жозеф увлекался театром, который считал важнейшим инструментом формирования убеждений. Он регулярно субсидировал три мадридских театра и финансировал бесплатные постановки.

Военное и политическое развитие с 1808 по 1813 год

Суверенитет Жозефа над Испанией с самого начала был сильно ограничен. Принципиальные решения принимал его брат, рассматривавший его не как равноправного правителя, а как своего распорядителя. Командиры французской армии в контролируемых ими областях чинили произвол. Кроме того, некоторые области были под контролем повстанцев или оккупированы британским экспедиционным корпусом. Жозеф тщетно боролся за доступ ко всей информации по перемещению войск, желая взять в свои руки все окончательные координационные решения. Но по мнению Наполеона, его брат был лишен полководческих способностей: «Король не солдат. Он не может им быть. Я удваиваю силу своих войск, когда командую ими;

^{*} Король площадей.

когда он это делает, он сокращает ее вдвое»⁵⁴. Только в конце марта 1812 года Наполеон — проблема эта выдвинулась на второе место для Испании — официально утвердил своего брата главнокомандующим французскими войсками в его государстве. Однако и после этого Жозеф не сумел добиться признания и предрекал свой провал: «Либо необходимо сместить генералов, которые думают только о своих провинциях, а не обо всей операции, либо император не должен проклинать меня за то, что я стану бессильным свидетелем поражения его армий и потери этой страны»⁵⁵.

Война против войск хунты поначалу, казалось, сулила французам увеселительную прогулку. 14 июля 1808 года у Медина-де-Риосеко маршал Бессьер разбил две армии повстанцев и тем самым открыл Жозефу дорогу на Мадрид. Но при этом французам довелось впервые ощутить новую для них военную тактику: разбитая испанская армия рассеялась, исчезла и... внезапно собралась вновь. Так что в войне теперь невозможно было добиться окончательной победы.

Еще с одним новым явлением французам в Испании пришлось считаться с самого начала — с партизанами. Рядовые бойцы, равно как и многие предводители, происходили из нижних слоев народа. С единичных выступлений в 1808 году это явление к 1813 году переросло в массовое. Партизаны использовали фактор неожиданности, отличались чрезвычайной мобильностью, нападали только на отбившиеся армейские части и каждый раз немедленно отступали на недостижимое расстояние. Действуя на ограниченной территории, они имели то преимущество, что отлично знали местность и пользовались поддержкой населения. Так что при оккупации какого-либо района для обеспечения безопасности требовалось существенно больше войск, чем в других странах. Во многих слу-

чаях партизанам удавалось совершенно вывести из строя коммуникации вражеской армии. Появление партизанского элемента также способствовало ожесточению войны.

С самого начала французы грабежами, поджогами, осквернением церквей и насилием вызвали отвращение населения. Жозеф чувствовал ненависть, направленную против него. 18 июля 1808 года он писал своему брату: «Меня ни в коем случае не ужасает мое положение, но оно уникально в истории: у меня здесь нет ни единого сторонника»⁵⁶. Уже через восемь дней после первого поражения испанцев случилась большая неожиданность: повстанцы одержали победу. 22 июля, после трехдневного кровавого сражения в андалусийском Байлене, перед войсками хунты под командованием генерала Кастаньоса капитулировал попавший в окружение генерал Дюпон. Так как в обозе французской армии находилось большое количество награбленного добра и раненых, было потеряно много времени, и пути к отступлению оказались отрезаны. Непосредственным результатом была угроза Мадриду, который остался без прикрытия с юга. Еще важнее было пропагандистское и психологическое значение: развенчание мифа о непобедимости французов. 29 июля 1808 года Жозеф спешно оставил Мадрид, всего через неделю после первого вступления в него.

Наполеон решил лично вмешаться, чтобы привести все в порядок. Он полагал, что так ему удастся автоматически успокоить всю Европу. 3 ноября 1808 года он отправился в Испанию и в самое ближайшее время разбил выступившую против него испанскую армию. 4 декабря 1808 года капитулировал Мадрид. Но к величайшему своему изумлению, после взятия столицы, в отличие от других европейских стран, император не

получил контроля над страной. Деятельность партизан не прекратилась, и хунта продолжала оказывать сопротивление. Главной проблемой оставались непобедимые англичане, представлявшие собой постоянную угрозу господству Наполеона в Испании. Из-за непогоды и плохо проведенной разведки не удалось окружить английскую армию под Бургосом. 1 января 1809 года Наполеону была доставлена депеша, в которой предположительно сообщалось о растущем вооружении австрийцев и интригах, которые велись против него во Франции. После этого он прекратил преследование англичан и заторопился во Францию. От плана дойти до Лиссабона, чтобы раз и навсегда обрести контроль над всем Иберийским полуостровом, Наполеон отказался. Командование принял маршал Суль, который, хотя и побил англичан в битве при Ла-Корунье, взять этот район под контроль не сумел.

После похода Наполеона положение французов в Испании сначала значительно улучшилось, но в перспективе император потерпел неудачу. Прежний рецепт, состоявший в том, чтобы одержать быструю победу над неприятелем и вынудить его к переговорам на французских условиях, впервые не сработал. Война продолжалась. Она отвлекала средства и солдат империи, которые могли бы понадобиться в другом месте. Предшествующие войны приносили финансовую выгоду. Испанская же кампания стала убыточным для Франции предприятием. Не получилось и континентального барьера — напротив, для союзных повстанцев англичан открылись испанские порты и выход на северо- и южноамериканские рынки.

Стратегической целью французов впредь стал контроль над Галисией, Португалией и Андалусией. Суль двинулся на Португалию, Виктор — на Андалусию.

После победы Виктора при Медельине в марте 1809 года Андалусия осталась незащищенной. Но между тем 22 апреля 1809 года в Португалии высадился с экспедиционным корпусом Веллингтон и 3 июля 1809 года вторгся в Испанию. Над столицей Жозефа вновь нависла угроза. 28 августа при Талавере Веллингтон отразил все французские атаки, однако, не получив от испанцев настоящей поддержки, отступил в Португалию. В части реализации стратегического плана Наполеона удалось только обнажить подступы к Андалусии. Нэй не сумел обезопасить Галисию, и Веллингтон оставался постоянной угрозой в Португалии. Единственным положительным моментом были успехи маршала Суше, обеспечившего безопасность в Арагоне.

Между тем Центральная хунта планировала новое наступление на Мадрид в надежде изгнать Жозефа из столицы и затем из страны. 18 ноября 1809 года при Оканья французам под командованием Суля удалось одержать новую победу. Мадрид вновь стал безопасен для Жозефа. Однако и теперь испанцы не пошли на переговоры. Французы встали перед выбором: либо наступать на Португалию и прогнать англичан, либо оккупировать Андалусию и по возможности заставить капитулировать сбежавшую в Кадис хунту. Жозеф решил в пользу богатой Андалусии. Армия не встретила достойного внимания сопротивления у утомленного войной и недовольного господством хунты населения. Согласно Меркадеру Рибас⁵⁷, Жозеф совершил главную ошибку: заняв Севилью, он не двинулся сразу же на Кадис, и засевшая в крепости хунта успела организовать в городе сопротивление и получить с моря помощь от англичан.

В прокламации от 27 января 1810 года Жозеф заверил население в том, что Франция заинтересована в сохранении целостности Испании, впрочем, пригрозив,

что раздел возможен в случае сохранения враждебности. Хуже всего для престижа Жозефа среди испанцев оказалось то, что Наполеон эту угрозу действительно хотел осуществить. Придерживаясь того мнения, что Испания слишком дорого обходится Франции, он вознамерился предпринять что-нибудь против этого и 8 февраля 1810 года постановил создать четыре военные комендатуры: в Каталонии, Арагоне, Наварре и Бискайе. Правительства эти должны были управлять в соответствующих провинциях по законам военного времени, выжимая средства на содержание французских войск. Практически, это было первой ступенью перед разделом и аннексией. Как это часто случалось в прошлом, у Жозефа не хватило твердости осуществить угрозу отставки. Вместо этого он послал своего министра Асансу в Париж, где тому предстояло уговорить Наполеона отменить свои меры. Посланник ничего не достиг. В конце концов Жозеф решился лично воздействовать на Наполеона. Поэтому в мае 1811 года он отправился в Париж. Однако Наполеон передал своим маршалам власть над провинциями. Те должны были информировать Жозефа о своих действиях и направлять четверть доходов его правительству. Но это оставалось только на бумаге.

В 1811 году военное положение французов, казалось, улучшилось. Маршалу Массенэ никак не удавалось изгнать Веллингтона из Португалии. Зато Суше стал прибирать к рукам провинцию Валенсия. В это время французская власть в Испании достигла своего апогея. Но за этим последовало стремительное падение. Наполеон, который все еще не мог понять, что даже гению невозможно успешно управлять армией на таком расстоянии, совершил ошибку, перебросив корпус Мармона из Португалии, чтобы поддержать Суше в его наступлении в Валенсии. Это ослабление

португальского фронта сразу же использовал к своей выгоде Веллингтон. Ему удалось взять Сьюдад-Родриго, а в марте 1812 года — Бадахос. Перехватив инициативу, он мог теперь навязывать французам правила игры. К тому же численность французских войск теперь значительно сократилась, так как Наполеону крайне необходимы стали солдаты для русской кампании. Суль отказался, не поддавшись на уговоры и угрозы Жозефа, откомандировать часть своей армии в Андалусию, так как для него прежде всего была важна безопасность своей сатрапии. Армия Мармона также не получила поддержки и от северной группировки.

Принцип быстрой концентрации сил, которому Наполеон был обязан многими своими победами, осуществить не удалось, так как его брат совсем не пользовался авторитетом у маршалов и не обладал тактическим гением Наполеона. Между тем Веллингтон продвигался все дальше и после одиннадцатидневной осады взял Саламанку. Тем самым над Центральной Испанией вновь нависла угроза. 22 июля 1812 года в битве у холма Арапилес Веллингтон одержал победу над тяжелоораненым Мармоном, совершившим ошибку тем, что широко растянул свои боевые порядки. Шедший к нему навстречу с частями центральной армии Жозеф опоздал. И отступил, чтобы организовать эвакуацию Мадрида. Таким образом был потерян последний шанс утвердить династию Бонапартов⁵⁸. 12 августа, приветствуемый воодушевленной толпой, Веллингтон вошел в Мадрид. Жозеф сбежал к Суше, в пока еще безопасную Валенсию.

В конце концов Суль не смог больше противиться ультимативным требованиям главнокомандующего Жозефа, не рискуя своим положением, но сначала сплел против него интригу. 12 августа 1812 года он написал письмо военному министру Кларку, в котором

приписывал Жозефу государственную измену. Суль указывал на то, что Жозеф со своим тестем Бернадоттом и кадисскими регентами злоумышляли против Наполеона. Письмо случайно попало в руки Жозефу. Поддавшись уговорам французского посла Ля Форэ, тот не стал отдавать приказ об аресте Суля, сохранил все дело в тайне и лишь известил Наполеона о том, что просит заменить Суля другим офицером. Из Москвы Наполеон решил, что Суль — единственный настоящий военный в Испании и поэтому незаменим. Жозеф должен был с ним помириться.

Вскоре Веллингтон вновь оставил Мадрид, так как крайне необходимо было ликвидировать стоявшую у него за спиной португальскую армию французов. 14 ноября 1812 года Суль упустил удобный случай напасть на англичан у Саламанки или, по меньшей мере, отрезать им коммуникации с Португалией. Веллингтону удалось отступить на Сьюдад-Родриго.

В конце 1812 года партизаны полностью прервали сообщение между северной и центральной армиями Жозефа. Контакты были еще возможны через Валенсию. Наполеон объявил приоритетной целью восстановление прерванных коммуникаций и обеспечение безопасности севера. Поэтому в начале 1813 года он приказал своему брату перебраться в Вальядолид и рискнуть Мадридом. Начальник штаба Жозефа советовал немедленно собрать все силы и двинуться навстречу Веллингтону для нанесения концентрированного удара. Жозеф долго колебался, не желая оставлять Мадрид. Он выступил только 17 марта 1813 года. Армии были широко растянуты по фронту: центральная уже далеко продвинулась на север, южная же, под командованием Суля, тянулась за Жозефом. Напротив, энергичному Веллингтону удалось отрезать французам путь на север, прежде чем те успели сконцентрировать свои силы.

Жозеф поставил все на карту последней решающей битвы. Победой над англичанами он надеялся одним ударом склонить на свою сторону Испанию. Веллингтон также захотел рискнуть, чтобы вынудить французов уйти из Испании. Жозеф долго медлил с выполнением приказа Наполеона о первоочередном обеспечении безопасности севера и своевременно не запросил от португальской и северной армий подкреплений. Занятая им позиция к северу от Эбро у Витории была крайне невыгодной. 14 июня 1813 года, вопреки совету Журдана, Жозеф решил дать сражение. 21 июня англичане с испанцами сошлись в бою. Когда центр французов был смят, Жозеф отдал приказ об отступлении. Французы пустились в паническое бегство. Они бросили свою артиллерию, казну, архивы и провиант. Самому Жозефу едва удалось спастись. Теперь речь могла идти лишь о выводе французских войск из Испании. Так вмешательство Англии оказало решающее влияние на исход войны. Жозеф отправился во Францию, и до начала августа Испания была очищена от французов.

После поражения у Витории Наполеону стало ясно, что необходимо пожертвовать Жозефом в пользу короля Фердинанда VII, чтобы избавиться от испанского бремени. 11 декабря 1813 года был подписан Валанский мир. Наполеон признал королем Фердинанда и позволил ему свободно, без каких-либо существенных условий стать им. На смену «Rey intruso» (незваному королю) должен был прийти «Rey deseado» (страстно желаемый).

«Бесполезная война» (Артола) обошлась империи в 300 000 убитых и почти в один миллиард франков. Более существенные человеческие жертвы и финансовые потери никем не оценивались. В ряде городов были значительные разрушения. Большой вред был

причинен также путям сообщения. Сельское хозяйство было истощено, население из-за поборов, которые были значительно выше, чем при Бурбонах, еще более обнищало. К началу войны Испанию еще можно было причислить к пятерке великих европейских держав. После нее она превратилась в фактор подчиненного значения. К тому же ей пришлось отказаться от своих колоний, для которых ее слабость стимулировала борьбу за независимость. Война не дала продолжить и прервала начатый в XVIII веке процесс реформ. После реставрации Фердинанда процесс этот еще более затормозился.

Жозеф был совершенно иной личностью, чем постоянно настроенный на военное насилие Наполеон. Историография считает его главным виновником неудавшейся интервенции в Испании. Трагедия Жозефа заключалась в том, что, обладая совершенными способностями искусного дипломата, просвещенного и прогрессивного реформатора и будучи целостной миролюбивой фигурой, он именно этими талантами не пришелся ко двору в тех условиях, в которых находилась Испания. То, что в его воображении, возможно, представлялось ему вершиной карьеры, на деле оказалось глубокой ямой.

Анхель Мартинес де Веласко

ФЕРДИНАНД VII **(1808, 1814–1833)**

Фердинанд VII, род. 14.10.1784 г. в Сан-Ильдефонсо (Сеговии). С 19.03.1808 г. по 6.05.1808 г. первый раз до своего, вынужденного Наполеоном, отречения — король Испании, затем вновь король с 8.12.1813 г. Скончался 29.09.1833 г., погребен в королевском пантеоне в Эскориале.

Отец: Карл IV (1748–1819), король Испании (1788–1808). Мать: Мария Луиза (Мари-Луиз) Борбон-Пармская (1751–1819). Братья и сестры: всего 13 (семеро умерли в детском возрасте): Карлота Хоакина (1775–1830), с 1785 г. как супруга Жуана VI королева Португалии; Мария Амалия (1779–1798); Мария Луиза Жозефина (1782–1824) в 1801–1803 гг. как супруга Людвига I Этрусского королева Этрурии, в 1803–1807 гг. регентша Этрурии, в 1815–1824 гг. герцогиня Лукка; Карл (V), граф Молина (1788–1855), с 1834 г. претендент на престол; Мария Изабель (1789–1848), 1825–1830 как супруга Франца I королева Обеих Сицилий; Франц де Паула (1794–1865), герцог Кадисский, генерал-капитан.

Браки: 1-й брак 6.10.1802 г. с Марией Антонией, принцессой Обеих Сицилий (1784–1806); 2-й брак с Изабеллой Португальской (1797–1818) 29. 09.1818 г.; 3-й брак с Марией Иозефа Амалией, принцессой

Саксонской (1803–1829) 20.10.1819 г.; 4-й брак со своей племянницей Марией Кристиной (Мари Христин), принцессой Обеих Сицилий (1806–1878) 11.12.1829 г.

Дети: четыре дочери от третьего брака, две из которых умерли в детском возрасте; Изабелла II (1830–1904), в 1833–1868 гг. королева Испании; Мария Луиза (1832–1897), инфанта Испанская, супруга Антона II Монпансье.

Фердинанд, принц Астурийский

Королевским двором, при котором вырос Фердинанд, правил всемогущий фаворит Мануэль Годой. Шпионы Годоя в его окружении, к которым принадлежал даже его собственный учитель, каноник Эскокед, отношения его матери с этим бойким гвардейским офицером, отсутствие привязанности родителей, которые считали, что он не достоин трона, и тщеславие фаворита, который сам стремился взойти на трон, превратили юность наследника престола в сплошное унижение. У него развилось настолько сильное недоверие ко всем, что он принял защитную позу безразличного пассивного сопротивления.

Среди немногих его положительных качеств можно назвать простоту, сострадание и непринужденность. Он обладал определенной чувствительностью, как показывает случай с женщиной, покушавшейся на его жизнь в июле 1814 года и которую он помиловал. Его подозрительность и склонность к притворству служили причиной его недоверия к важным особам, которые, возможно, могли затмить его. Врожденное малодушие не позволяло ему проявлять твердость в критических ситуациях. Он был хитер, и поэтому ему удавалось быстро решать всякие мелкие проблемы. Но ему не хватало прозорливости понять причины тяже-

лого кризиса, переживаемого страной. Он всегда думал лишь о том, как выйти из затруднительного положения, не понимая того, что устранение трудностей не всегда равносильно их ликвидации.

Эти черты характера монарха усугублялись еще посредственностью его потенциальных советников, т. е. министров и друзей. Круг последних был назван «камарильей», словом, обозначающим комнату, в которой он со своими друзьями ежедневно собирался по вечерам. Эту компанию обвиняли в том, что она представляла собой «тайное правительство» и бесчисленное количество раз вмешивалась в государственные дела. На самом деле камарилья, похоже, не выполняла роль политического инструмента, но, несомненно, король, часто не зная обстоятельств, делал своим близким друзьям уступки, не всегда оборачивавшиеся на благо государства.

Интриги Фердинанда, направленные на свержение Карла IV, и поведение Годоя в этом деле обнаружили слабости обоих. Поэтому они искали союзника в Наполеоне. Годой подписал Фонтенблосский договор, по которому французским войскам разрешалось пройти по Испании в Португалию, а принц Астурийский добивался руки принцессы из династии Бонапарта. Наполеон даже превратился в третейского судью для Испании, достигнув вершины своего могущества.

Опасность прямой французской интервенции возросла после того, как в начале декабря 1807 года Наполеон впервые подумал об отстранении Бурбонов от испанского трона. Чтобы иметь возможность напрямую вмешиваться в испанские проблемы, Бонапарт начал 1808 год с военной оккупации всего Иберийского полуострова, введя войска и заняв такие стратегические пункты, как Фигуэрас и Памплону. Известие о вторжении французов в Испанию вызвало настоящую

панику в Аранхуэсском дворе. Годой всеми средствами пытался убедить Карла IV в том, что его единственная возможность заключалась в том, чтобы «перенести свою резиденцию в безопасную страну» и с помощью англичан отплыть из Севильи или Кадиса на Мальорку или в Мексику.

13 марта 1808 года было принято решение 15 марта переехать с двором в Севилью. Поэтому негласно была собрана большая часть войск, находившихся в Мадриде. После этого члены партии принца Астурийского открыто объявили о своем сопротивлении. Они распространили сообщение о том, кто отдал приказ об отъезде королевской четы. В ночь с четверга 17-го на пятницу 18 марта стали формироваться многочисленные группы закутанных в плащи людей с палками, кирками, мотыгами и факелами, которые направились к дому Годоя, где взломали входную дверь и разграбили почти весь дворец. Чтобы успокоить волнение, Карл IV уступил нажиму своих министров и придворных, причем действовал скорее из заботы о судьбе фаворита Годоя, чем думая о своей собственной безопасности. Около пяти часов утра он подписал указ, согласно которому принимал на себя командование армией и флотом, а Годой лишался должности генералиссимуса и адмирала.

Утром 19 марта, гонимый голодом и жаждой, Годой был вынужден покинуть чердак, на котором прятался. Обнаружили его очень скоро. Новость о том, что фаворит найден, пронеслась молнией. Вскоре ко дворцу Годоя стянулись многочисленные толпы разгневанных мужчин и женщин с кровожадными намерениями. Успокоить возбужденную толпу удалось только будущему королю Фердинанду VII. В этой ситуации Карл IV отрекся в пользу своего сына, так как это казалось единственной возможностью выхода из кризиса.

Первое правление Фердинанда VII (1808)

Известие о событиях в Аранхуэсе стало такой же неожиданностью для Наполеона, как и для его зятя Мюрата, главнокомандующего французскими вооруженными силами на Иберийском полуострове. Мюрат решил сразу же занять Мадрид. Кроме того, он отправил начальника своего генерального штаба с категоричным приказом в Аранхуэс, чтобы добиться от Карла IV акта протеста, который должен был восстановить вражду между отцом и сыном. 23 марта французские войска вошли в Мадрид, где были радостно встречены населением. В тот же день посланец Мюрата вернулся в Мадрид с документом от Карла IV, в котором тот объявлял свое отречение недействительным. Это означало начало борьбы между отцом и сыном за престол, которая, если не законно, то хотя бы де-факто заложила основы для посреднической роли и будущей интервенции Наполеона Бонапарта.

Последний послал в Мадрид генерала Савари с двойным заданием: тот должен любым способом добиться, чтобы Фердинанд приехал в Байонн на переговоры с Наполеоном. Мюрату он должен был изложить намерения императора заменить династию Бурбонов на династию Бонапартов. Савари достиг того, что 10 апреля 1808 года король «без помпы и шума» отправился в поездку. Мадридом в его отсутствие должна была править Верховная правительственная хунта под председательством его дяди, инфанта Дона Антонио.

Первое правительство Фердинанда состояло из государственных мужей, средний возраст которых равнялся семидесяти шести годам, которые просто не поспевали за непредвиденными, критическими событиями, настоятельно требовавшими быстрых решений. На

седьмой день после отъезда Фердинанда VII из Мадрида Мюрат настоял на том, чтобы Правительственная хунта выдала ему Годоя. Общественное мнение после этого начало сомневаться в ее патриотизме. Одновременно росла антипатия к французам, которые вели себя как хозяева и муссировали известие, что Наполеон вновь хочет посадить на трон Карла IV.

Несмотря на все это, до 2 мая 1808 года хунта была повсеместно признана. В этот день французы попытались увести младшего сына Карла IV, Франсиско де Паула. Небольшая толпа, собравшаяся перед королевским дворцом, воспрепятствовала похищению инфанта. Вмешательство батальона гвардейцев, применивших против восставших артиллерию, привело лишь к тому, что волнение распространилось по всему городу. На французов бросались, как на ненавистных интервентов. После того как различные очаги восстания были локализованы, французы не проявили ни малейшей сдержанности в его подавлении. 2 мая стало для мадридцев означать начало разделения между запуганными Мюратом официальными властями и народом, которому верный инстинкт самосохранения подсказывал не повиноваться институтам, намеревавшимся во всем подчиняться диктату Наполеона.

Когда 20 апреля Фердинанд приехал во Францию, Наполеон сообщил ему в резкой форме, что «бесповоротно» решил низложить в Испании Бурбонов и возвести там на трон свою династию. Удивление и замешательство короля и его свиты были необычайно сильны; они в один миг узнали, что стали бессильными пленниками. Упорное нежелание испанского монарха отказаться от трона вынудило Наполеона изменить тактику: он стал искать благосклонности родителей короля. Те прибыли в Байонн в последний день апре-

ля и были встречены со всеми королевскими почестями, которых не удостоился Фердинанд.

Мадридские события задели самолюбие императора. Он сказал монарху: «Принц, вам придется выбирать между отречением и смертью». Угроза возымела действие, так как все были убеждены, что Наполеон был способен осуществить ее. На следующий день Фердинанд VII отказался в пользу Карла IV от короны, не ведая, что его отец, со своей стороны, накануне уступил ее Наполеону. В качестве условий договорились о сохранении целостности королевства, его независимости и о защите католической религии. Фердинанд VII был интернирован в Валансэ, откуда он неоднократно безрезультатно пытался втереться в доверие к Наполеону. Юридически Бурбоны перестали быть королями Испании.

Абсолютистское шестилетие (1814–1820)

После поражения в Битве народов под Лейпцигом осенью 1813 года Наполеону стало ясно, что придется отказаться от борьбы на южном фронте и сконцентрировать силы против центральноевропейских армий. Поэтому 11 декабря 1813 года в Валансэ он заключил с Испанией договор о мире и дружбе, на основании которого признавал Фердинанда VII и его наследников испанскими королями. Восстанавливалась также территориальная целостность Испании. В действительности речь шла, скорее, о безоговорочной уступке императора, загнанного в угол военными обстоятельствами в Европе, чем о взаимном договоре. Практически Наполеон оказался вынужден освободить Фердинанда VII в обмен на мирный договор.

Встреча Фердинанда с населением напоминала торжественный финал театрального представления. Со дня

его возвращения, 24 марта 1814 года, и до Указа от 4 мая существовало неопределенное политическое положение, в котором король играл роль третейского судьи. Либералы нуждались в нем для продолжения процесса реформ, тогда как консерваторы надеялись, что он ликвидирует созданные либералами политические структуры. Большая часть дворянства чувствовала себя задетой отменой феодальных прав, а большинство церковников выступало крайне враждебно против либеральных реформ. Простой же народ после военных страданий, естественно, питал надежды на счастливое будущее. Для Испании 1814 года эти надежды не связывались ни с Ancien Regime (старым режимом), ни с либеральной системой, но со слепой верой в особу Фердинанда VII, прозванного в народе «el Deseado» (Желанный).

Фердинанд VII встретился в Валенсии с третью депутатов из Кадиса, которые потребовали от него положить конец процессу либеральных реформ и созвать кортесы. Последние должны были провести политические реформы, гарантировавшие подданным свободу, собственность и безопасность. Произвола монарха можно было избежать, издав законы совместно королем и кортесами. В то же время к нему обратился соборный капитул с прошением вновь ввести Инквизицию, тогда как генерал Элто официально от имени Второй армии поклялся оберегать его трон и все его права. К всеобщей народной поддержке и частичной поддержке духовенства, военных и политиков присоединился еще один важный фактор: отречение Бонапарта, после которого окончательно исчезала даже гипотетическая угроза возможной французской интервенции. Все это сделало возможным подписание Фердинандом Указа от 4 мая, по которому он вновь получал полный суверенитет и аннулировал все реформы Кадисских кортесов.

В течение шести лет, с 1814 по 1820 годы, Фердинанд VII правил единолично и «абсолютно». Деятельность правительства являлась лишь воплощением воли короля и не знала противовеса и ограничений со стороны соответствующих совещательных органов. Характер правления Фердинанда заключался в том, что никакого характера не было. Нельзя говорить о какой-либо связной программе или политической линии. Недостатки политической системы, характер короля, посредственность его советников и недостаточная стабильность в составе министерств превратили абсолютистское шестилетие в полное фиаско, не оправдавшее надежд большинства испанцев. С 4 мая началась реставрация всех органов «старого режима», а также демонтаж созданных Кадисскими кортесами структур. На поверхностный взгляд, как будто бы проводились многочисленные мероприятия по реорганизации страны; в действительности речь шла всего лишь об абстрактном желании: реформы стопорились неповоротливой бюрократической машиной.

Через короткое время после Валенсийского указа правительство приказало заточить в тюрьмы всех либералов, выступавших с нападками «на суверенитет Его Величества» путем отстаивания в кортесах принципа народного суверенитета. Была произведена почти сотня арестов и процессов, по убеждению герцога Веллингтона, бесполезных и аполитичных, но рассчитанных на народное одобрение. Когда судебные процессы непомерно затянулись, Фердинанд VII объявил свою волю «положить конец этому делу» и вскоре после этого вынес прямой личный приговор. Он приговорил около шестидесяти подсудимых к различным срокам тюремного заключения и ссылкам в замки, монастыри и тюрьмы Африки. Хотя наказание было не особенно и жестоким, все же впервые столь

большое число людей осуждалось по идеологическим причинам.

В 1814 году экономическое положение было плачевным. Страна была опустошена, сельское хозяйство истощено, промышленность развалена, пути сообщения разрушены и государственная казна пуста. К этому следует добавить начало процесса массового обретения независимости американскими колониями, что резко пресекло поступления короне монетного металла и чувствительно урезало доходы от заморской торговли. Недостаток наличных денег парализовал экономическую жизнь. Цены стремительно падали, банкирские дома и предприниматели становились банкротами, существенно сократился торговый оборот. Перед лицом бюджетного дефицита король отказался изменять монетные законы, так что деньги и дальше исчезали в руках торговцев и контрабандистов. Он также не согласился прибегнуть к иностранным займам или собрать деньги внутри собственной страны путем обложения клира и дворянства специальным налогом. В 1817 году последовало резкое сокращение торгового оборота и новое падение цен. Гнев и недовольство торговой буржуазии из-за хаоса в экономике заставили ее обратить свои надежды на либеральную оппозицию.

У армии имелись особые причины для жалоб. После войны за независимость в ней появилось два вида военных: кадровые офицеры регулярной армии, почти все преданные королю, и партизаны, до этого не занимавшиеся солдатским ремеслом, но отличившиеся в боях. После возвращения Фердинанда старые кадровые военные получили все важнейшие командные посты, тогда как партизанских вождей обошли. Сокращение армии и возвращение из французского плена офицеров привело к тому, что огромная их часть

не могла найти себе применения. Многих либералов, некогда военных героев и партизанских вождей, постигла та же судьба. Остальные не получали регулярного денежного довольствия или были переведены на незначительные места в провинции. Их предводители объединились с либералами в единый фронт. Многие из них были масонами и составляли ту часть партии, которая выступала за изменение всей системы.

В каждом году этого шестилетия происходили вооруженные выступления военных против правительства — так называемые *пронунсиаменто* (*pronunciamientos*), которым с начала XIX столетия суждено будет стать особой испанской формой борьбы с правящей политической системой.

Либеральное трехлетие (1820–1823)

Пронунсиаменто полковника Риго, который 1 января 1820 года в Кабезас-де-Сан-Хуан вновь провозгласил Кадисскую конституцию, было лишь одним из многих в течение шестилетия (1814–1820). Хотя все эти попытки путчей провалились, в конечном счете каждая из них достигала цели, к которой стремилась. Причина успеха Риго крылась не в умелых действиях путчистов, но в ошибках, которые начала допускать центральная власть. Во-первых, у нее не хватило энергии задуть бунт в зародыше, и она допустила прохождение по Андалусии, по сути, незначительной боевой части, не остановив ее. Решающим оказалось то, что теперь по различным местам страны, таким как Ла-Корунья, Барселона и Памплона, прокатилась волна *пронунсиаменто*. Более того, 4 марта та армия, которая, собственно говоря, должна была сражаться с повстанцами, провозгласила в Оканье Конституцию, и на сторону восставших перешла даже часть королевской

гвардии. Путч, таким образом, принял классические формы.

9 марта 1820 года Фердинанд VII был вынужден официально признать победу революции, принеся присягу Конституции и временной хунте. Это означало не только «первый триумф испанского либерализма в открытой борьбе», но и первую реальную возможность для либералов осуществить свою власть практически, а не только теоретически, как в Кадисских кортесах. Теперь новая система стала распространяться по всей Испании и в конце концов охватила все государство и всю нацию. Перелом произошел в период между присягой короля новой Конституции и торжественным открытием кортесов 9 июля 1820 года.

Постоянный страх перед беспорядками, чреватый революцией, заставил сохранить институты, появившиеся в ходе восстания, до открытия кортесов. Считалось, что тогда проблемы сами исчезнут. Хунты должны были автоматически самораспуститься, тогда как суверенитет перешел бы на выборных представителей. Повстанческую армию тогда можно было безопасно распустить. «Патриотические общества» при малейшем проявлении недовольства немедленно почувствовали бы на себе всю силу закона. Сохранение этих «групп нажима» из чисто политических причин повлекло за собой целый ряд уступок и ограничений, немало препятствовавших национальному примирению. Еще более влиятельными, чем «патриотические общества», были тайные братства, среди которых при подготовке Кабез-де-Сан-Хуанского пронунсиамента важнейшую роль играли франкмасоны. Они на время забыли о своих филантропических целях ради неприкрытой борьбы за политическую власть путем занятия должностей в правительстве.

Министр внутренних дел циркуляром, разосланным всем главам провинциальных лож, позаботился о том, чтобы в собравшихся 9 июля 1820 года кортесах иметь умеренное большинство. Тут же возникла созданная повстанческой армией проблема законной компенсации спасителям отечества. Армия триумфально вошла в Мадрид и готовила, судя по слухам, военный переворот. Из-за опасения, что свержением реформаторов дело не закончится, по якобы финансовым соображениям, было приказано эту армию распустить. В Мадрид был вызван Риго, которого, под предлогом назначения генерал-капитаном Галисии, хотели отделить от его войска. Новый brave генерал-капитан вошел в открытый конфликт с главой мадридской провинции. После этого правительство с быстротой молнии вынесло решение о снятии его с должности, что привело к беспорядкам и демонстрациям. Борьба перенеслась в кортесы, на заседаниях которых зазвучали резкие тона. Кортесам предстояло сделать выбор между свободой без порядка и порядком без свободы.

В результате этих событий либералы перестали выступать монолитным блоком и раскололись на две группы: умеренных конституционалистов 1812 года, многие из которых участвовали еще в Кадисских кортесах, и радикалов 1820 года. Умеренные считали цели революции достигнутыми и хотели сохранить завоевания. Монархия была для них незаменимым краеугольным камнем в здании государства, так как без нее грозила воцариться республиканская анархия. Они составляли элитарную группу избранных, считали неприменимой Кадисскую конституцию и хотели переделать ее в консервативном духе. Они также выступали за двухпалатную систему. Для радикалов 1820 года революция еще не закончилась. Монархия была для них всего лишь второстепенным вопросом, хотя они и

не думали ее ликвидировать. Существеннее для них был суверенитет нации. Они искали поддержки в народе и поэтому больше говорили о равенстве, чем о свободе. Кадисская же конституция была для них неприкосновенна. Их деятельность в парламенте, прессе и «патриотических обществах» была просто неукротима, и вскоре их стали считать радикалами и политическими фанатиками.

Предложенный в кортесах план реформирования государственных финансов базировался на двух принципах: увеличение доходов без нового отягощения налогами и сбалансированность бюджета. Отсталость страны, в которой еще даже не начал складываться национальный рынок и перед которой все еще стояла задача ликвидировать старые структуры, не могла быть устранена за три года. Взяв за основу Кадисские реформы, кортесы попытались довести их до логического завершения: отменить феодальное обременение земельной собственности, уменьшить десятину, изгнать иезуитов и реформировать религиозные ордена. Этими реформами либералы хотели увеличить доходы государства и подавить церковную оппозицию своей политике. Но во втором пункте они достигли совсем противоположного: церковные силы тесно сплотились с королевским абсолютизмом. И здесь, как в остальной Европе, все кончилось альянсом трона с алтарем.

Между Фердинандом и либералами, причем как умеренными, так и радикальными, происходили постоянные перебранки, которые всегда начинались непреклонностью короля и заканчивались его уступками. По поводу открытия кортесов 1 марта 1821 года Фердинанд VII сделал дополнение к тронной речи и пожаловался на недостаточную защиту со стороны правительства от нападков на его достоинство и конституционные права. Это привело к правительственному

кризису и формированию нового правительства, открывшему этап либерального трехлетия, во время которого радикальные либералы и абсолютистские роялисты одержали верх над умеренными. Новое правительство и кортесы провели две важные централистские административные реформы: деление Испании на провинции по образцу французских префектур, связанное с усилением региональных институтов административной власти, и принятие закона о народном образовании со ставшим классическим трехступенчатым членением школьной системы. Автономия десяти испанских университетов была ликвидирована.

С октября 1821 года по всей Испании произошел ряд мелких восстаний. Хотя ситуации гражданской войны не возникло, правительству пришлось пойти на уступки радикалам и допустить их к участию в управлении, в котором им отказывали, хотя, собственно говоря, они были главными зачинщиками революции 1820 года. В 1822 году умеренные проиграли выборы, а путч гвардейцев-пехотинцев 7 июля был подавлен не правительством, а национальной гвардией. Все это привело к падению умеренного правительства. Но и радикалам не удалось решить проблему. Их правительство не пользовалось авторитетом. Это привело к застою в политической жизни, принимавшей уже грубые черты гражданской войны с ее непримиримостью и экстремизмом, выражавшемся в терроре, похищениях и диверсиях.

Но революционная активность радикальных либералов все же не вылилась в войну. По-другому обстояло дело с королевской контрреволюцией, которая началась с небольших волнений и привела к первой гражданской войне в новейшей испанской истории. Между прочим, король сыграл в этом не последнюю роль, ибо при исполнении своих конституционных

функций, отдавая предпочтение умеренным тенденциям, он одновременно терпимо относился к подрывной деятельности своей гвардии и даже поощрял ее, а свое право вето использовал крайне часто. И если при этом он формально оставался в рамках Конституции, то в другом смысле вопиюще нарушал ее положения, например, потребовав интервенции великих держав Священного союза, усмотрев в этом единственную возможность вернуть себе авторитарное положение. К акциям короля добавились выступления неорганизованных и разрозненных вооруженных групп. Их прямыми предшественниками были партизаны войны за независимость. В Тулузе образовалась хунта, которая использовала эти движения протеста и при поддержке французов захватила укрепленный пункт Урхелль. Там было учреждено регентство, которое поддержали 13 000 человек и целью которого было спасти короля из рук либералов. Но они потерпели поражение от войск либералов и вынуждены были бежать во Францию.

Неспособность королевских войск одержать победу над силами либералов и выраженная Фердинандом VII просьба о помощи привели к иностранной военной интервенции Испании, решение о которой было принято в октябре 1822 года на Веронском конгрессе. Осуществление интервенции было доверено Франции, поскольку Австрия хотела избежать возможного участия русских. Вторжение началось 7 апреля 1823 года. Либеральное правительство рассчитывало на то, что, как и в 1808 году, народ окажет сопротивление французским войскам. Но ничего подобного не произошло, так как результаты хозяйственной политики либерального трехлетия были настолько мизерны, что недовольство распространилось повсеместно, особенно среди тех, кто занимался сельским хозяйством.

В конце весны 1823 года либеральному правительству пришлось покинуть Мадрид; оно отправилось вместе с кортесами в Севилью. Поражение правительственных вооруженных сил при Деспеньяперросе вынудило их вновь искать пристанища в Кадисе. Король объявили невменяемым, чего он никогда не смог простить, и ввели регентство, которому правительство передало власть. В Кадисе французские войска предприняли атаку на плохо укрепленный форт Трокадеро. 29 сентября кортесы постановили освободить короля и вступить в переговоры непосредственно с герцогом Ангулемским. Так начался последний период Старого режима в Испании.

Роковое десятилетие (1823–1833)

Гражданская война обострила неразрешимые противоречия между обоими лагерями и дошла до проявлений фанатизма. В маленьких местечках под предлогом политических действий дело доходило до личной мести. Экстремистов хватало как в лагере роялистов, так и среди либералов, ушедших в подполье и оправдывавших любые средства для достижения своих целей.

Фердинанд VII выпустил декрет, в котором заявил, что с марта 1820 года либеральное правительство против воли принуждало его к утверждению законов и изданию указов. Он объявлял все акты «так называемого конституционного правительства» недействительными и назначал новый, явно умеренный кабинет, который должен был руководствоваться его личными инструкциями. Переставшая в течение шестилетия действовать как инструмент общественной безопасности Инквизиция, к удивлению епископов, не была восстановлена. Законодательные акты о полиции от

13 февраля 1824 года явились еще одним элементом в начавшемся с XIX столетия процессе увеличения функций государства в результате урбанизации, так или иначе затронувшей всю Европу.

Фердинанд VII также распустил армию, чтобы заменить ее новой. Солдат демобилизовали, не выплатив им маршевых денег, что привело к сильным общественным волнениям. Для восстановления общественного порядка были созданы «военные комиссариаты», в компетенцию которых входили лишь политические преступления. Политической чистке, согласно инструкциям Фердинанда, были подвергнуты и гражданские чиновники, поддерживавшие конституционное правительство. Ввиду сильного их влияния в революции 1820 года вполне понятно, что король в инструкциях своим министрам указывал на необходимость уничтожения тайных обществ. Последний пункт его постановлений касался непризнания взятых конституционным правительством займов. Новый министр финансов, Лопес Бальестеро, не внес в сферу налогообложения почти ничего нового и, по сути, вернулся назад, к системе Старого режима. Но для повышения государственных доходов была реформирована структура министерства: ограничена компетенция Финансового совета и созданы различные специальные учреждения. Заслуга Бальестеро состояла прежде всего в введении упорядоченного государственного бюджета, в котором доходы и расходы учитывались по принципу двойной бухгалтерии. Предпочли получать хотя и меньше, зато иметь регулярные и надежные доходы, которыми можно было планированно распоряжаться.

Страна, несомненно, переживала тяжелые времена. Повсюду царила беспокойная атмосфера, и между испанцами существовал глубокий раскол. Экономическое убожество ощущалось во всем. К примеру, мат-

росы военно-морского флота получили разрешение зарабатывать себе на жизнь рыбной ловлей, так как выплаты денежного довольствия были давно просрочены. Правительству приходилось противостоять как роялистским заговорам, так и восстаниям либералов. И оно отреагировало запрещением всех тайных обществ, даже роялистских.

В 1827 году внимание правительства привлекло положение в Каталонии, где взбунтовались недовольные сторонники короля. В частности, это относилось к королевским добровольцам, получившим бессрочное увольнение и которых больше не брали в армию. Правительство побоялось принимать репрессивные меры и гарантировало бунтовщикам неприкосновенность в надежде, что примирительная позиция правительства положит конец мятежу. Вместо этого число повстанцев стало увеличиваться. Они перешли в наступление. Восстание достигло таких масштабов, что Фердинанд VII решил сам поехать в Каталонию для умиротворения области. Как только король потребовал от восставших сложить оружие, восстание стало затухать; 10 октября 1827 года оно практически закончилось. Фердинанд почти на год задержался в Барселоне. Он ввел экспортное эмбарго на заграничный хлопок и пожаловал Барселоне статус свободного порта. Это было время, когда режим достиг одного из своих редких моментов уравновешенности.

18 мая 1829 года умерла третья жена Фердинанда VII, Мария Жозефа Амалия. Брак был бездетным. Король тут же обрел надежду на возможность получить потомство в новом браке. С этой точки зрения, будущее его брата и законного наследника, Дона Карлоса, казалось неопределенным, так как существовала возможность, что у короля могли появиться дети. Изменения в порядке наследования, которые могли

при этом возникнуть, вызывали у абсолютистов страх. Доныне они связывали свои надежды с инфантом. Для умеренных и либералов, напротив, возможная женитьба короля означала новую надежду. Параллельно двум политическим лагерям в самой семье короля имелись личные соперники. По одну сторону стояла супруга инфанта Дона Карлоса, принцесса Мария Франсиска Асисская, и ее сестра, Мария Тереза, принцесса Бейра, по другую — неаполитанская инфанта Луиза Карлота, супруга инфанта Дона Франсиско де Паула. Либералы группировались вокруг неаполитанской инфанты, тогда как обе португальские принцессы опирались на роялистов. Инфанта Луиза Карлота предложила в качестве кандидатки свою сестру, Марию Кристину. Ее молодость — 23 года — и происхождение из плодотворной семьи сразу снискали расположение короля. Она быстро добилась сильного влияния на стареющего и болезненного Фердинанда VII.

Филипп V в 1713 г. ввел в Испании салический порядок* престолонаследия, однако в 1789 году кортесы приняли решение вернуться к древним традициям и допустить наследование по женской линии. Но решение это не получило формальной юридической силы, так как было опубликовано только в «Прагматической санкции». В начале апреля 1830 года Фердинанд VII велел обнародовать эту Санкцию. Тем самым инфант Карлос практически исключался из престолонаследия, так как в случае беременности королевы становилось уже неважно, появится наследник или наследница. Хотя преследуемые этой «Прагматической санкцией» намерения были сомнительны, их политическое следствие было недвусмысленно. Абсолютисты открыто воспротивились этому изменению закона пре-

* Ограниченный мужскими потомками. — *Прим. ред.*

столонаследия, так как были заинтересованы во вступлении на престол Дона Карлоса. Напротив, либерально настроенные круги не имели ничего против такого урегулирования престолонаследия, поскольку считали, что их надежды могут осуществиться лишь в том случае, если Дон Карлос окончательно сойдет с арены и политическое меньшинство получит большую свободу действий. Так простым изданием закона Фердинанд VII практически вызвал революцию.

В июле 1830 года был свергнут французский король Карл X и утвердилась конституционная монархия во главе с Луи Филиппом. Фердинанд VII не признал новую систему, после чего французское правительство стало поощрять деятельность испанских эмигрантов-либералов. Французское общественное мнение было настолько сильно убеждено в том, что дело дойдет до вооруженного вторжения либералов в Испанию и что все население их поддержит самым живейшим образом, что на Парижской бирже испанские государственные займы упали, тогда как курс государственных долговых обязательств, выпущенных кортесами во время трехлетия, удвоился. Интервенция либералов потерпела полное фиаско, и не только потому, что правительство приняло соответствующие меры безопасности и среди либеральных вождей не было единства, но также из-за отсутствия поддержки народа, которому опротивели всякие войны.

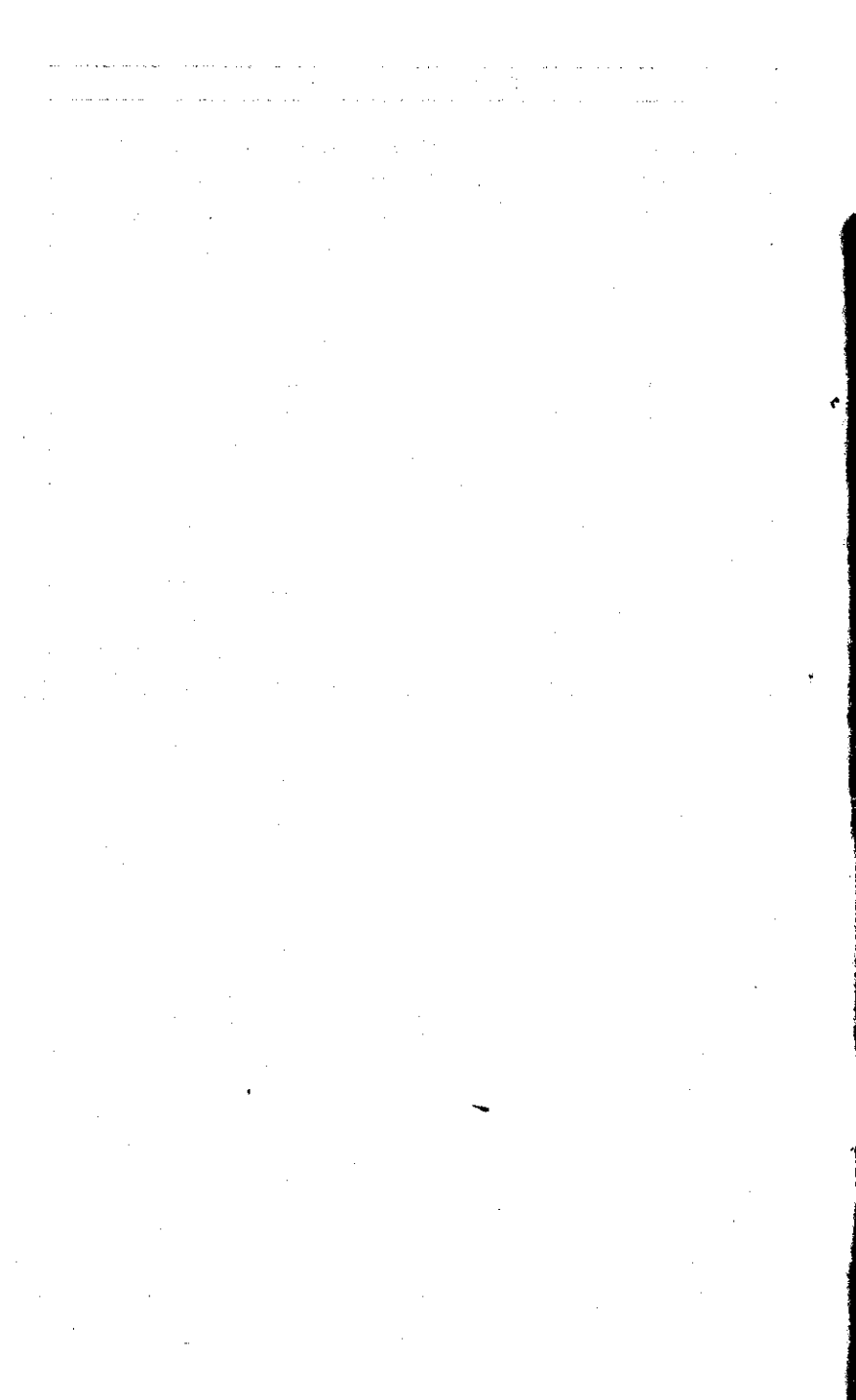
14 сентября 1832 года Фердинанд был настолько тяжело болен, что врачи объявили его жизнь в опасности. Королева осведомилась о возможных последствиях смерти Фердинанда. Между наследованием трона ее дочерью и избежанием гражданской войны она выбрала последнее. Поэтому подготовили манифест, который должен был оставаться в тайне до смерти короля; в нем упразднялась «Прагматическая санкция».

В присутствии королевы и правительства король подписал манифест, с которым его уже ознакомил министр юстиции Тадео Каломарде. Но манифест не удалось сохранить в тайне, и известие о содержавшейся в нем отмене послужило стимулом для либералов немедленно активизироваться в поддержку соблюдения «Прагматической санкции». В первую очередь они попытались повлиять на королеву. Быстрое возвращение ее сестры, Луизы Карлоты, которая узнала о тайном манифесте от руководителя Совета Кастилии, повлияло на изменение ее позиции. После того как король выздоровел и получил в свое распоряжение верные вооруженные силы, правительство было заменено другим, под председательством Сеа Бермудеса. После формирования этого кабинета Дон Карлос потерял возможность прямым путем попасть на испанский трон. Был осуществлен настоящий государственный переворот.

Новое правительство при полном согласии короля поставило себе две основные цели: укрепить свою власть на всех уровнях и решить проблему, которая возникла из-за королевской подписи под манифестом, упразднявшим «Прагматическую санкцию». Первой цели оно достигло тем, что осторожно и постепенно заменило всех военных и полицейских командиров, потенциально сочувствующих Дону Карлосу, ипустило добровольческий корпус абсолютистов. Для того чтобы создать будущей королеве поддержку на тот случай, если сторонники инфанта попытаются изменить сложившееся в результате государственного переворота положение, Мария Кристина объявила всеобщую амнистию, которая в действительности равнялась пакту с либералами: монархия Изабеллы сигнализировала о своей готовности опереться на всех либералов, пока те осуществляли бы свои цели под знаменами законности.

Путь достижения обеих целей правительства был разделен на два этапа. На первом в особе Каломардеса должны были найти козла отпущения. На втором предстояло подождать, пока в руках окажутся все средства власти. 31 декабря 1832 года король публично объявил об аннулировании манифеста, упразднившего «Прагматическую санкцию». Своим тогдашним министрам он приписал недояльность, лживость и коварство — все те качества, которыми сам обладал в избытке. Это заявление позволило в мае 1833 года ограниченным в своих правах кортесам принести присягу инфанте Изабелле как наследнице престола.

29 сентября 1833 года Фердинанд «окончательно» скончался и оставил своей дочери Изабелле в наследство гражданскую войну, которая zalьет Испанию кровью. Но король оставил ей также основы для создания новой, либеральной формы правления.

Мартин Баумейстер

ИЗАБЕЛЛА II **(1833—1868)**

Изабелла II, род. 10.10.1830 г. в Мадриде.

С 24.10.1833 г. королева Испании (регентство ее матери Марии Кристины до 1840 г., затем до 20.11.1843 г. генерала Эспартеро). В сентябре 1868 г. отправлена в изгнание, скончалась 9.04.1904 г. в Париже, погребена в королевском пантеоне в Эскориале.

Отец: Фердинанд VII (1784—1833), король Испании (1808—1833). Мать: Мария Кристина Бурбон (1806—1878), принцесса Обеих Сицилий, регентша (1833—1843). Братья и сестры: Луиза (1832—1897), замужем за Антуаном Орлеанским, герцогом Монпансье-и-Гальера.

Свадьба с Франсиско де Асис-Бурбон (1822—1902), титулованным королем Испании (1846—1868), 10 октября 1846 г. в Мадриде.

Дети (достигшие взрослого возраста): Изабель (1851—1931); Альфонс XII (1857—1885), король Испании (1874—1885); Мария дель Пилар (1861—1879); Мария де ля Пас (1862—1946), замужем за принцем Людвигом Фердинандом Баварским; Эулалия (1864—1958).

Годы несовершеннолетия Изабеллы (1833–1843) — время регентства

Бремя испанской короны легло на Изабеллу еще в детском возрасте. Тем, что она вообще смогла взойти на трон, она была не в последнюю очередь обязана своей честолюбивой матери, Марии Кристине. Последняя в 1829 году в двадцатитрехлетнем возрасте приехала в Мадрид из неаполитанского двора своего отца, Франца I, короля Обеих Сицилий, дабы сочетаться браком со своим дядей Фердинандом, который был почти на двадцать лет старше ее. Свою задачу — подарить наследника бездетному после трех браков Фердинанду, она выполнила незамедлительно. По настоянию Марии Кристины, тяжело больной муж еще во время ее беременности обеспечил ребенку престолонаследие, даже в случае рождения девочки. К негодованию своего брата Карлоса и его сторонников, он повелел обнародовать утвержденную в 1789 году кортесами, однако хранимую в тайне «Прагматическую санкцию», которая отменяла введенный в Испании в 1713 году Филиппом V салический, ограниченный мужскими потомками порядок престолонаследия. Именно этот возврат к старым испанским правовым отношениям отвергался как незаконный Карлосом, выступавшим предводителем непоколебимых традиционалистов. Он домогался короны для себя, но угрозой войны добился лишь кратковременного восстановления действия «Салической правды» * и сразу же после смерти брата верг страну в кровавую гражданскую войну.

Мария Кристина, которую ее муж в завещании назначил регентшей тогда еще трехлетней Изабеллы, не

* Запись на латыни старинных законов приморских франков. —
Прим. ред.

видела иной возможности обеспечить свое и дочери право на власть, оказавшееся под угрозой, как искать поддержки у крупных военных и нелюбимых либералов, с которыми ее муж боролся как с врагами короны и которые, потерпев поражение от французских интервенционных войск в 1823 году, эмигрировали тысячами. Еще в течение последних месяцев жизни Фердинанда, в которые она уже приняла на себя регентство, Мария делала все, чтобы снискать их расположение. Она начала осторожные реформы, объявила амнистию, сделавшую возможным возвращение изгнанников, и заботилась о том, чтобы посадить на руководящие посты в гражданской и военной администрации благосклонно относящихся к ней политиков.

Под давлением обстоятельств Мария Кристина, полностью одобрявшая авторитарный политический стиль своего супруга, вскоре вынуждена была пойти на уступки. В октябре 1833 года маленькая Изабелла на руках своей матери принимала участие в мадридских празднествах по поводу провозглашения ее королевой. Дон Карлос же мобилизовал верные ему войска, чтобы, как он объявил в воззвании, защитить религию, закон престолонаследия и права своих сыновей. В начале следующего года сменилась верхушка правительства: сторонник просвещенного абсолютизма Франсиско Сеа Бермудес уступил место умеренному либералу Франсиско Мартинесу де ла Роза. Несколько месяцев спустя регентша навязала разработанный правительством Мартинеса де ла Роза по образцу Французской хартии от 1814 года *Estatudo Real* *.

После двадцатипятилетней борьбы короны за абсолютную власть для Испании началось столетие конституционной монархии, прерывавшееся лишь на

* Королевский Устав (исп.).

короткие периоды. Конец ей суждено было найти только с провозглашением в 1931 году республики. Мария Кристина смогла полностью перенести самоограничение своей власти в рамках «Estatado» ценой поддержки праволиберальным крылом, *умеренными*. Корона давала ей право законодательной инициативы; пусть даже министры были ответственны перед парламентом, все равно народное представительство в кортесах, благодаря крайне высокому имущественному цензу, было ограничено самыми богатыми слоями населения страны и для выражения своих политических представлений располагало единственным эффективным средством — правом подавать петицию.

Однако совместные действия с *умеренными* ни в коей мере не гарантировали Марии и ее дочери права на власть. Консервативные великие державы: Австрия, Пруссия и Россия, равно как и Священный престол — отказали Изабелле в признании, которое ей высказали исключительно конституционные монархии: Франция и Англия. Король Сардинии и Обеих Сицилий, хотя там правил брат Марии Кристины, признал законным монархом Испании Карлоса. В этом контексте следует понимать сплочение в июле 1834 года Англии и Франции с иберийскими «младшими партнерами» — Испанией и столь же пораженной династическими и политическими неурядицами Португалией. Четверной союз открыто противопоставил себя реставрационному Священному союзу. Ориентация на Францию и Англию, а также на принцип безусловно-го приоритета собственных внутренних дел над внешними, будет определять испанскую внешнюю политику целое столетие.

Характерное для посленаполеоновского времени противоборство двух европейских строев и идеологий, в основе которого лежала борьба между абсолютной и

конституционной монархиями, выявилось в конфликте за испанский трон. Так *карлистские* войны стали событием международной значимости. Историки часто указывают на определенные параллели между испанскими гражданскими войнами тридцатых годов XIX и XX столетий: идеологические противоречия европейских масштабов, участие иностранных добровольцев, иноземных войск и военно-морских соединений, военные поставки великими иноземными державами, особенная жестокость в отношении своих соотечественников. Однако своим эпидемическим и затяжным характером война, которую вел Дон Карлос против войск своей золовки и племянницы, обязана не более или менее скрытым иностранным вмешательствам и неразрывной связи с международной политикой, но той поддержке, которую приверженцы Дона Карлоса, *карлисты*, находили в значительной, пусть даже регионально и социально весьма ограниченной части местного населения.

Под лозунгом «Бог, отчизна, король и *фуэрос*» [т. е. региональные и местные привилегии] *карлистское* движение собрало мелких крестьян и арендаторов, частью также городских мелких ремесленников, мелкое дворянство и духовенство, все группы, считавшие себя жертвами разрушения старого общественного и экономического порядка. В сущности, база *карлистов* оставалась ограниченной Страной Басков, Наваррой и внутренними районами Каталонии. После свержения Изабеллы в 1872–1876 годах они предприняли вторую попытку захвата власти военным путем, и еще в гражданскую войну 1936 году традиционалистское движение на стороне приверженцев генералов-путчистов играло определенную роль.

Однако Марии Кристине не пришлось в одиночку сражаться против могущественной абсолютистской

оппозиции. Рядом с олигархическими либералами, *умеренными*, к власти изо всей силы рвались их противники, *прогрессисты*, представлявшие левое крыло либерализма. Они опирались прежде всего на городские нижние и средние слои и созданные Кадисскими кортесами для борьбы против абсолютизма вооруженные отряды горожан (*Milicia Nacional*), выступали за суверенитет народа и претендовали на выражение его воли. Ввиду чрезвычайно элитарного избирательного ценза, они требовали для себя права на «законную революцию» и сумели при поддержке части военных и повстанческих движений в провинциальных городах в 1835, 1836, 1840 годах и еще раз в 1854 году силой протиснуться в правительство.

После военного поражения *карлистов* в 1840 году Марии Кристине пришлось пережить серьезное испытание своей власти: генерал Балдомеро Эспартерос, сын деревенского ремесленника, сделал в войне против национально-освободительных движений в Латинской Америке и победой над армией Карлоса и окончанием гражданской войны в 1839 году стремительную карьеру. Бергарскими «объятиями» вырос в национального героя и стал могущественнейшей военной фигурой в стране. Он выступил против подписанного Марией Кристиной Общинного закона умеренных, который путем усиления централизации и повышения имущественного ценза должен был раз и навсегда лишить прогрессистов базы власти в городских общинах и вызвать там большие волнения.

Эспартеро отказался применить войска против *строптивых прогрессистов*, заставил Марию Кристину отречься, отправил ее во французское изгнание и держал в качестве главы правительства и регента под *надзором Изабеллу*, а также ее младшую сестру Луизу. Мария Кристина позволила так легко себя уда-

лить от власти и от своей дочери после того, как оппозиция пригрозила объявить о ее державшемся в тайне морганатический браке с унтер-офицером королевской лейб-гвардии Фернандо Муньосом.

Изабелла была разлучена с матерью, когда ей было всего десять лет. Последующие три года регентства Эспартероса были единственными годами, в которые определявшее ее жизнь придворное окружение не проявляло явно выраженного консервативного характера. Прогрессисты доверили воспитание принцесс таким знаменитостям, как поэт Кинтана Лоренсо, известному своими риторическими способностями либералу Аргуэльесу и вдове выдающегося либерального генерала графине Эспос-и-Мина. Вскоре они обнаружили, что до них не предпринималось слишком больших усилий по надлежащему воспитанию наследницы престола. Более того, как они считали, в девочках даже поощрялись врожденное равнодушие к духовности, рассеянность и инертность, все чаще порицаемая учителями.

Распорядок дня для Изабеллы начинался с часовой процедуры одевания с помощью камеристки, посещения столовой и завтрака. Для занятий после продолжительных трапез, короткого занятия спортом и прогулок оставалось не слишком много времени. Девочка увлекалась собаками, лошадьми и открытыми экипажами, которыми вскоре научилась управлять сама. Что касается обучения, Изабелла проявляла интерес исключительно к урокам пения и игры на фортепьяно. Повзрослев, она охотно пела на придворных концертах. Любимыми занятиями для нее стали посещения театра и оперы. С возрастом к этим увлечениям, полностью соответствующим ее общественному положению и полу, прибавилась еще и подчеркнуто чувствительная религиозность. Возникшая на этой

почве слабость к клерикальным советникам, вызывала у либералов большое неудовольствие и неоднократно приводила к серьезным политическим осложнениям.

Новые воспитатели были изумлены прямотой и наивной доверчивостью, которую проявляла по отношению к ним оторванная от матери «маленькая королева». Вашингтон Ирвинг, присланный к мадридскому двору послом Соединенных Штатов во времена регентства Эспартероса, был очарован ее детским шармом, однако описывал ее как «всего лишь символ королевского величия в руках государственных мужей» и сетовал на то, как сильно стесняла ее сухая официальность и чопорность государственных церемоний⁵⁹. Изабелла и впоследствии славилась своим небрежным отношением к протоколу и придворным условностям. К окружающим она всегда обращалась на «ты»; общалась же на прямом, «народном» языке, который употребляла и в своих изобиловавших орфографическими ошибками письмах. Темперамент и спонтанная широта натуры, почти небрежное обращение с деньгами, в чем она разительно отличалась от своей корыстолобивой, во все вмещающейся матери, сочетавшееся, впрочем, со слабостью к дорогим, хотя порой и безвкусным предметам роскоши — таковы были другие выдающиеся качества подрастающей королевы, отмечаемые современниками и биографами.

Хотя прогрессисты оберегали ребенка Изабеллу как залог своей власти и дали ей известных воспитателей, они не беспокоились об улучшении образования своей питомицы. Их задачей было показать девочке ее роль и ответственность как конституционной королевы. Когда в 1843 году в возрасте тринадцати лет, после изгнания матери и для внесения «ясности» в политическую ситуацию, Изабеллу преждевременно объя-

вили совершеннолетней и она принесла присягу Конституции, на вершину испанской монархии взошла девочка, лишь ступившая на порог юности, «с беспредельной властью, малым пониманием и без всякого опыта», жизненного и политического, — как не без оснований заметил ее учитель слова Божия⁶⁰.

Свадьба и брак

Едва Изабелла формально вступила на трон и умеренные вновь оказались у власти, ее властолюбивая мать, интриговавшая против прогрессистов из Франции, возвратилась в Испанию и добилась возведения Изабеллой своего второго мужа в дворянское звание с пожалованием ему титула герцога Раисареса, придав тем самым официальный характер своему браку. Отныне ее главной заботой стали поиски «подходящей» партии для своей дочери — хлопоты, вызвавшие немалое беспокойство в европейских политических кулуарах.

В подготовке королевской свадьбы участвовали, помимо самой кандидатки, все, кто только мог. *Умеренные* и *прогрессисты* начали гонку за звание будущего супруга Изабеллы с собственных фаворитов: первые — с младшего брата Марии Кристины, неаполитанского принца Франческо, графа Трапани, вторые — с кузена Изабеллы, инфанта с левыми симпатиями, Энрике, герцога Севильского. Часть правых, поддерживаемая влиятельным католическим публицистом Хайме Балмесом, мечтала о примирении противников по гражданской войне путем брака с юной королевой сына Дона Карлоса, графа Монтемолина, носившего то же имя.

Матримониальный вопрос породил внутрипартийные раздоры, вызвал несколько смен кабинетов и даже создал щекотливую ситуацию в европейской политике,

угрожавшую омрачить взаимопонимание с партнерами по союзу, Англией и Францией. Англия, с недоверием наблюдавшая возрастающее влияние Франции на южную соседку с момента прихода к власти умеренных, решительно возразила против плана, предусматривавшего брак испанской королевы с сыном французского короля Луи Филиппа, герцогом Монпансье, тогда как Франция отвергла поддерживаемую Марией Кристиной кандидатуру Леопольда Саксонско-Кобургского, кузена английского принца-консорта Альберта, племянника короля Бельгии и брата короля Фердинанда Португальского.

Встреча в 1845 году между английской королевой Викторией и королем Франции Луи Филиппом еще раз доказала, насколько слаба «партия» испанской монархии в «Европейском концерте». За спиной Испании две великие державы договорились о том, что в качестве супруга Изабеллы кандидатом на испанский трон может быть лишь потомок первых Бурбонов — решение, исключавшее смену династии и не дававшее выгоды ни одной посторонней державе. Поэтому выбор пал на самого что ни на есть слабого кандидата: Франсиско Асисского, герцога Кадисского, брата герцога Севильского. В строгих традициях пресловутых родственных браков испанских Бурбонов, жених был кузеном Изабеллы как с отцовской, так и с материнской стороны.

Франсиско был напрочь лишен как физической, так и духовной привлекательности. Британский министр иностранных дел Пальмерстон в письме к своему мадридскому послу назвал Франсиско Асисского «полным идиотом». Для Карла Шутца, представлявшего в Мадриде в начале шестидесятых годов Вашингтон, он был «жалким доном Франсиско с петушиным голоском», единственная политическая функция кото-

рого состояла в том, чтобы «демонстрировать себя миру как официального отца детей Изабеллы»⁶¹. Политической опоры у него совершенно не было: умеренные подозрительно относились к нему за левые наклонности его отца и брата; прогрессисты усматривали неладное в его чересчур серьезном отношении к католицизму и поощрении клерикальной камарильи. В сплетнях же и памфлетах подвергались сомнению его мужские достоинства. Изабелле он стал противен с первого свидания; согласие на заключение брака пришлось вырывать у нее прямо-таки силой, убедительно указав на государственные интересы. Его личные качества и поведение, бесцеремонно осмеиваемые сатирой и критиками, могли лишь надолго подорвать престиж монархии.

Замуж за своего кузена (бывшего на восемь лет ее старше), получившего почетный титул короля и величества, а также генерал-капитана испанской армии, Изабелла вышла на свое шестнадцатилетие, объединив свою свадьбу со свадьбой своей сестры Луизы. Последней, согласно договоренности с Англией, Луи Филипп отдавал в супруги своего сына, герцога Монпансье, в слабой надежде, что, в случае отсутствия потомства от брака Изабеллы и Франсиско, представителю Орлеанского дома откроется путь на испанский престол. Франсиска Асисского, должно быть, не особенно радовал вновь обретенный титул и богатства. Хотя его юная жена смиренно покорилась политическому браку, она не проявляла никакой сдержанности и открыто демонстрировала свои чувства.

Уже через несколько месяцев после торжественного бракосочетания не только во дворе, но и за его стенами сплетничали о том, что королева отдавала предпочтение перед своим законным супругом-молодоже-ном юному генералу Серрано, которого называла

«прекрасным генералом» и который, к великому беспокойству правительства, демонстрировал явные симпатии по отношению к прогрессистам. Уже весной 1847 года возник скандал, когда Франсиско отказался сопровождать свою жену в Аранхуэсскую резиденцию и, «надувшись», удалился в замок Эль-Пардо. Но в бешенство его привело не то обстоятельство, что Изабелла выбрала себе фаворита. В этом смысле он проявлял полное понимание, тем более что сам притязал на подобное право. Невыносимое унижение муж королевы усматривал скорее в той беспечной откровенности, с которой его жена все это делала.

Брачный кризис скоро перерос в политический, поскольку в данном случае, как виделось ведущему политику, маркизу Мирафлоресу, жена, выставившая напоказ мужские слабости мужа, грозила скомпрометировать сам принцип королевской власти. Правительство, королева-мать, даже папский нунций, все энергично взялись за то, чтобы преодолеть кризис путем примирения супругов. После того как страсти улеглись, Изабелла уступила. Серрано с королевским вознаграждением из монаршей казны был переведен на высокий военный пост в Гранаду, и в октябре Франсиско торжественно вернулся в Мадрид.

Однако королева была совершенно не готова уступать принуждению двора и государственного аппарата в делах сердечных так, как делала это в делах политических. Она и впредь показывалась на банкетах, балах и других охотно посещаемых ею общественных мероприятиях со своими любовниками — привычка, которой Изабелла оставалась верна до преклонного возраста, несмотря на то, что из жизнерадостной и любвеобильной юной королевы постепенно превратилась в пышную матрону со все возрастающей сворой детей. Поначалу монархиня благоволила к статным молодым

офицерам и придворным, которые из своего положения любовника могли извлечь значительные материальные и политические выгоды. После случая с Серрано сдержанность она проявляла лишь из политических соображений, да и то лишь в том, что при выборе фаворитов отныне предпочтение отдавала *умеренным*. Глеющий брачный кризис постоянно создавал предпосылки для страстей и конфликтов как в личной, так и в политической жизни. Однако фривольное поведение королевы несколько не вредило ее популярности среди широких народных масс, хотя и стало излюбленной темой оппозиционной прессы, а также грубых памфлетов, насмешливых стихов и карикатур.

В ту эпоху, когда даже испанская монархия под давлением все более могущественной общественности вынуждена была выставлять себя на суд прессы, партий и парламента, а монархия ограничивалась Конституцией (но именно в силу этого приобретала новую ключевую роль в политической игре), жизнь, в сущности, «аполитичной» Изабеллы, — о чем особенно наглядно свидетельствует сам ее брак и брачные кризисы, — даже в глубоко личностных аспектах несли на себе отпечаток борьбы и зигзагов в национальной политике. Поэтому также есть все основания рассматривать ее жизнь параллельно цезурам и развитию политической истории «изабеллинского времени», ни в коей мере не определяемой ею.

Десятилетие *умеренных* (1843–1854)

Во время несовершеннолетия королевы *умеренные* и *прогрессисты* начали коренным образом изменять историю страны. Ломка Старого режима производилась безвозвратно: путем экономического и институционального ослабления церкви, умаления значения

дворянства как правящего класса, путем сказывающихся и поныне административных реформ и интеграции монархии в конституционный строй. В первые годы совершеннолетия, когда юная королева выходила замуж, когда при участии национальной общественности в тесноте придворного общества она пыталась согласовать свои чувства с ролью правительницы, когда становилась взрослой женщиной, когда производила на свет своих первых детей и перенесла, не пострадав, два покушения, политическую судьбу Испании, как и во времена регентства Марии Кристины, определяли *умеренные*, продолжая перестройку в своем духе. Среди них на первое место выдвинулась фигура генерала Рамона Марии Нарваэса.

В форме Конституции 1845 года они создали для Испании XIX века эффективнейший закон, по которому монархии отводилась исключительно важная роль. Короне не только предоставлялись prerogative в назначении и увольнении министров, а также в роспуске палаты депутатов. Она делила с кортесами право законодательной инициативы и даже могла блокировать своим вето законодательные постановления последних. Монарх назначал членов Первой палаты, Сената, обладал исполнительной властью, и мог в одностороннем порядке с помощью декретов и регламентов влиять на законодательный процесс.

Умеряющая функция, которую должна была выполнять корона в политике, ни в коей мере не сводилась к беспристрастному и надпартийному арбитражу, но на практике означала постоянное предпочтение *умеренных* и оттеснение левых *прогрессистов*, не говоря уже о зарождавшейся в ту пору демократической партии.

Теоретически правительство зависело от доверия как королевы, так и парламента. Палате депутатов, которая вследствие ценза и систематических подтасовок

выборов скорее напоминала креатуру правящих кругов в правительстве и органах власти, чем подлинно представительный орган, тем не менее постоянно угрожал возможный роспуск. Таким образом *умеренные* обладали значительными возможностями по блокировке смены власти законным путем. Тем не менее политическая система отличалась неустойчивостью правительств: между ноябрем 1843 года и изгнанием Изабеллы из Испании в сентябре 1868 года правительства менялись 33 раза; «правительство-молния», из которого в октябре 1849 года был вытеснен генерал Нарваэс, просуществовало всего лишь сутки. Такое непостоянство в руководстве при единой в целом политической ориентации было обусловлено соперничеством между различными личными группировками и фракциями внутри движения умеренных.

Источником и выражением власти и влияния был прямой доступ к монархине, старинная привилегия знати. Сам отказ королевы главе кабинета министров войти в ее театральную ложу имел следствием прошение об отставке. Двор в совершенно конкретном смысле этого слова образовывал центр власти. Изабелла без удержу меняла членов дворцового штата, являвшегося не только общеизвестным рассадником сплетен и интриг, но еще и растущей обузой для королевских финансов, тающих на глазах. Даже во французской ссылке после 1868 года, когда, казалось бы, обстоятельства требовали большей скромности, королеву окружала свита в 70 человек. Представления Изабеллы о политике определяли вовсе не конституционные теории. Решающую роль здесь, скорее, играла дворцовая реальность и непосредственность королевы. Так в век конституционализма она представляла себе государство как одну большую семью, которую она, как заботливая мать, собирала вокруг себя.

Из множества высокопоставленных особ и обладателей придворных должностей выделился круг лиц, пользовавшихся особым доверием королевы и неформальное влияние которых вызывало сильное недовольство общественности. Либеральные критики порицали главным образом клерикальную окраску этого круга, подобную той, из-за которой еще камарильи Франсиско и королевы-матери служили причиной значительных волнений в общественной жизни. Скоро поползли слухи о необычном поведении сестры Патросинию. Будучи юной монахиней в одном из мадридских монастырей в то время, когда ликвидировались многочисленные ордены и в среде городских народных масс свирепствовал воинственный антиклерикализм, она произвела большую сенсацию своими экстазами, видениями и стигматами. В 1836 году она была по приговору суда выслана из страны, после того как медицинское освидетельствование признало за ней самой авторство стигматов, а в ее видениях были разоблачены политические провокации в пользу *карлистов*.

Патросинию, с тех пор пользовавшаяся славой «монахини с ранами», сменив политическое кредо, сначала добилась доступа в кружок супруга королевы. Когда в конце сороковых годов она завоевала доверие Изабеллы, не было больше никого, кто мог бы с такой же непринужденностью лавировать между чужими друг другу королевскими партнерами по браку. Но также едва ли был кто другой, кто вызывал бы столько спекуляций и упреков. Даже если она и не возглавляла обскурантистский теневой кабинет, как утверждали некоторые критики, то все же вдоволь использовала свое влияние при назначении придворных и церковных сановников, при раздаче орденов и почетных титулов и в получении финансовой поддержки для ос-

нования собственного монастыря, который, отчасти демонстративно, расположила в королевской резиденции. На сестру Патросинию обрушились негодование правительственных политиков, которые с большим или меньшим успехом пытались удалить ее от двора, и народный гнев, от которого ей, как и Изабелле, пришлось в 1868 году бежать во Францию.

В сфере церковной политики намного значительней тщеславной монахини был отец Антонио Кларет, которого королева в 1857 году назначила своим духовником и к совету и помощи которого постоянно прибегала для борьбы с левым либеральным крылом. Кларет, сделавший себе имя на широко задуманных хождениях в народ с целью преодоления падения церковного влияния и поднявшийся до архиепископа Сантьяго-де-Куба, попытался использовать свою близость к власти для рекатолизации Испании, начиная с самой верхушки общества. Под его влиянием, несомненно, усилилась набожность Изабеллы, о чем наглядно свидетельствует ее доверенная переписка с папой Пием IX.

В общем, всякий раз, когда королева принимала участие в политических вопросах, это всегда были церковно-политические проблемы. Во время регентства Марии Кристины и Эспартероса в ликвидации Старого режима своей главной мишенью либералы сделали католическую церковь, а точнее ее институциональную и экономическую полноту власти. Однако правый лагерь либералов вполне ценил церковь как важную основу господствующего порядка и после вступления в должность Пия IX, поначалу пользовавшегося репутацией умеренного либерала, добился в 1846 году формального примирения между государством и церковью, которое в 1851 году было оформлено в виде конкордата. Этот договор сначала представлял собой компромисс: папа признавал произведенную распродажу

церковного имущества и подтверждал такие права государства по отношению к церкви, как назначение епископов.

Со своей стороны, государство брало на себя обязательство содержать духовенство и культовые здания, пусть даже выполнение этого обязательства в отношении огромного большинства священников на практике выглядело весьма сомнительным. Огромное значение имели две первые статьи, где католическая конфессия вновь провозглашалась единственной религией Испании, и обучение на всех уровнях привязывалось к католическому вероучению. Изабелла могла быть довольна таким компромиссом. Спустя более пятнадцати лет церковь вновь могла действовать в законных рамках и начала интегрировать в политическую систему. По меньшей мере, высшее духовенство освободилось от искушения карлистизмом и могло стать в один ряд с другими опорами конституционной монархии.

Но не епископы или иные церковные сановники определяли судьбу Изабеллы и Испанского государства. Рядом или даже над светской верхушкой администрации и политики стояли прежде всего представители группы, занявшей ключевые позиции в политической системе: высшие военные, чья власть в изабеллинскую эпоху — и только во время нее — распространилась настолько широко, что время это называли «режимом генералов». С восстания против французской оккупации (1808) и до Вергарского мира (1839), в течение более тридцати лет, страна пребывала в состоянии войны: Испания вела войну против наполеоновских войск в пределах своих границ, против движений за независимость в американских колониях и, наконец, прошла через гражданскую войну. В борьбе против *карлистов* армия стала важнейшей опорой короны. Тяжелый переход от затяжной войны к миру угото-

вил генералам важную роль в обеспечении государственного порядка, и даже окрепшая конституционная монархия не могла обойтись без военных, поскольку в олигархической системе *умеренных* законный путь к политическим переменам был блокирован.

Об огромном политическом весе военных свидетельствует выдающаяся роль генералов как глав правительства: от Эспартероса и Нарваэса до ирландца по происхождению О'Доннелла на последнем этапе монархии. Более того, могущественным блоком они были представлены и в Сенате, который согласно Конституции 1845 года в законодательном процессе уравнивался в правах с палатой депутатов. Все же особенно ошутима была их власть во внеконституционном пространстве. В Испании Изабеллы изменение политического направления, как правило, происходило не путем выборов, а через *пронунсиаменто* (военный путч), как это было со свержением *умеренными* и перешедшими на их сторону *прогрессистами* в 1843 году Эспартероса, но также при переворотах 1854 и 1868 года.

Эти «классические» способы принудительной смены власти в Испании XIX века, послужившие образцом для мятежа генералов против республики в июле 1936 года, обещали большой успех, если удавалось усилить военный бунт стихийной мощью повстанческих движений в провинциях, чтобы таким образом перейти к «законной революции», которая часто избиралась *прогрессистами* в качестве оружия политической борьбы. Офицерский корпус защищал конституционную монархию с романтической удалью рыцарского служения королеве и в своем большинстве разделял кредо *умеренных* как свое представление о примирении свободы и порядка. Однако это не исключало, что все политические направления, вплоть до демократов, стремились заполучить в свое высшее руководство «*сильных личностей*» из рядов генералов.

У Изабеллы была не только личная слабость к героям в форме, сам ее трон нашел в армии важнейшую опору. Когда же в 1868 году она ее лишилась, то это стало решающей причиной бесславного конца правления Изабеллы.

Революция 1854 года и правление прогрессистов до 1856 года

В середине XIX века революционные силы в Испании были еще слабо развиты. Европейские революции 1848 года нашли там лишь незначительный отклик, выразившийся в беспорядках на улицах столицы, которые были легко подавлены правительственными войсками. Нарваэс, который с 1847 по 1851 год руководил «долгим правительством» и который поначалу хотел привлечь *прогрессистов* к своей политике, изменил под впечатлением революционной динамики свой стиль правления на диктаторский. Его преемник, Хуан Браво Мурильо даже попытался пересмотреть Конституцию в духе абсолютизма и низвести кортесы до статуса чисто совещательного, созываемого без участия общественности органа. После его отставки в конце 1852 года окрепло сопротивление правлению *умеренных*. Критика их стиля управления и упреки в коррупции, направленные чаще всего против темных делишек королевы-матери и ее мужа, звучала все громче.

В 1854 году для свержения правительства объединились недовольные *умеренные*, а также *прогрессисты* и возмущенные народные массы, требовавшие дешевого хлеба и отмены несправедливой системы набора новобранцев. Генералу Леопольду О'Доннеллу, пронунсиаменто которого чуть было плачевно не закончилось в конце июня битвой при Викальваро в ок-

рестностях Мадрида, вначале не удалось прорваться к власти, и он был вынужден искать поддержки *прогрессистов*. Движение победило благодаря успешным восстаниям в важнейших провинциях и ожесточенной баррикадной борьбе в столице, где демократы и *прогрессисты* пытались направить революционную энергию соответственно в своих собственных интересах. Трон Изабелла смогла спасти лишь призвав на помощь уже вышедшего в отставку Эспартероса. Последний выслал за границу непопулярную Марию Кристину, дворец которой был разграблен революционерами, положил конец революции безжалостным подавлением левых радикалов и завоевал важную поддержку армии, включив О'Доннелла в правительство в качестве военного министра.

Прогрессисты, в течение двух лет распоряжавшиеся судьбой Испании, не ставили своей высшей целью демократизацию страны, хотя и выработали в 1856 году новую демократическую Конституцию, которая, впрочем, так и не вступила в силу. Охотнее они взялись за раскрепощение экономических сил с целью модернизации страны, строительство железных и шоссейных дорог, создание эффективной банковской системы и прежде всего реструктурирование аграрного сектора. В мае 1855 года вышел подготовленный Паскуалем Мадосом «Закон всеобщей деэмоментизации», знаменовавший высший и конечный этап длинного ряда мер, начатых еще во времена абсолютной монархии и имевших целью превращение владений типа «мертвая рука» в мобильную частную собственность. Приблизительно четверть земли Испании, а именно собственность общин по основному праву и праву пользования, отныне могла выставляться на продажу, и ее ожидала судьба, постигшая большую часть необъятных

церковных земельных угодий уже во времена несовершеннолетия Изабеллы.

В правовой, равно как и в социально-экономической сфере, политика либералов, особенно их левого крыла, продемонстрировала свои революционные стороны: они существенно ускорили упразднение правовой системы Старого режима и добились крупнейшего перераспределения земли в новейшей истории Испании. Последствия этого были весьма различны от региона к региону. Однако в общем процесс этот способствовал укреплению нового правящего класса. Последний выделился из старой элиты, считавшей себя ослабленной во власти, но не в экономическом потенциале, и из новой, набирающей силу буржуазии. Напротив, массы неимущих сельских нижних слоев после продажи общинной собственности должны были смириться с угрожавшими их существованию потерями.

После революционного лета 1854 года Изабелле удалось неожиданно быстро укрепить свое господство. *Прогрессисты* и демократы были ослаблены внутренними противоречиями. Популярный вождь революции Эспартерос узаконил свое правление не волей народа, а королевским назначением и безропотно отступил, когда в июле 1856 года Изабелла заменила героя (в напоминавшем государственный переворот порядке) его же военным министром О'Доннеллом. Только народ в бедных южных предместьях Мадрида оказал безнадежное сопротивление королевским войскам, тогда как *прогрессисты* из страха перед народными массами предали революцию, которая, впрочем, никогда не была их революцией.

Прежде чем О'Доннеллу суждено было возглавить самое стабильное правительство в истории испанского конституционализма (с 1858 по 1863 год), ему пришлось на два года уступить место авторитарному ре-

жиму Нарваэса. После революционного опыта часть умеренных сместилась еще дальше вправо — до сотрудничества с непримиримыми неокатоликами, а левое крыло прогрессистов сблизилось с набирающими силу демократами. О'Доннелл же пытался с новой партией «Либеральный союз», открытой для сотрудничества с прогрессистами, отстоять в 1854 году принципиальный вопрос о консенсусе между правителями и управляемыми и тем самым обновить подгнившую базу власти. Попытки интеграции, впрочем, имели свои четкие границы: карлисты и республиканцы по-прежнему не были допущены к власти.

Популярность монархии призваны были поднять поездки королевы, которая прежде лишь переезжала со своим придворным штатом из дворца во дворец. Теперь же Изабелла колесила по стране, открывала железнодорожные линии и порты, демонстрируя при этом поддержку короной усилий либералов по модернизации. Она запросто смешивалась с ликующей толпой и раздавала из своего весьма прохудившегося кошелька щедрые подачки бедным. Правительство отказалось во внешней политике от сдержанности; в военных заморских экспедициях оно стремилось завоевать международное признание и славу генералам и объединить население патриотическим подъемом. Эти акции, которые возрождали дух былого испанского величия и которые должны были сделать Изабеллу новой *Isabel la Catolica*^{*}, в действительности проходили под руководством или, по меньшей мере, с согласия великих держав — Франции и Великобритании. Не служа защите собственной территории, они также едва ли были империалистическими попытками увеличения владений, а имели преимущественно символический характер.

* Изабеллой Католической. — Прим. ред.

Испанские войска участвовали во французской экспедиции в Котчинчин с 1857 по 1863 годы, в британско-французской интервенции в Мексику в 1861–1862 годах, вели в 1859–1860 годах под командованием О'Доннелла войну в Северной Африке, в 1861 году на короткое время снова завоевали испанской короне Санто-Доминго и сражались с 1863 по 1866 год в «Тихоокеанской войне» против Перу и Чили.

Трагическая реальность военных походов, в которых нашли жалкий конец, главным образом в результате эпидемий, десятки тысяч испанских солдат и главное приобретение которых заключалось в завоевании марокканского города Тетуана, на высокопарном языке националистской риторики объявлялась величайшим геройством. Но это не могло надолго стать компенсацией за исключение громадного большинства населения из политической жизни. Впрочем, противодействовать революции должен был не только националистский дух общности, но и рост благосостояния.

При О'Доннелле была начата широкомасштабная программа общественной занятости; высокие французские инвестиции и огромные средства от продажи общинной земли тратились прежде всего, начиная с 1855 года, на лихорадочное строительство железнодорожной сети. Ее первый участок — перегон между Мадридом и резиденцией Аранхуэс в 1851 году — Изабелла открыла лично, освятив при этом свой салон-вагон, по роскоши отделки превосходивший даже вагон королевы Англии.

Кризис монархии и революция 1868 года

За бумом последовал кризис. В 1864 году произошел железнодорожный крах: оказалось, что доходы от новой железнодорожной сети далеко не соответству-

ют расходам на ее содержание. Критическое положение каталонской текстильной промышленности и угнетающий государственный долг еще более омрачали картину. Экономический кризис соединился с растущим политическим. В 1863 году был свергнут О'Доннелл. Изабелла отказалась допустить в правительство *прогрессистов* и тем самым демонстративно начала отход от конституционного политического порядка. Нападки прогрессистов на корону и клерикализм, как «традиционные препятствия» на пути создания либеральной системы, еще более обострились. Теперь нападения, которые еще десятилетие назад касались отдельных политиков, камарильи и королевы-матери, больше не падали саму Изабеллу. Симптоматичны были события лета 1865 года, когда Мадрид поразила эпидемия холеры. Популярность королевы серьезно пострадала, так как она, вновь беременная, находилась в безопасном удалении от столицы в своей летней резиденции Ла-Гранха и не разделяла опасности со своими подданными.

Последние годы правления Изабеллы были отмечены репрессивным ужесточением правительств, без колебаний отвечавших всеми имеющимися в распоряжении силовыми средствами на усиливающийся натиск слева, и возрастающей потерей династией законности. Однако Изабеллу занимал прежде всего вопрос признания королевством Италии в ущерб светскому владычеству папы, чего требовал от нее вновь возглавивший правительство О'Доннелл, за что она лично попросила прощения у папы Пия IX, сославшись на свое бессилие перед либеральными военными.

Насколько затруднительным оказалось положение правительства, показывают два кровавых инцидента в столице. В апреле 1865 года на улицы вышли сотни студентов, чтобы участвовать в демонстрации за

освобождение демократического профессора Кастелара, поставившего под сомнение право Изабеллы распоряжаться королевским имуществом. Демонстранты были безжалостно расстреляны полицейскими войсками. В январе 1866 года неудавшийся пронунсиаменто генерала Хуана Прима настолько вывело из себя новое божество либеральных левых, О'Доннела, что генерал окончательно перешел на сторону контрреволюции и прибег к диктаторским средствам. Когда в июне того же года унтер-офицеры мадридских казарм выдвинули демократические лозунги против своих офицеров, правитель на скорую руку организовал процесс, и военно-полевой суд вынес шестьдесят шесть смертных приговоров.

Смерть старых противников О'Доннелла и Нарваэса соответственно в конце 1867 года и весной 1868 года сделала очевидным, что режим буквально изжил себя. Высылка самых видных генералов «Либерального союза» преемником Нарваэса окончательно лишила правительство поддержки армии. Против Изабеллы поднялся широкий, хотя и весьма разнородный по составу фронт сопротивления, включавший в себя представителей от демократических левых до консервативных либералов. Диктаторская жестокость, с которой все более замыкавшаяся в себе группа правителей цеплялась за власть, окончательно подорвала популярность Изабеллы в широких кругах населения.

Летом 1868 года унионисты и генерал Прим, который уже несколько раз тщетно пытался поднять мятеж, соревновались между собой в том, кто первый нанесет удар. 18 сентября адмирал Топете по настоянию Прима поднял в Кадисе пронунсиаменто «Славную революцию» («Gloriosa»), как она вскоре будет названа ее участниками. Генералы-унионисты присоединились к ней по компромиссной формуле Прима,

согласно которой предполагалось восстановить Учредительное собрание конституционной монархии. Во многих частях страны власти были вытеснены революционными комитетами. Революционный комитет Мадрида провозгласил своей целью изгнание из Испании семьи Бурбонов и политическое обновление под лозунгом суверенитета нации.

Революция застала наслаждавшийся в Сан-Себастьяне атлантической летней свежестью двор врасплох. Изабелла не предприняла никаких шагов по защите своего трона, а поскорее сбежала в сопровождении духовника Кларе и сестры Патросинио в соседнюю Францию, где ей был оказан радушный прием Наполеоном III и его женой, происходившей из испанской знати. Ее долголетнее правление пало почти без сопротивления.

Долгая ссылка (1868–1904)

Хотя изгнание из Испании нанесло глубокую травму Изабелле — однако серьезной финансовой или даже жизненной угрозы для нее никогда не возникло. В ссылке она даже смогла избавиться от обузы своего брака. В то время как Изабелла со своими детьми переехала в великолепный парижский дворец, которому дала название «Palacio de Castilla»*, Франсиско Асисский поселился в Эпинэ, вблизи французской столицы. Ему прежде всего надо было обеспечить себе содержание принца-консорта и причитающиеся по брачному договору выплаты. В апреле 1870 года наконец был формально расторгнут с самого начала несчастливый брак, и Франсиско была назначена пенсия.

* Дворец Кастилии (исп.).

Уже вскоре Изабелла вынуждена была признать, что ее народ, о ком она всегда желала по-матерински заботиться, лишил ее своего благоволения. Теперь она стала главной фигурой множества интриг, нацеленных на реставрацию господства Бурбонов. Впрочем, оказалось, что сколько-нибудь оправданные надежды можно было возлагать только на какое-нибудь новое лицо. После долгих колебаний Изабелла, чей драматический призыв «к испанской нации» в феврале 1869 года не встретил ни малейшего отклика, сдалась и в июне 1870 года торжественно отреклась в пользу своего на то время еще тринадцатилетнего единственного сына Альфонса. Вскоре после этого разразилась прусско-французская война, предлогом для которой стал вопрос испанского престолонаследия, и власть коммуны еще раз нарушила спокойствие ее жизни и вынудила ее временно покинуть Париж. Даже когда сын Изабеллы в результате пронунсиамента генерала Мартинеса Кампоса 29 декабря 1874 года был провозглашен испанским королем, Изабелла не отказалась от своего парижского места жительства. Новое политическое руководство во главе с Кановасом дель Кастильо, проводившее реставрацию из Кастильского дворца, не проявило ни малейшего интереса к возвращению, которое могло бы только скомпрометировать монархию. В противоположность своей матери, Изабелла не предприняла никаких попыток снова обрести политическое влияние или хотя бы возглавить параллельное правительство, а в конце концов удовлетворялась своим двором в миниатюре, растила своих детей и делилась с гостями воспоминаниями о годах в королевских дворцах Испании. К 35 годам правления прибавилось столько же сравнительно спокойных лет в ссылке. Изабелла пережила своего сына, скоротечно скончавшегося в 1884 году, равно как и реген-

тство своей невестки, представительницы дома Габсбургов, Марии Кристины, и умерла 9 апреля 1904 года, через три года после вступления на трон своего внука, Альфонса XIII, в возрасте 73 лет.

Бенито Перес Гальдос, республиканец по политическим убеждениям и самый значительный литературный хронист Испании XIX столетия, посвятил «бедной королеве, которая в нежном возрасте оказалась вовлеченной в жестокое дело политической и конституционной игры, как правительница всего народа, среди необузданных и непримиримых партий и разнузданных страстей», некролог весьма личностного содержания. В нем он вспоминал о своем посещении Изабеллы в Париже. Работая в ту пору над масштабным циклом романов о последнем столетии испанской истории, он задал ей несколько вопросов, и пожилая дама своей обезоруживающей прямоотой и любезностью моментально завоевала его симпатии. Она призналась ему, как Гальдос написал после ее смерти, в том, что плохо исполняла свои обязанности, но настаивала на своих добрых намерениях: «Я желаю добра испанскому народу и всегда этого желала. Желания, они в сердце. Но возможности, где они?»

Слабой королеве, начавшей свое правление еще ребенком и осуществлявшей его как женщина в мире мужчин, трон достался в то время, когда корона должна была обеспечиваться новой, основанной на Конституции законностью. Однако конституциональный порядок ни в коей мере не служил укреплению корней власти, а скорее обеспечивал властью небольшую олигархическую прослойку, которая отводила королеве тяжелые представительские задачи и прежде всего разделение власти.

Правление Изабеллы сломилось от напряжения между потенциальной полнотой власти и растущим

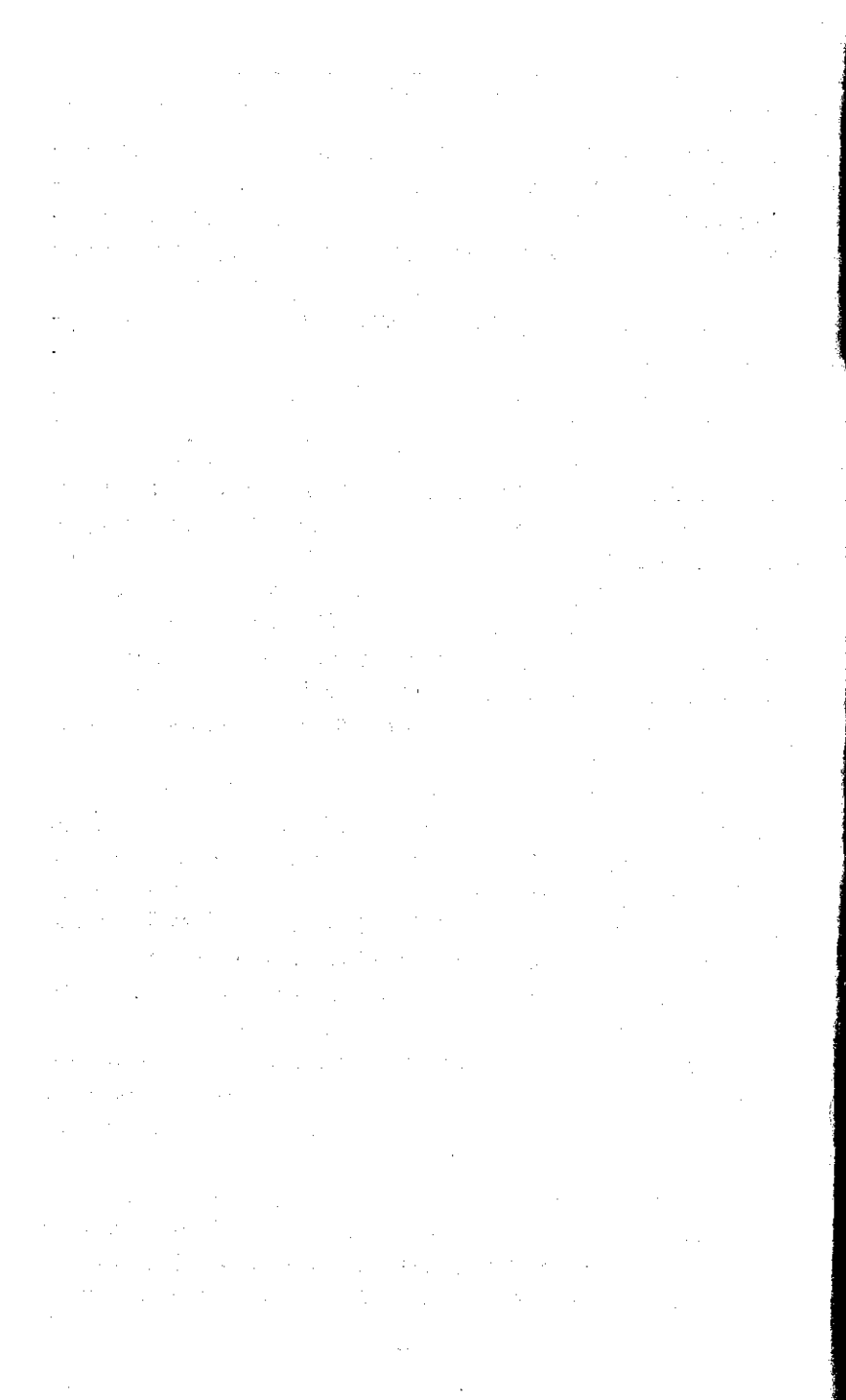
требованием законности, которую подрывали сначала не столько она сама, сколько ее окружение: амбициозная мать, навязанный ей муж и интриганы из камарильи. Напоследок от Изабеллы отошли не только отстраненные от власти жертвы либеральной политики модернизации; загнанные этими силами в оборону господствующих классы, которые всегда преклонялись перед прерогативами королевы, также отказали ей в повиновении. Добрая воля Изабеллы стала бессильна перед лицом все более углубляющихся социальных и политических противоречий.

Единственную женщину на испанском троне — Изабелла I носила титул лишь королевы Кастилии — трудно назвать «великой королевой». Хотя в историографии годы ее правления носят специальное имя — изабеллинская эпоха. Однако это условное название порождено не знаменательным влиянием ее личности. Скорее, сама жизнь королевы значительно определялась сильными переломами в истории, отличавшими это время.

С установлением конституционной монархии Старый режим нашел не только свой политический конец. В годы правления Изабеллы осуществилось сопровождаемое глубокими потрясениями революционное преобразование старых правовых, экономических и общественных форм в порядок буржуазно-либерального характера. После того как Испания под бременем наполеоновской оккупации и вследствие потери большей части своей старой колониальной империи окончательно превратилась во второстепенную державу на континенте, она, наконец, отправилась по извилистому пути в современную Европу.

Изабелла едва ли принимала активное участие в этом перевороте. Ни специальная подготовка, ни ее способности и интересы не способствовали тому, что-

бы властью своего положения она могла творить созидательную политику. Даже если королева, по-видимому, могла по своему усмотрению назначать и снимать министров и распускать парламент, даже если ее на протяжении многих лет боготворил народ, все же она оставалась игрушкой в руках обстоятельств с кругозором, ограниченным придворным обществом и камарильей. В ее судьбе отразился кризис испанской монархии, которая за десятилетия правления Изабеллы впервые полностью исчерпала кредит доверия. На это указывает жалкое свержение Изабеллы, за которым — впрочем, ненадолго — последовала смена династии и системы.

Ганс Отто Клейнманн

АМАДЕЙ I (1870–1873)

Амадей I, род. 30.05.1845 г. в туринском королевском дворце под именем Амадео Фердинандо Мария Савойский. С 1845 г. герцог^{2. Аосты} Аостский, с 1867 г. генерал-лейтенант армии, с 1868 г. контр-адмирал. 16.11.1870 г. избран королем Испании, отречение 11.02.1873 г. С 1879 г. генеральный инспектор итальянской армии. Скончался 18.01.1890 г. в Палаццо-дела-Чистерна в Турине, погребен в Базилике ди-Суперга, пантеоне Савойского дома.

Отец: Виктор Эмануил II (1820–1878), король Сардинии (1849–1861), король Италии (1861–1878). Мать: Мария Аделаида Габсбург-Лотарингская (1822–1855). Братья и сестры: Умберто (1844–1900), король Италии (1878–1900); Клотильда (1843–1911), супруга Наполеона Жозефа Шарля Бонапарта, племянника Наполеона I; Мария Пиа (1847–1911), как супруга Людвига I королева Португалии.

Женитьба на савойской принцессе Марии Виттории Даль Поццо (1847–1876) 30 мая 1867 г.; второй брак со своей племянницей Латецией Бонапарт (1866–1926) 11.09.1888 г.

Дети (пережившие детский возраст): Эмануэль Филиберто (1869–1931), герцог Апулийский, затем второй герцог Аостский; Луиджи Амедео (1873–1933), герцог Абрुццен; Умберто (1889–1918), граф Салеми.

Из сорока пяти прожитых лет королем Испании Амадей был всего два года, два месяца и семь дней. Все же то, что выглядит эпизодом в его жизни, было в испанской истории периодом эпохального значения. Время его правления — между Сентябрьской революцией 1868 года и Первой республикой 1873–1874 годов. Амадея I можно с полным основанием считать первым демократическим королем Испании. Не в генеалогическом, а скорее в политическом смысле он стоит ближе к современной испанской монархии, чем любой другой испанский монарх нового времени.

Предыстория

Монархия Амадея I была революционного происхождения. Ее предыстория началась с «Сентябрины», или «Славной революции», как звучит историческое прозвище политического переворота 1868 года. Острый правительственный кризис 1863 года драматически ухудшил настроения в стране, а последствия экономического кризиса 1866 г. полностью подорвали престиж правительства и династии. Оппозиция, руководители которой в эмиграции — главным образом в Португалии, Англии, Бельгии и Швейцарии — ожидали сигнала к действиям, посчитали, что их час пробил. Остендским пактом от 16 августа 1866 года приблизительно пятьдесят представителей *прогрессистов* и демократов, в том числе видные военные, составили заговор. Девизом стал лозунг: «*Abajo lo existente*» (Долой существующее!). Когда же антидинастическое движение поддержала еще и большая часть «Либерального союза», после смерти Леопольдо О'Доннелла (5 ноября 1867 года) вынужденного сменить ориентацию, на стороне переворота оказались почти все слои буржуазии.

Революция началась с Кадисского прунунсиаменто 17 сентября 1868 года. Уже первая крупная стычка между восставшими и правительственными войсками у моста через Гвадалквивир близ Альколеа оказалась решающей. Дело революции быстро восторжествовало, и по всей стране были организованы революционные комитеты. 8 октября сформировалось Временное правительство под председательством победителя Альколеа и вождя унионистской партии генерала Франсиско Серрано. Трехпартийный союз либералов-унионистов, *прогрессистов* и демократов-монархистов, объединенных двойным интересом: конституционно узаконить доставшуюся им власть и подавить реставрационные, равно как и республиканские силы, времени не терял.

Раздел правительственных ресурсов между ведущими представителями «национальной коалиции», как вскоре начнет именоваться пакт победителей, позволил до некоторой степени сбалансировать и личные властолюбивые амбиции. Учредительные кортесы — созданные на основе всеобщего избирательного права всех граждан старше 25 лет, т. е. почти четверти населения Испании (т. е. в девять раз большего количества избирателей, чем на «предреволюционных» выборах 1865 года), — 1 июня 1869 года приняли Конституцию, которая благодаря статье об основных правах и включению принципа разделения власти могла претендовать на звание самой либеральной в тогдашней Европе. 33-я статья, принятая 214 голосами против 71, провозглашала «формой правления испанской нации монархию». Таким образом, наряду с другими проблемами, возникшими из необходимости законодательного и административного оформления конституционного строя, на центральное место в испанской

политике выдвинулся вопрос престолонаследия. Кто мог и должен был стать испанским королем?

Начавшиеся теперь поиски кандидата были весьма затруднены, поскольку при всей секретности, с которой их старались производить в каждом конкретном случае, они не могли происходить в отрыве ни от непрерывно развивающейся внутривнутриполитической ситуации, ни от состояния отношений между великими европейскими державами. Большинство революционных вождей настаивали на смене династии. Для них не могло быть и речи о двенадцатилетнем принце Астурийском или герцоге Монпансье из Орлеанского дома, с 1832 года женатого на младшей сестре Изабеллы II, не говоря уже о считавшемся врагом нации Доне Карлосе, претенденте *карлистов*. Однако определенное число *альфонсистов* и *монпансьистов* среди членов правительственной коалиции все же было. Крайне неохотно, из страха перед республикой, принимали они линию большинства, лозунг которой был выражен генералом Хуаном Примом, с 1864 года являвшимся председателем правления партии *прогрессистов* и «главным вождем» Сентябрьской революции, в его знаменитой отповеди так называемых трех «*jamas*» (никогда): «Никогда не бывать на троне Бурбонам, Дону Карлосу и Монпансье!»

К кандидатам, представлявшимся подходящими по национальным и международным критериям, а также достойным испанского векового величия, принадлежали в первую очередь принцы Савойского дома, считавшегося с 1713 года династическим, которые в данном случае могли занять место Бурбонов. Еще одним фаворитом на первом этапе был также пятидесяти-трехлетний бывший король и регент Португалии Фердинанд (II) Сакс-Кобург-Саальфельдский, после совершеннолетия Петра V (1855) удалившийся на по-

кой. Заключение в 1861 году брак его дочери Антонии с принцем Леопольдом из династии Гогенцоллернов-Зигмарингенов привел в ходе поисков короля к «гогенцоллернской кандидатуре», вызвавшей германско-французскую войну 1870–1871 годов.

Хотя антибурбонская оппозиция в ходе подготовки переворота еще с середины шестидесятых годов в Турине и Лиссабоне начала зондировать почву, решить вопрос о престолонаследии после многочисленных отказов потенциальных кандидатов удалось лишь на гребне германско-французского конфликта, ибо испанские запросы нигде не встречали радостного приема. И лишь отчасти это объяснялось личными причинами. Еще свежи в памяти были конец правления Отто Баварского в Греции (1862) и злополучное императорство Максимилиана Австрийского в Мексике (1867), вызвавшие определенный устрашающий эффект. Но решающее значение все же имела нестабильная и переменчивая внутренняя ситуация в самой Испании, на каждом шагу напоминавшая, по какой зыбкой почве ходит коалиция «шестидесятников».

На крайнем правом фланге политического спектра вновь зашевелились «окопавшиеся» в Стране Басков, Наварре, Арагоне и Каталонии карлисты, в нерешенном вопросе о короле увидевшие возможность путем нового военного похода утвердить свое понимание традиционалистской христианской монархии.

Слева оживились республиканцы: воодушевленные революцией и либеральной Конституцией, они с самого начала боролись против «демократической монархии», и не только путем эффектных выступлений в парламенте, где составляли добрую пятую часть депутатов, но также пропагандистской работой через многочисленные боевые листки и политические клубы.

Вскоре после Сентябрьской революции республиканское движение под руководством Эмилио Кателяра, Франсиско Пи-и-Маргалла и Эстанисло Фигуэраса прочно утвердилось в портовых городах средиземноморского побережья и в селениях Андалусии, причем зачастую наибольшим влиянием пользовались леворадикальные группировки.

В либеральной атмосфере Сентябрьской революции распространились также социалистическая идеология и организации, прежде всего среди возросшего с середины столетия промышленного и сельскохозяйственного пролетариата Каталонии и Андалусии. Еще при Амадее I испанское рабочее движение, после основания в 1868 года испанской секции 1-го Интернационала, избрало преимущественно анархистское направление.

К сильно запутанной партийной борьбе и социальному напряжению, выросшему из расшатывания традиционной экономической структуры, добавился еще и колониальный конфликт, разразившийся вокруг отмены рабства и привилегий Кубы и Пуэрто-Рико. Сентябрьская революция вызвала восстания и в испанских заморских владениях, причем на Кубе дело дошло даже до настоящей гражданской войны. Но государство, которому предстояло покончить со всеми этими проблемами, было почти бессильно, парализованное сильным бюджетным дефицитом и огромным государственным долгом, увеличивавшимся из года в год в геометрической прогрессии. С таким приданым, право, достоинство «должности» испанского короля едва ли выглядело желанным. Так что в краткой истории царствования Амадея I, видевшей три состава кортесов, семь кабинетов министров и более ста смен министров, отразились не только неудачи личных тщеславных амбиций, но и незрелость испанского общества на долгом пути к современности.

Герцог Аостский

Амадей принадлежал к поколению, рожденному в середине XIX века и, что, впрочем, к нему лично не относится, оставившему неизгладимый след в политической и духовной жизни рубежа и начала XX столетия. Дитя итальянского Рисорджименто * (Risorgimento), он вырос в мире национально-романтических и либеральных идей. Отпрыск Савойского дома, благодаря упорству, выносливости и рыцарским добродетелям поднявшийся до уровня великих европейских правящих династий и в конце концов получивший королевское достоинство. Он, как и его брат Умберто, следуя савойской традиции, воспитывался под руководством генерала Джузеппе Росси для военной карьеры. Среди его наставников были такие известные ученые, как профессора права Манчини и Бонкомпаньи, которые познакомили его с основами конституционной монархии. Став в четырнадцать лет совершеннолетним, Амадей получил патент капитана. Вскоре последовало повышение до майора (1860), подполковника (1861) и полковника (1863). Начав с пехоты, принц последовательно служил в других родах войск: был полковником уланского полка Новара (1865), затем в чине генерал-майора командовал ломбардскими гренадерами. А в войне 1866 года против Австрии сражался в Кустозской битве (24 июня), где получил тяжелое ранение в плечо. После Венского мира в конце 1866 года Амадей получил назначение командиром кавалерии по военному округу новоприобретенной провинции Верона.

В следующем году юный герцог взялся за создание семьи. Это был брак по любви, и злые языки поговаривали, что королевич заслуживал более знатной

* Возрождение (итал.).

жены. Избранницей была дочь князя Чистернского из пьемонтского дворянского рода Поццо, чувствительная, начитанная девушка, владевшая несколькими языками, в отличие от своего, скорее, по-солдатски узкообразованного супруга. Свадебное путешествие привело молодоженов в Англию, где они стали гостями королевы Виктории в Виндзорском замке. По возвращении в Турин герцог получил повышение до генерал-лейтенанта и весной 1868 года в этом звании начал службу при главном штабе военно-морского флота, после неудачного исхода Лисского морского сражения подвергнутого коренной перестройке. Когда пришел запрос из Мадрида, в котором спрашивалось, не готов ли он выставить свою кандидатуру на выборах испанского короля, герцог, после кратковременной службы в должности генерал-инспектора флота, был уже назначен главнокомандующим итальянским военно-морским флотом (февраль 1869 года).

Военная карьера сопровождалась многочисленными поездками, в ходе которых Амадей наносил дружеские визиты правящим домам Европы или по официальным поводам представлял новую итальянскую монархию. Так, летом 1863 года он объездил Скандинавию, а в конце того же года побывал в Лиссабоне на крещении своего племянника. Обратный путь вел через Испанию, где он провел несколько недель. В июне 1867 года герцог представлял Италию на Парижской Всемирной выставке, где встречался, помимо Наполеона III, еще и с русским царем и прусским королем. В 1869 году Амадей отправился «*con tutta la squadra*»^{*} в Александрию, где вместе с другими европейскими князьями был гостем египетского хедива^{**} на пышном открытии

* Со всей эскадрой (ит.).

** Титул верховного правителя. — *Прим. ред.*

Суэцкого канала. Обратный путь лежал через Константинополь, где герцог был принят султаном.

Особого интереса заслуживает его путешествие по Испании всего за несколько лет до избрания королем этой страны. Он посетил Севилью, Гранаду и Кордову; останавливался Амадей и в Мадриде, а также нанес визит Изабелле II в ее баскской летней резиденции. При этом на военных маневрах, где ему довелось присутствовать, принц познакомился с нобилитетом испанского государства, представителям которого, например, Серрано, суждено было стать сподвижниками будущего короля. Тогда же пошли слухи о соглашении, предусматривавшем брак с инфантой Изабель. Именно этот период, похоже, следует считать началом рассмотрения его кандидатуры, а в связи с визитом в 1867 году генерала Прима в Италию можно утверждать, что герцог Аостский стал кандидатом *a priori*. Несомненно, уже тогда это был «первый адрес», откуда начинали поиски короля. В 1863 году в туринскую «дверь» после свержения с престола Отто I «постучали» и греки, чтобы внести принца в выборный королевский список. Однако пока итальянский кронпринц не имел мужских потомков, Амадей просто не мог распоряжаться своей судьбой. Поэтому испанцы какое-то время рассматривали в качестве «замены» родившегося в 1854 году Томмазо Альберто, герцога Генуэзского, кузена Амадея, чью кандидатуру, впрочем, из-за молодости пришлось все же оставить. Только после обеспечения итальянского престолонаследия — в ноябре 1869 года родился принц Витторио Эмануэле — Амадея можно было окончательно внести в список кандидатов.

Тем что его поставили на очередь, Амадей обязан неудаче, постигшей кандидатуру от дома Гогенцоллернов, от которой в середине июля 1870 года отказались

из-за сильного сопротивления Франции. В октябре вопрос о кандидатуре перешел в дипломатическую плоскость. Итальянское решение в Испании форсировали глава правительства, генерал Прим, сильная рука «национальной коалиции», и его министр иностранных дел Сагаста. Страх перед установлением в Испании республики в случае очередного провала решения вопроса о престоле ускорял положительное решение дела как в Мадриде, так и во Флоренции, временной столице Италии.

Для Италии выбор Амадея на один из почетнейших тронов Европы означал рост престижа, в котором так нуждалось молодое государственное образование, тогда как установлением связи с новым, либерально управляемым итальянским национальным государством испанцы надеялись стабилизировать свою «демократическую» монархию. Во внешнеполитическом отношении обе стороны привлекала концепция тесного «латинского сообщества» как фундамента будущего величия.

В течение месяца без особого труда удалось получить согласие великих держав, ведь под впечатлением германско-французской войны все заинтересованные стороны стремились по возможности скорее завершить испанское междуцарствие. Только главное действующее лицо никак не решалось. Под сильным политическим и моральным давлением как со стороны собственной семьи, так и с испанской, Амадей, наконец, почувствовал себя обязанным «спасти Испанию от угрозы республики». Тем более что возник опасный цейтнот, так как страна стояла на пороге открытия кортесов. В конце концов Амадей объявил о своем согласии при условии, что будет избран открытым голосованием кортесов, выражающих волю испанского народа (2 ноября 1870 года).

В преддверии голосования множились выступления как за, так и против савойца. Протестовали и гранды. Газеты легитимистов и республиканцев распоясались до такой степени, что итальянский посланник в Мадриде сочувственно посоветовал герцогу своевременно сделать какую-нибудь прививку против инсинуаций. Однако убедительные результаты голосования: 191 голос из 347 имевших право участия в выборах «за», казалось, обещали стать солидным фундаментом для выполнения им своих конституционных задач, тем более что герцог Монпансье получил только 27, а принц Астурийский всего 2 голоса. За республику подали голос 63 депутата. Карлисты воздержались от голосования.

Тотчас во Флоренцию отправилась делегация во главе с президентом парламента Мануэлем Руизом Соррилья, чтобы привезти герцога Аостского в страну, где тому предстояло основать новую династию. То что воспринималось избранником как дань величию его дома и как жертва внутреннему миру Испании, началось под несчастливой звездой. Сойдя на берег в Картахене, он и его спутники в полном оцепенении выслушали новость о покушении на Прима (27 декабря 1870 года); маршал скончался от полученной тяжелой огнестрельной раны прежде, чем король достиг столицы. При этом не только правительственный союз *прогрессистов*, демократов и либералов-унионистов лишился объединяющей фигуры, но и новая королевская власть потеряла главнейшую опору своего авторитета. Столь же символичен был и первый акт Амадея: свой выезд в Мадрид он совершил к выставленному для прощания в Базилике Аточа телу Прима. Должно быть, тогда ему и стало ясно, сколь тяжкие времена грядут. Во второй половине того же дня в конгрессе, где его встретили единодушными

возгласами «Да здравствует король!», он принес присягу «соблюдать конституцию и законы и добиваться их уважения».

Дон «Макаррон Примеро»

Не прошло и двух месяцев, как Амадею уже хотелось все бросить и он всерьез стал подумывать о возвращении. Хотя поначалу, казалось, «национальная коалиция» ушла с головой в управление государством на высоком уровне и до лета 1871 года держалась довольно сплоченно, от оппозиционных кругов, которые никогда не видели в Амадее ничего, кроме «короля 191-го», со временем стали исходить деструктивные импульсы. Презрительными прозвищами и намеками на «макарроны» в театре и прессе они пытались выставить короля на посмешище. Знать же демонстративно третировала его как «короля-буржуа». Духовенство также соблюдало дистанцию с либерально настроенным сыном отлученного (Виктор Эмануэль II был отлучен папой от церкви за взятие Рима). Только такие интеллектуалы, как профессор истории, республиканец Эмилио Кастельяр, стояли выше того, чтобы оскорблять Амадея и его родину патетическим сравнением с Карлом V или Филиппом II и Испанской мировой державой, словно никогда не было и менее видных испанских королей и как будто Испания давно уже не опустилась до второстепенной державы. В его лице молодой савоиец столкнулся с самобытным политическим сознанием современного испанского идеализма, даже в истории усматривавшим некую цель и ошибочно полагавшим, что человечество стоит на пути к полной гармонии. Но политика, желавшая быть лишь исполнением predetermined и поэтому возможная лишь как риторическое мероприятие, должна была

быть абсолютно чуждой мироощущению человека, в сознательном возрасте пережившего такое событие, как итальянское национальное возрождение.

Король должен был чувствовать себя «как на открытой войне», как счел себя вправе прокомментировать положение Амадея знавший Испанию по своему опыту генерал Энрико Кальдини, чрезвычайный посол в Мадриде. Это положение требовало «беспредостанно лавировать и противодействовать выпадам противника, руководствуясь благоразумием, храбростью и опытом». Во всяком случае, в том, что испанский государственный корабль потерял управление, нет личной вины Амадея, не повинна в том и его молодость. Его поведение и умение держать себя были безукоризненны. Добросовестно выполнял король и свои конституционные обязанности. Амадей решительно порвал с традицией камарильи, а также совершенно отказался от политических интриг, оставаясь неподкупным и скромным в частной жизни. Согласно единодушному признанию к нему хорошо относился простой народ, который, где бы ни происходила встреча, приветствовал его радостными аплодисментами. Его сдержанность часто воспринималась как замкнутость, а верность принципам как упрямство.

Король оставался «чужаком», который никому не мог угодить, и не в последнюю очередь потому, что не мог освоить язык страны, которой правил. «*Pobre nuestro soberano*», — насмеялась одна газета, — что бы он ни сделал, его критикуют! Выезжает, значит не исполняет своих обязанностей! Остается во дворце, значит его не беспокоит, о чем думает народ! Если не оглядывается по сторонам, то высокомерен. Если поглядывает направо и налево, значит выглядывает в

* «Бедный наш монарх» (исп.).

тодпе красоток. Когда одевается как светский человек, то — шеголь. Если надевает испанский костюм — смешон. Раздает милостыню — все равно за все платит народ. Если не раздает — то скряга. Если принимает консерваторов, значит предает революцию. Если радикалов, то скоро дойдет с ними до ручки. Рано ложится спать — ребенок. Если поздно — ночной гуляка, полуночник. Показывается на лошади — чересчур придерживается протокола. Идет пешком — вульгарен. Ходит один — провоцирует нападение. Если в сопровождении — значит боится».

Хотя отклонения порой все же имели место, как, например, в день новогодней военной присяги, когда несколько высших чиновников и офицеров отказались принести клятву верности новому королю, в общем дебют короля все же мог дать повод для оптимизма. Причиной этому главным образом было то, что три ведущих партии и кабинет министров, сконцентрировавшись на предстоящих выборах в кортесы, старались сдерживать конфликтный потенциал в правительственном лагере. Выборы 12 марта 1871 года в самом деле подтвердили «национальную коалицию», которая завоевала более двух третей мест. Впрочем, угрожающую стабильность продемонстрировали также республиканские (19,6%) и *карлистские* (5,1%) силы. Но вновь сформированный кабинет *прогрессиста* Праксидиса Матео Сагаста (март-июль 1871 года) имел хорошее напутствие — восторженно встреченную тронную речь, — в котором король выдвинул в качестве безусловных предпосылок «тяжелой и славной работы» по политическому возрождению Испании освобождение Кубы, реформу администрации и восстановление нормальных государственных финансов.

Внутриполитическое положение, казалось, настолько окрепло, что смогла приехать также королева Ма-

рия Виттория — еще один важный шаг в утверждении в Испании новой династии. С ней связывали большие надежды: предполагалось, что ей удастся расшевелить оцепеневший двор и тем самым постепенно преодолеть сдержанность аристократии по отношению к новым монархам. Однако при въезде в столицу произошел скандал: женская половина свиты Ее Величества несла в качестве отличительных знаков своих кастовых убеждений традиционные мантильи и «бурбонские» лилии — афронт, который показался кощунственным даже наиболее яростным критикам монархии. Связи между монархом и дворянством так и не наладились. Двору Амадея I не удалось привлечь знатъ блеском своего двора. Королева завоевывала популярность не дворцовыми празднествами, но социальной активностью и благотворительностью, к чему, впрочем, у нее и душа лежала больше.

Так что королевская власть вместо того, чтобы оказать поддержку либеральному правительству, как это виделось Прима и другим революционным вождям, все более и более вредила ему своим поведением. Все же предпринятую в сентябре 1871 года поездку королевской четы в Валенсию, Каталонию и Арагон, чтобы показаться местному населению и — по официальной версии — «обеспечить себе любовь народа», можно расценивать как успех. Король, должно быть, надеялся через популярность поднять свой престиж, в чем чувствовалась настоящая необходимость. Новый премьер-министр Мануэль Руис Соррилья, назначенный после первого правительственного кризиса (июль 1871 года), взялся за проведение радикальной программы, которая, в частности, предусматривала введение суда присяжных и военного кодекса, а также хотел путем утверждения свободы совести, гражданского брака и гражданской регистрации актов состояния подвести

новый фундамент под отношения между государством и церковью. Но в процессе осуществления этой программы довольно скоро в правительственной коалиции образовались трещины. Наряду с этим обострилось общее социальное напряжение. В среде карлистов открыто возобладала ориентация на вооруженную борьбу; растущую озабоченность вызывали также происки Интернационала. Сюда прибавилась личная борьба за власть, подтачивавшая политическое руководство.

Когда в октябре при выборах президента кортесов победил не радикальный кандидат Николас Мария Риверо, а умеренный Хосе Сагаста, возникла угроза очередного правительственного кризиса. Путем назначения адмирала Хосе Малькампо главой «посреднического министерства» король попытался еще раз склеить монархистскую коалицию, но, когда и этот кабинет уже через два с половиной месяца спасовал и подал в отставку, удержу больше не было. Карусель смен премьер-министров стала стремительно набирать обороты. Сначала на нее вновь вскочил Сагаста, но его правительственная программа тут же столкнулась с вотумом недоверия, так что понадобились новые выборы (3 апреля 1872 года).

Несмотря на их результаты (201 против 174 мест оппозиции), довольно благоприятные для правительства, начался распад революционного союза на различные группы. Нечего было больше и думать о нормальной работе правительства. Во время поездки короля для открытия кортесов на него больше никто не обращал внимания. «Его жизнь во дворце все больше походила на проживание в гостинице, где не устроишься окончательно и уютно, так как неизвестен час отъезда» (Лаузер).

Последние кабинеты во главе с Сагастой, Топете, Серрано и под конец снова с Руисом Соррильей (с июня

1872 года) оказались неспособны сохранить монархистский консенсус на основе согласованных в ходе Сентябрьской революции принципов. Со своей стороны, Амадей I не был готов ради стабильного правительства объявить утратившими силу конституционные гарантии и пойти, по совету Серрано, по пути государственного переворота. Положение же было достаточно серьезным. По приезде претендента Дона Карлоса в Испанию в мае 1872 года восстали карлисты. Акты насилия республиканцев показали, что и слева к перевороту готовились основательно. 18 июля 1872 года Амадею и королеве чудом удалось уцелеть при покушении, совершенном в самом сердце Мадрида, на Калле-дель-Ареналь.

Насколько отравлена была политическая атмосфера, показывают слухи о том, что нападение было инсценировано самим королем и правительством, чтобы воспользоваться спонтанным сочувствием народа. И вновь надежды возлагаются на новые выборы в кортесы (24 августа 1872 года). Вследствие очень низкой активности избирателей радикалы получили неожиданное, но обманчивое большинство (294 места). И то, что среди 191 депутата нашлось только 46, которые пожелали возложить ему на голову корону, должно было показаться Амадею зловещим предзнаменованием.

В действительности с того момента правил персонализм. Карлистскую войну — третью по счету — предотвратить не удалось. Республиканцы собрались под своими черными знаменами. Манифесты консервативного лагеря требовали реставрации Бурбонов. Казалось, шла война всех против всех.

С осени 1872 года король лишь искал удобного случая, чтобы с достоинством выйти из игры. Такой миг настал в начале 1873 года в связи с одним скорее

второстепенным обстоятельством. Речь шла о распу-
щенном вследствие нарушения субординации артил-
лерийском офицерском корпусе. Король, верный Кон-
ституции, которой он присягал, подписал утвержден-
ный министерством соответствующий декрет и тем
самым противопоставил себя большей части военных-
прогрессистов. Своей подписью он скрепил конец
партийной коалиции 1868 года, на которой покоилась
его королевская власть. В обращении с отречением к
Конгрессу 11 февраля 1873 года Амадей отказался за
себя, своего сына и своих потомков от короны Испа-
нии: «Я признаю, что обманулся своей доброй волей.
Два долгих года носил я корону Испании, и Испания
жила в постоянной борьбе, и ежедневно на ее глазах
время мира и счастья, которого я так страстно желал,
все отдалялось и отдалялось». Когда рано утром сле-
дующего дня Амадей и Мария Витория со своими
детьми и всего несколькими спутниками отправились
в Лиссабон, республика уже была провозглашена.

Королевский принц

Амадей вернулся к своей прежней жизни и вновь
принялся за исполнение своих армейских и придвор-
ных обязанностей так, словно его испанское правле-
ние было лишь дурным сном. Если и он вспоминал об
Испании, то, возможно, стихами старинного народно-
го романа о короле Родриго: «Ayer era rey de Espana,
hoy no lo soy de una villa» (вчера был я королем Ис-
пании, сегодня я не правлю даже городком). Гордый,
происходящий со времен рыцарей-крестоносцев девиз
Савойского дома «F.E.R.T.», то есть: «тот, кто несет
крест», исполнился для него в трагическом смысле.
8 ноября 1876 года он потерял жену, павшую жертвой
эпидемии гриппа. Его траур перешел в затяжную бо-

лезнь, тяжелую и изнурительную. На поздних портретах это человек, вид и взгляд которого выдают меланхолию и покорность судьбе. Он прожил жизнь, самоотверженно исполняя свои обязанности: отца, беспокоившегося за воспитание своих детей, кадрового военного и королевского принца, официально представлявшего политически и экономически окрепшее Итальянское королевство.

В 1878 году Амадей принимал участие в похоронах эрцгерцога Франца Карла, отца императора Франца Иосифа I. Ездил он и на Парижскую Всемирную выставку, где вновь встретился с бывшей испанской королевой Изабеллой. Когда на вежливый вопрос, спрашивается ли Альфонс XII в Испании, Амадей получил положительный ответ, со свойственной ему иронией бывший король заметил: «Удивительно, ведь у него те же министры, что были у меня!»

Второй брак Амадея, заключенный в возрасте 43 лет, после совершеннолетия его сына от первого брака, длился лишь чуть дольше, чем его правление в Испании. Известие о его смерти не всех оставило равнодушными в Испании. Память воздала ему ту справедливость, которой он не удостоился, пребывая на троне. Великий испанский романист Перес Гальдос вынес эфемерному правлению Амадея такой приговор: «Он делал, что мог; во всех своих действиях был беспристрастным и руководствовался доброй волей. Амадей Савойский был примером рыцарства, отважным, без фальши, простым в своих привычках, больше военным, чем политиком». Перед его памятником в туринском Парко-дель-Валентино, созданном Давидом Каландра, посетитель мог бы вспомнить, что Амадей — и таково его историческое значение для Испании — ввел конституционную монархию.

Сусана Суэйро Соане

АЛЬФОНС XII (1874–1885)

Альфонс XII, род. 28.11.1857 г. в Мадриде, король Испании с 30.12.1874 г. Скончался 25.11.1885 г. в Мадриде, погребен в королевском пантеоне в Эскориале.

Отец: официально Франсиско Асисский (1822–1902), принц-консорт королевы Изабеллы II, фактически достоверно не установлен, возможно, капитан Энрике Пуигмольто, один из многочисленных любовников королевы. Мать: Изабелла II (1830–1904), королева Испании (1833–1868), с 1843 г. правящая королева. Братья и сестры: Изабель (1851–1931); Мария дель Пилар (1861–1879); Мария де ла Пас (1862–1946); Эулалия (1864–1958).

Женитьба на Марии де лас Мерседес Монпансье (1860–1878) 23 января 1878 г., инфанте Испанской, кузине Альфонса XII, дочери Антуана Орлеанского, герцога Монпансье и инфанта Испании, и Луизы Бурбон, инфанты Испании; второй брак с Марией Кристиной, эрцгерцогиней Габсбург-Лотарингской (1858–1929) 29 ноября 1879 г., дочерью эрцгерцога Карла Фердинанда и эрцгерцогини Елизаветы Австрийской-Эсте (1886–1902 гг. регентша королевы Марии Кристины).

Дети: Мария де лас Мерседес (1880–1904); Мария Тереза (1882–1912); родившиеся после его смерти: Альфонс XIII (1886–1941), король Испании (1886–1931).

Развитие Альфонса XII до его вступления на трон

Первые детские годы Альфонса XII протекли без потрясений. Он страдал от плохих отношений своей матери Изабеллы II с ее супругом, с которым они уже давно жили раздельно. Юному принцу было известно, что принц-консорт не был его настоящим отцом. Его это мучило так же, как и то обстоятельство, что о многочисленных внебрачных связях его матери было известно не только в политических и придворных кругах, но и общественности; они даже стали темой карикатур в мадридской прессе. Еще в раннем возрасте Альфонс демонстрировал признаки большой зрелости. Важная перемена в его жизни наступила незадолго до того как ему исполнилось одиннадцать лет: после того, как в сентябре 1868 года в Испании разразилась революция, ему с матерью пришлось отправиться в изгнание в Париж.

Но одновременно с началом революции возникло также монархистское движение за будущее возведение принца Альфонса на трон. Королева Изабелла II была дискредитирована как личность и как правительница. Скрепя сердце, она в конце концов объявила, что отказывается от претензий на трон, и 25 июня 1870 года в парижской ссылке отреклась в пользу своего сына Альфонса. С этого момента поддерживавшее Альфонса монархистское движение разделилось. По одну сторону находилась дворцовая камарилья, следовавшая за королевой в изгнание. Обуреваемые чувством

места, они мечтали о государственном перевороте и желали сиюминутного восстановления монархии Бурбонов. По другую сторону стоял яркий политик, бывший министр и видный историк Антонио Кановас дель Кастильо, выступавший за постепенное обеспечение движению за принца Альфонса прочной политической базы путем привлечения к нему широких народных масс. Он больше всего хотел, чтобы реставрация была не навязана, но истребована большинством населения страны.

Образование Альфонс получал в различных европейских высших учебных заведениях и в военной академии за рубежами Испании. Знакомство с другими европейскими странами и с отличными от испанской политическими системами имело большое значение в формировании его личности.

В Париже он поступил в школу Станислава, где отличился удивительной памятью, языковыми способностями (он скоро овладел английским и французским), наблюдательностью, чувством солидарности и любовью к спорту. Особенно увлекался принц верховой ездой, фехтованием и стрельбой из карабина и пистолета. Его инструктором был бывший бургомистр Мадрида, Пепе Альканьисес, герцог Сесто, человек образованный и крупный землевладелец с огромнейшим состоянием. Он был душой и телом за план Кановаса, с которым поддерживал постоянные и тесные контакты. Этому проекту он посвятил всю свою энергию и большую часть своих богатств. Из-за долгов, сделанных ради дела Альфонса, он даже попал впоследствии в экономические затруднения.

Во Франции принц долго не задержался. После поражения у Седана и вступления прусских войск в Париж королевской семье вновь пришлось пуститься в бег. Первоначально переселились в Швейцарию, в

Женеву, откуда решено было послать принца в Вену. За три проведенных там года Альфонс выучил немецкий язык.

От пребывания в Вене у него остались самые лучшие воспоминания. Там ярко проявилась его огромная любовь к спорту, театру и музыке. Впрочем, хорошего слуха у него не было и, по признанию биографов, оперу он посещал главным образом, чтобы понаблюдать за красивыми певицами. В официальных мероприятиях и жизни императорского двора принц участия не принимал и вел весьма скромный образ жизни, так как королевская семья испытывала в изгнании экономические трудности.

В 1873 году Кановас получил от Изабеллы II полномочия представлять дело ее сына. Он стал бесспорным главой *альфонсизма*, объединявшего не только консерваторов, но и разочаровавшихся в революции. Количество последних увеличивалось по мере того, как замыкалась в себе политика «революционного шестилетия». Ряды приверженцев принца Альфонса пополнялись представителями высших слоев испанского общества — банкиров, крупных землевладельцев, промышленников и кубинских плантаторов испанского происхождения, а также представителями среднего класса, истосковавшимися по миру и порядку. В течение шестилетия движение за Альфонса, благодаря умелой пропаганде, еще шире распространилось по стране. Была не только запущена систематическая кампания в прессе, но были основаны казино, клубы и кружки друзей Альфонса, тесно связанные с колониями, Кубой и Пуэрто-Рико, и поэтому представлявшие антильские интересы.

По настоятельной просьбе Кановаса, вознамерившегося воспитать будущего короля в стране с конституционными традициями, летом 1874 года принц Аль-

фонс был послан в Англию, где поступил в престижную военную академию Сандхерст. Ее выбрали вместо военной академии Вулиджа, в которой обучался сын Наполеона III, принц Луи Наполеон, поскольку английское правительство не желало допустить встречи обоих принцев. Впрочем, это совпадало и с намерениями Кановаса, так как тот не хотел создать впечатления, что дело Альфонса как-то связано с французской империей, дни которой он справедливо считал сочтенными⁶².

В военной академии предполагалось воспитать из принца солдата, в котором можно было бы видеть воплощение всей армии, как только он станет королем и раз и навсегда покончит с вмешательством военных, ставшим со времен Изабеллы II традицией. Кановас совершенно ясно себе представлял, что при Альфонсе монархия должна будет опираться на гражданскую власть и навсегда отказаться от пронунсиаменто (военных путчей) как политического инструмента. Поэтому король Альфонс XII должен был стать солдатом и королем, верховным главой, стоящим над партиями армии.

Принц Альфонс был в восторге от своего военного образования. В ту пору это был стройный молодой человек, невысокого роста, хорошо сложенный. Все биографы единодушно признают его красноречивым и блестящим оратором. От своей матери он унаследовал непринужденный юмор, хотя и с более ироничным оттенком. Веселый, открытый и сердечный характер — он даже был склонен к болтливости — быстро завоевал ему симпатии народа.

Между принцем Альфонсом и Кановасом установились гармоничные отношения. Хотя последний не излучал шарма, он вызывал удивление и уважение, и оба этих качества привлекали к нему принца Альфонса,

который всегда принимал его предложения и прислушивался к его поучениям. Кановас решительно вмешивался в жизнь Альфонса и самым пристальным образом следил за его действиями, даже за дружескими и любовными связями. Со своей стороны, он был с самого начала очарован принцем. Крупный политик из Малаги хотел ввести в Испании монархический режим, ибо считал монархию институтом, неразрывно связанным с историей Испании. Все же он хотел также, чтобы новая монархия, пусть даже бурбонская, разительно отличалась от изабеллинской. Вначале сдержанный, принц Альфонс быстро увлекся проектом и понял, — совсем по-иному, чем представляла себе его мать, — что проектируемая монархия не будет простым продолжением предшествующей, но предельно открытая и вызванная к жизни широким консенсусом должна будет преодолеть прошлое. «Я нечто совершенно новое», — писал он своей матери в письме.

Принц Альфонс очень скоро заявил о своих либеральных убеждениях и желании стать конституционным монархом. 1 декабря 1874 года, по поводу своего семнадцатого дня рождения, он, в ответ на пожелания счастья, сделал ставшее известным как «Сандхертский манифест» заявление, текст которого подготовил Кановас вместе с другими выдающимися деятелями *альфонсизма* и которое было распространено всей национальной и европейской прессой. В этом манифесте принц Альфонс подтверждал, что после получения короны поведет себя как хороший католик, но в то же время как человек своего века, будет по-настоящему либеральным монархом. То, что он одновременно представлял себя католиком и либералом, многим испанцам показалось противоречием, на что с тонкой иронией указал и романист Бенито Перес Гальдос.

Король Альфонс XII

Но Альфонсу XII удалось внутри установленных Кановасом политических рамок достичь того, чтобы католицизм и либерализм не исключали один другого. Он и в самом деле был либерально-католическим королем. Разумеется, своей властью он был обязан именно тому механизму, который Кановас хотел искоренить. Нетерпеливые военные поспешили утвердить новую монархию с помощью очередного пронунсиамента. Военный путч, возглавленный генералом Арсенио Мартинесом Кампосом, произошел 29 декабря 1874 года в окрестностях Сагунто, близ Валенсии. Номытежные военные сразу же передали власть Кановасу как официальному представителю короля. Хотя Кановасу больше по душе было бы, если бы реставрация пошла по строго конституционному пути, он был вынужден признать, что 30 декабря Альфонс XII смог без кровопролития стать королем.

В Испанию Альфонс XII прибыл 9 января 1875 года, а 14 января въехал в Мадрид. Его мать продолжала жить в Париже, где любовными связями постоянно вызывала скандалы, о которых сообщала местная пресса. Ее муж, с которым она давно разошлась, вел вместе со своим советником и предполагаемым любовником Антонио Рамосом де Менесесом собственную жизнь. Эти необычные семейные отношения были для Альфонса постоянным источником огорчения.

Ровно через пять дней после своего приезда Альфонс XII встал во главе либеральной, или «альфонистской», армии на борьбу против вооруженных карлистов. На полуострове в самом разгаре была гражданская война, третья карлистская, разразившаяся в течение того короткого промежутка времени, когда испанский трон принадлежал Амадею Савойскому. К

тому моменту, когда Альфонс был провозглашен королем, *карлисты* удерживали крепкие позиции в Арагоне, Каталонии, районе вокруг Валенсии, некоторых центральных местностях полуострова и прежде всего на севере баскской провинции и в Наварре, где *карлистскому* претенденту, Дону Карлосу, кузену Альфонса XII, который именовал себя Карлом VII, удалось создать относительно хорошо функционировавшее мятежное государство.

В последних эпизодах войны Альфонс XII принял личное участие. В марте 1876 года популярным народным героем он победоносно вернулся в Мадрид, тогда как Дон Карлос отправился в изгнание. Без сомнений, мужественное поведение короля, его решимость и хладнокровие — однажды он попал в серьезную переделку в результате неожиданного нападения отряда *карлистов* — способствовали повышению его престижа, совсем как того желал Кановас. Отныне монарху суждено было носить прозвище Миротворец (Rey Pacificador).

Полное поражение карлизма стало первым значительным достижением новой монархии. Альфонс XII на всем протяжении своего правления и в самом деле был миротворцем. Оно совпало с первой, консервативной фазой эры реставрации Бурбонов, отмеченной печатью личности Кановаса. При Альфонсе XII удалось покончить с состоянием войны и тем самым с тягостным наследием эпохи шестилетия. После победы над *карлистами* в феврале 1878 года также был заключен Санхонский мир, означавший важную передышку в длительной, жестокой и разорительной колониальной войне с Кубой.

Альфонс XII сыграл выдающуюся роль в международных отношениях своей страны, хотя в результате победы пруссаков над Францией и союзов Бисмарка

политические возможности в Европе были весьма ограничены. Благодаря Кановасу испанская внешняя политика несла на себе отпечаток «сосредоточенности». В 1883 году король предпринял поездку по Европе, которая не обошлась без инцидентов. При посещении Австрии и Германии Альфонс принял участие в блестящих маневрах. Увлечшись, он опрометчиво позволил себе публично и в яркой форме выразить свое восхищение армиями обеих держав, что вызвало сильное раздражение Французской республики. После этого испанское правительство отсоветовало королю продолжать путешествие в Париж, так как опасались плохого приема. Но Альфонс XII не счел уместным отказываться от предусмотренного маршрута. После визита к Леопольду II Бельгийскому он прибыл во французскую столицу, где действительно был встречен враждебно настроенными демонстрантами, на что, впрочем, отреагировал невозмутимо и с достоинством.

Намного умнее повел он себя в инциденте с Германией из-за Каролинских островов. Предотвратить войну помогли его личные отношения с германским императором, а третейская миссия папы Льва XIII завершилась признанием испанского суверенитета над Каролинским архипелагом.

Во время правления Альфонса XII в Испании утвердился новый политический строй, известный как «реставрационная система», или «кановастистская», по имени ее создателя. С помощью монархии Альфонса XII Кановасу удалось дать Испании, после шести беспоконных лет революционного периода, либеральную систему, которая хотя и не была демократической, но отличалась стабильностью и долговечностью. Возведенному Кановасом политическому зданию суждено будет просуществовать полстолетия, и даже после

интерлюдии диктатора Примо де Риверы (1923–1930) продолжить существование до провозглашения в 1931 году Второй республики.

Речь шла о либеральной монархии, либерализм которой был, однако, приспособлен к существовавшему общественному строю. Кановасу хватило времени существенно расширить политическую базу, на которую опирался новый режим. Прав лишились только карлисты и левые республиканцы. Кановас принимал сотрудничество всех, кто, несмотря на свое революционное прошлое, в конце концов признал бурбонскую реставрацию. Тогда как старые «умеренные партии» были исполнены реваншистского духа, Кановас стремился к национальному примирению и согласию. Чтобы достичь этого, он создал собственную партию, либерально-консервативную, которая впоследствии стала называться просто консервативной. Однако он был весьма далек от того, чтобы выдвигать притязания на исключительность своей партии, и делал все возможное, чтобы дать возможность оппозиции со своей стороны конституционными, не военными средствами завоевать власть. Оппозицию же вскоре стала представлять либеральная партия *фузионистов*, которая позднее называлась просто либеральной партией и которая сформировалась под председательством Праксидиса Матео Сагаста, блестящего политика времен шестилетия.

8 февраля 1881 года Сагасте впервые в реставрационную эпоху удалось прийти к власти, причем с полного согласия Кановаса, который ушел в отставку. Так произошел согласованный переход власти, которому суждено будет стать характерным для *кановаистской* системы, т. е. мирной ротации двух партий власти, которая получит определение «династическая смена». Кановас, большой поклонник английской двух-

партийной системы, хотел ввести ее и в Испании, чтобы стабилизировать монархию. Но подобная стабильность основывалась не только на соглашении между либеральной и консервативной партиями о попеременном участии в правительстве, но и на подтасовке выборов, помогавшей победить той партии, которая претендовала на власть.

Обе партии, сменявшие друг друга у власти, были ничем иным, как олигархическими группами касиков — крупных земельных собственников, городских домовладельцев, банкиров, состоятельных торговцев и преуспевающих представителей свободных профессий. Таким образом, речь шла о партиях «уважаемых персон», касикизме. Разумеется, это не означало систематического насилия и угнетения избирателей для достижения желаемых результатов. Без сомнений, в *касикизме* содержался элемент принуждения, но его не следует преувеличивать⁶³. Олигархическая система реставрационного периода действовала главным образом благодаря политическому безразличию и апатии избирателей. Население Испании этой эпохи было преимущественно сельским и имело низкий уровень культуры и цивилизации при высокой доле безграмотных. По сравнению с остальными европейскими странами, Испания была экономически неразвитой страной со значительным отставанием в индустриализации. Рабочее движение находилось в зародыше и по большей части было заражено анархистскими идеями. Исповедовались «прямые действия» или, другими словами, насилие. Сам король Альфонс XII дважды становился объектом нападений, в 1878 и 1879 годах, но оба раза все кончилось для него благополучно. Террористы, в обоих случаях молодые рабочие, были казнены. На его сына, Альфонса XIII, также позднее будет совершено несколько покушений.

В задуманной Кановасом системе у короля были широкие прерогативы, прямо обусловленные Конституцией 1876 года. Данная конституция, дольше других продержавшаяся в испанской истории XIX столетия, знаменовала возврат к той либеральной теории конституционного права, которая нашла свое выражение в умеренной Конституции 1845 года. Основным принцип этой либеральной Конституции заключался в «разделении суверенитета между кортесами и королем» вместо «национального суверенитета», составлявшего ядро конституционных идей шестилетия. Правом издавать законы наделялись как кортесы, так и король. Сверх того, король мог влиять на состав кортесов, так как назначал сенаторов и обладал правом вето. Правительство не могло внести законопроект, если в течение его регислатуры король уже отказался подписать другой закон, касающийся того же предмета.

Короне, таким образом, в *кановаистической* системе отводилось весьма важное место. Король не только назначал правительство, но и пользовался правом его роспуска и объявления выборов. В сущности, система состояла в том, что каждый раз одна из двух партий на определенный период, который мог колебаться между двумя и пятью годами, формировала правительство, а король при этом назначал премьер-министром председателя другой партии. После этого распускались кортесы, и новая, уже находящаяся у власти партия готовила выборы — она «делала» их, как тогда говорили, и путем манипуляций выборами всегда получала большинство.

Впрочем, из-за ранней кончины у Альфонса XII не хватило времени, чтобы запустить данную систему в действие, и за его преемницей на троне, второй супругой Марией Кристиной, осталось право в течение регентства до совершеннолетия их сына, Альфонса XIII,

широко пользоваться теми прерогативами, которыми наделяла корону Конституция.

Браки и романы короля

Со своей первой супругой и кузиной, Марией де ла Мерседес, Альфонс вступил в подлинный брак по любви (23 января 1878 года). Кановас, вероятно, охотнее отдавший бы предпочтение принцессе из какого-нибудь правящего дома, на удивление, не воспротивился, видимо, учитывая то преимущество, что такой союз помог бы улучшить плохие отношения между двумя ветвями королевской фамилии. Альфонс женился против воли своей матери: Мерседес была дочерью именно того Антуана Орлеанского, который постоянно заявлял претензии на испанский трон, в 1868 году составлял заговоры против Изабеллы и участвовал в финансировании революции. Кроме того, на дуэли он убил брата принца-консорта. Но уже через полгода после свадьбы, 26 июня 1878 года, Мерседес умерла от тифа в возрасте восемнадцати лет.

После ее смерти Альфонсу показался необходимым новый брак, который должен был обеспечить престолонаследие. Безутешный вдовец предоставил Кановасу подыскать новую супругу. Последний выбрал (возможно, не без влияния Изабеллы II) Марию Кристину Австрийскую, дочь эрцгерцога Карла Фердинанда (одного из внуков императора Леопольда II) и Елизаветы Австрийской-Эсте.

Хотя принцесса и происходила из знати, ее семья принадлежала к бедным родственникам самого важного императорского дома в Европе. Приданое ей выделил сам император Франц Иосиф. Не будучи красавицей, она, тем не менее, отличалась хорошими манерами, тактом и образованностью. Она была умна,

прилежна и обладала обширными знаниями по философии, истории, экономике, литературе и языкам. Женился Альфонс 29 ноября 1879 года. Женой своей он восхищался, но не любил ее. Со своей стороны, она была очень в него влюблена, хотя брак был чисто династическим. Свои чувства она никогда публично не демонстрировала. Благодаря своему необычайному самообладанию ей удавалось подавлять ревность при частых любовных романах супруга. Она, как считал Альфонс, умела держать себя в руках.

Особую радость королю всегда доставляли публичные представления, будь то театр или бой быков, гуляние или королевская охота. Но больше всего его привлекали ночные приключения амурного свойства. Его любовные похождения были у всех на устах, но, как писал известный историк: «В стране Дон-Жуана слава сердцееда приносит больше пользы, чем вреда»⁶⁴.

Одной из его возлюбленных, итальянской оперной певице Адела Борги, по настоянию Кановаса, даже пришлось покинуть страну и порвать с королем отношения, получившие непомерно широкую огласку. Но этим наперсник короля добился лишь того, что свою страсть Альфонс XII направил на оперную певицу Елену Санс, которая стала его фавориткой. Ее музыкальную карьеру финансово поддерживала Изабелла II, питавшая к ней большую симпатию. У нее было два сына от Альфонса, что было известно не только в придворных кругах, но и широкой общественности. Об этом знала также и Мария Кристина, но ее попытки удалить Елену из Испании оказались тщетными.

Болезнь и смерть Альфонса XII

Несмотря на свою большую любовь к жизни, Альфонс XII еще с раннего детства страдал болезнью,

вызвавшей его преждевременную смерть — туберкулезом. Каждую зиму кашель, катар и лихорадка приковывали его к постели. Однако подлинный диагноз так и не был поставлен и соответственно болезнь не лечили. Во время похода против карлистов на севере страны в 1876 году король слег с высокой температурой, открылось кровохарканье. Кановас понял, что за этим скрывалось. Но лишь в 1883 году общественность официально узнала о недуге короля. Даже тогда все, включая самого монарха и врачей, думали о том, чтобы скрыть болезнь и старались не замечать ее неумолимого прогрессирования. В 1884 году курс лечения на водах в Бетелу в Наварре принес облегчение, так что в течение нескольких месяцев Альфонс мог вести вполне нормальную жизнь и участвовать в таких официальных актах, как торжественное открытие здания крупного культурного учреждения, Мадридского Атенеума, и закладка банка Испании.

Критическое состояние здоровья Альфонса XII дополнительно придало его образу, уже без того вызывавшему симпатии общественности, романтическую и сентиментальную привлекательность. Уже будучи тяжело больным, зимой 1884 года он, ценой чрезвычайных физических усилий, посетил опустошенные сильным землетрясением районы Андалусии. Раньше, в октябре 1878 года, он навестил жертв паводка в Мурсии и продолжал делать это до самой смерти. Летом 1885 года, уже превратившись из-за болезни в скелет, он поспешил на помощь жертвам ужасной эпидемии холеры, унесшей в Кастилии и Андалусии более 100 000 жизней. Невзирая на запрет Кановаса, король в сопровождении одного из своих адъютантов отправился на вокзал и поездом уехал в Аранхуэс, одно из наиболее сильно пострадавших мест, где посетил больницы, чем вызвал восхищение общественного мнения.

Умер король 25 ноября 1885 года в дворце Пардо. Он надеялся, что чистый горный воздух улучшит его состояние. Его бранные останки были перевезены в мадридский королевский дворец, где были выставлены в подсвеченном катафалке. 29-го его тело было погребено в королевском пантеоне в Эскориале.

Регентство Марии Кристины

Согласно действующей Конституции супруга Альфонса XII после его смерти автоматически становилась регентшей. Несмотря на свою молодость, политическую неопытность и положение иностранки, Мария Кристина самоотверженно взялась за свою задачу, не забывая и об осмотрительности. Благодаря выдержке ей в конце концов удалось приспособиться к жизни в Испании. Она из всех сил стремилась усвоить испанскую культуру и традиции и даже притворялась, что в восторге от боя быков, к которому в действительности питала отвращение.

Во время регентства укрепилась и стабилизировалась система реставрации, которой после смерти Альфонса XII пришлось выдержать трудное испытание. Кановас и Сагаста встретились за несколько часов до смерти монарха и пришли к единому мнению о том (некоторые историки говорят в этой связи о «пакте Пардо»), что вопрос о престолонаследии необходимо решить мирно. Оба политика, как председатели «династических» партий, должны были стать главными политиками правительства регентства. Королева Мария Кристина вскоре отдала предпочтение Сагасте, который, в свою очередь, питал к ней большое уважение. Отношения между королевой и либеральным политиком всегда определялись обоюдной сердечной симпатией.

На этом втором этапе реставрации раскрылись некоторые принципы прогрессивного либерализма, например, введение суда присяжных и всеобщее избирательное право. Либерализм принес также право граждан объединяться в общественные организации, что было характерно и важно для эпохи, в которую развивалось рабочее движение и возник испанский социализм марксистского толка, в особенности в Стране Басков и Каталонии, где уже полным ходом шла индустриализация.

Хосе Мария Марин Арсе

АЛЬФОНС XIII **(1902–1931)**

Альфонс XIII, род. 17.05.1886 г. в Мадриде от второго брака своего отца, Альфонса XII, уже после его смерти. В день своего рождения был провозглашен королем (до 1902 г. регентство). 17.05.1902 г. коронован, с 14.04.1931 г. — в эмиграции. Умер 8.02.1941 г. в Риме, погребен там же в испанской церкви Монсерра. 19.01.1980 г. останки перевезены в Испанию и похоронены в королевском пантеоне в Эскориале.

Отец: Альфонс XII (1857–1885), король Испании (1874–1885). Мать: Мария Кристина Габсбург-Лотарингская (1858–1929), австрийская эрцгерцогиня. Братья и сестры: Мария де лас Мерседес (1880–1904); Мария Тереза (1882–1912).

Женитьба на британской принцессе Виктории Евгении Баттенбергской (1887–1969) 31.05.1906 г. в Мадриде.

Дети: Альфонсо (1907–1938), принц Астурийский; Хайме (1908–1975); Беатрис (1909); Мария Кристина (1911–1996); Хуан (1913–1993), после отказа его обоих братьев от династических прав с 1933 г. принц Астурийский, с 15.01.1941 г. после отречения Альфонса XIII в его пользу — наследник престола и глава дома Бурбонов; Гонсало (1914–1934).

Юный король

Альфонс XIII воспитывался под непосредственным надзором двух женщин: своей матери, королевы Марии Кристины, и ее тети, инфанты Изабель, которые оказали сильное влияние на развитие его личности. Без сомнения, они покровительствовали своевольно-му характеру юного Альфонса, который уже с раннего детства демонстрировал барские замашки. Будущий король рос в строгой и чопорной атмосфере, пропитанной сильным клерикальным духом и практически огражденной от внешних веяний. В отличие от отца, во время своей ссылки учившегося в Вене и Англии, Альфонс XIII вырос в Испании и обучался коллективом избранных учителей. В большинстве своем это были военные, дворяне и священники. Все же по ходу своего правления ему удалось прорвать эту изоляцию. Он часто выезжал за границу и укреплял отношения с другими европейскими странами, особенно, после женитьбы на Виктории Евгении, — с английским двором.

Несмотря на крайне элитарное воспитание, значительно изолировавшее его от окружающего мира, после коронации Альфонс XIII показал себя в высшей степени либеральным, готовым к обновлению, по-европейски мыслящим монархом. Его тетка, инфанта Эулалия, в своих «Мемуарах» писала: «Его главная заслуга и доказательство его таланта состоит в том, что он преодолел свое воспитание и сумел стать либералом, хотя вырос среди тех, кто всегда с ним соглашался, и подвергался нездоровым влияниям, на основании которых он, собственно говоря, должен был бы стать автократом».

Не будучи авторитарным монархом, он, однако, умел справляться с парламентским либерализмом. Впрочем,

отмежеваться от диктатуры генерала Примо де Ривера и открыть страну для демократии ему все же не удалось. Возможно, это отчасти объясняет падение в 1931 году монархии и пожизненную ссылку короля.

Хотя интеллектуалом Альфонса XIII не назовешь, можно с полной уверенностью утверждать, что это был просвещенный, культурный монарх-полиглот. Он блестяще владел немецким, французским, английским и итальянским языками. Но все же главным его страстием были занятия различными видами спорта (прежде всего верховой ездой, парусным спортом и автогонками). У него были очень хорошие физические данные. По утверждению одного из биографов, он был «строен, но мускулист, без лишнего жира, широкогрудый и волосатый, как можно было бы догадаться по его белокурой внешности, однако его усы были всего лишь жалкими волосяными кисточками, напоминавшими два острых мышинных хвостика»⁶⁵.

Когда в 1902 году началось правление Альфонса XIII, еще не затянулись раны, нанесенные потерей последних колоний: Кубы, Пуэрто-Рико и Филиппин. Кризис конца века вызвал бурную реакцию группы интеллектуалов и политиков на общую отсталость страны. Было предложено ориентироваться на Европу, не отказываясь от национальных особенностей, и обновить политическую жизнь. Сам Альфонс XIII, которого называли монархом-новатором⁶⁶, стал одним из инициаторов этой политики и в многочисленных случаях противопоставлял королевскую Испанию будущему *официальной Испании*, в которой господствовали олигархия, хозяйничали клики местных заправил, «каси́ков», церковь и армия, пользовавшиеся громаднейшей властью. Не зря они образовывали хребет и опору системы правления скончавшегося в 1897 году бывшего премьер-министра Кановаса дель Кастильо⁶⁷.

Всего через три года после коронации Альфонс XIII уже столкнулся с первым институциональным конфликтом, возникшим в результате вмешательства армии в политическую жизнь. В ноябре 1905 года группа офицеров напала на редакцию газеты «La Veu de Catalunya», рупор сепаратистской каталонской партии Lliga. Речь шла о возмездии за серию статей и карикатур, которые опубликовали эта газета и еженедельник «Cut-Cut» и в которых армия подвергалась сатирическим нападкам и критике. Это событие не только повлекло за собой падение либерального премьер-министра Эухенио Монтеро Риоса, но и вызвало также в мае 1906 года принятие закона о судопроизводстве, который ограничил свободу слова и предоставил военным судам право в случае выражения наказуемых мнений, касающихся военных, вести соответствующие процессы. Этот закон нарушал предусмотренное Конституцией 1876 года единство юрисдикции и одновременно служил усилению корпоративного духа военных, равно как и их влиянию на политические институты, которое при случае даже могло привести к засилью военных. Король никогда не осмеливался выступать против военных, и те всегда могли рассчитывать на его поддержку, даже когда конфликт с правительством или политическими партиями происходил по их вине.

Другое событие, способствовавшее кризису системы и вынудившее монарха вмешаться, также касалось армии и прежде всего колониальной политики в Северной Африке. Общая оппозиция против марокканской войны нашла ярчайшее выражение в так называемой «трагической неделе» в Барселоне, в период с 26 по 31 июля 1909 года, в течение которой народные массы возмущались решением правительства послать части резервистов для обороны города Мелилла, ко-

торый яростно штурмовали рифские племена^{*}. Глубокая антипатия к армии и политике правительства в Марокко смешалась с социальным протестом и антиклерикальными чувствами значительной части жителей Барселоны. Поэтому перед королем встала серьезная задача: в нарушение практики согласованной ротации правительств заменить консервативного премьер-министра Антонио Маура либералом Сигизмундо Моретом, без чего правительственный кризис грозил еще более обостриться.

Ввиду яростной кампании, развязанной за границей против Маура и поддержанной большинством испанских партий, Альфонсу XIII не оставалось ничего другого, как пожертвовать этим консервативным политиком. Его сделали ответственным за казнь анархиста Франсиско Феррера Гардиа, без достаточных оснований обвиненного как зачинщика насильственных нападений во время «трагической недели». Такая позиция монарха, занятая им во избежание конфликта с половиной Испании и европейского мира, пришлась не по душе руководителю консерваторов. Он никогда не простил королю, что тот вмешался в дела правительства.

Как вмешательство монарха можно охарактеризовать также назначение в 1910 году премьер-министром либерала Хосе Каналехаса. Это было сделано без консультаций с Моретом или с Монтеро Риосом, двумя руководителями важнейших группировок внутри либеральной партии. Но, несомненно, налицо был блестящий выбор, доказавший дух обновления и прогрессивные настроения монарха. Альфонс не только оказал доверие этому политику реставрации, который с

^{*} Народ, населяющий Марокко (Рифская республика), противостоящий испанским завоевателям. — *Прим. ред.*

величайшим усердием добивался интеграции республиканцев и социалистов в политическую систему. Он также обеспечил в течение двух лет правления Каналехаса поддержку своей, весьма критикуемой церковью и армией реформаторской деятельности.

Чтобы лучше понять эту тягу короля к вмешательству, необходимо иметь в виду, что в сложной политической системе эпохи реставрации монарх занимал центральное положение и, как почти все его коллеги в Европе, обладал весьма широкой конституционной властью, а также важными полномочиями в военных делах и внешней политике, деля с кортесами суверенитет. Его главное влияние на политику, несомненно, базировалось на его решающей роли в формировании правительства, при котором он использовал так называемые «королевские prerogatives» для назначения и смещения главы правительства. Его целью при этом было облегчение согласованной смены правительства и «созыв» новых кортесов, в которых пришедшая к власти партия располагала бы достаточным для господства большинством.

Эта система, отводившая королю роль не посредника, но политического инструмента для формирования правительства, сильно подчиняла правительство монарху и поддерживала склонность короны к вмешательству во внутрипартийные дела. Во время правления Альфонса XIII вмешательство в правительственные дела происходило довольно часто. Примером может служить вынужденная отставка в 1909 году Маура, давление, оказываемое короной в вопросах армии и внешней политики, неоправданно частое создание без сотрудничества с парламентом «концентрационного правительства» в период с 1918 по 1923 год и необоснованные возражения Альфонса XIII против либеральной «концентрации» в 1922 и 1923 году. Во время кри-

зиса реставрационной эпохи династические партии начали распадаться на множество фракций. В большинстве случаев именно королю при этом предстояло решить, какой из либеральных или консервативных группировок передать правительственную ответственность. И неизменно Альфонс попадал в затруднительное положение, вызывавшее враждебные реакции обделенных политических группировок. Вдобавок его обвиняли во вмешательстве во внутренние дела и в предпочтении, отдаваемом одним кандидатам в ущерб другим, так как предполагалось, что назначенный глава правительства также должен взять на себя партийное руководство. Так было, например, в 1913 году при назначении Датоса вместо Маура или при назначении графа Романонеса на место Мануэля Гарсия Прието в том же году.

Кризис парламентской системы

После того как не стало обоих партийных вождей, Кановаса и Сагасты, поддерживавших систему согласованной смены правительства, начался медленный процесс внутренней дезинтеграции династических партий. Для некоторых историков⁶⁸ примерно к 1913 году распад исторических партий уже осуществился. Но, возможно, правильнее было бы сказать, что с этого года медленно и поступательно ухудшалась практика смены правительства. Причиной тому был внутренний раскол либеральной и консервативной партий, распавшихся на многочисленные группы или «политические семьи», и в постепенной потере взаимопонимания между Кановасом и Сагастой. Согласие исчезало в той мере, в какой другие, неинтегрированные в систему силы — прежде всего республиканцы и социалисты — крепили и требовали своей доли власти.

Все это происходило на фоне тяжелого международного положения, далеко не лучшей экономической конъюнктуры, крупномасштабных общественных конфликтов, постоянного вмешательства армии в политическую жизнь и все еще тлеющей марокканской проблемы.

Тогда как в Европе первая мировая война активно вмешивалась в развитие политической жизни и в значительной мере способствовала перестройке партийных систем, на положение в Испании, остававшейся нейтральной, влияние оказывал не столько сам военный конфликт, сколько его экономические последствия. С одной стороны, имел место значительный рост некоторых отраслей промышленности с непривычным накоплением капитала и окончательное утверждение капитализма, с другой стороны, в период с 1915 по 1918 годы произошел тяжелый продовольственный кризис, затронувший широкие массы населения, а по окончании войны в 1918 году наблюдался резкий рост цен и падение производства. В этом также кроется причина активизации и радикализации борьбы рабочих, высшей точкой которой стали всеобщая забастовка 1917 года и так называемое «большевистское трехлетие» (1918–1921), навлекшие много бед на каталонский промышленный и андалусский сельскохозяйственный пролетариат.

Ярким примером тяжелого экономического положения и даже бедствия, постигшего большую часть страны, может служить ситуация в Лас-Урдесе, небольшой, крайне бедной области Эстремадуры, которую король посетил в 1922 году. Поездка вызвала сильный резонанс общественного мнения, и не столько потому, что современная пресса подробно сообщала о посещении, но потому, что многочисленные иллюстрированные репортажи привлекли внимание к чрезвычайно бедственному положению местного населения: люди здесь жили в полной изоляции, как в доисто-

рические времена. По завершении своего путешествия король потребовал план улучшения жизненных условий проживавших там людей. В его разработке принимали участие инженеры, журналисты и врачи и, в частности, доктор Грегорио Мараньон. Сам король основал «Фонд Лас-Урдес» с целью строительства домов, прокладки дорог и возведения сооружений для обеспечения питьевой водой, а также для улучшения гигиенических условий и возможностей образования. Было открыто приблизительно двести школ, в район были посланы врачи и медсестры, взявшие на себя базовое медицинское обслуживание населения.

Положение короля во время первой мировой войны было необычайно тяжелым, так как у него были родственные отношения и с монархиями стран Центральной Европы, и с английской короной. Однако Альфонс XIII сумел не устоять перед семейными влияниями и не уступил попыткам втянуть его в войну. Его активная гуманитарная деятельность, которой обязаны своим освобождением множество военнопленных с обеих сторон, и отношения с другими европейскими дворами подчинялись принципам строгого нейтралитета. Впрочем, это не помешало возникновению напряжения между королем и чередой правительств по вопросу интерпретации нейтралитета и ведения внешней политики.

После кризиса 1917 года, когда был созван съезд парламентариев и создан Национальный совет обороны и когда в августе дело дошло до всеобщей забастовки, изоляция монархического режима, недостаточная репрезентативность партийной системы и неспособность находящихся у власти правительств справиться с высоким социальным конфликтным потенциалом становились все очевиднее. Вместе с тем военные все чаще вмешивались в политическую жизнь страны и

тем самым создавали серьезную угрозу парламентской системе. В этой связи следует указать на то обстоятельство, что последние правительства эпохи реставрации для успокоения социальных конфликтов слишком часто использовали армию. Это благоприятствовало подчинению политической власти военным институтам.

Но фактор, непосредственно вызвавший мятеж военных, был тесно связан с марокканской войной. Новогодняя катастрофа 1921 года была сильным ударом по престижу военных. Она еще более усугубилась после обнародования доклада возглавляемой генералом Пикассо следственной комиссии и последующих процессов против многих высших командиров и офицеров, на которых была возложена ответственность за события августа 1921 года. Реакция военных была стремительной, и небольшая группа под руководством генерала Мигуэля Примо де Ривера 13 сентября 1923 года совершила государственный переворот.

Предположения, что король играл решающую роль в этом государственном перевороте, не подтверждаются новейшими и обильно документированными исследованиями. Установлено, что монарх не подстрекал, не отдавал соответствующих приказаний, не нес иной ответственности за этот путч⁶⁹. Не исключено, что ему приходила в голову мысль об авторитарной альтернативе, но все же не о такой, в которой он играл бы главную роль. К тому же такая альтернатива для него могла иметь только переходный характер, а не растягиваться так надолго⁷⁰.

Альфонс XIII и диктатура генерала Примо де Ривера

Государственный переворот привел к тому, что оба крупнейших политических направления, на которые

опиралась система реставрационной эпохи, практически исчезли как организации. Можно сказать, что завершился процесс длительного распада обеих партий, практиковавших согласованную ротацию. Отныне можно говорить только об индивидуальных позициях, которые занимали в течение шести лет диктатуры старые политики как вожди отмирающих партий.

Если учесть, что свой новый режим Примо де Ривера представлял как переходной, установленный без каких-либо намерений ликвидировать Конституцию, но единственно для того, чтобы отойти от старой политики, восстановить порядок и устранить африканскую проблему, неудивительно, что широкие народные массы относились к этому движению с симпатией, и политические партии не оказали ни малейшего противодействия. Если к тому же принять во внимание, что ни консерваторы, ни либералы не пользовались моральной поддержкой, что их слаборазвитый в организационном отношении аппарат не мог оказать никакого сопротивления и что военное правление, несмотря на громкие призывы к борьбе против политиков старого режима, едва ли следовало им, то возникает вопрос, а мог ли король поступить иначе? Мог ли не сотрудничать с диктатором и отказаться от своих намерений?

Но шли месяцы, а ни Примо де Ривера, ни король никоим образом не демонстрировали стремления восстановить парламентскую систему. Вместо этого король даже прославлял заслуги диктатуры, все резче нападая на старых политиков и умаляя значение конституционной системы: «Конституция! — говорил Альфонс XIII. — Как же мало весит это слово по сравнению с безопасностью и спокойствием, восстановленными в интересах народа! Если бы вновь открылся парламент, то пришлось бы столкнуться с тем, как старые политики, которые привели к развалу страны, снова начали бы свои перебранки и продолжили бы

пустую болтовню. Все будет снова, как прежде. Двенадцатимесячная работа пошла бы насмарку»⁷¹.

Это заявление, возможно, скорее обусловленное пылким темпераментом короля, чем восхищением диктатурой, по сути, выражает желание Альфонса остаться вне политической суеты, которая, по его собственным словам, ему наскучила и опротивела⁷². Именно такое отстранение от политики обеспечивал ему генерал Primo de Rivera, который исполнял функции главы правительства и государства, а монарху предоставлял спокойную роль быть правителем, но не править.

После решения в 1926 года марокканской проблемы, казалось, возможен возврат к конституционной системе. Но прошло еще три года, пока конфликт диктатора с артиллеристами из-за профессиональных требований, не имевших ничего общего с политикой, не вынудил короля отказаться от Primo de Riverы и вернуться к конституционной системе.

Одной из крупнейших неудач диктатуры было разрушение либеральных и парламентских правоцентристских группировок, которые долгие годы поддерживали монархию. Главная же ошибка монарха состояла в том, что он пошел на предложения диктатора и институционализировал его режим, сохраняя диктатуру до конца 1929 года. Тем самым он вызвал враждебность тех, кто ему больше всех мог бы помочь: старых монархистских политиков, которых король шесть лет игнорировал и которыми пренебрегал. Поэтому многие из них заняли позиции, все больше сближавшие их с республиканцами.

Свержение монархии и ссылка

Результаты проведенных 12 апреля 1931 года выборов в городскую общину продемонстрировали впе-

читляющий успех республиканских кандидатов в большинстве провинциальных городов, хотя общее число монархистов в городских Советах было значительно выше. Несомненно, эти выборы стали решающим фактором свержения монархии. Но не потому, что общий результат был в пользу республиканцев, а потому, что король перестал быть опорой монархистским кандидатам, и за ними больше не стояло ни одной партии, на которую можно было бы опереться. Своим сотрудничеством с диктатурой монарх потерял престиж, чем и воспользовались республиканцы, чтобы превратить обнародование результатов голосования в убедительный плебисцит в пользу республики.

На следующий день после выборов «революционный комитет» распространил манифест, призывавший к провозглашению республики. Многочисленные демонстрации по всей стране требовали формирования временного правительства и отказа Альфонса XIII от власти. Правительство под председательством адмирала Хуана Батиста Аснара тут же подало королю прошение об отставке, и последний счел невозможным назначить другой кабинет, поскольку к этому не были готовы ни так называемые конституционалисты (Хосе Санчес Гуэрра, Мелькиадес Альварес и Мигель де Вилланова), ни преданнейшие монархисты. Почти все монархистские лидеры — за исключением Габино Бухаллаля и Хуана де Ла Сьерва — настоятельно рекомендовали монарху покинуть страну; они считали неизбежным падение монархии и провозглашение республики. Даже начальник жандармерии (гражданской гвардии) генерал Хосе Санхурхо не мог уже обеспечить защиту монархии.

Брошенный всеми, Альфонс XIII был вынужден принять совет Романонеса и подчиниться ультиматуму председателя республиканского комитета Нисето

Алькала Саморе, который от имени республиканского комитета угрожающе потребовал от короля немедленно со всей семьей покинуть страну. В ночь на 14 апреля Альфонс XIII в собственном вагоне оставил Мадрид, простившись с королевой и детьми, которые несколько дней спустя также должны были уехать в изгнание. За королем последовали его кузен Альфонсо Орлеанский, обер-гофмейстер двора герцог Миранда и адмирал Рибейра. Беглецы направились в Картахену, куда прибыли утром 15 апреля. В тот же день на борту крейсера «Принц Астурийский» Альфонс отплыл в Марсель, откуда спешно отправился в Париж, чтобы встретиться там с женой и детьми.

Перед отъездом Альфонс XIII во избежание гражданской войны подписал манифест, в котором признавал свои ошибки и отказывался путем насилия утверждать свой авторитет, не заявляя об отказе от трона и не изъявляя готовности к отречению от престола (манифест был опубликован 17 апреля 1931 года в газете «АВС»).

В первые годы ссылки Альфонс XIII пытался мирным путем восстановить монархию, не прибегая к военному восстанию. Но его идеи встречали непонимание у большинства его разномастных сторонников, настоятельно требовавших отречения, которое сделало бы возможным объединение с *карлистами* (приверженцами другой династической ветви) и введения традиционной и авторитарной монархии, весьма отдаленной от либеральной, в которую Альфонс XIII продолжал верить. Все же после одной из встреч с монархистами (среди которых были Антонио Гойкоэче, Хосе Калво Сотело и Педро Санс Родригес) в Париже после неудачного восстания в августе 1932 года король наконец принял точку зрения путчистов. Они предложили ему создать единую монархистскую

партию «Испанское обновление», призванную обеспечить организацию восстания. При этом предполагалось тайное соглашение консервативных военных из Испанского военного союза и *карлистских* групп. Они рассчитывали на поддержку итальянского правительства, которое должно было предоставить деньги и оружие.

Но Альфонс XIII не желал отрекаться в пользу своего сына Хуана, как того настоятельно требовали группы, объединившиеся вокруг «Испанской акции», и прежде всего Калво Сотело. Возникшая деликатная ситуация вызвала двойной кризис: между самими вождями монархистов, поскольку в то время как Калво Сотело требовал безусловного отречения, Гойкоэче не возражал против того, чтобы на троне остался Альфонс XIII, и между королем и Калво Сотело. Во время встречи обоих после свадьбы инфанта Дона Хуана в Риме в 1935 года даже произошел неприятный инцидент.

Эти склоки привели к тому, что король все более отдалялся от немногочисленных групп своих сторонников, сближавшихся с правыми экстремистами и обладавшими лишь скудным избирательным потенциалом. Они же (склоки) явились причиной его сближения с Испанской конфедерацией правых автономистов, подлинно массовой партией под руководством Хосе Марии Хиль Роблеса, с момента выборов 1933 года превратившейся в значительнейшую парламентскую фракцию испанских правых. В конце 1935 года Альфонс XIII наконец решился отказаться от ориентации на какую-либо одну партию. Вместо этого он попробовал форсировать объединение правых группировок, связанных общей целью пересмотра Конституции. Оно должно было сделать возможным будущую монархическую реставрацию⁷³.

Хотя Альфонс XIII поддерживал постоянные контакты с монархистскими группировками, его роль скорее ограничивалась тем, чтобы поддерживать идею монархической реставрации и выступать посредником между различными группами. Последние были больше заинтересованы в получении королевского одобрения своих проектов и интриг, чем в единстве монархистского движения.

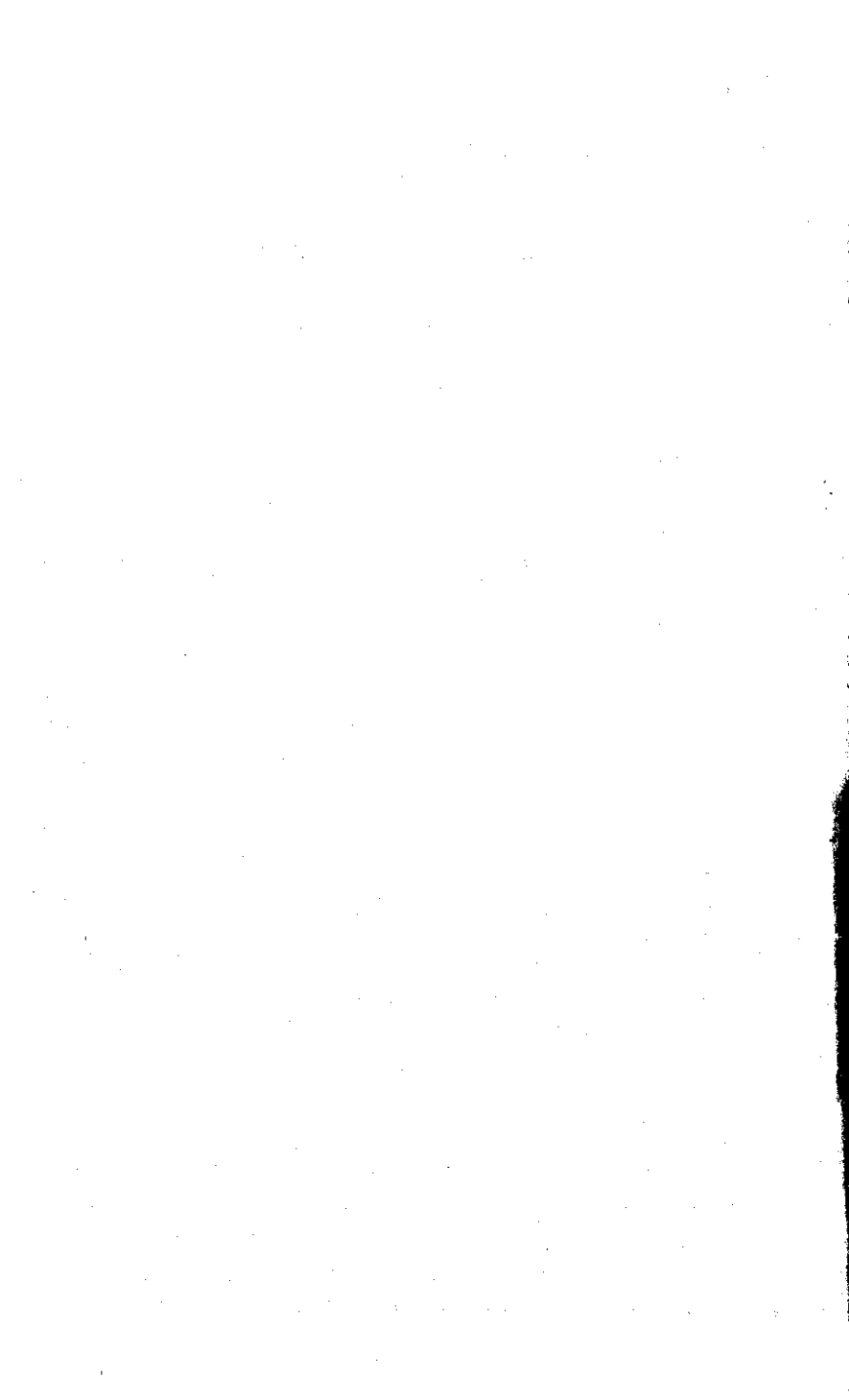
По правде говоря, свергнутый монарх также не проявлял слишком большого интереса к политической деятельности. Альфонс хотел как можно больше получить от жизни и делал все то, что не мог себе позволить во время своего правления. Так что в первые годы ссылки свергнутый король кутил в дорогих ресторанах, участвовал в охотах, на которые его приглашали королевские дома Европы, и постоянно разъезжал, побывав за это время не только в тысяче различных мест Европы, но даже в далекой Индии, где встречался со своим сыном Хуаном, служившим там в британской морской гвардии.

Однако жизнь его состояла далеко не из одних забав и развлечений; очень скоро в ней произошел трагический поворот. После того как его бросила супруга, даже не приехавшая на свадьбы их детей, инфанты Беатрис и инфанта Хуана, во избежание встречи с супругом, Альфонса XIII постигла целая вереница несчастий. Сначала в дорожной катастрофе в Австрии оборвалась жизнь его сына Гонсало, а четыре года спустя также в автомобильной аварии в Северной Америке погиб его первенец Альфонсо. В 1933 году Гонсало отказался от своих прав на престол, так как вступил в морганатический брак с юной кубинкой Эдельмирой Сампедро.

В ссылке Альфонс XIII даже не мог воспользоваться своим состоянием, которое нажил в годы правления,

так как большая часть денег была вложена в Испанию. Его зарубежного имущества едва хватало на то, чтобы обеспечить пропитание королевской семьи. Даже самые яростные клеветники монархии не в состоянии доказать, что личное имущество короля было чрезмерным, или отыскать хотя бы единственное доказательство того, что монарх незаконно обогатился, несмотря на дотошные расследования, предпринятые республиканцами и комиссией экспертов относительно личного состояния Альфонса XIII⁷⁴.

Утром 28 февраля 1941 года бывший король Испании скончался в Риме, где пребывал вместе со своей супругой, которую не видел много лет. Инфанта, принц Астурийский, незадолго до этого был провозглашен наследником престола.

Вальтер Л. Бернекер

ХУАН КАРЛОС I

(с 1975 года)

Хуан Карлос I, род. 5.01.1938 г. в Риме, с 22.07.1969 г. принц Испанский, с 22.11.1975 г. король Испании.

Отец: Дон Хуан Бурбон-Баттембергский, граф Барселонский (1913–1993), сын короля Альфонса XIII. Мать: Мария де лас Мерседес Бурбон-Орлеанская (род. в 1910 г.). Братья и сестры: Мария дель Пилар (род. в 1936 г.), замужем за Луисом Гомес-Асебо (1934–1991); Маргарита (род. в 1939 г.), замужем за Карлосом Сурита-и-Дельгадо (род. в 1943 г.); Альфонсо (1941–1956).

Женитьба на Софии Греческой (род. в 1938 г.) 14 мая 1962 г.

Дети: инфанта Елена (род. в 1963 г.), с 1995 г. замужем за Хайме Маричалларом; инфанта Кристина (род. в 1965 г.), с 1997 г. замужем за Иньяки Урдангарином; Фелипе (род. в 1968 г.), с 1977 г. принц Астурийский.

Почти все, кто писал о переходе Испании от диктатуры к демократии, подчеркивают значение «структурного» аспекта: экономики и общества, армии и рабочего класса, церкви и партий, международных отношений и наднациональных непреложных законов.

Лишь немногие историки задавались целью исследовать роль отдельных личностей. Поэтому если далее и будет исследоваться роль короля, то без каких-либо претензий на полноту освещения диалектической проблемы взаимосвязи личности и структуры в процессе перехода. Речь прежде всего пойдет о том, чтобы представить политическое становление короля, его морально-этические принципы, равно как и практическую политическую деятельность. Монарх, как новый глава государства, институционально и политически занявший выдающееся положение, будет показан в контексте тенденций и обстановки его времени, на основании чего и следует оценивать его позицию и поведение.

Реинстаурация (нововведение) монархии

Тот изменчивый переходный период, к главным действующим лицам которого принадлежит новый монарх, начался со смертью Франко и провозглашением испанским королем Хуана Карлоса. Путь Хуана Карлоса к трону был запутан и извилист, а предыстория такова, что долгое время казалось маловероятным, что принц когда-либо вступит на испанский трон. В тронной речи 22 ноября 1975 года сам монарх говорил о взаимодействии трех факторов: исторической традиции, государственных законов и волеизъявлении народа. При этом он намекал на восходящий к гражданской войне 1936–1939 годов процесс, в котором можно различить несколько четко разграниченных фаз.

Первая охватывает период с 1939 по 1947 год, когда Испания была в государственно-правовом отношении неясно определенной диктатурой во главе с генералом Франко. Предшествующий монарх, король Аль-

фонс XIII, не отказавшийся от своих прав на престол, находился в римской ссылке. После его смерти (1941) все династические права и притязания на трон унаследовал его сын, Дон Хуан Бурбон-Баттембергский. Второй этап начался в 1947 году, когда был принят «закон о престолонаследии», в силу которого Испания вновь объявлялась «королевством». И хотя носитель исторического права на корону, Дон Хуан, продолжал оставаться в изгнании, своего рожденного в 1938 году в Риме сына, Хуана Карлоса, он отправил в Испанию, где тот должен был получить среднее и специальное образование. Наконец, третья фаза началась в 1969 году, когда Хуан Карлос был назначен королевским преемником Франко. Хотя династические права по-прежнему принадлежали Дону Хуану, тот де-факто принял новую ситуацию, не отказавшись, впрочем, от своих исконных прав. Завершилось это монархическое «промежуточное решение» только после вступления Хуана Карлоса на трон и отречения его отца в мае 1977 года.

Восстановление монархии в 1947 году ни в коем случае не следует объяснять монархическими убеждениями Франко; скорее наоборот. Как убедительно показывают новейшие исследования, Франко был кем угодно, только не монархистом. И монархисты часто выступали главной оппозиционной силой против его единоличной диктатуры⁷⁵. Однако когда после окончания второй мировой войны режим Франко-победителя оказался на внешнеполитической арене в крайне бедственном положении, а во внутривнутриполитическом отношении вокруг него все теснее сжималось кольцо партизанской борьбы, Франко не пренебрегал никакими средствами, чтобы укрепить свою позицию и обеспечить по меньшей мере псевдodemократическую законность.

Эти стремления в 1947 году нашли выражение в принятии путем референдума «Закона о преемственности в государственном руководстве». Этим законом были заложены основы политической системы «нового государства». Испания была провозглашена монархией: «Испания, как политическая единица, является католическим, социальным и представительским государством, которое в соответствии с традицией объявляется королевством». Руководство государством в качестве исключения передавалось Франко как личная, чрезвычайная магистратура; ему одному предоставлялось право определить своего королевского преемника.

К тому времени отношения между Франко и Доном Хуаном вступили в самую острую фазу. Хотя сын последнего короля сначала твердо стоял на антиреспубликанских позициях, а во время гражданской войны дважды тщетно предлагал Франко свои услуги солдата на стороне мятежников, после войны претендент на престол стал все более явно отмежевываться от диктатора Франко. Как большинство монархов, он приветствовал уничтожение республики, но был против господства Франко. Принц выступал за реставрацию традиционной монархии в собственном лице и поэтому в марте 1945 года из швейцарской ссылки обнародовал «Лозаннское заявление», в котором, в частности, были следующие строчки: «Созданный по образцу тотальных систем держав Оси режим генерала Франко противоречит характеру и традициям такого народа, как наш. Единственно традиционная монархия в состоянии примирить испанцев и восстановить мир и согласие».

Столь же отрицательно, как к диктатуре Франко, отнесся Дон Хуан в 1947 году и к «Закона о преемственности в государственном руководстве», который

хотя и восстанавливал монархию, но исключал носителя короны из процесса принятия решений. Когда подавляющим большинством в 93 процента на референдуме — который, по существу, был ничем иным, как плебисцитом в пользу Франко — был принят «Закон о преемственности» и на гребне холодной войны режим заметно консолидировался, Дон Хуан начал менять свою позицию и взял курс на достижение взаимопонимания с Франко. Летом 1948 года Франко и Дон Хуан договорились о том, что сын последнего, Хуан Карлос, будет воспитываться в Испании⁷⁶. В ходе дальнейших переговоров (в 1954 и 1960 годах) обе стороны обговорили дополнительные детали образовательной программы для принца.

К образованию принца Франко отнесся чрезвычайно серьезно. Свои (впоследствии реализованные) подробные представления в отношении воспитания Хуана Карлоса диктатор изложил Дону Хуану в письме от 17 июля 1954 года:

«Ничто так не патриотично, педагогично и наглядно, как обучение солдатскому ремеслу в военном центре. Поэтому представляется чрезвычайно уместным его двухгодичное участие в образовательной программе военной академии Сарагосы. Там он превратится в мужчину, получит воспитание в духе исполнения приказов и подчинения, научится ценить дисциплину и военные добродетели, почувствует и испытает узы товарищества и общественного коллективизма и начнет ориентироваться в вопросах чести. После завершения этого двухгодичного образования он — уже в звании лейтенанта — пройдет вводный курс в военно-морском училище и еще один в военно-воздушной академии. Эта фаза в общей сложности продлится год. После того как за три года в военных центрах будет сформирован его характер, настанет момент познакомить его с

университетом. Тогда он окончит двухгодичный образовательный курс на правовом и экономическом факультете. Не вникая в подробности предмета, он получит общие сведения о тех аспектах политики и экономики, которые ему необходимо знать. Эти два университетских года сведут его — через университетских профессоров — с испанской интеллигенцией. Одновременно они позволят, посредством спецкурса, познакомиться с доктриной национального движения и его организациями, а также с современными экономическими и социальными учениями.

После университета представляется целесообразным, чтобы он приобрел знания по трем крупнейшим отраслям национального производства: сельскому хозяйству, промышленности и горнодобывающему сектору. В течение этих общих программ я считаю существенными интенсивные контакты с каудильо*, с целью получения от него прямых указаний. Все это позднее можно дополнить практикой в должности главы правительства, где он познакомится со структурой администрации и будет иметь тесные контакты с каудильо и национальными проблемами. Я считаю важным, чтобы народ привык видеть принца рядом с каудильо; с естественностью и без искусственности должно стать ясно, чем он является для нации»¹⁷.

В соответствии с этой теорией Хуан Карлос ходил вначале в школу в Мадриде и Сан-Себастьяне, затем посещал различные военные академии и, наконец, слушал лекции на факультете философии и права Мадридского университета. Хотя такое образование отвечало программе Франко, однако вопрос преемственности не был решен окончательно. Франко любил публично подчеркивать, что до своей смерти не

* Вождем, здесь: диктатор Франко. — *Прим. ред.*

оставит поста во главе государства, куда его поставил «Бог и провидение». Но различные «политические семейства», поддерживавшие его режим, беспрестанно понуждали его определить своего преемника. В 1968 году поползли упорные слухи, будто решение вопроса преемственности ожидается со дня на день. Наконец 22 июля 1969 года Франко объявил в кортесах, что назначает своим королевским наследником принца Хуана Карлоса Бурбон-Баттембергского. Так была успешно завершена операция «Заря», которую заместитель главы правительства, адмирал Луис Карреро Бланко, и министр планирования, ведущий член организации «Божье дело», Лауреано Лопес Родо, несколько лет вели в пользу принца⁷⁸.

Когда в 1969 году по представлению Франко кортесы утвердили его наследника, диктатор заявил в сословной палате: «Считаю необходимым напомнить о том, что королевство, которое мы создали с согласия нации, ничем не обязано прошлому; оно возникает из того решающего акта 18 июля [1936], который представляет собой основополагающий исторический факт, не допускающий ни соглашений, ни условий. Основой будущей монархии является законность ее осуществления, при которой важна не форма, а содержание».

В пользу Хуана Карлоса как наследника престола говорит то, как объяснял далее Франко, что он принадлежит к династии Бурбонов, доказал преданность принципам и институтам режима, тесно связан с испанской армией и за прошедшие двадцать лет основательно подготовился к этой высокой должности. В особе Хуана Карлоса могут найти продолжение принципы «национального движения», что обеспечит преемственность.

Затем депутаты кортесов проголосовали (в первом за 30 лет открытом и поименном голосовании) по предложению Франко; из 519 присутствовавших депутатов 491 проголосовали «за», 19 «против» и 9 воздержались. Хуан Карлос получил восстановленный титул «принца Испании»; отныне с ним надлежало обращаться как с «королевским величеством», «со всеми правами и обязанностями, сопутствующими его высокому званию». 23 июля 1969 года состоялось торжественное приведение принца к присяге. Формула клятвы гласила: «Я присягаю в лояльности его превосходительству, главе государства, и в верности основополагающим принципам национального движения, а также другим основным законам государства».

В последовавшем заявлении Хуан Карлос не оставил ни малейших сомнений насчет того, кому он обязан короной: «С полным сознанием принимаемой на себя ответственности я, как наследник королевского титула, только что присягнул его превосходительству главе государства на верность принципам национального движения и основным законам державы. Первым делом хотел бы подчеркнуть, что я принимаю от его превосходительства главы государства и генералиссимуса Франко политическую законность, возникшую 18 июля 1936 года».

Повторное введение монархии в принципе было политическим процессом. Исторические права, хотя и косвенно, а также династические традиции были законно соблюдены. Восстановление монархии не затрагивало сути режима Франко; напротив: корона должна была совершенствовать и развивать конституционную структуру, однако не изменять ее. Политической правовой основой этой преемственности была присяга, принесенная «основным законам» и заявление о верности основополагающим принципам «национального движения».

В январе 1969 года, еще до официального назначения преемником Франко, Хуан Карлос дал государственному агентству новостей вызвавшее большой интерес интервью, в котором, в частности, заявил: «Мы не должны забывать, что возрождение монархического принципа в Испании происходит после того, как монархия пережила тяжелый кризис, который мог бы означать для нее окончательный конец. Политическая ситуация, сделавшая возможным возрождение монархического принципа, была достигнута трудами многих монархистов и жертвой сотен тысяч испанских семей. Представляется логичным, чтобы эти чрезвычайно верные поборники династического принципа признали необходимость жертв для достижения их целей. Взглянем на историю: ни одна монархия не была реставрирована прямым путем и без жертв».

Тем самым Хуан Карлос намекнул на свою готовность, в обход прямого порядка престолонаследия, — т. е. через голову своего отца — быть возведенным на испанский трон, тогда как до этого момента именовал себя лишь «связным» между отцом и Испанией. Монархисты-традиционалисты услышали и уразумели послание: во благо Испании, вещал Хуан Карлос, его отец Дон Хуан должен отказаться от трона в его пользу. Такова была требуемая «жертва». Употребленный Хуаном Карлосом термин «реинстаурация» представлял собой словарное новообразование, которое должно было облегчить компромисс между монархистами-легитимистами, для которых речь могла идти лишь о реставрации монархии, и представлениями Франко, исходящими из принципа возобновления, стало быть, введения новой монархии.

Принятие Хуаном Карлосом франкистского порядка престолонаследия привело к конфликту в королевском доме Бурбонов. Принц оправдывал перед

ссылным отцом свою позицию тем аргументом, что только таким принятием наследства можно восстановить монархию в Испании. Только спустя много лет Дон Хуан найдет в себе силы разделить это убеждение⁷⁹. До смерти Франко отношения Дона Хуана с Хуаном Карлосом часто были напряженными; династический вопрос завис в воздухе, даже если внешне все выглядело так, как будто между отцом и сыном в отношении восстановления монархии существовал своего рода «семейный пакт», который при единой направленности главного курса делал возможным двойную политику разделения ролей.

Государственно-правовое положение монархии в переходную фазу

После назначения королем Испании Хуан Карлос все чаще берет на себя исполнение государственных функций. В июле 1971 года он был определен заместителем Франко в случае болезни диктатора, спустя год был урегулирован этот вопрос на случай смерти диктатора. Правда, общественность не очень серьезно воспринимала принца; едва ли кто-нибудь верил в то, что Хуан Карлос смог бы долго удержаться на троне. Но постепенно стали привыкать видеть в нем, по меньшей мере, на переходной период, преемника дряхлеющего диктатора. Летом 1974 года тяжело больной Франко впервые передал принцу Хуану Карлосу свои государственные обязанности (временно). Напрасно реформисты призывали диктатора провозгласить принца королем и своим авторитетом — авторитетом каудильо — обеспечить спокойный переход к пост-франкизму. В сентябре, после выздоровления, к разочарованию реформистов, Франко вернул себе всю полноту власти.

30 октября 1975 года правительством Ариаса Наварро Хуан Карлос во второй раз был назначен исполняющим обязанности главы государства. В комментариях прессы сообщалось, что Франко потому до последнего момента не желает отказаться от поста главы государства, что хочет умереть на посту. Хуан Карлос же противился принимать должность главы государства временно и заявил о своей готовности пойти на это лишь после заверений врачей в том, что Франко не выздоровеет. 20 ноября 1975 года, после смерти Франко, автоматически, как и предусматривалось, вступило в силу положение о наследовании. Управление государством взял на себя регентский Совет, и 22 ноября в кортесах состоялась церемония, на которой в присутствии депутатов, членов Совета королевства и многочисленных почетных гостей председателем регентского Совета Алехандро Родригесом де Валькарселом Хуан Карлос был приведен к присяге и провозглашен королем Испании. Формула присяги гласила: «Клянусь Богом и на Евангелии исполнять основные законы королевства и всемерно заботиться о их исполнении, а также соблюдать принцип лояльности по отношению к национальному движению».

После смерти Франко прежде всего вступило в силу «разделение власти» между различными государственными постами, которое наметил еще Франко. В середине 1973 года диктатор назначил тогдашнего «вице-президента» Луиса Карреро Бланко главой правительства, тем самым впервые разделив посты главы государства и главы правительства. Назначение адмирала премьер-министром было частью «процесса демократизации», предусматривавшего уравнивание власти после Франко: между королем Хуаном Карлосом как главой государства, премьер-министром и правительством, Советом королевства как высшим совещательным

органом и сословным парламентом. Франко рассматривал Карреро Бланко как своего «мажордома», который должен был обеспечить преемственность режима и правительства в переходной период после его смерти. Но убийство в декабре 1973 года премьер-министра свело на нет эти приготовления; назначение премьер-министром Карлоса Ариаса Наварро было лишь вынужденным решением.

С начала семидесятых годов правоведы начали дискутировать о компетенции будущего короля. В 1972 году Мигель Эрреро-и-Родригес де Миньон опубликовал исследование, главный аргумент которого состоял в том, что «основной закон» Франко никак не является неизменным. Будущий монарх, будучи сувереном государства, мог бы воспользоваться своей властью таким образом, что остальные государственные органы власти должны были бы передать ему свои компетенции. Но при этом королю доставалась бы также та «остаточная компетенция», которой не располагали никакие другие государственные органы. Правительство зависело бы от доверия монарха и стало бы исполнительным органом королевской политики. Такая интерпретация наделяла монарха многочисленными правами и полномочиями, относительно свободно и без институциональных препятствий осуществляемыми. Разумеется, этому толкованию воспротивились как убежденные франкисты, так и поборники демократизации.

В те годы появилось множество других исследований, посвященных будущему системы и роли главы государства. Луис Гарсия Сан Мигель отстаивал эволюционный путь, процесс эволюции и законного реформизма, посредством которого система могла бы себя преодолеть. Хорхе де Эстебан равным образом исходил из «среднего пути» между иммобилизмом (консерватизмом) и ломкой (радикализмом): суверенитет государства будет олицетворен в особе монарха и

представлен кортесами. Монархия с арбитражными функциями могла бы начать демократизацию, в конце которой король получил бы лишь маргинальную функцию. Рафаэль Ариас-Сальгадо пришел к выводу, что двигателем политического обновления будет не король и кортесы, а «двойная исполнительная власть» монарха и правительства.

Независимо от того, куда различные авторы переносили центр тяжести, у всех «реформистских» интерпретаций было одно общее: будущий глава государства в пост-франкистский переходный период будет играть выдающуюся, по сути, определяющую дальнейшее развитие роль. В противоположность этим «реформистским» авторам, наделяющим монарха способностью вызвать политический переход от авторитаризма к демократии, политические иммобилисты подчеркивали принципиальную силу и неизменность основных законов Франко.

Хотя в ноябре 1975 года Хуан Карлос взял на себя не всю власть, которой пользовался Франко, все же он был намного могущественнее любого другого монарха Европы. Монархия приняла форму «ограниченной» (в противоположность абсолютной), и ее основное отличие от франкистской системы состояло лишь в том, что все постановления короны требовали визирования государственными органами (правительством, кортесами, Советом королевства). Хуан Феррандо Бадия указывал на то, что основной закон Франко передавал новому главе государства символическую исполнительную, законодательную и судебную власть⁸⁰. Символическую власть имел монарх в той степени, в какой олицетворял собой национальный суверенитет и являлся высшим представителем нации. Кроме того, он должен был следить за преемственностью государственности и «национального движения». В определенной мере король наделялся и учредительной властью, поскольку без его

согласия невозможно было изменять Конституцию. Он же посредством референдума мог непосредственно обращаться к народу, чтобы инициировать реформу основного закона.

Король также имел широкую исполнительную власть. Он руководил политическим аппаратом, нес ответственность за функционирование важнейшего государственного учреждения, заботился о поддержании общественного порядка, назначал и снимал главу правительства и председателя кортесов. Монарх мог руководить Советом министров, возглавлять Совет королевства, ратифицировать международно-правовые договоры и обладал правом вводить чрезвычайное положение.

В законодательной сфере король санкционировал законы и осуществлял надзор над их вступлением в силу; он пользовался приостанавливающим правом вето и мог продлевать период легислатуры. С согласия кортесов и правительства король к тому же мог издавать законодательные постановления. И, наконец, он являлся главнокомандующим всех вооруженных сил — не только символически, как в парламентской монархии, но реально. В государственно-правовом отношении монарх, таким образом, занимал центральное положение, которое в известной степени наделяло его функциями, позволявшими оказывать решительное влияние на внутригосударственный порядок. Многие при этом зависело от того, какие намерения преследовал король и на чем акцентировал свое внимание.

Политическая роль короля как «двигателя перемен»

На момент смерти диктатора политическую систему можно было описать как консолидированный ин-

ституциональный аппарат, стремящийся к самоувековечиванию, своеобразное уравнение, главный член которого — корона — в значительной степени оставался неизвестным. За несколько недель до смерти Франко в закулисном интервью журналу «Ньюсуик» Хуан Карлос изложил некоторые свои политические убеждения и планы на постфранкистский период: «Правительство будет править, и Хуан Карлос полагается на то, что сможет советовать, а также ориентировать его инициативы и шаги. Он твердо решил встать над политикой партий и быть королем всех. Одной из его целей является восстановление подлинной демократии, но Испания не должна жалеть сил, чтобы избежать беспорядка и хаоса. Он больше верит в реформы, чем в репрессии, в демократическую эволюцию, чем революцию. Он намерен сформировать современное правительство, которое обеспечит будущее Испании, а не будет цепляться за прошлое»⁸¹.

По окончании своей присяги перед кортесами 22 ноября 1975 г. в первом «Послании короны» Хуан Карлос, в частности, заявил:

«Сегодня начинается новая эпоха истории Испании. Отправной точкой этого этапа, через который мы пройдем вместе, являются мир, работа и общее благо, он есть плод общих усилий, а также единой и твердой воли. Монархия будет верным стражем этого наследия и всегда будет стремиться сохранить тесную связь с народом. Институт, который я представляю, объединяет всех испанцев; и сегодня, в этот знаменательный час, я обращаюсь к Вам, ибо служить Испании есть долг каждого. Давайте все вместе, исполнившись великодушия и достоинства, постигнем, что наше будущее в подлинно национальном единстве. Я хотел бы стать посредником, стражем Конституции и выразителем справедливости. Я буду защищать законы и

следить за тем, чтобы они защищались; я буду считать справедливость своей путеводной звездой, в убеждении, что служение народу является тем заданием, которое оправдывает все мои функции. Король желает стать королем всех и одновременно каждого в отдельности, независимо от культурных и исторических традиций. Корона рассматривает как свою принципиальную обязанность уважение социальных и экономических прав. Свободное и современное общество нуждается в участии всех в центральных органах власти, в средствах массовой информации, в системе воспитания и образования на различных уровнях и в создании национального благосостояния»⁸².

Эта речь привлекла всеобщее внимание, поскольку открывала перспективу — почти как «программа правительства» — более широких прав участия граждан в демократизации. Однако вначале ничего не изменилось. В декабре 1975 года Ариас Наварро сформировал еще одно правительство, в котором, правда, уже заседали несколько технократов-реформаторов. Вскоре стало ясно, что Ариас Наварро имел в виду главным образом улучшение существовавшей системы, а никак не радикальное ее преобразование. Весной 1976 года стало еще очевиднее, что последовательную реформаторскую политику с представителями старого режима осуществить невозможно.

Перед королем и ответственными политиками встала дилемма: разрыв с франкизмом (как того требовала оппозиция) или преемственность с незначительным косметическим ремонтом системы (к чему стремились правые). Под давлением советников Хуан Карлос отверг «демократическую ломку», резкий демонтаж франкистской системы; вместо этого он пошел по пути медленных перемен, выторговывания реформ, «согла-

шательского перехода». Этот метод, — объединявший эксперимент, преемственность и перемены, — несомненно, таил в себе риск, но, в общем, оправдал себя. Оппозиции вскоре стало ясно, что при реальной расстановке политических сил в стране ей не осуществить своей программы-максимум. Реалистически оценив расстановку сил, а также учитывая начатое «сверху» политическое «распечатывание» режима, оппозиция постепенно отказалась от требования «оперативного вмешательства» и удовлетворялась «соглашательским» переходом.

Первая и важнейшая задача нового короля состояла в том, чтобы стабилизировать монархию. Ибо только *парламентская монархия* могла ликвидировать дефицит законности, с которым Хуан Карлос вступил в свою должность. С другой стороны, разрыв с франкистским прошлым не должен был быть слишком поспешным, поскольку иначе как монархия, так и процесс демократизации подвергался непосредственной опасности. Таким образом, роль короля следует исследовать по двухфазной модели: вначале речь шла об укреплении короны и лишь после этого о стабилизации демократии.

Трудности укрепления монархистского строя после 1975 года связаны прежде всего с политическим отождествлением реставрированной монархии с режимом Франко, а также с тесными личными отношениями между Франко и королем Хуаном Карлосом. Последние восходят к составленной Франко воспитательной и образовательной программе для принца. Также, поскольку в последние годы режима отпрыск Бурбонов все чаще брал на себя государственные представительские обязанности, со стороны выглядел орудием Франко и представителем диктатуры. Этот образ необходимо было исправить. Если взглянуть на последующую

стратегию короля, то ясно вырисовываются три основных направления: лично-политическое, привлечение на свою сторону верхушки общества и завоевание народа.

С первого момента монарх стремился привлекать к управлению таких политиков-реформаторов, которым мог поручить политическое осуществление процесса демократизации. Иной раз в этом ему способствовал временный фактор. А именно, 26 ноября 1975 года истек срок пребывания в должности президента кортесов Алехандро Родригеса де Валькарсела. Несмотря на ожесточенное сопротивление, Хуану Карлосу удалось провести назначение своего бывшего учителя и доверенного лица, Торквата Фернандеса Миранды, президентом кортесов и председателем Совета королевства. Этому назначению суждено было иметь важное значение в дальнейшем развитии процесса демократизации. Тяжелее было решить «случай» Ариаса Наварро, снятие которого стало неизбежным, ибо иначе стопорилось проведение последовательной реформаторской политики.

Когда всем, настроенным на реформы наблюдателям стало ясно, что Ариас Наварро не намерен менять свои убеждения, весной 1976 года монарх взял инициативу в свои руки. Он вступил в контакт с объединившейся под лозунгом «демократической координации» оппозицией; его отец также беседовал с оппозиционными силами о дальнейшем развитии режима. В апреле ведущие социал-демократические и христианско-демократические политики собрались на переговоры в королевском дворце Сарсуэла.

Сенсацию произвела в том же месяце статья в американском журнале «Ньюсуик», содержание которой непосредственно отсылало к высказываниям короля, который как раз находился в Соединенных Штатах.

В ней Ариаса Наварро называли «unmitigated disaster»^{*}; глава правительства был, дескать, неспособен на реформы, выступал только как поборник крайне реакционного «бункера» и поляризовал испанское общество. Хуан Карлос был полон решимости — к этому также настоятельно призывал его отец — по возможности скорее избавиться от Ариаса Наварро. Впрочем, в речи перед американским Конгрессом король вновь объявил себя сторонником демократических принципов, правового государства и социального мира.

По возвращении из своей успешной поездки в США Хуан Карлос спровоцировал правительственный кризис и вынудил Ариаса Наварро подать в отставку. Из представленного Советом королевства списка с тремя возможными преемниками король назначил занимавшего до этого пост генерального секретаря «национального движения» сорокатрехлетнего Адольфо Суареса, на ту пору самого молодого премьера в испанской истории. О включении Суареса в число кандидатов позаботился сам король. Назначение нового министра натолкнулось на глубокий скептицизм демократической оппозиции, ведь Суарес был детищем франкистской системы. Однако Хуан Карлос был убежден в готовности к реформам молодого политика; решающие шаги по пути демократии монарх хотел сделать со своим сверстником, не слишком скомпрометировавшим себя при старом режиме.

В лице президента кортесов, Фернандеса Миранды, и главы правительства, Суареса, король имел двух одаренных политиков, готовых вместе с ним двигать процесс демократизации. Уже в августе 1976 года, в связи с правительственным кризисом, последовало еще одно важное политически персональное решение.

^{*} Абсолютное бедствие (англ.).

В знак протеста против взятого на демократизацию курса подал в отставку министр обороны Фернандо Сантьяго-и-Дияс де Мендивил. Возникшие в среде военных волнения удалось успокоить путем назначения либерального генерала Мануэля Гутierrez Мельядо заместителем премьер-министра. Это решение, которое приветствовала вся демократическая оппозиция, оказалось крайне полезным для процесса демократизации последующих лет.

Для успеха процесса преобразований королю нужны были поддержка и подстраховка со стороны верхушки общества. 22 ноября 1975 года Хуан Карлос подал сигнал, одновременно направленный испанскому народу и военным. В этом своеобразном «приказе по части» король выражал надежду на поддержку вооруженных сил и напоминал им об их конституционно закрепленных обязанностях и заповедях дисциплины. В тот момент король мог быть уверен в лояльности вооруженных сил, поскольку Сахарский кризис предшествующей недели сблизил Хуана Карлоса и армию.

Необходимая Хуану Карлосу помощь и поддержка «сверху» должны были прийти прежде всего от военной элиты, институциональное значение которой при Франко и на переходной фазе едва ли можно было переоценить и полная интеграция которой в политическую систему была решающим фактором в стабилизации демократии. Хуан Карлос отдавал себе в этом полный отчет; соответственно интенсивными и регулярными были его контакты с вооруженными силами. Он сам был и чувствовал себя солдатом; его отношения с военными, которые видят в нем своего человека, были и остаются теснее, чем отношения Франко с его коллегами-генералами. Контакт с военными король установил прежде всего путем регулярно предостав-

ляемых аудиенций. Именно с генералами и высшим офицерством сухопутной армии Хуан Карлос чаще других садился за стол переговоров — фактор, которому суждено было иметь важное значение в попытке путча 23 февраля 1981 года.

Завоевание верхушки было одной стороной медали, другой стороной которой было завоевание народа. А доверие широких масс населения Хуан Карлос мог заслужить лишь быстрым прогрессом по пути демократизации. Первым доказательством его намерений стало предоставление в 1976–1977 годах амнистии, которой нетерпеливо требовала (еще нелегальная) оппозиция. Первый декрет об амнистии, весьма нерешительной, был встречен силами, заинтересованными в преобразованиях, с разочарованием. Затем, в июле 1976 года, была объявлена всеобщая амнистия. В определенном смысле этот акт милосердия был ценой, заплаченной правящей верхушкой за провозглашенную политическую цель: национальное примирение испанцев и установление внутреннего мира. Помилованию подлежали все члены оппозиции, отбывавшие срок не за уголовные преступления, связанные с угрозой для человеческой жизни. Из-за трудностей в классификации заключенных третий королевский указ об амнистии в марте 1977 года распространил уголовно-правовой акт помилования на все действия с «политическими намерениями» — своеобразное общее прощение за прошлое.

Рассматривая попытку легитимизации «снизу», следует указать на многочисленные «визиты для представления», предпринятые королем с февраля 1976 года в различные испанские регионы. Видимо, преследуемые этими путешествиями цели прежде всего состояли в желании побудить косное правительство Ариаса Наварро/Фрага Ирибарне к действенной политике

реформ. Королевская пара (по крайней мере, выступавшая вместе) желала достичь массовой мобилизации населения чтобы завоевать его на сторону короны⁸³, тогда как правительству хотелось бы ограничить контакты при подобных поездках общением с местными властями и небольшим кругом избранных лиц. Но Хуан Карлос нарушал предусмотренный протокол, смешивался с толпой, отступал от подготовленного текста речей и закончил свое первое публичное выступление в Каталонии (в феврале 1976 года) на каталонском языке, тем самым косвенно поддерживая требования культурной и языковой автономии, выдвигаемые каталонской оппозицией. В Андалусии он откровенно говорил о социально-экономических проблемах этого пораженного тяжелым экономическим кризисом региона, а в Стране Басков с достоинством выдержал (в феврале 1981 года) напряженную ситуацию, когда члены экстремистской партии Herri Batasuna сорвали официальное мероприятие в Гернике.

Но, пожалуй, важнейшие шаги, посредством которых монарх мог добиться признания «снизу», предпринимались не в юридическом секторе (издание актов помилования) или в символической области (например, использование каталонского языка), а в области конкретных политических мер по демократизации. Очень скоро широкой общественности стало ясно, что король был подлинным «двигателем перемен» — как назвал его министр иностранных дел Хосе Мария де Арейлза — и что именно он стоял за многими широкомасштабными преобразованиями. Хуан Карлос терпимо относился к демократическим, т. е. оппозиционным организациям на первой фазе после 1975 года, пока те еще не были легализованы. Осенью 1976 года вместе с Адольфо Суаресом он энергично взялся

за принятие решающего «Закона о политических реформах», расчищавшего путь к устранению франкистских структур. Он оградил реформаторский процесс от политического вмешательства военных, например, после легализации в Страстную неделю 1977 года коммунистической партии. Тогда он успокоил военных и ослабил их резкую критику этого решения. Король осторожно, но решительно — где только мог — агитировал за курс реформ и сумел, даже за границей, создать новый образ Испании, так что на международном уровне возросло доверие к демократическим намерениям нового испанского руководства.

К проблеме законности

Политические действия монарха были направлены на установление законности. При этом ему приходилось действовать на двух уровнях: с одной стороны, он должен был ориентироваться на низы, чтобы создать вокруг монархии сторонников из среды народа, с другой стороны — на политическую и военную верхушку, сформировавшуюся в эпоху Франко и занимавшую ключевые посты в государстве. Свое первое «послание короны», произнесенное сразу же после приведения к присяге в качестве короля, Хуан Карлос начал словами: «Как король Испании — носить этот титул мне дает право историческая традиция, основные законы королевства и законное поручение испанцев — почту за честь направить Вам первое послание короны, идущее из глубины сердца». Из трех названных типов законности — по критериям Макса Вебера: традиционной, легальной и харизматической (основанной на личном обаянии) — на тот момент (вопреки собственному высказыванию) Хуан Карлос располагал исключительно легальной. Королем он стал

согласно «основным законам королевства», т. е. на основании регулирующего преемственность постановления Франко. При этом, пожалуй, он имел основу законности для нескольких секторов старого режима.

В своей тронной речи 22 ноября 1975 года Хуан Карлос объявил принятие короны своей обязанностью. Определенные ожидания его отца в этой связи можно понимать как указание на проблематичное династическое узаконение: «Эту норму [исполнение долга] прививал мне мой отец с детства, и она была императивом в нашей семье, желавшей служить Испании всеми своими силами». Для убежденных монархистов принятие короны Хуаном Карлосом было лишено династической, т. е. традиционной законности, по которой корона по-прежнему принадлежала его отцу. Но в сугубо династическом отношении к тому моменту уже не существовало никаких сложностей в вопросе, касавшемся престолонаследия. Ибо уже вскоре после провозглашения Хуана Карлоса королем в конфиденциальном послании («операция Дедал») Дон Хуан обратился к своему сыну и передал ему исторические права династии; публичное извещение об этой передаче должно было последовать в согласованный момент. Таким поведением Дон Хуан устранял династический дуализм, которого опасались многие монархисты. Затем, за месяц до первых назначенных на июнь 1977 года демократических парламентских выборов, 14 мая 1977 года в присутствии королевской семьи и государственного нотариуса Дон Хуан отказался от притязаний на трон:

«После того как установилась и укрепилась монархия в лице моего сына и наследника, Дона Хуана Карлоса, к которому на первой фазе его правления народ отнесся с явным одобрением и который на международном уровне открыл для отчизны новый путь, я счи-

таю, что наступил момент передать ему исторический легат, который я унаследовал; соответственно я приношу своей отчизне свой отказ от исторических прав на испанскую монархию, от своего титула, привилегий и главенства в королевской семье и королевском доме Испании, полученных мною от отца моего, короля Альфонса XIII; за собой я хотел бы сохранить титул графа Барселонского и, как доньине, продолжать им пользоваться. На основании этого отказа все династические права моего отца, короля Испании Альфонса XIII, принимает мой сын и наследник, король Хуан Карлос I».

Полученная в результате отказа его отца от престола историко-династическая законность привязала короля к монархической традиции Испании и позволила изменить позорную франкистскую «реинставрацию» монархии на вполне пристойную реставрацию. В этой связи небезынтересно отметить, что в конституционной комиссии Сената по инициативе баскского сенатора Сатрустеги формулировка: «Корона Испании наследуется по линии потомков его величества Дона Хуана Карлоса I Бурбонского» была дополнена фразой: «законного наследника исторической династии» (окончательная редакция ст. 57, п. 1 Конституции.) Этим дополнением Хуан Карлос признавался законным наследником исторической династии (отречение его отца уже состоялось), и в известной степени уничтожалось франкистское понятие о генезисе, рождении монархии. Отказ от франкистской означал одновременно обращение к исторически-традиционной легитимности. В свою очередь, это обращение представляло собой ограничение Учредительного собрания в той мере, в какой монархия получала собственное право, из которого, как из данного, должны были исходить творцы Конституции.

Но решающее значение в конечном счете имела не происходящая из франкизма, не династическая, но демократически-личностная легитимизация монархии — благодаря той роли, которую Хуан Карлос играл в процессе демократизации. Поэтому из различных возможностей узаконить свое положение Хуан Карлос избрал именно демократически-личностную, поскольку она обещала скорейший успех. После этого вопрос как о легально-рациональной, так и о традиционной законности по историческим причинам — из-за структурных слабостей испанской монархии в XIX и XX столетиях, династических споров в королевском доме, дефицита демократии в эпоху реставрации и во время диктатуры Примо де Ривера — перестал быть вопросом первостепенной важности. Во всяком случае, он более не был таковым в отношении некоторых секторов старого режима. Была взята на вооружение та стратегия легитимизации, которую Макс Вебер назвал «служебным обаянием»: обаяние короны должно было затем подействовать на должностных лиц.

Политическую стратегию Хуана Карлоса следует понимать совершенно в смысле этих «устремленных вперед» попыток легитимизации. Отдельные реформистские меры означали поэтапное приобретение демократической законности. В годы, предшествовавшие окончательной консолидации демократии (1982), король выступал как покровитель, — а зачастую и как движущая сила — стремительного процесса трансформации. В этом определенно есть личная заслуга монарха. Но независимо от этого следует указать на значение короны в институциональной структуре государства, поскольку ей по франкистским законам, в некоторой степени *ex officio*, отводилась выдающаяся роль в постфранкистский период.

Несомненно, для большинства испанцев важнейшей формой законности была та, которая опиралась на достижения Хуана Карлоса как «штурмана перемен»⁸⁴ и бесспорного главы новой демократии. Руководящей ролью при переходе к демократии монарх завоевал поддержку многих бывших оппозиционеров Франко, а также республиканцев⁸⁵ и даже коммунистической партии. Одобрение подавляющим большинством депутатов Конституции 1978 года одновременно означало одобрение парламентской монархии, которая таким образом получала демократическую законность.

На основе проведенного в 1978 году опроса мнений Хуан Хосе Линс исследовал показатель популярности Хуана Карлоса. Только 9,3 процента решительных антифранкистов отрицали достижения короля, тогда как 40,3 процента оценивали его деятельность на «хорошо» или «очень хорошо». Из меньшинства, которое (еще в 1978 году) полностью одобряли Франко, отрицательно к монарху относились 6,8 процента, тогда как 70,3 процента одобряли его действия. По этим данным можно заключить, что Хуан Карлос сделал возможным (или, по меньшей мере, облегчил) принятие новой демократии теми, кто относился к нему крайне настороженно.

Значительное единодушие царит в том, что своим поведением во время попытки путча 23 февраля 1981 года король завоевал уважение демократов: 86 процентов опрошенных с похвалой отзывались о роли короля в той критической ситуации. В течение всего вечера — когда правительство и парламент удерживались путчистами в качестве заложников и большая часть военных ожидали боевого приказа к нанесению удара — Хуан Карлос не появился на публике. В те часы он работал для спасения парламентской демократии: разговаривал по телефону с генерал-капитаном,

главнокомандующим одиннадцати военных округов, чтобы предотвратить их присоединение к путчу. По совету своего генерального секретаря, генерала Сабина Фернандеса Кампо, монарх отклонил требование генерального штаба объединенных вооруженных сил о передаче правления. Вместо этого он сформировал из государственных секретарей под руководством специалиста по делам полиции Франсиско Лайна Чрезвычайное правительство. С помощью оставшегося верным главнокомандующего танковой дивизией «Брюнет», генерала Хосе Хусте, королю удалось предотвратить наступление боеготовой дивизии на Мадрид.

Расчет Хуана Карлоса на «двойную» стратегию оправдался: ему удалось, комбинируя регрессивную и прогрессивную законность, укрепить идею монархии как в сохранившейся от старого режима верхушке общества, так и в широких слоях населения. Это дало возможность осуществить и в конце концов стабилизировать демократию. Хотя в ходе этого процесса постоянно возрастала популярность короля в народе, его реальный суверенитет в конце концов был весьма урезан, что было зафиксировано в Конституции 1978 года (ныне действующей).

Король и монархия в Конституции

Разработка Конституции началась после решения о наделении учредительными функциями впервые созданных на основании свободных выборов кортесов в 1977 году. В процессе перехода от учредительной власти к конституционной король по личным причинам попал в сложнейшее положение, поскольку с момента вступления на трон — которое произошло в соответствии с законами Франко — Хуан Карлос был настоящим генератором импульсов для процесса политических пе-

ремен, в конце концов, приведшего к Конституции 1978 года. Как глава государства он активно поддерживал стратегию «политических реформ», ставил новых премьер-министров и назначал по собственному усмотрению 20 процентов членов Верхней палаты. Предоставив королю лишь огласить новую Конституцию, правительство сознательно стремилось избежать подозрений в ее «соглашательском» характере; королю пришлось ограничиться лишь ее подготовкой.

В парламентских дебатах по проекту Конституции речь шла не о классических альтернативных государственных формах, монархии или республике, а о законности новой конституционной монархии. Правящая партия «Союз демократического центра» и право-консервативный «Народный альянс» усматривали оправдание монархии прежде всего в истории: монархия изображалась как традиционная форма Испанского государства. С другой стороны, они считали монархию, совершенно абстрактно, самой подходящей формой организации государства, при которой политическая роль монарха на предшествующей фазе (с 1975 года) выступала важным аргументом. Этот аспект побудил даже коммунистов, басков и каталонцев голосовать в парламенте за монархию.

Социально-политическая реальность предыдущего года — по их соображениям — сильно усложнила бы установление республики. В конце концов, к голосу благоразумия не осталась глуха и Социалистическая партия. Она пренебрегла идеологическими возражениями против монархии и настаивали лишь на том, что необходимо продолжать обсуждение формы государственности, а также всех других аспектов Конституции, и на том, что монархия не должна приниматься беспрекословно как единственно возможная форма государственности. В соответствии с этим требованием,

все касавшиеся короны вопросы подробно дискутировались в обеих палатах парламента.

Статья 1 Конституции 1978 года окончательно установила: «Политической формой Испанского государства является парламентская монархия». В испанской конституционной традиции подобная формулировка, которая к тому же представляет собой новшество в конституционно-правовом отношении, отсутствовала. Прежние монархистские конституции никогда не выходили из рамок «конституционной» монархии, в которой суверенитет и законодательные функции делились между короной и парламентом. В противоположность этому, с 1978 года суверенитет находится у народа, а законодательная функция — исключительно у кортесов. Раздел II Конституции (ст. 56) регулирует положение короны: «Король является главой государства, символом единства и постоянства. В качестве арбитра и руководителя он наблюдает за бесперебойным функционированием институтов, представляет в качестве высшего представителя Испанское государство в сфере международных отношений, прежде всего в отношении наций, с которыми Испания тесно связана исторически, и исполняет те функции, которыми прямо наделен Конституцией и законами».

Ввиду обязательного визирования всех актов короны почти не оставалось никаких полномочий, исполнение которых не курировалось бы политически одним из членов кабинета. Статья 62 перечисляет важнейшие обязанности короля: монарх подтверждает и провозглашает законы, распускает парламент и назначает новые выборы, объявляет референдум, предлагает кандидатуру главы правительства и освобождает его от должности, назначает членов правительства, подтверждает правительственные постановления, являет-

ся верховным главнокомандующим всех вооруженных сил и обладает правом помилования.

С вступлением в силу Конституции власть короля расширилась за счет «конституционно закрепленных полномочий». Его вступление на трон и обретение соответствующих прав произошли в соответствии с конституционно предусмотренными постановлениями, которые, впрочем, не содержали никакого объяснения того, кому именно сначала должен принадлежать трон. Новая Конституция — в отличие от прежних — лишь косвенно идентифицировала короля с конкретной особой. Причина этого, видимо, состоит в том, что в 1978 году вступлению на престол больше не угрожали никакие династические проблемы.

Конституция 1978 года ставит монарха в положение, по полномочиям и функциям чем-то напоминающее положение британской короны. Она сильно ограничивает свободу действий монарха и регламентирует его компетенцию до мельчайших деталей. В большинстве случаев монарх может лишь исполнять обязанности «нотариуса» действий парламента. И все же еще полностью не прояснен вопрос о королевских прерогативах в особых случаях. Решающей в политической силовой игре может быть личность монарха. Конституция передает королю роль «арбитра» и «посредника» в действующей структуре институтов — функция, напоминающая тезис умеренных либералов XIX столетия, согласно которому короне отводилась функция мирного урегулирования, четвертой, умеряющей власти над исполнительной и законодательной властями. Сегодняшний монарх для исполнения своих политических функций имеет гораздо больше исполнительной власти, чем распорядительных прав; последние он уступил, подписав в конце 1978 году Конституцию. «Личностное» признание Хуана Карлоса в

результате принятия Конституции населением в известной степени было перенесено с короля на монархию, т. е. с личности на институт.

Монархия и демократия

Монархия как форма государственного правления в Испании уже давно принимается практически всеми политическими силами. Это отличает ее от прежних форм государственного правления: реставрационной монархии Альфонса XIII, Второй республики тридцатых годов и диктатуры Франко тем, что все они крайне спорно оценивались и против них велась ожесточенная борьба. Для позитивной оценки сегодняшней монархии решающее значение имела политическая фигура Хуана Карлоса. Вопрос формы государственного правления для большинства испанцев долгое время играл второстепенную роль. Намного актуальнее стоял вопрос, при каких условиях может стабилизироваться демократия в стране.

Демократизация — как показывает испанский пример — ни в коей мере не является единственно мыслимым «логическим» следствием кризиса авторитарного правления. Только решение, принятое авторитетными политическими действующими лицами в пользу определенной стратегии, способно привести в конкретном случае к предпочтению демократических институтов. Также и в Испании достигнутый результат не был предопределен; его, скорее, можно объяснить совершенно конкретным проявлением воли известных основных действующих лиц. Избранная стратегия и успехи в процессе демократизации в конце концов узаконили и стабилизировали всю систему.

Стабилизация короны (как части политической системы) оказалась возможной лишь постольку, поскольку

ку удалось консолидировать всю политическую систему. Поэтому в интересах монархии было как можно скорее стабилизировать новый (конституционный) строй. Подводя итог деятельности Хуана Карлоса, можно утверждать, что король прибегал к нейтралитету, насколько это было необходимо, и всегда занимал активную позицию, когда это было возможно. Это привело к одной из форм монархизма, которая, хотя и выглядит относительно далекой от правительства и парламента в политической практике (в противоположность Великобритании здесь не существует ни института «King's speech»^{*}, ни «His Majesty's Government»^{**}), но обнаруживает большую близость к остальным конституционным органам. Обязательное визирование является тем институтом, который позволяет короне оставаться на периферии политической активности и закрепляет ее роль как *puvoir neutre*^{***} (Бенжамин Констан). Функции короны сегодня — символического, умеряющего и представительского свойства.

Если взглянуть на роль короны в обеих попытках демократизации в Испании XX столетия, то станет ясно: в двадцатых и тридцатых годах современники были убеждены в том, что утверждение демократии возможно только путем уничтожения монархии. Соответственно и первая попытка в Испании установить демократию была республиканской. Одно поколение спустя произошло прямо противоположное: именно монархия внесла решающий вклад в осуществление демократии и ее консолидацию. Как в социальной науке, так и в умах подавляющего большинства испанского населения сегодня — в противоположность

* Королевская речь (анг.).

** Правительство его величества (анг.).

*** Нейтральная власть (фр.).